

Министерство образования Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Ассамблея народов Оренбургской области

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 70-летию коренного перелома
в Великой Отечественной войне
(Сталинградской и Курской битв)

г. Оренбург – 2013

Министерство образования Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Ассамблея народов Оренбургской области

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 70-летию коренного перелома
в Великой Отечественной войне
(Сталинградской и Курской битв)

г. Оренбург – 2013

УДК 94 (470.56)
ББК 63.3 (235.557)
Н 30

Под общей редакцией:

Амелина В.В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственный за выпуск:

Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:

Амелин В.В. – доктор исторических наук, профессор

Денисов Д.Н. – кандидат исторических наук

Злобин Ю.П. – кандидат исторических наук, доцент

Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Н 30 Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв)/ под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: типография ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. – 368 с.

ISBN 978-5-9723-0125-6

В сборнике объединены материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции «Народы Южного Урала на страже Родины», которая состоялась в г.Оренбурге 21 февраля 2013 года и была посвящена 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв).

В представленных материалах рассматривается участие народов Оренбургского края в военной истории российского государства. Особое внимание обращено на участие южно-уральцев в Великой Отечественной войне и непосредственно Сталинградской и Курской битвах, ставших началом коренного перелома в войне.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей и этнополитическими процессами в Южно-Уральском регионе.

ISBN 978-5-9723-0125-6

© Издательство
© Коллектив авторов

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЛЕТУА С.Н.
(г.Оренбург)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Совсем недавно, 2 февраля 2013 года, наша страна широко отметила 70-летие окончания Сталинградской битвы. И сегодня, в преддверии Дня защитника Отечества, мы снова возвращаемся к этому судьбоносному событию, ознаменовавшему коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. По своей продолжительности и масштабу потерь в 2 миллиона человек Сталинградская битва до сих пор остается крупнейшим сражением в мировой истории. Она позволила нашей стране перехватить стратегическую инициативу в войне, сломить хребет фашистской Германии, уничтожить одну немецкую и три союзных армии, а всего до 75 дивизий противника. Эта победа стала возможной благодаря колоссальным жертвам и предельному напряжению сил всего государства, военнослужащих и тружеников тыла, всех народов и регионов нашей страны.

Весомый вклад в уничтожение врага внесли и наши земляки-оренбуржцы. 196-я стрелковая дивизия, сформированная в Соль-Илецке, сражалась в большой излучине Дона, а затем на северных подступах к Сталинграду. Созданная в Сорочинске 193-я стрелковая дивизия обороняла в центре Сталинграда рабочий поселок и завод «Красный Октябрь», за что награждена орденом Красного Знамени.

В этих тяжелейших и упорных боях обе дивизии потеряли более 90% личного состава. На территории Оренбургского края проходили переформирование и доукомплектование 293-я и 333-я стрелковые дивизии, которые затем приняли участие в контрнаступлении советских войск под Сталинградом. Уроженец Шарлыка, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Александр Ильич Родимцев командовал легендарной 13-й гвардейской дивизией, которая приняла на себя в Сталинграде самый мощный удар противника, не дав ему выйти к Волге и захватить господствующий над городом Мамаев курган. Из числа выживших в массированных атаках вражеской авиации и тяжелой бронетехники, в кровопролитных уличных боях за каждый дом и пядь земли 3480 оренбуржцев были награждены медалью «За оборону Сталинграда». К настоящему времени в Оренбургской области осталось 160 участников этих героических событий.

Но по мере того, как непосредственные свидетели уходят из жизни, величие их подвига не меркнет, а все более вырастает громадой, маяком, ориентиром для последующих поколений с дистанции исторической перспективы. Имя Сталинграда стало не только одной из ключевых основ нашего национального самосознания, но и синонимом стойкости,

мужества, самопожертвования на всех языках мира. Его носят улицы и площади в Париже, Бордо, Лионе, Нанте, Ницце, Тулузе (Франция), Лондоне (Великобритания), Брюсселе (Бельгия), Болонье, Милане (Италия) и других городах. В честь Сталинграда даже названа малая планета (астероид) в Солнечной системе. Но сохранение и передача исторической памяти являются постоянной работой и долгом каждого, кто обязан защитникам Родины самой возможностью жизни и свободы. И хотя Сталинградская битва отгремела 70 лет назад, битва между добром и злом продолжается, но уже в душах и умах людей. Прежде всего это касается молодежи, не получившей на личном опыте прививки от фашизма и ксенофобии, не слышавшей об ужасах войны от своих отцов и дедов.

В этом плане Оренбургский государственный университет как крупнейший вуз региона всегда уделяет пристальное внимание патриотическому воспитанию молодежи. С 2000 года Научно-исследовательским институтом истории и этнографии Южного Урала ОГУ организовано уже 6 конференций военной тематики, причем с 2010 года они стали ежегодными. Второй год подряд проводится и общеуниверситетский конкурс

сочинений по теме «Моя семья в истории Великой Отечественной войны», который позволяет восстановить личную связь подрастающего поколения с далекими событиями военного прошлого. Важную просветительскую миссию выполняет Музей истории Оренбургского государственного университета, поддерживая постоянную экспозицию и временные выставки, устраивая встречи студентов с ветеранами, воинами-интернационалистами и участниками локальных боевых конфликтов, тематические экскурсии и демонстрации видеофильмов. В университете разработана специальная программа «Патриотическое воспитание студентов музейными средствами на 2011-2015 годы».

Мы надеемся, что и сегодняшний комплекс мероприятий – замечательные выставки находок с полей сражений, уникальных архивных документов и фотографий, выступления на пленарном заседании и работа по секциям – будут способствовать изучению новых аспектов военной истории Оренбуржья, вклада его жителей в оборону страны и послужат делу военно-патриотического воспитания учащейся молодежи ради торжества жизни над темными силами хаоса и разрушения. От всей души желаю участникам конференции плодотворной работы!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники и гости конференции!

Мне очень приятно обратиться к вам со словами приветствия. Эта конференция для нас особенная, она проходит в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 70-летию Сталинградской и Курской битв – переломному моменту в Великой Отечественной войне. В истории бывает много различных событий, которые по прошествии десятилетий стираются из памяти людей. Но есть такие, которые не тускнеют на фоне неумолимого бега времени. К таким событиям относится победа советского народа в Великой Отечественной войне. Память об этой победе учит и призывает, убеждает и предостерегает, дает силы и внушает веру.

Беспрерывное сражение продолжалось 200 суток и закончилось поражением крупнейшей группировки противника. У берегов Волги был переломлен ход всей Второй мировой войны. И сделал это наш народ, советский солдат, который принес свободу Европе, спас мир от истребления и рабства.

Город стал настоящей легендой, несокрушимой твердыней. Символом духовной мощи и единства нашего многонационального народа, решимости людей ради спасения своего Отечества преодолевать запредельные, нечеловеческие испытания.

Триумф великой победы еще больше закалил дух и веру нашего народа.

Сталинград – это, безусловно, поворотный пункт в судьбе целых государств и миллионов людей. Отсюда, с непокоренного города, начался путь наших войск на Берлин.

Бить врага «по-сталинградски» стало девизом всех защитников родной земли. И эта непреклонность больше не позволила врагу реализовать ни одну из своих стратегических целей.

Символично и то, что именно под Сталинградом был пленен генерал Паулюс, один из главных авторов плана «Барбаросса» – вероломной агрессии против Советского Союза.

Мы должны сделать всё, чтобы память о Сталинграде, правда о нем никогда не меркли. Обязаны решительно пресекать попытки исказить события Второй мировой войны, подгонять их под конъюнктурные политические лекала, бесстыдно перечеркивать подвиг тех, кто освободил мир.

«Герои живы, когда о них помнят. Вершины отваги и патриотизма – величайшее наследие Сталинградской битвы. И, сколько бы лет ни прошло, мы всегда будем чтить её бойцов».

Разгром врага под Сталинградом продемонстрировал высокое военное искусство Ставки, Генерального штаба, советских военачальников, мощь советского оружия. Моральное превосходство Красной армии над армией фашистской Германии. Советское оперативное командование обогатилось опытом окружения

и разгрома крупных сил противника, осуществления оперативно-тактической внезапности, правильного выбора направлений главных ударов, точного определения слабых мест в обороне врага, расчета сил и средств, для быстрого прорыва тактической обороны, непрерывного развития наступления на большую глубину. В Сталинградской битве проявилась решающая роль советской артиллерии как главной огневой ударной силы. В ознаменование её заслуг ежегодно в России отмечается начало контрнаступления под Сталинградом – 19 ноября – как День Ракетных войск в артиллерии. В стремительности действий по завершению окружения врага и его разгрома огромное значение имели танковые, механизированные войска и авиация. Активное участие в Сталинградской битве приняла Волжская военная флотилия, которая поддержала войска своим огнем и в тяжелых условиях осуществляла перевозки подкреплений, раненых и различных грузов.

В Сталинградской битве сотни тысяч

советских воинов проявили беспримерный героизм и высокое воинское мастерство. 55 соединений и частей, отличившихся в битве, были награждены орденами, 179 – преобразованы в гвардейские, 26 – получили почетные наименования. Около 100 воинов получили звание Героя Советского Союза. 22 декабря 1942 г. была утверждена медаль «За оборону Сталинграда» (ею было награждено свыше 707 тысяч участников Сталинградской битвы), а впоследствии Сталинграду было присвоено почетное звание города-героя.

Истинная правда в том, что победу в той великой битве обеспечили советские военачальники и рядовые бойцы. Их мужеством и стойкостью был поражен и восхищен тогда весь мир.

Пользуясь случаем, хочу выразить надежду на то, что вопросы, освещенные на вашей научно-практической конференции, позволят глубже узнать вклад Оренбуржья в Великую Победу над фашизмом.

Желаю вам успехов, плодотворной работы и всего самого доброго!

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ХИСАМУТДИНОВА Р.Р.

(г. Оренбург)

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ЕЕ ВСЕМИРНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Летом 1942 г. с прорывом ударной группировки врага в большую излучину Дона боевые действия на юго-западном направлении вступили в новый этап. Развернулось величайшее сражение Второй мировой войны – знаменитая Сталинградская битва, которая продолжалась 200 дней и ночей – с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г.

Летом 1942 г. наше отступление на юго-западном направлении к Волге и на Кавказ не было неизбежным. Но Сталин посчитал, что гитлеровские войска главный удар нанесут на западном, московском направлении, как это было в 1941 г.: соответственно были расположены и наши резервы. Ошибка, которая была допущена Сталиным при оценке намерений противника, была в определенной мере спровоцирована. Гитлеровцы разработали план дезинформации нашего руководства под кодовым названием «Кремль», который во многом удался, хотя в официальных источниках, например, в многотомной «Истории Второй мировой войны» говорится, что план «Кремль» своей цели не достиг.

Это противоречит историческим фактам. Гитлеровскому командованию удалось дезинформировать наше руководство, поэтому резервы прикрывали Москву, а немцы ударили в юго-западном направлении. Если в 1941 г. германские войска могли наступать по всему советско-германскому фронту, то в 1942 г. на одном юго-западном направлении, т.е. наступательные возможности врага снизились, но, несмотря на это, немецкая армия продолжала оставаться одной из сильнейших, мобильных армий. Разработка и проведение операции по дезинформации советского командования под кодовым названием «Кремль» были возложены на штаб группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Ханс Гюнтер фон Клюге

Нужно отдать должное нашим противникам: фон Клюге, начальник штаба Велер и офицеры их штаба работали профессионально. Начиная с марта все пополнения для группы армий «Юг», направлявшиеся из Германии, следовали на Днепропетровск северными маршрутами через Оршу или Брянск.

Партизаны и советская агентурная разведка докладывали о многочисленных эшелонах с живой силой и военной техникой, прибывавших в состав войск группы армий «Центр». Но та же агентура просмотрела или недооценила тот факт, что многие из этих эшелонов скрытно, маскируясь от наблюдения под порожняк или неисправную технику, прибывали в район Днепропетровска. Применялись различные приемы, чтобы создать видимость подготовки наступления на западном направлении: усилилась переброска агентов через линию фронта на западном направлении; были размножены планы столицы и крупных городов в полосе наступления и с 10 июля разосланы во все штабы, вплоть до полков; проводилась аэрофотосъемка московских оборонительных позиций и т.д.

Еще больше заставил поверить Верховного и представителей Ставки в подготовку крупного наступления немцев на Москву текст приказа командующего группой армий «Центр» генерал-полковника фон Клюге. Генералу Велеру пришлось проявить фантазию и дьявольскую изворотливость для того, чтобы текст фиктивного «Приказа о наступлении на Москву», подписанного фон Клюге 29 мая 1942 г., стал известен советскому командованию. Как это было сделано – осталось тайной, но он своего добился. Через несколько дней после его подписания текст лжеприказа фон Клюге уже лежал на столе Сталина. Часть этих документов специально подбрасывали советскому командованию, используя для этого самые различные приемы: «заблудившийся» самолет, убитых немецких офицеров и др.

Когда в июне в Ставке решался вопрос о том, где ожидать наступление немцев

летом, был принят в расчет и приказ фон Клюге о наступлении на Москву, и учитывался тот факт, что «Вяземский балкон» нависал над столицей всего в 130 км, поэтому было принято решение прикрывать Москву.

Уже к середине июля советскому командованию стало ясно, что противник стремится прорваться на Кавказ, к кавказской нефти и к Волге в районе Сталинграда, перерезать крупную водную артерию, через которую доставлялась в центральные районы страны кавказская нефть, захватить важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район, тем самым гитлеровцы рассчитывали перерезать коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом. Еще один важный момент: город носил имя руководителя страны Сталина, и немцы считали, что захват Сталинграда приведет к психологическому, моральному шоку Красной армии и всего советского народа.

Положение Красной армии в этот период было крайне тяжелым. Отступавшие войска Юго-Западного и Южного фронтов были не в состоянии остановить фашистских захватчиков.

В этой обстановке ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимали срочные меры по организации отпора врагу. 12 июля был создан Сталинградский фронт, который к 20 июля располагал 38 дивизиями. Из них только 18 были укомплектованы, 6 укомплектованы от 25 до 40% штатного состава, а 14 – от 3 до 10% штатного состава, т.е. оказались совершенно небоеспособными.

Фронту, имевшему сравнительно незначительные силы, предстояло принять на себя главный удар врага. Ему пришлось

прикрывать полосу до 530 км от Павловска по левому берегу Дона до Клетской и далее на юг. Основной удар на себя приняли 62-я и 64-я армии, которыми командовали соответственно генерал Чуйков (с 10 сентября 1942 г.) и генерал Шумилов (с 4 августа).

Перед войсками фронта стояла задача быстро организовать прочную оборону в большой излучине Дона и не допустить прорыва немецко-фашистских войск к Волге.

Как показали события, гитлеровское командование переоценило свои успехи на юге. Оно полагало, что советские войска там находятся на грани катастрофы, и решило захватить Нижневолжский промышленный район и выйти к Волге силами только 6-й армии под командованием генерала Паулюса.

17 июля враг начал наступление. Стойкость передовых отрядов советских войск на реке Чир заставила противника подтянуть дополнительные силы. 23 июля гитлеровское командование приказало 6-й армии разгромить советские войска на правом берегу Дона. Оно рассчитывало окружить 62-ю армию, овладеть переправой через Дон и с ходу прорваться к Волге.

Однако план гитлеровцев с ходу прорваться к Волге потерпел крах. В то же время положение 62-й армии продолжало оставаться тяжелым: немецко-фашистские войска глубоко охватили ее фланги.

В большой излучине Дона ряд дивизий оказался в окружении, тысячи солдат попали в плен. В то же время в стране мало кто знал, насколько велика опасность, так как строки официальных сообщений были

скупы. А народ ждал правды. И она была сказана. 28 июля 1942 г. был издан приказ №227, известный в литературе как приказ «Ни шагу назад!». Приказ до крайности суровый, но, как считают многие историки и сами ветераны, объяснимый в ту тяжелую пору. Крайнюю необходимость, а не жестокость увидели в нем войска действующей армии. В этом приказе обнажено и прямо говорилось, что страна оказалась в отчаянном положении, что дальше отступать нельзя, и все, кто без приказа отойдет со своих позиций, хотя бы и в безвыходных обстоятельствах, будут преданы суду военного трибунала. Приказом вводились заградотряды, штрафные роты, штрафные батальоны (29 октября 1942 г. вышел приказ: заградотряды расформировать к 13 ноября). Итальянский историк Дж. Боффа пишет, что этот приказ сыграл роль хлыста, который остановил беспорядочно отступавшие советские войска. Ведь ситуация фактически напоминала лето 1941 г.

Сохранился протокол комсомольского собрания, где был задан вопрос: «Есть ли уважительные причины ухода с огневых позиций?». Ответ: «Из всех оправдательных причин только одна будет принята во внимание – это смерть».

Советские войска отступали под натиском превосходящих сил врага. Ценой огромных потерь гитлеровцы за месяц смогли продвинуться лишь на 60-80 км. Советские воины отразили натиск врага и сорвали его попытки прорваться к Волге. Однако враг располагал еще большими силами.

В середине августа немецко-фашистское командование решило нанести два одновременных удара по сходящимся направлениям силами 6-й армии и 4-й танковой армии.

6-й армии было приказано наступать из района Трехостровской на Вертячий, форсировать здесь Дон и прорваться к Волге, а частью сил продвигаться из района Калача в восточном направлении. 4-я танковая армия получила приказ развить удар на север из района Абганерово. К участию в наступлении привлекалась мощная группировка. К 15 августа враг превосходил советские войска на Сталинградском направлении: по орудиям и минометам в 2,2 раза, по танкам – в 4 раза и по самолетам – в 2 раза. Его преимущество на направлениях главных ударов было еще большим.

Учитывая исключительную важность событий, развернувшихся у Сталинграда, Ставка в первой половине августа направила в этот район начальника Генерального штаба генерала Василевского, а 29 августа – заместителя Верховного Главнокомандующего генерала Жукова (суровое лето и осень 1942 г. заставили Сталина 26 августа назначить Жукова своим первым заместителем, т.е. военный человек стал вторым лицом в государстве).

После ожесточенных пятидневных боев утром 23 августа гитлеровцы преодолели сопротивление советских войск и к исходу дня вышли на узком участке к Волге в районе двух населенных пунктов – Латошинка и Рынок. 62-я армия была отрезана от основных сил фронта. В этот день фашистская авиация неоднократно подвергала бомбардировке Сталинград. Ее налеты продолжались и весь следующий день. За сутки она совершила до 2 тыс. самолетовылетов. Город пылал, как гигантский костер. При отражении этих налетов было сбито 90 вражеских самолетов.

В боях за станцию Котлубань, у Самофаловки, отличились бойцы пулеметной роты 35-й гвардейской дивизии, которыми командовал Рубен Ибаррури, сын легендарной испанской коммунистки Долорес Ибаррури. Они преградили путь фашистским танкам к станции. Рубен был смертельно ранен. За отвагу и мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наиболее тяжелое положение создалось на северной окраине города, в районе Тракторного завода.

24-25 августа на передовую прибыло свыше 2 тыс. ополченцев, преимущественно коммунистов и комсомольцев. По призыву городского комитета обороны 8 тыс. новых добровольцев влились в войска. В район Тракторного завода с других участков Сталинградского фронта были переброшены новые силы. Получив подкрепления, войска боевого участка утром 29 августа перешли в наступление. Противник был выбит из населенного пункта Рынок и отброшен к северу на 8 км.

Боевые действия севернее Тракторного завода продолжались с небольшими перерывами до конца месяца. Разгромить прорвавшуюся к Волге группировку врага не удалось, но его замысел с ходу захватить город был сорван. Гитлеровцы несколько дней не могли возобновить наступление.

Однако положение оставалось напряженным. Днем и ночью немецкие самолеты бомбили город и переправы. Повсюду бушевали пожары. Полыхали нефтехранилища и нефтеналивные суда. Нефть стекала в Волгу и горела на ее поверхности. В городе не хватало воды, не было электричества. Население

укрывалось в оврагах и подвалах. Но заводы работали, выпуская боевую технику. К концу августа в городе оставалось свыше 400 тыс. жителей. Чтобы избежать неоправданных потерь, городской комитет обороны организовал эвакуацию населения и государственных ценностей. С 24 августа по 14 сентября за Волгу было вывезено до 300 тыс. человек, а также большое количество заводского оборудования. К концу Сталинградской битвы на 2 февраля 1943 г. жителей оставалось 32 181 человек. По переписи 1939 г. в городе проживало 490 тыс. человек. Учитывая, что население города выросло за счет естественного прироста, за счет беженцев, можно считать, что численность населения составляла не менее 500 тыс. человек. Эти данные свидетельствуют о том, что достаточно много мирного населения пережило битву в самом городе и понесло большие потери.

Враг продолжал наносить удары. К исходу 12 сентября он стоял почти у стен Тракторного завода и в 3-4 км от центра города. Чтобы овладеть его северным и центральными районами, противник решил двумя одновременными мощными ударами разгромить по частям 62-ю армию и прорваться к Волге сразу на двух направлениях. Для этого им сосредоточивались две группировки: одна, в составе 4-х дивизий, – в районе восточнее поселка Гумрак, другая, из трех дивизий, – в районе Верхней Ельшанки.

Прикрывавшие город с запада 62-я и 64-я армии в предыдущих боях были сильно ослаблены. 62-я армия, например, принявшая на себя главный удар врага, имела к середине сентября всего около 50 тыс. человек. Противник же бросил против

нее до 170 тыс. солдат и офицеров, около 3 тыс. орудий и минометов, 500 танков. Действия этих войск поддерживали до 1 тыс. самолетов.

13 сентября враг начал штурм Сталинграда. Основной удар наносился в направлении Мамаева кургана и вокзала. В первый день врагу удалось лишь несколько потеснить советские части. Но 14 сентября его натиск значительно усилился. К исходу дня враг захватил Сталинградский вокзал № 1 и Мамаев курган, а в районе Купоросного вышел к Волге. 62-я армия была отрезана от 64-й. По воспоминаниям маршала Жукова, самыми ужасными для защитников были дни 13, 14 и 15 сентября.

В этот критический момент в ночь на 15 сентября под ураганным огнем противника переправилась на правый берег Волги 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Родимцева, нашего земляка, уроженца села Шарлык Оренбургской области, который принимал участие в боях в Испании, за героизм был удостоен звания Героя Советского Союза. 15 сентября все полки дивизии вели бои в Сталинграде. С ходу вступив в бой, они выбили врага из центра города. 16 сентября гитлеровцы были отброшены и с Мамаева кургана, который являлся господствующей высотой (102 м), и в зависимости от того, в чьих руках он находился, можно было держать город под артиллерийским обстрелом. Упорные бои за Мамаев курган продолжались 135 суток. После битвы на Мамаевом кургане металла оказалось больше, чем земли. Каждый метр кургана обильно полит солдатской кровью.

До 27 сентября яростная борьба шла за вокзал. 13 раз он переходил из рук в

руки. Сохранилась надпись на стене вокзала «Здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева». Попытки исследователей после войны найти живых защитников вокзала не увенчались успехом. «Дом Павлова» – это тоже подвиг гвардейцев Родимцева, которые в течение 2 месяцев удерживали этот стратегически важный объект в своих руках. На подступах к «Дому Павлова» враг потерял больше солдат и офицеров, чем при взятии столицы Франции – Парижа. В составе группы сержанта Павлова были представители разных национальностей: русские Афанасьев, Воронов, Александров, украинцы Сабгайда и Глущенко, грузин Мосиашвили, узбек Турганов, казах Мурзаев, таджик Турдыев, татарин Рамазанов.

За Сталинград Родимцев был награжден орденом Красной Звезды. Он дважды Герой Советского Союза.

С 24 сентября по 4 октября активные боевые действия велись за поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», а с 4 октября – за сами эти предприятия. В середине октября гитлеровское командование сосредоточило в этом районе до восьми дивизий, чтобы нанести здесь главный удар.

Тяжелым для защитников города был день 14 октября, когда враг начал второй штурм Сталинграда. Утром после мощных налетов авиации вражеские войска перешли в наступление. Их атаки следовали одна за другой. Основные силы противника рвались к Тракторному заводу, стремясь расчленив 62-ю армию и уничтожить ее. Бои разгорелись с невиданной силой. Часто перерастая в рукопашные схватки, они не затихали ни днем, ни ночью. 15 октября врагу удалось овладеть Тракторным

заводом и прорваться к Волге. Соединения фронта, действовавшие севернее завода, оказались отрезанными от основных сил 62-й армии. Они были объединены в группу под командованием полковника С.Ф. Горохова. Заняв круговую оборону в районе Рынок – Спартановка, группа отбивала атаки врага до конца битвы.

После захвата Тракторного завода гитлеровцы стремились разгромить главные силы 62-й армии. К этому времени ее соединения еще более ослабли. В 37-й гвардейской, 95-й и некоторых других дивизиях осталось всего по несколько десятков человек. Исчерпала армия и свои резервы. Чтобы несколько усилить ее, командование 17 октября передало ей 138-ю дивизию полковника И.И. Людникова. Переправившись на правый берег Волги, части дивизии сразу же вступали в бой. Кроме того, для облегчения положения 62-й армии 19 октября из района севернее города предприняли наступление войска Донского фронта. Противник вынужден был оттянуть часть сил на север и ослабить нажим. Упорные бои продолжались здесь до 1 ноября. Враг бросался из одной атаки в другую, но добиться серьезного успеха уже не мог.

11 ноября немцы предприняли последнюю, третью попытку овладеть городом. На узком участке у завода «Баррикады» им удалось выйти к Волге и отрезать 138-ю дивизию от основных сил армии, но это был последний успех врага в Сталинграде.

В середине ноября наступательные возможности 6-й армии окончательно иссякли. В ожесточенных боях на дальних и ближних подступах к Сталинграду и в самом городе гитлеровские войска поте-

ряли около 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов. Обескровленные и измотанные, они уже не способны были наступать и повсеместно переходили к обороне.

Начал падать моральный дух немецких солдат и офицеров. Об этом свидетельствуют их письма, написанные домой:

16.11.42. Россия.

Дружище! Сталинград все еще не взят. Но он все-таки будет нашим и уж через несколько дней, хотя в это невозможно поверить. Ты пишешь о партизанах – я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее – сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свиным народом.

Твой Герман.

18.11.42. Россия

Дорогой Людвиг! Вы, наверное, удивляетесь, что Сталинград до сих пор не взят. Мы – то нет, потому что находимся в самом пекле. Русский борется упорно и жестоко за каждый метр, Сталин ввел сюда отборные войска, наверняка почти все командиры и офицеры. Русские мастерски маскируются и защищаются в развалинах. Эти бои стоят многой крови.

Каждый из нас надеется снова увидеть Родину, и те, что лежат во вражеской земле, тоже надеялись.

Твой Эрнест.

19.11.42.

Дорогая Хелена!

Сталинград все еще не взят. Иногда боремся целыми днями за один дом... Мы все сыты Сталинградской бойней по горло, нас осталось совсем мало.

Франц.

За 125 суток обороны Красная армия потеряла 643 842 человека (из них 323 856 безвозвратно).

К концу оборонительного периода Сталинградской битвы войска Сталинградского и Донского фронтов обескровили врага, остановили его и тем самым создали благоприятные условия для перехода Красной Армии в контрнаступление.

В ходе Сталинградской битвы советские солдаты и офицеры разных национальностей проявили массовый героизм. На Мамаевом кургане в одной большой братской могиле лежат более 36 тыс. солдат и офицеров разных национальностей и разного вероисповедания.

Незабываемы подвиги связистов В.П. Титаева и М.М. Путилова, которые были смертельно ранены, но восстановили связь, зажав зубами оборванные концы телефонного провода. В ходе Сталинградской битвы чудеса храбрости и меткости показали снайперы части подполковника И.Ф. Батюка. Примеру знатного снайпера фронта Василия Зайцева, уничтожившего около 300 немцев, последовали и другие защитники города. Ученик В. Зайцева башкирин Мухомуджан Мурашов уничтожил 104 немца, татарин Гильфан Авзалов – 103, узбек Загир Насыров – 101, Виктор Медведев – 130, Алексей Ивлев – 84, Анатолий Подхапов – 63 немца. Наряду с их именами стоят имена и представителей малых народов Севера. Во время Великой Отечественной войны особым указом ГКО малочисленные народы Севера и Сибири в действующую армию не призывались, однако уже в первые дни войны появились сотни добровольцев из их числа. В 1942 г. на фронт ушли более 200 нанайцев. Среди них был 19-летний охотник из нанайской

деревни Нижний Катар Максим Пассар, чье имя носит одна из улиц Волгограда. Провоевал нанайский паренек в Сталинграде всего полгода, но как! До своей гибели 17 января 1943 г. уничтожил 276 фашистских оккупантов. Сказался вековой опыт таежных охотников: умение сливаться с природой, часами неподвижно сидеть в засаде и стрелять без промаха. Военный плакат тех лет призывал всех равняться на суперснайпера: «Учись стрелять как наш земляк Максим Пассар». Его имя знали не только в СССР, но и в Германии. За уничтожение молодого нанайца немецкое командование обещало 100 тыс. рейхсмарок, по позициям раскидывали листовки с угрозами в адрес снайпера. Отделение Максима Пассара, состоящее в основном из охотников, представителей народов Севера и Сибири, только за сентябрь-октябрь 1942 г. положило под Сталинградом 3175 фашистов. Ему в феврале 2010 г. указом президента Д.А.Медведева присвоено звание Героя России. Вместе с именем Максима Пассара в летопись славы Вооруженных Сил нашей Родины навсегда вошли имена и других снайперов – северян и сибиряков: якута Ф. Охлопкова, бурята Арсентия Етобаева, звенков Семена Номоконова и Ивана Кульбертинова и многих других.

Одно лишь упоминание имени снайпера Василия Зайцева вселяло ужас в немецких солдат. Специально для охоты на него Гитлер направил в Сталинград суперстрелка третьего рейха майора Кенигса, в Берлин уже не вернувшегося. Знаменитая история о дуэли лучших стрелков 2-й мировой войны была положена в основу сюжета голливудской картины «Враг у ворот».

Сталинград стал ареной массового героизма целых частей и соединений, таких как 13-я и 37-я гвардейские, сводная группа полковника Горохова, многие дивизии и армии (62-я, 64-я) покрыли себя неувядаемой славой. В оборонительных боях доблестно сражались 100 тыс. морских пехотинцев, которых немцы называли «черной смертью», потому что они стояли насмерть, никогда в плен не сдавались и немцев в плен не брали. Неувядаемой славой покрыл свое имя морской пехотинец комсомолец М.А. Паникаха. Когда он поднялся против фашистского танка с бутылкой с зажигательной смесью, пуля попала в бутылку, и Михаил Паникаха огненным факелом бросился под фашистский танк и подорвал его. Ему указом президента СССР М.С. Горбачева в канун 45-летия Победы было присвоено звание Героя Советского Союза (май 1990 г.).

Огромный вклад в оборону Сталинграда внесли моряки Волжской военной флотилии под командованием контр-адмирала Д.Д. Рогачева и суда Нижне-Волжского пароходства.

Плечом к плечу с воинами Красной Армии отстаивали родной город жители Сталинграда. Трудящиеся города и области участвовали в возведении оборонительных сооружений, наладили выпуск военной продукции, а в критические моменты брались за оружие и сражались у стен своих предприятий. В дни героической обороны славные ратные и трудовые подвиги совершили комсомольцы и молодежь города. Тысячи молодых людей влились в ряды воинов. Только в 64-ю армию добровольно вступили санитарками и связистками 800 девушек. Многие

подростки-комсомольцы героически трудились на оборонных предприятиях.

Еще в ходе оборонительного сражения советское командование приступило к разработке плана разгрома врага под кодовым названием «Уран». Предварительное решение об этом было принято Ставкой 13 сентября. План был утвержден 13 ноября на заседании ГКО под председательством Сталина и предусматривал нанесение главного удара войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов, которые должны были нанести два сходящихся сильных удара в направлении Калач – хутор Советский и окружить гитлеровские армии, находившиеся в междуречье Волги и Дона. Войска Донского фронта наносили два удара: один – из района Клетской на юго-восток, а другой – из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг. Координацию действий трех фронтов Ставка возложила на своего представителя генерала Василевского. Контрнаступление на Волге было первой крупной классической военной операцией, спланированной и подготовленной советским командованием со всей необходимой тщательностью.

Приготовления делались в строжайшей тайне. Хотя немецкая разведка с середины октября стала замечать первые передвижения войск противника, командование вермахта так и не сумело оценить масштабы ожидающего его удара, ибо снова недооценило советские ресурсы.

К началу контрнаступления соотношение сил и средств было: по личному составу 1,1 : 1, по танкам и штурмовым орудиям 2,2 : 1, по орудиям и минометам 1,5 : 1, по самолетам 1,1 : 1 в нашу пользу, т.е. Красная армия имела небольшое преимущество.

На направлениях же главных ударов советское командование смогло создать двойное и даже тройное превосходство над противником. Это был результат умелого массирования сил и средств, что свидетельствовало о возросшем уровне советского военного искусства. Об этом говорило также исключительно скрытное сосредоточение ударных группировок фронтов, обеспечившее внезапность перехода войск в контрнаступление.

В 7 часов 30 минут 19 ноября Юго-Западный (генерал-лейтенант Ватутин) и Донской (генерал-лейтенант Рокоссовский) фронты одновременно перешли в контрнаступление.

20 ноября перешли в наступление войска Сталинградского фронта (генерал-полковник Еременко). 23 ноября выходом в районы Советского и Калача танковые и механизированные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения главной группировки фашистских войск в междуречье Волги и Дона. В котле оказались 6-я армия и 4-я танковая армия – 22 дивизии общей численностью 330 тыс. немецких солдат и офицеров.

После этого советские войска перешли ко второму этапу – к ликвидации котла, окруженной группировки.

Одновременно с внутренним создавался и внешний фронт окружения, однако оставалась почти 200 км брешь во внешнем фронте окружения. Была сделана попытка прикрыть эту брешь за счет внутреннего фронта окружения. Жуков и Василевский считали, что враг предпримет деблокирующий удар с целью помочь окруженной группировке, и вероятным районом удара может быть Котельниково.

Одновременно разрабатывался и другой план – «Сатурн» с целью отодвинуть внешний фронт окружения на 150-200 км в середине декабря.

Попытки Донского и Сталинградского фронтов с ходу расцезь окруженную группировку на части и уничтожить их не увенчались успехом. Их войска, ослабленные в предыдущих наступательных боях, нуждались в значительном усилении. Для этого была переброшена из резерва 2-я гвардейская армия генерала Малиновского. Кроме того, советское командование полагало, что в мешок попало около 90 тыс. немцев, в действительности их оказалось втрое больше.

В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника развивалась крайне медленно. Сталин нервничал и требовал быстреего завершения разгрома окруженной группировки врага.

Немецкие войска, ожидая обещанную лично Гитлером поддержку, дрались упорно за каждую позицию.

Немецкое командование, готовясь к деблокаде своих окруженных дивизий, создало новую группу армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна. Он заверил Гитлера, что его войска сильным ударом извне прорвут кольцо окружения, соединятся с армией Паулюса и восстановят положение немецких войск на Волге и на Дону, которое они занимали до ноябрьского контрнаступления Красной Армии. Для осуществления этого замысла создавались две ударные группировки: одна в районе Котельникова, другая – в районе Тормосина.

12 декабря враг перешел в наступление из района Котельникова на Сталин-

град. Ему удалось сломить сопротивление ослабленных в ходе ноябрьской операции дивизий 51-й армии генерала Труфанова и продвинуться на север. Враг форсировал реку Аксай-Есауловский и завязал бои за хутор Верхне-Кумский, который переходил из рук в руки несколько раз. 14-15 декабря под хутором Верхне-Кумским состоялся встречный танковый бой, который продолжался более суток. С обеих сторон принимало участие 150-180 танков при поддержке авиации. Немцы потеряли 40 танков, русские – 32 танка. К исходу 15 декабря враг вынужден был оставить хутор.

Не считаясь с огромными потерями, враг приблизился к окруженным войскам на расстояние 35-40 км. С их выходом к реке Мышкова должна была нанести удар вторая группировка врага из района Тормосина, и должен был состояться встречный удар из котла – операция под кодовым названием «Удар грома». В план «Сатурн» срочно были внесены изменения, вызванные переходом в наступление котельниковской группировки врага, операция получила название «Малый Сатурн». Главный удар решили нанести не в южном направлении, как было решено раньше, а в юго-восточном.

В связи с наступлением котельниковской группировки врага Ставка отложила операцию по ликвидации окруженных фашистских войск. Предназначавшаяся для ее проведения 2-я гвардейская армия была в срочном порядке направлена к реке Мышкова – 170 км пешком в пургу. 19 декабря ее соединения вышли на этот рубеж и с ходу вступили в бой. Разгорелись упорные бои. Во взаимодействии с войсками 51-й армии 2-я гвардейская армия остановила врага, а 24 декабря

советские войска перешли в наступление и 29 декабря овладели городом Котельниково. Котельниковская группировка врага была разгромлена, ее остатки отступали к Ростову. Как раз в основу произведения Юрия Бондарева «Горячий снег» и сюжета фильма с таким же названием положены события и подвиг 2-й гвардейской армии Малиновского у реки Мышкова.

Немецко-фашистские войска в Сталинграде оказались в исключительно тяжелом положении. Их систематически бомбардировала советская авиация, обстреливала советская артиллерия. Вскоре во вражеском стане начался голод, неудержимо росла смертность. Германское командование пыталось с помощью транспортной авиации наладить снабжение этих войск и эвакуировать хотя бы их часть. Но советские летчики срывали замысел врага. За сутки перебрасывалось 100 т груза, требовалось не менее 1000 т. Норма дневного пайка составляла 100 г хлеба, 15 г жира. Окруженные немецкие войска испытывали большие трудности. Об этом свидетельствуют их письма, написанные домой.

31.12.42.

Дорогая тетя!

Мы еще в Сталинградском котле, жрать нечего – того, что мы едим, слишком много, чтобы помереть, и слишком мало, чтобы жить. Нет ни сигарет, ни шнапса, даже хлеба не хватает. Мы питаемся в основном только кониной, несколько раз от голода я ел ее сырой. Главное, нет никаких перспектив, что скоро будет лучше.

Ваш Вальтер.

7.01.43. Восток.

Дорогой Хайни!

Положение до сих пор не улучшилось,

с 21 ноября мы окружены, самое необходимое присылают самолетами, но многого не хватает.

Почта теперь приходит очень редко. Вообще этой зимой все совсем иначе, чем прошлой. Лошадей у нас почти нет, даже в пехотных дивизиях. Тех немногих, что уцелели, мы вынуждены съедать. Они старые и тощие. Двести граммов хлеба и кусок конины с водой составляют все наше дневное довольствие. Счастье еще, что зима не такая суровая, не сравнить с той, что была в прошлом году. А то бы нам точно каюк.

8 января во избежание напрасного кровопролития советское командование предложило им сдаться, но Гитлер вопреки здравому смыслу запретил капитуляцию. Среди условий ультиматума были и такие: «Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие. Всем сдавшимся будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Ликвидация окруженной группировки была поручена Донскому фронту под командованием Рокоссовского (операция «Кольцо» с 10 января по 2 февраля 1943 г.).

10 января 1943 г. войска Донского фронта перешли в наступление с целью рассечь вражескую группировку и уничтожить ее по частям, но не достигли полного успеха. 22 января после дополнительной подготовки войска Донского фронта вновь перешли в наступление.

26 января вражеская группировка была расчленена.

31 января прекратила сопротивление южная группа войск во главе с Паулюсом, хотя ему за трое суток до пленения было присвоено звание фельдмаршала. Гитлер рассчитывал, что Паулюс застрелится, так как по неписаной прусской традиции фельдмаршалы в плен не сдавались. Однако у Паулюса преобладал холодный разум. Он предпочел смерти русский плен.

2 февраля капитулировала северная группа.

Сталинградская битва имела огромное историческое значение.

1. Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Красная армия прочно захватила стратегическую инициативу и больше уже не выпускала до конца войны.

2. Весь фашистский рейх оказался в состоянии глубокого морального шока. «Последние несколько недель, – записал в те дни в своем дневнике один из фашистских дипломатов У. Хассель, – характеризуются самым серьезным кризисом, какой мы еще не испытывали в войне. Этот кризис, к сожалению, поразили не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом – «Сталинград». Погребальный звон церковных колоколов и объявленный трехдневный траур по случаю гибели германских войск под Сталинградом отрезвили миллионы немцев, заставили их взглянуть правде в лицо. Грозный призрак неизбежного поражения впервые возник в сознании населения Германии, одурманенного геббельсовской пропагандой. Среди части генералитета зародились оппозиционные Гитлеру течения.

3. Фашистские войска потеряли большое количество живой силы и техники. Всего в Сталинградской битве враг потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести до 1,5 млн. человек, или 1/4 часть своих сил, действовавших на советско-германском фронте. Потери Красной Армии были тоже значительными – 1 млн. 130 тыс. (из них 480 тыс. безвозвратных потерь). «Ни один из союзников России в минувшей войне не может похвастаться такой победой. Победа Советского Союза под Сталинградом означала нечто большее, чем величайший военный успех в его истории», – писал генерал вермахта Г. Дерр, участник Сталинградской битвы.

4. Сокрушительный разгром фашистских полчищ под Сталинградом отрезвляюще подействовал на правящие круги Японии и Турции. Они окончательно отказались от своих намерений вступить в войну против СССР. Японский посол в Берлине Осима 6 марта 1943 г. заявил Риббентропу: «Японское правительство... прекрасно понимает желание своего союзника – Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время обстановки японское правительство не может вступить в войну».

5. Победа под Сталинградом оказала огромное воздействие на антифашистское движение Сопротивления в оккупированных странах Европы.

6. Возрос международный престиж Советского государства и его Вооруженных Сил. Народы и правительства всех стран отчетливо видели, что судьба войны решается на советско-германском фронте. В огне великой Сталинградской битвы человечество увидело занимающуюся

зарю победы над фашизмом. Об этом свидетельствует и тот факт, что в Париже есть площадь и станция метро «Сталинград», имеются улицы с таким названием в Лондоне, Милане, Лионе, Брюсселе и других западных городах, но, к сожалению, нет ни одной улицы в нашей стране, носящей имя «Сталинград», хотя об этом каждый раз в Волгограде, когда праздновали 60-летие, 65-летие и 70-летие победы наших войск в Сталинградской битве, поднимали вопрос защитники Сталинграда, заявляя о том, что они защищали не Волгоград, а Сталинград, и хотят увидеть при своей жизни, что городу вернули название «Сталинград». Когда в 1990-е годы в Лондон прибыла делегация из Волгограда и сказала английской королеве, что они из Волгограда, она им ответила: «Я не знаю такого города, я знаю город Сталинград».

7. Исход Сталинградской битвы показал превосходство советского военного искусства. Еще Паулюс, выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками, заявил, что советская стратегия оказалась значительно выше немецкой, что «лучшее тому доказательство – исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь, на скамье подсудимых».

8. Возрос моральный дух советских солдат и офицеров и всего советского народа.

Западные историки, кто объективно оценил то, что произошло в результате разгрома гитлеровцев на Волге, не могли не прийти к выводу о его огромном историческом значении. Американский историк Э. Семмис назвал Сталинградскую победу

советских войск «битвой, спасшей мир». На близких ему позициях стоит французский историк А. Мишель. Однако некоторые западные историки в своих трудах о Второй мировой войне ухитряются «забывать» о Сталинградской битве и ее исходе (например, американский профессор Р. Атиан), другие «доказывают», что Сталинград не был переломным пунктом Второй мировой войны (С. Сульцбергер), третьи приравнивают битву на Волге к боевым действиям англо-американских войск в 1942-1943 гг., значительно меньшим по масштабам и происходивших на второстепенных фронтах. Особенно часто сравнивают Сталинградскую битву с победой англо-американских войск в Северной Африке под Эль-Аламейном. Но по длительности и количеству участвовавших в борьбе войск, по размаху вооруженной борьбы, по потерям, понесенным агрессором, ни одна из успешных операций, проведенных англо-американцами, не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В сражении под Эль-Аламейном на территории Египта в районе западнее Александрии (23 октября – 4 ноября 1942 г.), длившемся всего 13 дней, англичанам противостояло 4 немецких и 8 итальянских дивизий общей численностью около 80 тыс. человек, а их потери составили 55 тыс. человек и более 300 танков, тогда как в Сталинградской битве, длившейся 200 дней и ночей, в группировке противника, противостоявшей Советским войскам, перед контрнаступлением насчитывалось 49 дивизий, в которых было более 1 млн. человек, и немцы потеряли в ходе контрнаступления Красной Армии 600 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий. Причем под Эль-Аламейном

итало-немецким войскам удалось отступить, а под Сталинградом была окружена и ликвидирована группировка общей численностью более 330 тыс., полностью разгромлены 32 дивизии и три бригады Германии и ее союзников. Несопоставима военно-политическая значимость событий, Сталинградская битва происходила на главном европейском театре военных действий, где решалась судьба войны. Операция под Эль-Аламейном проходила в Северной Африке на второстепенном театре, влияние которого на ход событий могло быть косвенным. Под Сталинградом решался коренной вопрос Второй мировой войны, кто кого: либо фашистская

Германия одержит победу, прорвется на юго-восток и сделает новый шаг к мировому господству, либо Советский Союз одолеет врага и сделает решительный шаг к победе над фашизмом. Внимание всего мира тогда было приковано не к Эль-Аламейну, а именно к Сталинграду. Не только руководители государств, но и сотни миллионов людей в разных странах понимали, что наступил критический момент Второй мировой войны, что от исхода сражений в междуречье Дона и Волги во многом зависит судьба человечества. Далеко не так даже в западных странах воспринималось сражение под Эль-Аламейном.

ФЕДОРОВА А. В.

(г. Оренбург)

ЧКАЛОВЦЫ ЗАЩИЩАЮТ СТАЛИНГРАД

Сталинградская битва – особая страница в летописи Великой Отечественной войны, где решалась судьба не только нашего Отечества, но и мировой цивилизации. За этой битвой, затаив дыхание, следил весь мир. Горела Волга, плавился металл, а советские воины не отступили ни на шаг, стояли насмерть¹.

Азбучной исторической истиной останется навсегда: капитуляция армии Паулюса в Сталинградском «котле» стала коренным переломом Великой Отечественной, всей Второй мировой войны². С этой победы началось тяжелое, крово-

пролитное и неотвратимое наступление наших армий. Напомним, в те же дни прорвали блокаду Ленинграда, 4 февраля освободили Ставрополь, 18 февраля – вторично и окончательно отбили у немцев Ростов...

Победу в Сталинградской битве одержали благодаря беспримерному мужеству, решимости и самопожертвованию сотен тысяч советских бойцов, ценой огромных потерь и невероятных усилий. Среди героев, стоявших насмерть на подступах к Сталинграду и не позволивших врагу осуществить свои дерзкие планы, были

и чкаловцы. Три уроженца Оренбургской области – генерал-полковник А.И. Родимцев, подполковник И.И. Кобылецкий и лейтенант Ф.Ф. Фомин – за героизм, проявленный в сражении под Сталинградом, удостоены звания Героя Советского Союза. Из 858 здравствующих в 2003 году оренбуржцев, участников Сталинградской битвы, 592 были награждены медалью «За оборону Сталинграда».

В битве за Сталинград отличились 193-я стрелковая дивизия и 70-й отдельный батальон ВНОС. Воины 193-й дивизии сражались в прославленной 62-й армии. Много чкаловцев воевало в героической 13-й дивизии, которую тогда возглавлял Герой Советского Союза А.И. Родимцев.

Когда дочери Александра Ильича Родимцева приезжали в Оренбург для участия в телепередаче, посвященной памяти отца, на оренбургском телевидении в беседе с журналистом они заметили: «О войне он рассказывать не любил. Он, профессиональный военный, ненавидел войну, потому что она жестока и кровава, уносит множество жизней. А тем более о своих подвигах он никогда не распространялся. Но о солдате, о его мужестве, смекалке, выносливости, преданности Родине – об этом он вспоминал много и охотно».

В автобиографии А.И. Родимцева, хранящейся в Оренбургском областном краеведческом музее, есть такие строки: «...в течение пяти месяцев дивизия выдерживала натиск врага и тем самым отстояла город Сталинград».

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» писал: «Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы создан

был 13-й гвардейской дивизией Александра Ильича Родимцева. После переправы она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия Родимцева отбила Мамаев курган».

«Бои шли круглосуточно – залпы орудий оглушали, и мы теряли ощущение времени, казалось, что этот кошмар никогда не кончится...», – рассказывал Василий Андреевич Шляпников из с. Ветлянка Соль-Илецкого района, сражавшийся в составе 13-й гвардейской дивизии.

Примерно те же ощущения были и у врагов. В книге В.И. Чуйкова «Сражение века» приводится выписка из дневника унтер-офицера 226-го полка 79-й пехотной дивизии Шафштейна: «Городище, недалеко от Сталинграда. Здесь настоящий ад!.. Наши атаки безуспешны, наступление начали удачно, потом откатились назад... Ночью сильная бомбежка, думали, что конец... Ночью не дают покоя авиация, артиллерия и русская «катюша», большие потери».

Послевоенные годы не стерли из памяти ветеранов историческую надпись на стене дома Павлова: «Мать – Родина! Здесь героически сражались гвардейцы Родимцева!». И радостную встречу с частями нашей армии. Это воссоединение и стало началом конца укрепившихся в Сталинграде фашистских группировок, так как они были разделены частями наших войск. Ветераны видели и плененных немецких генералов, шедших впереди повозки, в которой ехал тоже взятый в плен сам генерал-фельдмаршал Паулюс. Рядовых же было не сосчитать. Закутанные в тряпки, измотанные «завоеватели» имели жалкий вид.

Воины 193-й дивизии, сформированной в Чкаловской области, под командованием Ф.Н. Смехотворова сражалась на переднем крае обороны Сталинграда, у заводов «Красный Октябрь», тракторного и других важных объектов города. Генерал В.И. Чуйков вспоминал: «Дивизия во главе со Смехотворовым стояла насмерть, перемалывая гитлеровские полчища. Она ушла из города лишь тогда, когда противник был окружен. От дивизии остался один полк».

Семен Степанович Инякин из Переловского района рассказывал: «Под Сталинград мы прибыли в ноябре 1942 года. Когда плыли из Куйбышева вниз по Волге, груженные пушками, пулеметами, снарядами, ящиками с патронами, то даже ночами налетали фашистские «Хейнкели». Видно асы сидели за их штурвалами – каждая сброшенная бомба попадала в цель. На наших глазах потонуло несколько судов, не удалось спасти и их экипажи – вода на Волге пенилась и бурлила, даже думать было нечего спускать шляпки для спасения утопающих, погибли бы сами. Но вот пробило осколком днище нашего теплохода, буксировавшего огромную баржу. Не дай Бог, если бы бомба попала на баржу. Мы бы взлетели в воздух, там было столько снарядов разных калибров! Брешь в днище заделали мешками с цементом, сверху положили доски и придавили бочкой то ли с маслом, то ли с керосином.

Помню, у стен Сталинграда, куда мы возили боеприпасы, встретили солдата, раненного в голову. Кровь из-под бинта сочится, рука одна перевязана, но он не покинул свою позицию, стоял и стрелял до конца. Пока не обессилев, упал в окоп, и санитары не унесли его в санбат»³.

Политрук отдельной пулеметной роты чкаловец И.С. Терентьев под Сталинград

прибыл в разгар ожесточенных боев – в октябре сорок второго. Под покровом темноты на катере роту доставили под крутой берег Волги. Комиссар особого стрелкового батальона кратко обрисовал обстановку: «Радовать вас нечем. Сзади Волга, а в 400 метрах впереди – враг, ожесточенный и коварный».

В день приходилось отбивать по нескольку вражеских атак. Танки поджигались гранатами, бутылками с горючей жидкостью, били по ним из противотанковых ружей. Но бывало и так, что гитлеровцы врвались в траншеи. Тогда выручал штык русской «трехлинейки».

На роту сыпались сотни бомб, мин и снарядов. Но бойцы стояли насмерть, помня о священной клятве: «Ни шагу назад». Терентьев не разводил роту в контратаки. Схватывался с фашистами в близком бою. Пулями и осколками пробило его каску, изрешетило шинель. К счастью, ранения оказались не настолько тяжелые – лечился в строю.

После Сталинграда было еще немало трудных дорог войны. Освобождал Смоленщину, дрался в Восточной Пруссии, участвовал в штурме фашистской крепости Кенигсберг, брал Пиллау, Инстербург⁴.

Командование одной из гвардейских частей, сражавшейся под Сталинградом, в письме, адресованном в Чкаловский обком ВКП(б), сообщало: «Исключительно велика заслуга чкаловских большевиков – Н.А. Акиншева, бывшего секретаря Соль-Илецкого райкома партии, Д.Ф. Давыдова, бывшего секретаря Кувандыкского райкома партии и других»⁵.

В боях за Родину с 20 ноября 1942 г. участвовал в контрнаступлении в районе Серафимовичи, под Сталинградом, в

составе 333-й стрелковой дивизии, пополненной в Новосергиевке, А.А. Усачев. Из ветеранов этой дивизии жил в Новосергиевке еще один – Степан Пантелеевич Мусиенко⁶. В кровопролитных боях принимал участие в составе 226-го стрелкового полка, переименованного позже в 155-й Гвардейский, Н. Собко из Соль-Илецка⁷.

Эшелон со 195-ю девушками ушел из Чкалова по направлению к Сталинграду в ночь под 1 мая 1942 г.⁸. 10 мая 1942 г. 175 девушек-добровольцев из Абдулино отправили на Сталинградский фронт в войска ПВО. Среди них была и А. Галочкина, которая в 1943 г. из окружения вынесла секретные документы штаба и была награждена медалью «За боевые заслуги»⁹.

У войны не женское лицо. Поэтому и обмундирование первоначально не было рассчитано на женщин. Не было столь необходимого женского белья, так что грудь девчата туго перевязывали косынкой, чтобы легче было бегать. Неженское мужество надо было иметь, находясь постоянно в окопах, по пояс в снегу, в непросушенной одежде, да еще под бомбежкой! Бани в обычном понятии вообще не существовало. Счастьем было ведро с горячей водой в палатке.

И физическую силу надо было иметь недюжинную. Снаряжение девчат ВНОС состояло из винтовки или автомата, противогаза, подсумка с патронами, вещевого мешка и катушки с проводом весом 20 килограммов. Бывало, и ревели в полный голос. Сидишь на точке в степи, 40 километров вокруг на земле ни души, никто ни в чем не поможет, иногда и есть нечего. Однажды спасло от голода мясо убитого верблюда – и такой был случай, – рассказывала Э.И. Нагуевская¹⁰.

В Сталинградской битве принимала участие Раиса Емельяновна Чубарова. В 1942 г. она добровольцем ушла на фронт из села Теплого. Сохранился ее фронтовой дневник. Приведем некоторые записи: «Сама я в 1941 году оказалась в селе Теплом, а в 1942 году ушла добровольцем на фронт (всего добровольцев было 22). Долго нам не пришлось оставаться – командование приказало двигаться к Сталинграду. Двадцать километров разделяло нас с ним. Прошли всего девять километров до села Дербент, как нас настигли немцы. Но мы впятером успели спрятаться в камышах у какого-то озера. Когда стемнело, пошли к Сталинграду, шли семь дней, ели корни, пили грязную воду, но держались.

19 сентября 1942 года. Сталинград было не узнать, город разбит, валялись трупы, но их старались сразу убирать. Бомбежка города не прекращалась ни днем, ни ночью. Нашей задачей стало спасать раненых, грузить их на баржи и переправлять на правую сторону Волги, в город Ленинск. Но многие баржи не доплывали, их таранили самолеты. Плавсредства нарывались на мины.

16 октября 1942 года. Мне удалось выбраться из этого ада, и я продолжала нести службу. Мы по-прежнему вели наблюдение, задерживали диверсантов, которые просачивались в наш тыл, уничтожали фашистов. Для нас, девушек, не было никаких поблажек, мы были на одних правах с мужчинами. В любой момент мы должны были быть готовы выполнить задание своих командиров¹¹.

Героические дела артиллеристов зенитной батареи политрука А.А. Панина были известны на участке обороны. За мужество и отвагу Александра Александровича

Панина наградили орденом Красной Звезды. 20 сентября 1942 г. во время очередного жестокого налета политрука тяжело ранило. В двадцать пять лет он стал инвалидом: во время операции ампутировали обе ноги. После войны окончил Все-союзный заочный юридический институт, работал в отделе кадров¹².

Участник Сталинградской битвы Рахматулла Мусаевич Самикаев родился в 1921 г. в селе 1-е Юмагузино Кувандыкского района. Свидетель всего происходящего в те страшные месяцы рассказывал, что трудно было дышать от гари и чада, редко когда видел чистым небо. Нога ступала не по земле, а по отстрелянным гильзам. Водам Волги было тесно от бесконечных разрывов бомб и снарядов.

Евдокия Петровна Прас вспоминала: «Ночами долго мне снилось, что нас атакуют танки, самолеты бомбят, стреляют со всех сторон. Все сослуживцы свято чтят боевое братство по оружию. Ведь наш Сталинградский корпус ПВО 62-й армии В.И. Чуйкова прошел замечательный боевой путь. Формировался он в Чкалове, а далее: Курск-Сталинград-Котельниково-Кировоград-Первомайск-Брашов в Румынии. Шесть или семь раз я ездила на встречи с однополчанами. Переписывалась с боевыми друзьями. Постоянно присылали мне письма подполковник Николай Король, начштаба Юрий Шумилов, командир нашей роты Борис Гаптов, «обозник» Иван Волчков и другие¹³.

«Наш взводный Майзоне предложил спеть песню на его слова, но на мотив песни «Раскинулось море широко», – вспоминал Николай Устинович Ефремов. – Привожу некоторые куплеты этой песни, которую мы потом распевали до самого окончания войны:

*Достань из шкатулочки бронзы кусок,
И песнь боевую припомни, дружок,
О битве в родном Сталинграде.
Все лето бои напряженные шли,
Покрылось воронками поле
И каждый клочок обгорелой земли
Был кровью горячею полит.
Но вот в ноябре развернулись бои,
Мы снова пошли в наступленье,
Взят хутор Вертячий,*

взят город Калач,

*И немец попал в окруженье.
У стен Сталинграда, у памятных стен
Фашистов нет больше в помине,
Взят вместе со штабом*

фон Паулюс в плен,

Пусть бесится фюрер в Берлине...

Песня была длинная, отражающая многие эпизоды Сталинградской битвы. Мы ее охотно всегда пели, а текст ее я бережно храню уже много десятков лет», – рассказывал Николай Устинович Ефремов.

Только из когорты мужественных Героев Советского Союза из Чкаловской области – участников Сталинградской битвы было около пятидесяти человек¹⁴. Медалью «За оборону Сталинграда» награждено более 3,5 тысячи чкаловцев¹⁵.

Всего за участие в разгроме немцев под Сталинградом 943 солдата и офицера из Чкаловской области награждены боевыми орденами.

Ни в одной битве фашисты не потеряли столько войск, как под Сталинградом. По всей Германии был объявлен траур. Но и советская армия понесла под Сталинградом огромные потери.

Сталинградская битва стала поворотным событием, за которым последовал полный разгром сил фашизма не только в нашей стране, но и во всем мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Самсонов А.М. Сталинградская битва. – 3-е изд. – М., 1982.
2. Ликвидация окруженной группировки (операция «Кольцо» в цифрах // Военно-исторический журнал. – 1973. – № 2. – С. 5.
3. Светлый путь. Переволоцкий район. – 2004. – 2 марта. – С. 4-5.
4. Фалин А. Советский характер // Южный Урал. – 1971. – 21 января. – С. 2.
5. Кожевников В. Боевая доблесть и отвага соль-ильчан // Илецкая защита. – 2003. – 7 мая. – С. 2.
6. Голос глубинки. Новосергиевский район. – 2003. – 8 мая. – С. 2.
7. Илецкая защита. Соль-Илецкий район. – 2004. – 5 января. – С. 2.
8. Лаврентьева Л. А завтра была война // Южный Урал. – 2000. – 16 мая. – С. 6.
9. Абдулинские просторы. – 2003. – 9 мая.
10. Лаврентьева Л. А завтра была война // Южный Урал. – 2000. – 16 мая. – С. 6.
11. Оренбургская неделя. – 2003. – 2 июля.
12. Голубенький С. Счастье быть в строю // Южный Урал. – 1974. – 6 января.
13. Сорочинский вестник. – 2004. – 12 января. – С. 3.
14. Россковский В. Выстояли и победили // Оренбуржье. – 1992. – 19 ноября.).
15. Футорянский Л.И. Оренбуржцы – великой Победе. – Оренбург, 1994. – С. 5.

ЕЛЬЧАНИНОВ С.И., ЕЛЬЧАНИНОВА Н.А.

(г. Оренбург)

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. ИСТОРИЯ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ

Одним из актуальных вопросов в истории великого противостояния середины XX века была и остается проблема советских воинов, «без вести пропавших» в ходе боевых действий Второй мировой войны. Историки продолжают искать истину в подсчетах потерь обеих армий. Что касается советской стороны, к числу факторов, не позволяющих найти цифры, наиболее близкие к реальному положению дел, относится и неблагоприятная

обстановка с учетом безвозвратных потерь Красной армии, о чем свидетельствуют архивные документы, ставшие доступными для изучения после 80-х годов прошлого столетия.

Известный московский исследователь профессор Российского государственного социального университета, доктор филологических наук Борис Соколов, разработавший собственную методику подсчетов людских потерь во

Второй мировой войне, на основе опыта многолетней работы с архивными документами пишет: «Определение потерь советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне представляет собой крайне сложную задачу из-за плохой постановки на учет и неполной сохранности документов, особенно за 1941-1942 г. Дело в том, что в Красной армии рядовой и сержантский состав после финской войны был лишен удостоверений личности – красноармейских книжек, что не только открывало широкие возможности для деятельности разведчиков и диверсантов противника (им достаточно было иметь красноармейскую форму и знать номера дислоцированных в данном районе частей), но и крайне затрудняло определение численности личного состава и величины потерь даже в мирное время. Приказ наркома обороны о введении Положения о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной армии в военное время появился 15 марта 1941 г. Этим приказом для военнослужащих вводились медальоны с основными сведениями о владельце. До войск Южного фронта, например, этот приказ был доведен лишь в декабре 1941 г. Еще в начале 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов, а приказом наркома обороны 17 ноября 1942 г. медальоны вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь, хотя и диктовалось стремлением не угнетать военнослужащих думами о возможной смерти (многие потому вообще отказывались брать медальоны). Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 г., но еще в начале 1942 г. красноармейцы не были ими полностью обеспечены. В

приказе заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно не удовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины». И в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ наркома обороны И.В. Сталина от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны с Германией, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь»¹.

У всех народов во все времена было и остается непреложным правилом своевременное и достойное захоронение павших воинов и увековечение их имен. Одним из тяжелых последствий Великой Отечественной войны является проблема незахороненных останков защитников нашего Отечества. У истоков ее суровые реалии войны.

После Победы вернулись домой живые и раненные, освобожденные из плена, но многие семьи не дождалась своих близких. Наравне с «похоронками» извещения со словами «пропал

без вести» тревожили души, но в еще большей степени угнетали морально, поскольку подразумевать под этой формулировкой можно было все что угодно: попал в плен (а может быть, сдался?), дезертировал и жив, но скрывается, а может быть, все же честно погиб «в бою за социалистическую Родину, проявив мужество и героизм»? Преобладающее большинство воинов из числа пропавших без вести героически погибли на фронтах Отечественной войны или умерли во вражеском плену, но не осталось очевидцев или документов, подтверждающих факт их гибели.

Актуальность данной проблемы и, в частности, ее морально-этический аспект неразрывно связаны с вопросами исторической памяти и самосознания народа. Сохранение и обогащение исторической памяти народа через поиск мест бывших боев, обнаружение незахороненных останков павших воинов, установление их имен и судеб с последующим увековечением памяти героев способствуют прояснению малоизученных страниц истории Отечественной войны, возвращая ей имена защитников².

Поисковики – это люди разных возрастов и разных профессий, но объединенные одним общим делом: увековечением памяти погибших защитников Отечества. Свое свободное время, а также силы, душу и сердце они посвящают работе по розыску неизвестных воинских захоронений и непогребенных солдат Великой Отечественной войны.

С ранней весны до поздней осени поисковики идут в экспедиции по тем местам, где шли боевые действия, где погибали наши солдаты³.

Для одних поисковая деятельность – это попытка восстановить справедливость по отношению к нашим предкам и ныне живущим соотечественникам. Поиск стал делом их жизни, делом важным и нужным. Такие поисковики выполняют поисковую работу дотошно и скрупулезно. Перестают этим заниматься они только в силу вынужденных обстоятельств.

Для других это хобби. Возможность отвлечься от каждодневных забот, провести время с пользой для людей и найти новых друзей.

Еще это способ романтико-приключенческого времяпровождения.

Для подростков – возможность проверить себя в необычных условиях, ведь поисковые экспедиции в определенном смысле бывают приближены к экстремальным условиям. В особенности для начинающих, которые слышаны баек о жуткой опасности таких экспедиций. Одни подростки в поиске участвуют разок-другой и исчезают, другие находят в этом интерес и «прикипают» к поиску надолго.

Есть категория людей, которые в поисковой деятельности видят возможность для самоутверждения. Более активные и самолюбивые получают здесь шанс стать лидерами и добиться определенной значимости в обществе. И в поиске, как, собственно, и в других сферах деятельности, своей цели достигают либо добросовестностью и трудолюбием, либо напыщенной суетой и пустыми разглагольствованиями.

Так или иначе, главная общая цель поисковиков – найти смертный медальон или документы, позволяющие восстановить

имя бойца, а затем найти его родных и известить их о судьбе солдата⁴.

Поисковая деятельность осуществляется на основании Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

Статья 8 этого Закона гласит: «В целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших или имен пропавших без вести проводится поисковая работа. Она организуется на основе местных программ и проводится общественными объединениями, уполномоченными на проведение такой работы органами государственной власти и управления.

Проведение поисковой работы в местах, где велись военные действия, а также вскрытия воинских захоронений в порядке самостоятельной инициативы запрещаются».

Поисковая деятельность занятие благородное, но при определенных обстоятельствах и наказуемое⁵.

Сегодня невозможно сказать, кто и когда первым понял, что в обнаруженных у погибшего воина документах хранится его солдатская судьба, неизвестная родным и близким. Точная дата зарождения поискового движения неизвестна. Но наверняка первыми, кто старался обнаружить документы и медальоны у погибших в годы Великой Отечественной войны, были местные жители, собиравшие и захоранивавшие трупы воинов, павших на полях сражений. Они, по возможности, забирали и прятали их документы, а после освобождения территории от оккупации сообщали в военкоматы, писали по указанным

адресам, отсылали документы родным с указанием обстоятельств гибели и места захоронения.

В развернувшейся после войны кампании по сбору металлолома часто невольными искателями становились вездесущие подростки. Они умудрялись залезать в полузаполненные в болотах танки и упавшие самолеты, раскапывать окопы и осыпающиеся блиндажи. Находя солдатские медальоны, документы или награды, приносили их старшим, неосознанно чувствуя важность этих документальных находок. Взрослые, в свою очередь, сообщали об этих находках в местные военные комиссариаты. Десятки тысяч имен на основании таких сообщений вернулись из небытия.

В начале 1950-х гг. произошел всплеск героико-патриотической тематики – во многом благодаря появившимся на телевидении популярным передачам, где ведущим был известный писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Он одним из первых начал исследовать и освещать тему розыска и установления имен безвестных героев. Этот патриотический подъем всколыхнул всю страну. Появились сотни последователей С.С. Смирнова.

Находились энтузиасты-одиночки, которые на свой страх и риск обследовали местность, хоронили непогребенные останки советских воинов, искали их документы, а затем оповещали их близких. Одним из таких подвижников, установивших имена сотен бойцов и командиров Красной армии, был Николай Орлов, занимавшийся 35 послевоенных лет целенаправленным розыском забытых солдат на местах боев 2-й Ударной армии под Новгородом в Мясном Бору.

В конце 1970-х – 1980-х гг. работа энтузиастов выходит на новый уровень. Появляется тенденция к более углубленному изучению «белых пятен» отечественной военной истории. Тогда начинают закладываться основы будущего поискового движения.

В августе 1988 г. состоялась первая крупномасштабная поисковая экспедиция в Мясной бор на Новгородчину.

С 1989 г. подобные массовые поисковые экспедиции получили название Вахты Памяти⁶.

В Оренбургской области на сегодняшний день работают восемь поисковых отрядов. Первый отряд – «Уралец», г. Новотроицк (руководитель Юрий Иванович Комароцкий), был организован в 1990 г.

При поддержке Петра Викторовича Поляничко и администрации школы №50 имени Виктора Петровича Поляничко в г. Орске был организован поисковый отряд «Яик», которым руководит Григорий Александрович Полтавский.

Затем по инициативе комитета по делам молодежи области в 2005 г. с целью расширения поисковой деятельности была организована сводная экспедиция. В ней приняли участие представители различных городов и районов Оренбуржья, которые впоследствии организовали свои отряды: «Патриот» Пономаревского района (руководитель Сергей Иванович Ельчанинов), «Память» Новосергиевского района (руководитель Наталья Сергеевна Локмакина), «Бугурусланский» Бугурусланского района (руководитель Игорь Михайлович Бондарь). Позже присоединились «Пламя» Александровского района (руководитель Альфия Мунировна Абдразакова), «Гамаюн» г. Новотроицка

(руководитель Виталий Владимирович Казаков), «Патриот» г. Оренбурга (руководитель Наталья Анатольевна Ельчанинова).

Поисковый отряд «Патриот» ведет свою историю с 2005 г. В 2007 г. преобразован в Пономаревскую районную молодежную общественную организацию «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот».

В рамках деятельности организации помимо ежегодного участия в весенних и летних поисковых экспедициях «Вахта Памяти» воспитанники клуба принимают активное участие в патриотических мероприятиях, военно-спортивных соревнованиях различного уровня. Разработан интернет-сайт, создана ежемесячная молодежная газета «Патриот». В 2008 г. впервые были проведены трудовые полевые лагеря, цель которых – подготовка молодых поисковиков к экспедициям. Уже два года мы совместно с Министерством молодежной политики, спорта и туризма области организуем на базе СОЛКД «Самородово» областной полевой лагерь «Поиск».

В 2010 г. в Оренбурге была создана молодежная организация с одноименным названием «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот». Ее появление расширило деятельность клуба. На сегодняшний день открыты поисковые экспозиции в Музее истории Оренбурга и Доме Памяти. Востребована на различных мероприятиях передвижная выставка, которая представлена вашему вниманию. В течение года проводятся мероприятия, творческие конкурсы, соревнования для членов клуба. В 2012 г. команда «Патриот» приняла участие во

Всероссийском историко-краеведческом фестивале городов воинской славы, где в общем зачете заняла 1 место.

За время работы поискового отряда «Патриот» в экспедициях приняли участие около 100 человек. География поиска – Новгородская, Смоленская, Ленинградская, Волгоградская области. Нами найдены на полях сражений Великой Отечественной войны и эксгумированы останки 95 воинов Красной Армии. Вместе с останками подняты 16 солдатских медальонов, из которых 11 безвозвратно утрачены, 5 переданы на экспертизу.

В связи с осуществлением государственной поддержки некоммерческих организаций в 2012 г. возникла необходимость создания региональной молодежной общественной организации поисковой направленности. Решением Пономаревской районной и Оренбургской городской молодежных общественных организаций при поддержке остальных отрядов была организована Оренбургская областная молодежная общественная организация «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот».

В заключение отметим, что, возникнув и развиваясь как общенародная инициатива, поисковое движение стало одной из важных составляющих нравственного оздоровления современного общества, а это указывает на необходимость глубокого научного осмысления данного общественно-патриотического феномена⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Военная археология. – 2009. – № 3.
2. Садовников С. И. Поиск, ставший судьбой /отв. ред. С. О. Шмидт. – М., 2003. – 258 с.
3. Вахта Памяти на территории Смоленской области: буклет /Департамент Смоленской области по образованию, науке и делам молодежи, ГУ Смоленский областной центр героико-патриотического воспитания молодежи «Долг».
4. Котилевский С. С. Теория и практика поисковых работ. – Казань, 2006. – 230 с.
5. Там же.
6. Садовников С.И. Поиск ставший судьбой /отв. ред. С. О. Шмидт/. – М., 2003. – 258 с.
7. Там же.

МОЙ ПРАДЕД – УЧАСТНИК СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В нашей истории есть события, которые останутся в памяти вечно. Одним из таких событий является Великая Отечественная война. Миллионы советских людей проливали кровь на полях сражений. Мы всегда будем помнить тех, кто пал в войне, и тех, кто остался жив, сохранив всем нам свободу.

Среди моих родственников есть такой человек – мой прадедушка Блинов Василий Егорович (Георгиевич). Он родился в 1916 г. в селе Черкасowo, ныне Ферзиковского района Калужской области. После начала Великой Отечественной войны в 1941 г. был призван на фронт Кировским райвоенкоматом г. Чкалова (Оренбурга).

Его зачислили в 8-й воздушно-десантный корпус, который был сформирован в октябре 1941 г. в селе Эгкейм (ныне Усатово Краснокутского района Саратовской области), а затем обучался в Щелково (ныне Щелковского района Московской области). Бойцов корпуса готовили к проведению специальных операций в тылу врага: десантированию, разведке и организации диверсий. Но летом 1942 г. резко обострилась обстановка на фронте в связи с прорывом советской обороны и стремительным продвижением немецко-фашистских войск к Волге.

30 июля 1942 г. корпус преобразовали в 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию, где прадедушка служил командиром отделения разведроты в звании гвардии сержанта. Новая дивизия была срочно переброшена на Сталинградский фронт и уже 10 августа 1942 г. вступила в первый бой на дальних подступах к Сталинграду. 23 августа с рубежа Котлубань – Самофаловка (ныне Городищенского района Волгоградской области) она контратаковала противника и в упорных сражениях прорвалась в район сел Большая и Малая Россошка, где мужественно оборонялась 87-я стрелковая дивизия 62-й армии.

Но в тот же день на другом направлении гитлеровцы силами 16-й танковой, 76-й, 295-й и 384-й пехотных дивизий нанесли удар в стык советским 62-й армии и 4-му танковому корпусу,

прорвали оборону и ценой огромных потерь вышли к Волге севернее Сталинграда, в район поселков Рынок и Акатовка. Сам город оказался под угрозой захвата. Для ликвидации немецкой группировки, прорвавшейся к Волге, в ночь на 24 августа 1942 г. дивизия моего прадедушки повела наступление из района Самофаловки в направлении хутора Вертячий. В ходе этого боя части дивизии уничтожили 50 танков, 18 орудий, 3 бронемашин и около 50 автомашин противника. Восьмикилометровый коридор, по которому противник постоянно подбрасывал подкрепление, боеприпасы и продовольствие частям своего 14-го танкового корпуса, был сокращен до 4 км в ширину, а движение фашистов в сторону Волги фактически прекратилось.

В своих воспоминаниях дважды Герой Советского Союза маршал Н.И. Крылов, начальник штаба 62-й армии в период Сталинградской битвы, писал: «А бойцы 35-й гвардейской запомнились мне такими, какими увидел их той ночью. Даже покрытые степной пылью, только что вышедшие из боя, они выглядели щеголевато. На оставленных им голубых петлицах поблескивали серебристые «птички», на поясных ремнях – десантные ножи со светлыми рукоятками. У каждого значок парашютиста... Их готовили к борьбе в тылу врага, к ближайшему бою в самых необычных и неожиданных условиях, к большой самостоятельности, к дерзким действиям мелкими группами и в одиночку. И все это понадобилось, все пригодилось потом в Сталинграде!».

С 24 августа по 1 сентября 1942 г. 35-я гвардейская дивизия совместно с другими частями Красной армии не давала

возможности подкрепления в живой силе и боеприпасах противнику, стоявшему у Волги. За десять дней боев дивизия отразила множество ожесточенных атак противника, нанесла ему большой урон в живой силе и технике, но и сама потеряла более двух третей своего состава – около 8 тысяч бойцов убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Особенно тяжелые бои дивизия моего прадедушки вела с 1 по 8 сентября у Верхней Ельшанки (ныне Советского района г. Волгограда). 1 сентября 1942 г. она получила приказ занять оборону в районах станции Воропоново, поселков Песчанка и Верхняя Ельшанка. Семь суток дивизия отражала атаки во много раз превосходящего по силе противника. Не смыкая глаз, с галетой в кармане, с несколькими глотками воды шли в бой гвардейцы. 8 сентября 1942 г. фашисты подступили непосредственно к командному пункту 35-й гвардейской дивизии в 300 м от городского радицентра. Советские десантники стояли насмерть, отражая массированные танковые атаки и подвергаясь сильным ударам с воздуха. Связь со штабом армии прервалась, а ситуация на командном пункте стала критической. В 17 часов командир 35-й гвардейской дивизии генерал В.А. Глазков лично повел в контратаку всех оставшихся в живых разведчиков, саперов комендантского взвода, медсанбата и штабных работников, но был дважды ранен, а затем погиб под минометным огнем. К вечеру 8 сентября 1942 г. фашисты заняли поселок Верхняя Ельшанка, а остатки дивизии отошли по Купоросной балке к городскому элеватору и реке Царице. Тем не менее командование 62-й армии в сво-

ей телеграмме отметило, что «военный совет восхищен действиями дивизии», и просило представить к награждению отличившихся¹. Среди них оказался и мой прадедущка. В представлении на него было указано, что гвардии сержант Блинов Василий Егорович «в бою под Верхней Ельшанкой под ураганным огнем противника быстро и в срок выполнял приказание по установлению связи с поддерживающими частями, чем обеспечил отражение атаки противника, с донесением прошел через группу автоматчиков, лично уничтожив из них пять человек». За этот подвиг он был рекомендован к поощрению орденом Красной Звезды, но приказом войскам Юго-Восточного фронта от 26 сентября 1942 г. № 10/н награжден медалью «За отвагу»².

С 8 по 25 сентября 1942 г. 35-я гвардейская стрелковая дивизия, где служил прадед, вела героическую оборону Сталинграда в районе элеватора, который в качестве самого высокого городского здания имел стратегическое значение для корректировки огня. В смертельных схватках советских воинов с гитлеровскими захватчиками здание элеватора несколько раз переходило из рук в руки. Новый командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии полковник В.П. Дубянский докладывал в штаб 62-й армии, что «части дивизии имеют потери более 70%, командный и политический состав выбыл на 90%... Прошу оказать реальную помощь для выполнения поставленной задачи..., обеспечить боеприпасами, продовольствием... Личный состав двое суток не имеет питания». В этих упорных боях 17 сентября 1942 г. мой прадедущка был ранен осколком снаряда в голову и

направлен в ближайший госпиталь. Вскоре, 25 сентября, его дивизию мелкими группами вывели к переправе через Волгу из района элеватора, где ее сменила 92-я морская бригада. К этому времени из 10800 бойцов и командиров в 35-й гвардейской стрелковой дивизии осталось всего 60 человек, но подразделение со своей задачей справилось и сохранило знамя. Только за месяц Сталинградских боев части дивизии уничтожили 270 танков, около 70 бронемашин, свыше 110 орудий, 60 минометов, более 300 пулеметов, 20 самолетов противника. За это подразделение было награждено орденом Красного Знамени.

В госпитале врач спросил у Василия Егоровича: «Осколок тебе мешает? Если не мешает, ну и хорошо». Так и не стали его удалять, и до конца жизни прадедущка проходил с осколком в голове, а рассказы-вая эту историю, всегда смеялся.

После выздоровления его направили командиром отделения роты автоматчиков в 223-й стрелковый полк 53-й стрелковой дивизии. В составе 7-й гвардейской армии Степного фронта она приняла участие в битве за Днепр. 29 сентября 1943 г. дивизия прадедущки форсировала эту реку у села Старый Орлик Днепропетровской области. Она заняла плацдарм на правом берегу у села Бородаевка (ныне Верхнеднепровского района Днепропетровской области Украины), обеспечивая переправу советских войск. Немцы отчаянно пытались ликвидировать этот прорыв и отбросить наши части обратно за Днепр. Под умелым руководством сержанта В.Е. Блинова его отделение успешно отбило несколько контратак, подожгло немецкую автомашину, а сам прадедущка «лично

гранатой уничтожил пулемет противника». За это приказом от 16 октября 1943 г. № 021/н он был награжден второй медалью «За отвагу»³.

После второго ранения прадед был переведен на должность командира расчета взвода противотанковых ружей (ПТР) 3-го стрелкового батальона 270-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии. Приказом от 7 мая 1944 г. № 06/н за второе ранение и хорошую подготовку подчиненных к будущим боям гвардии сержанта Блинова Василия Егоровича поощрили 3-й медалью «За отвагу»⁴. Всего на фронтах Великой Отечественной войны он был ранен пять раз, провел в госпиталях 2 года 10 месяцев и, наконец, комиссовался.

За участие в боевых действиях прадедушка был также отмечен медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а после войны – юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы» и «40 лет Победы в Великой Отечественной войне». Кроме того, к 40-летию Победы в 1985 г. он получил орден Отечественной войны I степени.

После войны, в 1945 г., прадедушка женился на Серафиме Семиниченко. Спустя год у них родился сын Виктор – мой дедушка, потом две девочки – Любовь и Наталья.

По рассказам дедушки, его отец работал в Оренбурге литейщиком на Продмаше (заводе продовольственного машино-

строения), потом устроился экспедитором на мясокомбинат, а затем трудился до конца жизни продавцом в магазине по ул. Советской.

Вот так Великая Отечественная война отразилась на моей семье. Несмотря на все тяготы войны, мы можем с гордостью вспоминать тех героев, благодаря которым сейчас живем. Спасибо вам!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Участие 35 гвардейской стрелковой дивизии в Сталинградской битве // Музей памяти 35-й Гвардейской Лозовской Краснознаменной орденов Суворова 2-й степени и Богдана Хмельницкого 2-й степени стрелковой дивизии [Электронной дивизии]. URL: http://pkmuzeum.narod.ru/istor_sozd_2.htm (дата обращения: 16.01.2013).

2. Блинов Василий Егорович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10650376> (дата обращения: 16.01.2013);

Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 993. Л. 7-15, 163-163 об.

3. Блинов Василий Егорович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=30844729> (дата обращения: 16.01.2013); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 481. Л. 211.

4. Блинов Василий Егорович // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=32886650> (дата обращения: 16.01.2013); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1842. Л. 280.

Секция 1

НАРОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ЗЛОБИН Ю.П.
(г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ЛИНИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С начала XVIII века традиционный для России метод возведения засечных черт по границам государства был дополнен европейскими фортификационными формами. Результатом подобного сочетания стало формирование пограничных укрепленных линий. Они состояли из больших и малых крепостей и укрепленных городов, между которыми создавались легкие полевые укрепления, обычно в виде земляного вала (4,5 м высотой) иногда с деревянным тыном наверху и рва (от 1,5 до 4 м глубиной и от 3,5 до 5,5 м шириной). Перед рвом устраивались засеки и ставились рогатки против конницы. Через каждые 200-600 м вал имел выступы в виде редутов и реданов, что позволяло оборонять подступы к валу продольным ружейным и артиллерийским огнем. На валу устраивались сигнальные вышки, на которых находились бочки с горючим веществом, поджигавшиеся при приближении противника¹. Военно-колониционная деятельность, развернувшаяся согласно распоряжению верховной власти на Южном Урале во

второй трети XVIII века, сопровождалась строительством пограничных укреплений именно такого типа.

В царствование императрицы Анны Иоанновны в 1731 г. между реками Самара и Кама на основе Закамской засечной черты началось строительство Закамской укрепленной линии. Причиной ее сооружения послужила необходимость защиты русского земледельческого населения, горнометаллургических и других заводов от набегов кочевников – ногайцев, казахов и башкир. К 1736 г. укрепления состояли из крепостей Самара, Алексеевск, Сергиевск, Заинек, Мензелинск, редутов и засек между ними. На линии были размещены 3 конных и 1 пеший ландмилиционные полки (4650 человек). Общая ее протяженность составила 320 верст². Ландмилиция формировалась в России с 1713 г. из солдат некомплектных полков, казаков и местных однодворцев, составлявших особое неподатное сословие, и служила для пограничной и охранной службы.

В 1736 г. Закамская укрепленная линия была продолжена на юго-восток вдоль реки Самары, впадавшей в Волгу. Причиной ее строительства стало обеспечение безопасного плавания по Самаре – главному продовольственному пути от Волги до Урала (следовательно, и до Оренбурга), а также для защищенного прохода торговых караванов и обозов по этому направлению. Построенные вдоль реки Самары укрепления получили название Самарской (от Самары до Оренбурга) укрепленной линии, или дистанции, включившей крепости Бузулукскую, Краснокамскую, Ольшанскую, Борскую, Тоцкую, Сорочинскую, Новосергиевскую. Ключевым пунктом этой линии была определена крепость Сорочинская. Перечисленные крепости были обведены валами, рвами и деревянными стенами, с рогатками, деревянными башнями и турами по углам; на башнях поставлены чугунные и медные пушки. Между крепостями устроили еще редуты, занятые казаками. В 5 крепостях были поселены казаки в числе 1078 человек и, кроме того, 12 калмыков, 41 разночинец, 19 ногайцев и 6 ссыльных³.

С целью стабилизации военно-политической обстановки в регионе правительство прибегло к созданию новых укрепленных линий. Далее на юг от Оренбурга по берегу реки Яик (Урал) была организована Нижнеяицкая укрепленная линия (от Оренбурга до Илецкого городка), состоявшая из Чернореченской, Татищевской, Бердской, Нижнеозерной и других крепостей и форпостов. Исетская укрепленная линия к 1737 г. состояла из Чебаркульской, Миасской, Челябинской, Еткульской крепостей. В 1739 г. в именном указе императрицы Анны Иоанновны

руководителю Оренбургской экспедиции генерал-лейтенанту князю В.А. Урусову было велено: «От Верхо-Яицкой пристани вниз по реке Ую и по Тоболу до Царева городища строить крепостцы и селить, а ежели такие крепкие и к поселению удобные места одно от другого в дальнем расстоянии, а именно не ближе 50 или 40 верст, то между поселениями поделать редуты для содержания караулов, убежища от неприятеля приезжим людям, а при редутах иметь высокие караулки на столбах, дабы с одной до другой часовым видеть и неприятеля усмотреть было возможно и чтобы от редута до редута пушечным выстрелом или через зажжение маяков дать знать было можно»⁴. Вдоль реки Уй, протекавшей по степной долине, началось строительство Уйской укрепленной линии. В нее вошли крепости Троицкая, Магнитная, Карагайская, Петропавловская, Кичигинская, Степная. Каждая крепость имела несколько застав. Между форпостами непрерывной линией тянулись заграждения из березовых или таловых прутьев (симы). В общей сложности в 1736-1755 гг. было построено более 40 крепостей, вошедших в общую оборонительную систему Южного Урала – Оренбургскую укрепленную линию общей протяженностью 1310 верст. К строительству крепостей, редутов, застав, форпостов, пикетов государство привлекло регулярные и иррегулярные войска, служилых людей разных сословных групп, русских крестьян, башкир, тептярей и бобылей, а также ссыльных. Ландмилиционные полки с Закамской пограничной линии, утратившей свое значение после строительства новых южных линий, были переведены на Оренбургскую и Уйскую линии⁵.

В итоге колоссальной работы, проделанной в короткие сроки, весь юг Урала укрепился целой системой мощных оборонительных сооружений, многие из которых прикрывались природными водными рубежами – реками Самарой, Яком (Уралом), Уем, Исетью. Планы пограничных укреплений разного типа отличались регулярностью, в ходе строительных работ использовались типовые проекты, которые в целом соблюдались. В результате интенсивного пограничного строительства на Южном Урале были созданы условия для заселения местных плодородных земель русскими колонистами из центральных и северных губерний европейской России и переселенцами других национальностей из числа народов Поволжья и Урала.

В целях упорядочения управления система приграничных линий была реорганизована в единую Оренбургскую линию и разделена на 8 дистанций с 5-ю укреплениями в каждой: Самарскую, Сакмарскую, Красногорскую, Орскую, Верхнеяицкую, Верхнеуйскую, Нижнеуйскую и особый Оренбургский дистрикт. Во главе дистанций власти поставили комиссаров из числа офицеров регулярной армии.

Главной крепостью общей Оренбургской пограничной линии стал Оренбург – единственная крепость, у которой бастионы и наружная стена с контрфорсами были облицованы известковым камнем⁶. В путевых заметках академика И.П. Фалька, прожившего несколько месяцев в Оренбурге в 1771 г., приведено такое описание города-крепости: «Оренбург есть губернский город, главная крепость и сборное место Оренбургской линии. Вал, простирающийся на 3 версты и сухой ров, выложенный рых-

лым песчаным камнем, ограждают город при реке полукругом. В нем есть артиллерия и магазины, гарнизон, состоящий из 4 батальонов и команда артиллеристов...»⁷. Артиллерийское оснащение укреплений Оренбурга, имевшего до 1862 г. статус города-крепости, было внушительным. Для его обороны были предназначены 168 артиллерийских орудий, в том числе 123 чугунные и 21 медная пушки, 18 медных и 6 чугунных мортир гаубичного типа. В сравнении с Оренбургом другие крепости имели значительно меньше артиллерийских стволов. Верхне-Озерная крепость была оснащена 1 медной и 26 чугунными пушками, 4 чугунными мортирами. Орская крепость имела еще меньше артиллерии: 5 чугунных и 4 медных пушки, 2 мортиры. В Чернореченской крепости было всего 5 чугунных пушек. Помимо 4-х ландмилиционных полков к охране границы были привлечены дополнительно Билярский конный полк и Уфимский, Казанский, Сергиевский драгунские полки регулярной кавалерии⁸.

В 1744 г. после учреждения Оренбургской губернии Яицкое (Уральское) казачье войско было передано из Астраханской губернии в ведение оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Еще до этого решения оно было привлечено к охране южного участка Оренбургской линии от Гурьева до крепости Рассыпной. В 1743 г., например, на линейной службе по берегу Яика (Урала) в его нижнем течении находились свыше 1700 яицких (уральских) казаков, а еще 170 казаков несли пограничную службу в Гурьеве⁹.

В том же 1744 г. из переведенных в Оренбург уфимских, самарских, табынских, исетских казаков, беглых холопов

и отставных солдат был сформирован Оренбургский нерегулярный корпус численностью в 700 человек¹⁰. В 1748 г. все казачьи части Оренбургской губернии были объединены в Оренбургское нерегулярное войско, а в 1755 г. утвержден его штат, согласно которому в войске должно быть 2000 человек. Прочее казачье население губернии выставляло для гарнизонной и линейной службы дополнительно около 3000 человек¹¹. Однако наличных воинских формирований для защиты Оренбургской линии явно не хватало. Поэтому с 1748 г. к охране границы стали постоянно привлекать башкир, служилых татар и мишарей. Поскольку пограничная служба становилась для них главной обязанностью, эти национальные группы в 1754 г. были освобождены от уплаты в казну ясака. На пограничные линии башкиры и мишари ежегодно направляли от 5500 до 10500 вооруженных всадников¹². Башкиры Уфимской провинции служили на Яицкой линии (от Рассыпной крепости до Верхне-Яицкой), а башкиры Исетской провинции – на Уйской линии (от Верхне-Яицкой до Звериноголовской крепости). Служба на участках Оренбургской пограничной линии называлась «ординарной». При этом для части башкир и мишарей она превращалась еще и в нелегкую трудовую повинность (подводная гоньба, земляные, строительные работы и т.п.). На границе они находились с ранней весны и до глубокой осени¹³.

Не менее тяжелой и утомительной была повседневная казачья служба. Казаки Оренбурга следующим образом описывали свое пребывание на пограничной линии: «...С начала каждой весны почти все без остатку располагаемы бывают

по линии фарпостами и продолжают беспеременно до нападения снегу, где будучи, не токмо должную свою службу исправляют, яко то по линии раз[ъ]езды, от[ъ]езжие караулы, поиски и погони за неприятелем чинят, канвоюют всякого звания людей проезжающих, но и в подводы под отвоз следующих ардинарных почт и при оных посажиров всякаго звания людей и курииров употребляются, а особливо под шлюющихся в Нерчинск на поселение крестьян, на их же казачей собственной упрежи, которая по здешнему пограничному безлесному месту и по отдалению от внутренних российских жителств покупается надмеру высокою ценою. А некоторые из них и в зиму для воски ардинарных почт, штафетов и куриеров оставляемы бывают»¹⁴. Тем казакам, которые не посылались на границу, приходилось выполнять полицейскую повинность: охранять в городах губернии административные учреждения, сопровождать «денежную казну», конвоировать осужденных, заниматься розыском разного рода «воров и разбойников»¹⁵.

Современник событий П.И. Рычков в своей «Истории Оренбургской» описал одно из характерных происшествий на границе в 1750 г. следующим образом: «В нынешнем же году одна калмыцкая воровская партия, напад в степи между Борскою и Красногорскою крепостями на купеческой обоз, оной разбила, отняв купеческаго товару по цене около 70 тысяч рублей, в том числе одного серебра 57 пуд, но посланные за теми ворами партии немалую часть онаго возвратили»¹⁶.

Воинские силы, размещенные в крепостях Оренбургской пограничной линии, подчинялись не местному

губернатору, как «главе и хозяину всей вверенной в смотрение его губернии»¹⁷, а командиру созданного в 1763 г. Оренбургского регулярного корпуса, имевшего чин генерал-поручика¹⁸. Однако гарнизонные команды в городах находились в ведении губернатора, ему же подчинялся и обер-комендант Оренбурга. Нерегулярные войска (казаки, башкиры, мишари, калмыки) согласно указу Военной коллегии от 7 июня 1765 г. во время службы на пограничной линии выполняли распоряжения командира Оренбургского корпуса, а по возвращении со службы снова поступали в ведение губернской администрации¹⁹. Сам же командир регулярного корпуса оренбургскому губернатору подотчетен не был. Он подчинялся Военной коллегии, но в тоже время обязан был «чинить вспоможение и... по насылаемым от тамошняго губернатора требованиям исполнять»²⁰. Отсутствие четкого разграничения полномочий между губернатором и главным военным командиром вызывало постоянные трения в отношениях между ними. Оренбургские губернаторы требовали, чтобы все воинские силы губернии были отданы в подчинение им²¹. Командиры корпуса, наоборот, стремились сохранить и расширить свои властные полномочия. Все это привело к острому и многомесячному конфликту между оренбургским губернатором князем А.А. Путятиным и командиром Оренбургского корпуса генерал-поручиком А.П. Мельгуновым в 1765-1766 гг. Конфликт сопровождался многочисленными взаимными упреками и обвинениями, жалобами и доносами в Петербург друг на друга и потребовал от центральной власти более четкого раз-

граничения полномочий губернатора и командира регулярного корпуса²².

В 1764-1771 гг. в царствование Екатерины II полки Оренбургского регулярного корпуса были разделены на отдельные линейные, т.е. пограничные, батальоны штатной численностью в 804 человека каждый. В батальоне было 6 рот, в том числе 4 строевых, 1 инвалидная и 1 мастеровая рота, занимавшаяся обслуживанием и ремонтом пограничных укреплений. Всего таких батальонов, названных «оренбургскими», было 10, они отличались друг от друга только номерами с 1-го по 10-й. Новый император Павел I в 1797 г. вновь объединил линейные батальоны в гарнизонные полки с сохранением их прежних номеров. Количество и численность рот в батальонах осталась прежней, но одна из строевых рот стала именоваться гренадерской. В нее отбирали наиболее рослых рекрутов²³. Линейные батальоны стали базой формирования регулярных полков российской армии. Обученные рекруты, приобретая опыт пограничной службы, направлялись на пополнение пехотных и кавалерийских полков полевой армии.

В 1798 г. по инициативе первого оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома Оренбургская линия была разделена на пять дистанций: 1-я из них включала крепости и редуты от Усть-Уйской крепости до Верхнеуральска, с присоединением к ней Звериноголовской крепости и Алабужского редута; 2-я – от Верхнеуральска до Орска; 3-я – от Орска до Оренбурга; 4-я – от Оренбурга до Уральска, и 5-я дистанция – от Уральска до Гурьева городка. Все иррегулярные войска, которые на ней служили, были разделены военным губернатором на

кантоны во главе с кантонными начальниками. О.А. Игельстромом было создано 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских, 2 уральских и 1 калмыцкий кантоны²⁴. Система управления по кантонам закрепилась и существовала у башкир и мишарей до 1860 г., а у казаков – до 1841 г., когда вместо кантонов были введены полковые округа.

Продолжавшиеся в начале XIX века набеги кочевников разных национальностей на юго-восточную границу России побудили правительство усилить концентрацию войск в Оренбургской губернии, практически превратившуюся в воюющую окраину страны. В декабре 1816 г. был учрежден Оренбургский отдельный корпус, а местные военные губернаторы, начиная с П.К. Эссена, вступившего в должность в 1817 г., получили права корпусного командира. Отдельный Оренбургский корпус состоял из штаба корпуса, 29-й пехотной дивизии (3 бригады), 14-й гарнизонной артиллерийской бригады, инженерных команд в Оренбурге и Орске. Из артиллерии в корпусе был еще Окружной арсенал и 57-я легкая артиллерийская рота, но в 1819 г. в связи с обострением обстановки она была переведена на Кавказ. Вместо нее были сформированы 2 казачьи конноартиллерийские роты №10 и 11. В корпусе числились также Неплюевское военное училище, военно-рабочая рота, 13 инвалидных команд в городах и 2 этапные команды. Большая часть войск была расквартирована в Оренбурге, Уральске, Орске, Троицке, Верхнеуральске, Уфе. Часть батальонов 29-й пехотной дивизии размещалась в крепостях Оренбургской линии: Кизильской, Таналыцкой, Магнитной, Звериноголовской, Степной. Кавале-

рию корпуса представляли иррегулярные войска: Оренбургское казачье войско с двумя конноартиллерийскими ротами, Уральское казачье войско, Башкиро-Мещерякское войско, Ставропольское калмыцкое войско и 2 тептярских полка, находившиеся на положении регулярных казачьих полков²⁵.

Количественный состав Отдельного Оренбургского корпуса выглядел в 1839 г. следующим образом: пехота насчитывала 9553 человек, артиллерия – 974 человек, кавалерия – 100192 человек. Из них штаб- и обер-офицеров, заурядчиновников было 2202 человек, нижних чинов – 113369 человек, нестроевых – 1148 человек. Кавалерия состояла из регулярных полков: 1-го Оренбургского казачьего полка (1392 человек), Оренбургского непрямого казачьего полка (810 человек) и иррегулярных частей и команд: Ставропольских калмыков (707 человек). Уральского казачьего войска (3707 человек), Оренбургского казачьего войска (12195 человек), башкир (74656 человек), мишарей (12830 человек)²⁶. Значительный удельный вес кавалерии в составе Отдельного Оренбургского корпуса свидетельствовал о том, что его войска были ориентированы на активный характер пограничной службы.

Пассивный характер защиты границы обеспечивали фортификационные сооружения разных типов: большие и малые крепости, редуты, заставы, форпосты, пикеты. Анализ состояния Оренбургской пограничной линии в первой половине XIX века показывает, что она в это время не представляла серьезного военного значения. Реальную картину положения дел на ней показывает «Записка», состав-

ленная в 1831 г. из рапортов комендантов крепостей для оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена. В ней указаны недостатки, обнаруженные в крепостях, и даны предложения по приведению их в оборонительное состояние. Так, например, у крепости Красногорской имелись осыпавшиеся в некоторых местах укрепления. Для Верхнеозерной, Ильинской, Танальцкой крепостей предлагалось «на первый случай сделать надолбы». У Орской крепости отсутствовал вал, ее предлагалось также обнести надолбами, Карагайскую крепость огородить земляной насыпью, Каракульскую и Крутоярскую крепости обнести плетневой стеной в 2 ряда с насыпкой земли и обкладкой дерном. В Усть-Уйской крепости требовалось восстановить прежний ров и обнести ее надолбами. Большинство крепостей в это время как оборонительные сооружения существовали лишь на бумаге²⁷.

Тревожные события на границе происходили довольно часто. Сохранились и были опубликованы следующие воспоминания казака – жителя одной из крепостей: «Не каждая ночь проходила и спокойно. Иногда только разоспишься, как около полночи ударят в пушку, зарокочут барабаны тревогу, а там с церковной колокольни несет набат. Тут уж, как угорелые, все выскакивают из домов, хоть и полудетые, но в полном вооружении: ведь не знаешь, что случилось: может, шайка киргиз прошла в стороне, а может, они устроили набег на крепость. Кто их знает! Поэтому оружие и ночью всегда лежало рядом. Как ударят тревогу, схватываешь его и бежишь или к рогаткам и валу, или на площадь к главной обвахте. Делалось все страшно быстро: через полчаса после вы-

стрела весь гарнизон был уже под ружьем на своих местах. А жутко было, как ударят тревогу в темную осеннюю ночь, когда и в 3-х шагах ничего не видно: а тут шум, гвалт, рокочут барабаны, гудит набат, а иногда и стрельба идет: дальше по всей линии то там, то тут горят сигнальные огни на маяках, точно зловещие красно-багровые зарева. А осенью-то набеги, как нарочно, были почти каждую ночь: солдатам было все же лучше, вот казакам приходилось тяжеленько: чуть тревога, они уж гонят на тот пикет, где впервые загорелся сигнальный огонь. Бывало, целый месяц, а то и два продолжалась такая беспокойная жизнь, и лошади ни на минуту не расседывались, так заседланными и кормились, а иногда и кормить-то, пожалуй, не приводилось: едва вернуться из погони, а тут – новый набег, опять тревога, и казаки снова бегут в погону»²⁸.

В 1836 г. в утвержденном Николаем I положении Комитета министров России было отмечено, что Оренбургская пограничная линия, «начиная от границы Сибири, образуется из части реки Тобола и всей Уя, впадающей в Тобол, и из речки Урала, и по всей длине его течения, до Каспийского моря»²⁹. Далее сообщалось, что она делится условно на две части: Уральскую линию длиной 633 версты от Каспийского моря до впадения в Урал реки Илек, охрана которой была возложена на казаков Уральского войска, и Оренбургскую линию длиной 1230 верст от впадения Илека в Урал и до границы Сибири. Охрана этой части границы поручена солдатам линейных батальонов и казакам Оренбургского и Башкиро-Мещерякского войск³⁰.

Систематические набеги кочевников на российскую территорию вынудили

правительство и оренбургских военных губернаторов принять дополнительные меры по усилению обороноспособности юго-восточных рубежей империи. Назначенный в апреле 1830 г. военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса граф П.П. Сухтелен внес проект реорганизации всей системы охраны Оренбургской пограничной линии. Он предложил во избежание прорывов степных кочевников в Башкирию усилить наиболее слабый ее участок на линии Орск – Верхнеуральск – Троицк, проведя границу напрямую от Орской до Троицкой крепости. Помимо очевидных выгод от сокращения количества войск на этом участке границы план П.П. Сухтелена сулил и значительные экономические выгоды: Оренбургское казачье войско получало дополнительно обширный район степи, пригодный для земледелия³¹.

Предложенный оренбургским губернатором проект получил одобрение военного министра и Азиатского комитета Министерства иностранных дел, но претворить его в жизнь П.П. Сухтелену не пришлось: в марте 1833 г. он внезапно скончался. Проводил в жизнь программу П.П. Сухтелена В.А. Перовский, сменивший его на посту военного губернатора. Прибыв в Оренбург, В.А. Перовский сразу же включился в работу по составлению детального плана реорганизации пограничной линии. В течение 1834 г. все необходимые приготовления были завершены, и в следующем 1835 г. началось осуществление утвержденного императором Николаем I проекта. С этой целью весной 1835 г. из Орской и Троицкой крепостей в степь выступили два специальных строительных и один геодезический отряд, а по

районам кочевков казахских родов проехали военный губернатор и председатель Пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф. Генс. Разъяснив старшинам и аксакалам причины переноса линии укреплений и не встретив с их стороны возражений и противодействия, В.А. Перовский и Г.Ф. Генс вернулись в Оренбург, а на участке степи протяженностью в 400 верст начались активные строительные работы³².

В 1835-1836 годах усилиями строительных отрядов и специальных рабочих команд из состава Башкиро-Мещеряжского казачьего войска между Орской и Троицкой крепостями было возведено 5 укреплений полевого типа – Императорское, Наследнинское, Константиновское, Николаевское и Михайловское. Они значительно отличались от крепостей XVIII века. Строительство их велось по типовому плану, в результате чего все пять укреплений были сходны по планировке, величине (70 на 72,5 метра), форме и архитектуре. Укрепления строились из кирпича с последующей побелкой. По углам находились четыре сужавшиеся вверх башни высотой 4 м каждая, с западной стороны располагались въездные ворота. В стенах башен, выходящих в степь, на высоте 2,5 м над уровнем земли проделаны амбразуры. Они имели внутри винтовые кирпичные лестницы для подъема на стену, но проходы защитников этих укреплений по стене не предусматривались. Каждое сооружение было окружено рвом. По рассказам местных жителей, глубина рва в Николаевской крепости была такой, что скрывала верхового казака с пикой, ехавшего по его дну (т.е. не менее 4 м)³³.

Между укреплениями по линии новой границы закладывались редуты и вре-

менные пикеты для несения сторожевой службы, а во внутренней приграничной полосе в 15 верст – несколько десятков прилинейных станиц и поселков. Для заселения укреплений и станиц Новой пограничной линии из крепостей старой линии – Таналыцкой, Магнитной, Верхнеуральской и Степной были переведены нижние чины 4-х оренбургских линейных батальонов, положившие начало населению казачьих станиц. Всего к 1 января 1838 г. в прилинейных поселениях было построено 24 казармы, 5 лазаретов, 874 жилых строения. Помимо этого в стадии строительства находились 266 домов и землянок³⁴.

В инструкции военного губернатора В.А. Перовского начальникам геодезических отрядов войсковым старшинам Ковалевскому, Авдееву и Лябзину особо подчеркивалось, что для устройства казачьих поселений необходимо выбирать хорошо защищенные от ветра и зимних снежных заносов участки, тщательно проверяя запасы и качество воды, ее пригодность к употреблению и возможность устройства колодцев. При этом казачьи станицы не должны были находиться на удалении более 30 верст один от другого, иметь удобное между собой сообщение и возвышенные места для устройства сигнальных и сторожевых вышек, посредством которых осуществляли контроль за прилегавшей к поселению местностью и связь между находившимися в пикетах и станице казаками. Строительство жилых и общественных помещений, разбивку усадеб и улиц разрешалось начинать только после составления специальных планов и утверждения их военным губернатором³⁵.

Солдаты 4-х линейных батальонов, переведенные на этот участок границы, были обращены в казачье сословие вместе с семьями. В течение 5 последующих лет в новые поселения были направлены дополнительно 892 семьи белопахотных солдат (7109 душ мужского пола), 777 семей ставропольских крещеных калмыков (1743 души мужского пола), из 3-го кантона Оренбургского войска переселены 1250 казаков-нагайбаков, а из 5-го кантона – 1627 казаков с упраздняемых внутренних станиц. В итоге мужское население Новолинейного района составило к 1845 г. 11729 человек³⁶. Переселение казаков из внутренних кантонов, где они обжились и имели сложившееся хозяйство, на новые места в неосвоенной степи проходило под жестким административным нажимом. Нежелавшим переселиться грозили зачислением в поселенные кавалерийские полки, внутренний режим которых был близок к казарменному режиму³⁷. Казаки и солдаты, поселенные в степных укреплениях и линейных станицах, стали одновременно и защитниками Новой пограничной линии, совмещая хозяйственную деятельность с несением караульной и сторожевой службы на кордонах и пикетах.

В 1845-1849 гг. по инициативе оренбургского военного губернатора В.А. Обручева, сменившего В.А. Перовского, в казахской степи были построены полевые укрепления – Уральское, Раим (Аральское) и Оренбургское. Они способствовали выходу на новый оборонительный рубеж по реке Сырдарье, где после взятия в 1853 г. нескольких кокандских крепостей была создана Сырдарьинская пограничная линия, позволившая перенести границу

России далеко на юг. Оренбургская пограничная линия постепенно утратила свое оборонительное значение, а ее защитники стали нести службу на Сырдарьинской линии³⁸.

Таким образом, во второй трети XVIII века была создана разветвленная система пограничных линий, прикрывших районы русской промышленно-земледельческой колонизации и основные транспортные коммуникации в Нижнем и Среднем Поволжье и на Среднем и Южном Урале. Пограничные укрепленные линии возводились в соответствии с правилами европейской фортификации того времени. Они выполняли не только оборонительную роль, но стали важным плацдармом для активного распространения российского влияния на сопредельные регионы в южном и юго-восточном направлениях. С постройкой этих линий и их объединением в Оренбургскую пограничную линию значительно укрепилась юго-восточные границы Российской империи.

Оренбургская пограничная линия за период своего 120-летнего существования была местом международной торговли со странами Востока, местом, где осуществлялись дипломатические связи с сопредельными народами и государствами, где реализовывались задачи российской внешней политики по отношению к ним. Линия служила фактической границей России на юго-востоке, обеспечивала безопасность российских владений от набегов кочевников. Но Оренбургская пограничная линия не была застывшей и привязанной к речной системе Южного Урала. В 1835-1845 гг. она продвинулась на юг, была создана и обустроена Новая Оренбургская, а затем

и Сырдарьинская пограничные линии, которые стали плацдармом для начала продвижения русских войск в направлении на Среднюю Азию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I. – СПб., 1858. – С. 40-45; Часть II. – СПб., 1861. – С. 487-489.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ – I). – Т. IX. – № 6388. – СПб., 1830; Ласковский, Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. – СПб., 1865. – С. 42-43, .

3. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть III. – С. 117, 119.

4. ПСЗ – I. – Т. X. – № 7876. – СПб., 1830.

5. Рахимов Р.Н. Американский фронтир и Оренбургская пограничная линия: новый подход к истории юго-востока России // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути, решения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Часть I. Оренбург: ОГПУ, 2001. – С. 141-148; Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. – С. 43-44.

6. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть III. – С. 307-309.

7. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. – СПб., 1824. – С. 238-239.

8. Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть III. – С. 106-107.

9. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1. – М., 1902. – С. 162; Казачьи войска (хроники гвардейских казачьих частей) / Под ред. В.К. Шенка. Составил В.Х. Казин. По 1-е апреля 1912 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. – СПб., 1912. – С. 226.

10. ПСЗ – I. – Т. XII. – № 9006. – СПб., 1830;
11. Казачьи войска (хроники гвардейских казачьих частей) / Под ред. В.К. Шенка. Составил В.Х. Казин. – С. 236.
12. Рахимов Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII: Внешняя политика императора Николая I. – М., 2009. – С. 166.
13. Васильев И.М. Податное и военнослужилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г.: В 2-х частях. – Уфа. 2000. – Ч. 2. – С. 184, 185, 210, 216.
14. Цит по: Васильев И.М. Указ. соч. – С. 227.
15. Васильев И.М. Указ. соч. – С. 229.
16. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 160.
17. ПСЗ – I. – Т. XVI. – № 12137. – СПб., 1830. – С. 717.
18. Клокман Ю.Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. – М., 1951. – С. 37.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1 / 47. Д. 762, ч. 1. Л. 11.
20. Сенатский архив. – СПб., 1909. – Т. 13. – С. 141.
21. Материалы по истории Башкирской АССР. – М., 1956. – Т. 4, ч. 2. – С. 451.
22. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1 / 47. Д. 762, ч. 1-2.
23. Хроника российской императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. Часть VII. Войска, в Финляндии находящиеся, и отдельных корпусов: Оренбургского, Сибирского и Внутренней стражи, и Корпус жандармов. – СПб., 1852. – С. 33-81.
24. Губернаторы Оренбургского края / Сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. – С. 125-126.
25. Рахимов Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху. – С. 166-167.
26. Там же. – С. 171-172.
27. Там же. – С. 182-183.
28. Кривошеков А.И. На Оренбургской пограничной линии: Очерки прошлого // Вестник Оренбургского учебного округа. Вып. 2. – Уфа, 1914. – С. 63.
29. Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 1. – С. 310.
30. Там же. – С. 310-311.
31. Кобзов В.С. Уральская Варна: к 150-летию основания казачьей станицы. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1992. – С. 6-7.
32. Там же.
33. Пономаренко Е.В. Новолинейные крепости – необычный тип поселений XIX века на Южном Урале. // Тезисы докладов региональной краеведческой конференции, посвященной юбилею музея. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 1998. – С. 145-147; Она же. Архитектура новолинейных крепостей на Южном Урале. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Вып. 1. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – С. 81-85.
34. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 11377. Л. 45-46.
35. Кобзов В.С. Уральская Варна. – С. 8.
36. Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. – С. 177-179.
37. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). – Оренбург, 1884. – С. 152.
38. См. подробнее: Рахимов Р.Н. Американский фронт и Оренбургская пограничная линия: новый подход к истории Востока России. – Уфа, БГУ, 2000.

ДЕНИСОВ Д.Н.

(г. Оренбург)

ЛЮТЕРАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПАСТОРЫ ОРЕНБУРГСКОГО ОКРУГА В 1767–1896 гг.*

Первые лютеране появились в степях Южного Урала одновременно с началом широкомасштабного освоения региона, еще в составе Оренбургской экспедиции 1734-1737 гг. Это были офицеры и гражданские чиновники, среди которых в Российской империи традиционно была высока доля немецких дворян, как из собственных прибалтийских губерний страны, так и перешедших на русскую службу из многочисленных земель раздробленной Германии, а также выходцев из Швеции, Дании, Голландии, Финляндии.

Лютеране занимали ключевые посты в военном управлении региона: командующие Оренбургским корпусом И.Ф. фон Медем, И.Г. фон Рек (1733-1795), командующие Оренбургским казачьим войском (ОКВ) А.Г. фон Энгельгардт (1774-1834), А.А. Гельд (1777-?), Е.И. фон Зенгбуш (1823-1878), Ф.Ф. Таубе (1857-1911), начальники штаба ОКВ К.К. Геке (?-1872), Г.К. фон Раден (1801-1868), П.Б. Берг (1801-1854), Е.И. фон Зенгбуш (1823-1878), И.Ф. Манснер (1840-1895), Ф.Ф. Таубе (1857-1911), Г.К. Рихтер (1855-1919), атаманы отделов ОКВ Б.П. фон Виннинг (1813-1888), Б.А. Мореншильд (1839-?), А.Г. Эрдман (1851-1920), член Совета Оренбургского военного округа от Военного

министерства А.И. Кизеветтер (?-1890), командиры бригад И.П. Стеллих (1771 – ранее 1839), И.Х. Рот, О.В. Кехли (1827-?), И.А. Берг (1830-1900), начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского округа Г.А. Фрейман (1789-1857), начальники инженеров отдельного Оренбургского корпуса И.И. Зейдлиц (1789-1859), А.Б. Танненберг (1806-1866), Е.И. Биршерт (1811-1879), зав. инженерной частью Оренбургского военного округа Г.И. Шлейфер (1827-1894), начальники Оренбургской инженерной дистанции Э.А. Анерт (1828-1891), Р.И. Малер (1847-?), зав. военно-топографическим отделом Оренбургского военного округа А.Р. Бонсдорф (1839-1919), обер-квартирмейстеры отдельного Оренбургского корпуса А.А. Шрамм (1792-1867), И.Ф. Бларамберг (1800-1878), окружные интенданты Оренбургского военного округа Э.Л. Плесске (1817-1873), Ф.К. Коль (1821-1894), коменданты г. Оренбурга К.И. Валленштерн (1710-1794), И.Ф. фон Галлер, Х.И. фон Трейден (1735-1809), Д.И. Герценберг (1746-1829), Р.Г. Глазенапп (1789-?), М.Х. Лифлянд (?-1848), П.И. Патон (1796-1871), коменданты Орска Ф. Беенке, К.Н. Уке (?-1808), фон Винклер, К.К. Сенденгорст (1806-?), комендант Илецкой Защиты К.И. Бабст (1790-?) и др.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005

В отдаленных гарнизонах Российской империи офицеры лютеранского вероисповедания не имели возможности совершать религиозные обряды в отсутствие собственного духовенства и церквей. В 1767 г. Военная коллегия в своем докладе императрице Екатерине II отмечала, что многие из них, «лишенными находясь отправлением Божественной службы по своему закону, скорбят и просятя от тех мест, где по службе и полезны б были, в другие места, где таковые Пасторы и церкви есть». Поэтому по предложению оборонного ведомства высочайшим указом от 6 ноября 1767 г. были введены штатные должности военных, полевых пасторов в Украинской дивизии, Казани, Оренбурге, Севске, Смоленске, Тобольске и Иркутске. Им были установлены казенные оклады по 300 руб. в год и 100 руб. ежегодно на аренду квартиры, где предлагалось одновременно проводить богослужение¹.

О назначении лютеранского пастора и дивизионного проповедника в Оренбург особо хлопотал местный военный губернатор А.А. Путятин. Первым на эту должность по указу Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел от 12 марта 1768 г. был определен **Филипп Христиан Вернборнер** (Phillip Christian Wernborner)². Он родился 9 февраля 1738 г. в местечке Мерлау (Гессен, Германия), в семье лютеранского пастора Иоганна Даниэля Вернборнера. В 1754-1758 гг. обучался теологии в г. Гиссен, а в 1759 г. поступил в университет г. Галле (ныне земля Саксония-Анхальт, ФРГ), откуда уехал в Россию и работал педагогом в Анненшуле – лютеранской школе при церкви св. Анны в Санкт-Петербурге. Получив назначение на должность дивизионного

пастора в Оренбург, он прибыл к новому месту службы в июне 1768 г.

Приезд собственного священника позволил местным лютеранам наконец организовать богослужение. Для этого прихожане купили за 331 руб. дворовое место на Большой (ныне Советской) ул. площадью 520 кв. саж. с деревянным домом, в котором жил сам пастор и первоначально проводились религиозные обряды. Всю необходимую для богослужения серебряную утварь стоимостью 300 руб. (литургическую чашу, блюдец для причастия и 2 подсвечника) подарил общине командующий Оренбургским корпусом генерал-майор Иван Федорович фон Медем (Johann Friedrich von Medem)³.

Первый пастор Ф.Х. Вернборнер руководил приходом недолго, только с июня по декабрь 1768 г., а уже в следующем году скончался. 24 сентября 1769 г. на его место был назначен магистр **Сигизмунд Израэль Берген** (Sigismund Israel Bergen). Он родился 11 октября 1728 г. в г. Фрайберге (Саксония) в семье обер-актуария (юридического чиновника) Иоганна Готлиба Бергена и Иоганны Доротеи Штрель. 17 марта 1748 г. окончил теологический факультет знаменитого Виттенбергского университета, а 17 октября 1750 г. в г. Любеке получил степень кандидата теологии. В 1769 г. был ординирован и короткое время служил пастором в церкви св. Петра российской столицы. 27 декабря он произнес первую проповедь перед лютеранской общиной Оренбурга, но уже через несколько месяцев, в апреле 1770 г., по приглашению вернулся обратно в Любек⁴.

Третьим лютеранским пастором города и подлинным устроителем религиозной жизни местного прихода стал **Иоганн Георг Гюбнер** (Johann Georg Hübner) из

Меммингена (в Швабии, на юго-западе Баварии), сын бедного ткача. В Германии он два года был наставником детского приюта Франке в Галле, а в 1767 г. эмигрировал в Россию, где работал домашним учителем в Санкт-Петербурге⁵. 28 февраля 1771 г. был ординирован, а 20 августа распределен в Оренбург, куда приехал в октябре. К этому времени местная община по-прежнему собиралась на богослужения в непригодном небольшом деревянном доме, крыша которого к тому же протекала во время дождей. Поэтому еще в 1770 г. был объявлен сбор средств на возведение полноценной кирхи по инициативе оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа (Johann Heinrich von Reinsdorp) (1730-1781), который сам пожертвовал на благое начинание крупную сумму денег⁶. В исторической литературе общепризнанной датой постройки первой лютеранской церкви в Оренбурге считается 1772 г.⁷, однако это неверно. В 1772 г. городская кирха была только заложена, но строительству помешала Крестьянская война 1773-1774 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, которая блокировала сообщение с крепостью и привела к хозяйственному разорению Оренбургского края. Лютеранская церковь была торжественно открыта пастором И.Г. Гюбнером после завершения всех строительных работ лишь 24 июля 1776 г.⁸. В честь российской императрицы, положившей начало местной общине назначением дивизионного проповедника, новый храм получил имя св. Екатерины. Кирха представляла собой здание из сосновых бревен шириной 10 сажень (21,336 м) на высоком каменном цоколе. Внутри церкви был установлен богато позолоченный алтарь, который,

по свидетельству современника, ничем не уступал столичным, петербургским⁹. Позднее интерьер украсили несколько удачных картин на религиозные сюжеты, написанные шведскими пленными, которые содержались в Оренбургской крепости во время войны России с их государством 1788-1790 гг.¹⁰.

3 мая 1787 г. пастор И.Г. Гюбнер скончался, а его преемником стал **Иоганн Готлиб Пауль Мевиус** (Johann Gottlieb Paul Mevius) из города Кобурга (в Верхней Франконии, на севере Баварии). Он был женат на Иоганне Лютер из рода самого религиозного реформатора Мартина Лютера. В апреле 1791 г. П. Мевиус уехал в Западную Сибирь, где служил пастором в приходе Барнауль-Томск и на Кольвановоскресенских (Алтайских) заводах до своей смерти в 1814 г.

На его место в Оренбург был переведен уроженец Гольштейна, бывший ректор лютеранской школы при церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге Детлев Петерсен (Detlev Petersen)¹¹, который духовно окормлял местную общину в 1791-1801 гг. При нем с 1794 г. казенное жалование дивизионному проповеднику было увеличено на 40 руб. серебром, из которых 20 руб. удерживались за обслуживание в военном госпитале, так что на руки он получал 420 руб. серебром в год.

На протяжении второй половины XVIII века лютеранскую общину Оренбурга составляли офицеры и чиновники, поэтому ее численность была крайне невелика. С 1770 по 1790 г. в местной кирхе к причастию был допущен всего 471 человек, или в среднем 24 человека в год. За тот же период в Оренбурге было крещено

по лютеранскому обряду 50 детей, или 2,5 ребенка в год.

После небольшого перерыва с 1801 г., когда в городе не было собственного лютеранского священника, на должность пастора в 1804 г. удалось пригласить **Иоганна Михаэля Карла Аллендорфа** (Johann Michael Carl Allendorf). Он родился 16 сентября 1775 г. в г. Буттштадте (Тюрингия), в семье мясника. 1 мая 1795 г. окончил факультет теологии в Йене. 10 мая 1804 г. ординирован в Санкт-Петербурге, а 14 июня того же года назначен на должность лютеранского пастора и дивизионного проповедника в Оренбург¹². Он прибыл сюда в ноябре и нашел местный приход в глубоком упадке. За время простоя все церковные здания сильно обветшали без надлежащего ухода, так что из-за сильных морозов в неотапливаемом аварийном помещении пастор смог провести первую литургию только 12 марта следующего 1805 г. В своих донесениях консистории он постоянно жаловался на нехватку средств у прихожан. Поэтому уже в начале 1806 г. И. Аллендорф покинул Оренбург. С 6 января 1806 г. по 1822 г. он возглавлял общину в немецкой колонии Рибенсдорф (ныне с. Рыбное Острогожского р-на Воронежской обл.), в 1822-1823 гг. – приход Тамбов-Рязань, а в 1823-1826 гг. – церковь колонии Ягодная Поляна (ныне Татищевского р-на Саратовской обл.).

В 1806-1816 гг. представителем Евангелическо-лютеранской церкви в Оренбурге был магистр **Иоганн Фридрих Христиан Виерек** (Johann Friedrich Christian Viereck). Он родился 3 ноября 1759 г. в Дебберзене (Мекленбург)¹³. В 1802-1805 гг. служил священником в колонии российских немцев Рибенсдорф,

откуда и приехал в Оренбург. Поначалу он также безуспешно просил консисторию о финансовой помощи, но в конечном счете сам активно взялся за возрождение прихода. В 1808 г. пастор И. Виерек добился официального разрешения на сбор добровольных пожертвований для ремонта оренбургской кирхи по всей территории Российской империи, причем особенно крупную помощь оказали богатые общины единоверцев в Прибалтике. На эти средства в 1811-1813 гг. был основательно перестроен весь комплекс приходских зданий: кирха, дом священника и флигель. Восстановив нормальную религиозную жизнь в лютеранской общине Оренбурга, пастор Иоганн Виерек уехал в Ижевск, где исполнял духовные обязанности с 1817 г. до своей смерти в 1832 г.

21 декабря 1819 г. на должность оренбургского проповедника был определен кандидат теологии **Карл Фридрих Розенталь** (Carl Friedrich Rosenthal), родившийся 17 ноября 1789 г. в Барвальде, регион Неймарк (ныне город Мешковице, Грыфинский повят, Западно-Поморское воеводство, Польша). Одновременно с его назначением в Оренбург с 1819 г. местному лютеранскому священнику опять повысили государственный оклад до 1200 руб. ассигнациями (342 руб. 65 коп. серебром) против прежних 320 руб. серебром без учета квартирных денег и медицинского обслуживания.

При пасторе К.Ф. Розентале в лютеранском приходе Оренбурга были впервые образованы органы церковного, общинного самоуправления для сбора и заведования финансовыми средствами, управления имуществом, решения вопросов хозяйственного содержания кирхи и

вспомогательных построек (их ремонта, освещения, отопления, уборки и т.д.). Сначала единоличным церковным старостой с 26 апреля по август 1821 г. был командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии полковник Иван Петрович Стеллих (Johann Wilhelm Stellig) (1773 – не ранее 1839). В августе 1821 г. в приходе был образован выборный коллегиальный орган управления – кирхенрат в составе президента и двух заседателей. На период с августа 1821 г. до 13 октября 1835 г. генерал-майор И.П. Стеллих стал председателем церковного совета, а его членами и старостами – оренбургский полицмейстер Федор Федорович Вангенгейм фон Квален (Friedrich August Theodor von Wangenheim-Qualen) (04.05.1791-10.07.1864) и председатель Оренбургской пограничной комиссии полковник Григорий Федорович Генс (Georg Gerhard Goens) (1787-10.05.1845).

Оставив приход св. Екатерины в Оренбурге, К.Ф. Розенталь с 1823 по 1827 г. работал пастором церкви св. Михаила на Васильевском острове Санкт-Петербурга, в 1827-1835 гг. – церкви Вознесения Господня в Иркутске, а в 1837-1851 гг. – церкви св. Иакова в Пскове.

На его место в Оренбурге заступил **Оливер Христоф Гольм** (Olivier Christoph Holm). Он родился 18 марта 1781 г. в г. Норрчепинге (ныне провинция Эстергетланд, Швеция), в семье фабриканта, вероятно, Олафа Гольма и Беаты Христины Гольдерс (1752-?). В 1798 г. поступил в университет г. Упсала (Швеция), а в 1802 г. – Або (ныне г. Турку, Финляндия). В 1805-1809 гг. преподавал немецкий язык, лютеранское вероучение и географию, в 1809-1810 гг. – латынь и историю в школе г. Вильманстранд (ныне г. Лаппеэнранта,

Финляндия), в 1810-1812 гг. – немецкий язык, лютеранское вероучение и географию в школе г. Нюслот (ныне г. Савонлинна, Финляндия). С 9 декабря 1812 г. работал учителем русского языка в гимназии г. Борго (ныне Порвоо, Финляндия)¹⁴. В 1820-1822 гг. он служил пастором в немецкой колонии Беттингер (ныне с. Баратаевка Марксовского р-на Саратовской обл.), а в 1823-1839 гг. – в Оренбурге.

13 октября 1835 г. в религиозной общине прошли перевыборы церковного совета. Свои полномочия сохранили на второй срок генерал-майоры И.П. Стеллих в качестве президента и Г.Ф. Генс в качестве члена, а вторым заседателем стал командир Оренбургского линейного батальона №4 подполковник Отто Петрович фон Риман (Otto von Riemann) (01.12.1788-?). С 22 января 1839 г. Г.Ф. Генс возглавил церковный совет и оставался на посту президента до 13 апреля 1841 г., а членами представительного органа стали подполковник Александр фон Фасс (Alexander von Fass) до 30 апреля 1841 г. и полковник Корпуса инженеров путей сообщения Федор Францевич Зеге-фон-Лауренберг (Friedrich Sigismund Sege von Laurenberg) (15.08.1796-30.08.1859) до 3 сентября 1842 г.

Тяжелые времена для общины наступили после того, как в 1839 г. по предложению губернатора В.А. Перовского император Николай I для экономии бюджетных средств решил упразднить штатную должность военного пастора в Оренбурге по малочисленности местных лютеран. 28 июля 1839 г. церковный совет получил указ Московской консистории об освобождении от должности оренбургского священника Оливера Гольма. Он уехал из

города, на время отошел от дел, а в 1841 г. вернулся к духовной службе в немецкой колонии Ягодная Поляна до 1849 г.¹⁵. Но для того чтобы оренбургские лютеране не остались вовсе без совершения треб и регистрации актов гражданского состояния (рождения, браков, смерти), в 1840-1842 гг. их стал навещать в качестве викария пастор **Фридрих Бернер** (Friedrich Berner) из Ижевска. Он родился 21 ноября 1805 г. в Риге, в семье торговца Иоганна Готтфрида Бернера и Берты Бартельс. В 1826-1829 гг. обучался на факультете теологии Дерптского университета (ныне г. Тарту, Эстония). 16 марта 1830 г. ординирован. В 1830-1840 гг. служил пастором в колонии Норка (ныне с. Некрасово Красноармейского р-на Саратовской обл.), в 1840-1850 гг. – на Камско-Ижевском заводе, а в 1850-1868 г. – в Екатеринбурге, где и скончался в июне 1868 г.¹⁶.

Несмотря на то, что после закрытия оренбургская кирха практически не использовалась, для надзора за пустующими приходскими зданиями 30 апреля 1841 г. новым президентом церковного совета был избран комендант города, генерал-майор Михаил Христианович Лифлянд (Michael Lüffland) (?-29.06.1848). В 1842 г. военный губернатор В.А. Обручев (1793-1866) подал на высочайшее имя ходатайство о восстановлении в отдельном Оренбургском корпусе штатной должности дивизионного проповедника «по случаю увеличения в... крае воинских чинов Лютеранского исповедания». По указу императора Николая I от 8 августа 1842 г. его прошение было удовлетворено, а пастору снова определено государственное жалованье в размере 1200 руб. ассигнациями в год с «назначением к

нему казенного денщика и отпуском по положению квартирных денег»¹⁷. С 1858 г. их размер был увеличен до 171 руб. 43 коп. серебром, а с 1860 г. к жалованью были прибавлены 99 руб. в год серебром столовых денег на питание¹⁸. Более того, по именному указу императора от 22 ноября 1844 г. казенный оклад в 28 руб. 65 коп. серебром ежегодно был установлен и состоявшему при дивизионном проповеднике кюстеру (помощнику и смотрителю церковных зданий)¹⁹.

С восстановлением в Оренбурге должности лютеранского пастора в 1842 г. на нее был назначен **Карл Генрих Эдуард Фрюауф** (Carl Heinrich Eduard Früauf). Он родился 7 августа 1813 г. в немецкой колонии Дитель (Олешно) Камышинского уезда Саратовской губернии (ныне с. Алешники Жирновского р-на Волгоградской обл.), в семье местного пастора Карла Якоба Фрюауфа (25.09.1767-08.05.1839) и Фридерики Кребс. В 1832-1836 гг. учился в гимназии Дерпта²⁰, а затем с 1836 по 29 ноября 1841 г. – на теологическом факультете местного университета. В Москве был ординирован в старейшей российской церкви св. Михаила и направлен в Оренбург, где приступил к обязанностям пастора летом 1842 г.²¹.

Эдуарду Фрюауфу снова пришлось выводить местную общину из кризиса, как это было в начале XIX в. За три предыдущих года без надзора постоянного священника дела совершенно расстроились. Приходские здания, перестроенные 30 лет назад, требовали срочного ремонта, а в опустевшей церковной казне было всего 18 руб. 66 коп. Поэтому новый пастор энергично взялся за ее пополнение. Он смог собрать в лютеранской общине Орен-

бурга 447 руб. 45 коп., а в других приходах страны – 452 руб. 89 коп. Еще 1150 руб. на реконструкцию кирхи, прилегающих жилых и хозяйственных построек выделил оренбургский военный губернатор В.А. Обручев, мать которого Полина Карловна Гертнер была не только немкой из Ревеля (ныне Таллинн), но и дочерью лютеранского пастора. На время строительных и ремонтных работ по просьбе церковного совета его бывший президент, генерал-майор Г.Ф. Генс разрешил проводить литургию в здании Оренбургской пограничной комиссии, которую он возглавлял с 1825 по 1844 г.²². Собранных прихожанами 2069 руб. хватило не только на капитальный ремонт фасада и интерьера, но и на внутреннюю перепланировку здания кирхи. Размеры молитвенного зала составили 20 кв. саж. (91,04 кв. м), а общая площадь церкви – 60 кв. саж. (273,13 кв. м.) за счет пяти дополнительных комнат пастората, пристроенных под общую крышу. Они предоставлялись священнику для жилья, а отапливалась кирха, как военная церковь, за государственный счет. Перестройка храма была полностью завершена уже к концу 1843 г.

Для обновленной кирхи губернатор В.А. Обручев подарил новый серебряный алтарь на постаменте из черного эбенового дерева с распятием. Церковный совет в дополнение к имевшейся утвари приобрел крестильную купель с кувшином, а также люстру и два светильника. Внутри кирхи были устроены специальные хоры, для которых в 1843 г. один из прихожан, часовой мастер Федор Иванович Лемке (1783-?) подарил собственноручно сделанный орган. Правда, после первой же пробы он сломался и в дальнейшем мог

использоваться при богослужении только самое короткое время. Поэтому в 1846 г. прихожане объявили специальный сбор, а в 1848 г. заказали профессиональный инструмент в г. Дерпте, в мастерской известного органного мастера Эрнста Карла Кесслера (1808-1863). Только перевозка органа из Эстонии в отсутствие железнодорожного сообщения с Оренбургом обошлась местным лютеранам в 317 руб., но зато музыкальный инструмент исправно работал долгое время. К 1859 г. имущество лютеранской церкви г. Оренбурга оценивалось в 5096 руб. 58 коп., в том числе: земельный участок, деревянное здание кирхи и пастората – в 2628 руб., а инвентарь – в 2468 руб. 58 коп.²³.

После перестройки храма при пасторе Э. Фрюауфе обеспечивался и его текущий ремонт за счет государственных средств, выделявшихся оренбургскими губернаторами. Так, в 1852 г. В.А. Перовский отпустил на внутреннюю и наружную отделку лютеранской церкви военного ведомства 100 руб., А.А. Катенин в 1859 и 1865 гг. – по 50 руб., а Н.А. Крыжановский в 1865 г. – дополнительно еще 250 руб.²⁴. К столетнему юбилею кирхи в 1876 г. она снова была отремонтирована за счет пособия в 300 руб., предоставленного районным комитетом Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов в России, основанной в 1859 г.²⁵.

С именем Эдуарда Фрюауфа связано еще одно очень важное преобразование в жизни лютеранской общины Оренбурга. По его инициативе 22 апреля 1845 г. здесь впервые была открыта кирхеншULE – церковно-приходская школа, где офицеры немецкого происхождения и даже один преподаватель Неплюевского кадетского

корпуса стали добровольно и без оплаты их труда обучать 17 детей (8 мальчиков и 9 девочек). Программа начальной школы включала лютеранское вероучение, немецкий и русский языки, чистописание, арифметику и церковное пение. Плата за обучение с родителей не взималась, что открывало путь к образованию детям из бедных семей. Но в безвозмездном характере школы крылась и ее слабость, потому что преподавание отдельных предметов постоянно прерывалось из-за отсутствия профессиональных педагогов и занятости добровольцев по основному месту службы. В результате школа закрылась, и с 1847 г. лишь сам священник продолжал заниматься с детьми 3 раза в неделю вероучением и немецким языком в помещении пастората при кирхе.

Возродить полноценную школу удалось только в 1861 г. благодаря финансовой поддержке Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России. Эта благотворительная организация стала ежегодно выделять оренбургской общине пособие в 420 руб., из которых 120 руб. предназначались на аренду помещения для школы, а 300 руб. шли на оплату труда и жилья кюстеру-шульмейстеру (смотрителю церковных зданий и учителю), а также органисту-кантору (заведующему музыкальной частью и хором). За счет этих средств с 11 октября 1861 г. при лютеранской кирхе св. Екатерины г. Оренбурга снова открылась приходская школа. К 1863 г. уже 19 детей (7 мальчиков и 12 девочек) занимались в ней вероучением, немецким и русским языками, арифметикой, географией, историей, рисованием (черчением) и церковным пением. Первые две зимы существования приходской школы орен-

бургский генерал-губернатор А.П. Безак бесплатно выделял дрова для отопления арендуемого учебного помещения, в котором одновременно проживал кюстер-шульмейстер. А Попечительство о бедных г. Оренбурга предоставило местным лютеранам средства на покупку русских учебников²⁶. Правда, помощь была непостоянной, и школа неоднократно приостанавливала работу, но усилиями прихожан и благотворителей каждый раз ее удавалось возродить. Центральный комитет Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России выдавал ей субсидии в 1862-1875 и 1882 гг., а районный комитет – в 1862-1866 гг. и регулярно в 1902 г. в размере 150 руб.²⁷.

Благотворительная организация оказала действенную помощь и в устройстве приходской библиотеки. В 1860 г. Центральный и Рижский районный комитеты Кассы взаимопомощи подарили оренбургской лютеранской общине книги для возрождения и активизации евангелической работы. По данным 1863 г. фонды общинной библиотеки насчитывали уже 646 томов. Кроме того, местный священник получил из того же источника 497 томов различных христианских журналов.

При пасторе Э. Фрюауфе численность лютеранского населения Оренбуржья начала существенно возрастать, особенно со второй половины XIX в. Если прежде небольшую общину в самом Оренбурге составляли преимущественно офицеры и гражданские чиновники, то теперь в городах Оренбургской губернии стали селиться предприниматели и ремесленники из Германии и немецких колоний Поволжья, привлеченные выгодами торговли со Средней Азией и бурным развитием на

ее основе перерабатывающей промышленности. Количество прихожан в лютеранском церковном округе увеличилось с 280 человек (178 мужчин и 102 женщин) в 1843 г. до 626 верующих (368 мужчин и 258 женщин) в 1862 г. С 1843 по 1863 гг. в Оренбургском лютеранском церковном округе причастились в общей сложности 3589 человек, или в среднем 180 человек в год. Из числа активных прихожан только 70 жертвовали деньги в церковную кассу. Наконец, с 1843 по 1863 г. лютеранским пастором Оренбурга были крещены 259 детей, или 13 человек в год.

На огромную Оренбургскую губернию приходилось всего две лютеранские церкви: в Оренбурге (с 1768 г.) и Златоусте (с 1810 г.). Поэтому по долгу службы пастор губернского города был вынужден сам посещать своих единоверцев, рассеянных по всему Южному Уралу, для совершения религиозных обрядов и регистрации актов гражданского состояния. На эти цели согласно высочайшему указу от 8 августа 1842 г. ему ежегодно выделялись прогонные деньги²⁸ в размере 150 руб. на 3 лошади. К этому времени в Оренбургский лютеранский церковный округ входили 15 городов: Белебей, Бирск, Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Верхнеуральск, Илецкая Защита (Соль-Илецк), Мензелинск, Оренбург, Орск, Стерлитамак, Троицк, Уральск, Уфа и Челябинск. И даже

после выделения из состава Оренбургской губернии самостоятельных Самарской (с 1850 г.) и Уфимской (с 1865 г.) губерний эти территории оставались приписанными к приходу св. Екатерины в Оренбурге, потому что в новых региональных центрах еще не было собственных лютеранских церквей и пасторов из-за малочисленности верующих. По мере продвижения России на юг, в Центральную Азию, границы Оренбургского церковного округа существенно расширились: в 1845 г. к нему был отнесен Западный, а в 1853 г. – Юго-Западный Казахстан, где в отдаленных гарнизонах и основанных правительством новых городах несли службу офицеры и чиновники из числа лютеран. Впоследствии эти территории составили Уральскую, Тургайскую, Закаспийскую области и Сыр-Дарьинскую линию.

Ежегодно летом лютеранский священник из Оренбурга отправлялся в пастырскую поездку по подведомственным населенным пунктам и территориям, посещая даже самые малочисленные группы единоверцев. Например, в 1860 г. Э. Фрюауф на лошадях проделал путь в 4600 верст. С 1861 г. районный комитет Кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранских приходов России стал дополнительно выдавать оренбургскому проповеднику по 300 руб. в год на транспортные расходы. В 1863 г. территория его

Таблица 1.

Динамика численности лютеран в Оренбургском церковном округе за 1843-1865 гг.

Территория	Годы			
	1843	1853	1859	1865
Оренбургский лютеранский церковный округ	280	510	600	718
В том числе г. Оренбург	180	213	238	257

Распределение лютеран в Оренбургском церковном округе в 1859 г.

№	Территориальная единица	Лютеран	Всего жителей	Верст до кирхи
Оренбургская губерния				
1.	Оренбург	238	20676	0
2.	Уфа	140	13029	351
3.	Стерлитамак	29	5264	125
4.	Белебей	11	2062	168
5.	Верхнеуральск	11	5380	596
6.	Орск	10	2183	613
7.	Троицк	10	4244	501
8.	Челябинск	8	4322	547
9.	Бирск	6	2731	1306
10.	Мензелинск	6	3101	272
11.	Уральск	6	11122	628
12.	Илецкая Защита	3	2424	419
Самарская губерния				
13.	Бугуруслан	14	6085	353
14.	Бугурусланский уезд	10	—	—
15.	Бузудук	7	6524	252
16.	Бугульма	5	4526	461
Казахская степь				
17.	Форт Перовский	17	—	1150
18.	В расseyании	69	—	—
	ИТОГО:	600		

округа несколько сократилась благодаря постройке отдельной кирхи в Самаре, к приходу которой были отчислены отдаленные уезды Самарской губернии, Бугурусланский и Бугульминский, но Бузулукский остался в его ведении. К тому же с 1877 г. в духовное заведование оренбургского пастора, как ближайшего к региону, передали недавно присоединенные среднеазиатские владения России, из которых были образованы Самаркандская, Сыр-Дарьинская и Ферганская области²⁹. В качестве викария при отсутствии железных дорог он был вынужден преодолевать колоссальные расстояния для духовного окормления поселившихся там лютеран. Так, в 1877 г. пастор Э. Фрюауф впервые посетил Ташкент, Самарканд, Фергану и Сыр-Дарьинскую область, проделав за 16 недель путь более чем в 5000 верст. К этому времени местная паства насчитыва-

ла 315 человек (238 мужчин и 77 женщин). Во время следующего визита в Среднюю Азию в 1878 г. оренбургский священник объявил сбор средств на постройку отдельной кирхи в Ташкенте, потому что запросы местных лютеран на долгие месяцы отрывали его от собственных прихожан.

Увеличение паствы в самом Оренбурге и за его пределами, расширение приходского хозяйства, появление школы и библиотеки требовали неусыпного попечения церковного совета, состав которого регулярно обновлялся. Как и прежде, его членами становились преимущественно высшие офицеры и гражданские чиновники. Так, должность президента лютеранского церковного совета Оренбурга занимали: с 29 апреля 1848 г. по 3 декабря 1857 г. – начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского округа генерал-майор Густав Антонович Фрейман (Gustav Georg

von Freymann) (10.12.1789-03.12.1857), с 11 декабря 1857 г. по 19 декабря 1859 г. – начальник Оренбургского таможенного округа действительный статский советник Александр Иванович Роде (Alexander Rohde) (?-19.12.1859), с 11 января 1860 г. по 7 июня 1870 г. – командир 1-го эскадрона и старший учитель военных наук Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса полковник Петр Логгинович Энгельке (Peter Engelke), с 7 июня 1870 г. по 3 января 1878 г. – оренбургский гражданский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Егор Иванович фон Зенгбуш (Gregor von Sengbusch) (19.04.1823-03.01.1878), а с 20 апреля 1878 г. до 21 декабря 1890 г. – член Совета Оренбургского военного округа от Военного министерства тайный советник Александр Иванович Кизеветтер (Alexander Kiesewetter) (?-21.12.1890), отец видного историка и деятеля кадетской партии Александра Александровича Кизеветтера (1866-1933). Членами церковного совета при них состояли: с 12 мая 1843 г. по 10 июня 1856 г. – командир 6-й учебной бригады военных кантонистов генерал-майор Петр Осипович фон Кистер (Peter von Küster) (1790-22.03.1865), с 10 июня 1856 г. по 11 января 1860 г. – полковник П.Л. Энгельке, с 9 февраля 1860 г. по 20 апреля 1878 г. – врач Николаевского института благородных девиц Александр Филиппович Гумбург (Alexander Peter Paul Humberg) (1832-15.02.1908), с 20 апреля 1878 г. по 30 января 1880 г. – начальник Оренбургской инженерной дистанции полковник Эдуард Адольфович Анерт (Eduard Gustav Ahnert) (02.12.1828-1891), а с 30 января 1880 г. уже два человека: до 15 февраля 1908 г. – врач А.Ф. Гумбург и

до 1896 г. – оренбургский купец 2-й гильдии Карл Август Шморель (Karl August Schmorell) (1832-1902), дедушка героя, руководителя антифашистской организации «Белая роза» и православного святого Александра Мюнхенского (Шмореля) (1917-1943).

В целом пасторство К.Г.Э. Фрюауфа оставило очень яркий след в истории лютеранской общины Оренбуржья. При нем была возрождена и основательно перестроена кирха, богато украшен ее интерьер, открыты приходская школа и евангелическая библиотека, заметно возросла численность верующих и наполнилась опустевшая церковная казна. За свои труды на пользу прихода и округа К.Г.Э. Фрюауф трижды награждался похвальными грамотами, семь раз денежными премиями, бронзовым наперсным крестом по случаю окончания Крымской войны 1853-1856 гг., золотым наперсным крестом с надписью «Пастору, дающему пример пастве словом и житием» за непрерывную 15-летнюю службу в 1859 г., орденом Св. Станислава III-й степени в 1868 г.³⁰. Он возглавлял лютеранский приход города дольше всех других пасторов, на протяжении 41 года, и скончался 18 июля 1883 г.³¹.

После его смерти с октября 1883 по 1906 г. долг лютеранского священника в Оренбурге нес **Иоаким Яковлевич Чахмахсазианц** (Jojakim Tschachmachsasjanz). Он родился 17 августа 1841 г. в Баку в семье армянского торговца, принявшего лютеранство. В 1862-1868 гг. обучался в Базеле (Швейцария). В сентябре 1868 г. одна из старейших миссионерских организаций, объединявшая различные протестантские конфессии, Базельская

Денисов Д. Н.

миссия направила его в Дерпт для ординации, чтобы он смог на законных основаниях приступить к проповеди лютеранства среди своих соотечественников в Азербайджане³². Но этим планам не суждено было сбыться, потому что деятельность протестантских миссионерских организаций на территории Российской империи оставалась под запретом еще с 1835 г. Лишь в 1870 г. И. Чахмахсазианцу удалось поступить на теологический факультет Дерптского университета, где он проучился только до 1871 г. Затем в 1872-1875 гг. он служил адьюнктом (помощником пастора) в южном приходе колонии Екатериненштадт (ныне г. Маркс Саратовской обл.) и работал религиозным учителем в местной центральной школе. В 1875-1880 гг. был священником в немецкой колонии Эйгенфельд Мелитопольского уезда Таврической губернии (ныне с. Полянка Мелитопольского р-на Запорожской обл. Украины). Одновременно с 1876 г. преподавал основы лютеранства в реальном училище г. Мелитополя. С 1880 по 1883 г. И.Я. Чахмахсазианц занимал должность адьюнкта (помощника) пробста всей

Правобережной (Горной) стороны Волги в Саратове, откуда и был направлен в Оренбург на место умершего пастора³³. Здесь, наряду с совершением религиозных обрядов, он стал преподавать вероучение для детей лютеран в мужской и женской гимназиях, реальном училище, Николаевском институте благородных девиц³⁴.

В конце XIX в. нагрузка на лютеранского пастора Оренбурга существенно возросла. В 80-90-е гг. началось масштабное переселение немецких колонистов из Украины и Поволжья в сельские районы Оренбургской губернии, где оставались обширные неосвоенные участки земли. Население городов продолжало пополняться за счет предпринимателей и ремесленников из Германии и немецких колоний Поволжья, привлеченных выгодами торговли с недавно присоединенной к России Средней Азией, бурным развитием на ее основе перерабатывающей промышленности и сети железных дорог. В результате общая численность лютеран в Оренбургской губернии выросла с 625 человек в 1868 г. до 1592 верующих в 1897 г. В самом Оренбурге она увеличилась с

Таблица 3.

Динамика численности лютеран Оренбургской губернии в 1868-1897 гг.

Территориальная единица	Численность лютеран по годам (чел.)	
	1868	1897
Оренбург	539	937
Илецкая Защита	3	2
Оренбургский уезд	8	367
Верхнеуральск	4	24
Верхнеуральский уезд	1	88
Орск	18	22
Орский уезд	0	1
Троицк	23	61
Троицкий уезд	17	14
Челябинск	0	67
Челябинский уезд	2	9
Всего в губернии:	625	1592

539 человек в 1868 г. до 937 человек в 1897 г. С конца XIX в. уже не офицеры и чиновники, а представители буржуазии постепенно стали задавать тон в жизни местной лютеранской общины.

Формирование в Оренбургском крае значительного и экономически самостоятельного гражданского населения, исповедовавшего лютеранство, позволило правительству переложить обязанности по содержанию городской кирхи и священнослужителя на самих прихожан. В соответствии с новым штатом евангелическо-лютеранских проповедников в войсках Российской империи, высочайше утвержденным 24 июня 1896 г., должность военного пастора в Оренбурге была упразднена³⁵. Он перешел в гражданское ведомство, а выплата ему жалованья из государственного бюджета прекратилась³⁶.

Таким образом, лютеранское население Оренбургского края стало формироваться одновременно с началом широкомасштабного правительственного освоения региона в 30-40-е гг. XVIII в. за счет военнослужащих и чиновников из числа немецких и североевропейских дворян. Для удовлетворения их духовных нужд в отдаленном крае с 1767 г. правительством была учреждена штатная должность военного пастора с государственным окладом в Оренбурге как административном и военном центре губернии. В качестве единственного священнослужителя он окормлял единовременцев, рассеянных по городам и гарнизонам огромного Оренбургского лютеранского церковного округа, который в разное время объединял территории Южного Урала, Казахстана и

даже Средней Азии. Большинство оренбургских пасторов до 40-х гг. XIX в. были выходцами из Германии, прошедшими подготовку за рубежом, а затем российскими немцами, окончившими в Дерпте единственный университет страны, который давал лютеранское теологическое образование. В 1776 г. в Оренбурге была построена кирха, которая как церковь военного ведомства также содержалась на казенные средства. В течение долгого времени лютеранская община региона была малочисленной и состояла преимущественно из военнослужащих местных частей. Однако со второй половины XIX столетия она стала существенно возрастать за счет переселения на свободные степные земли немецких колонистов из Украины и Поволжья, а в города – предпринимателей и ремесленников из Германии и Поволжья, привлеченных выгодами торговли с недавно присоединенной Средней Азией и бурным развитием на этой основе перерабатывающей промышленности. Формирование значительного и экономически самостоятельного гражданского населения, исповедовавшего лютеранство, позволило правительству при пересмотре штатов в 1896 г. упразднить должность военного пастора в Оренбурге, переложив обязанность по содержанию кирхи и священнослужителя на самих прихожан.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1-е. – Т. 18. – № 13003.

2. Kahle W. Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg// Kyrios. – 1964. – Vol. IV. – S. 3.

3. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 313, 316.
4. Bergen Sigismund Israel // Erik-Amburger-Datenbank: Auslander im vorrevolutionaren Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=92743&mode=1> (дата обращения: 14.03.2012); Kahle W. Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios. – 1964. – Vol. IV. – S. 4.
5. Stählin K. Aus den Papieren Jacob von Stählins. Ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. – Königsberg und Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1926. – S. 371.
6. Grot J. C. Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche: in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. – St. Petersburg und Leipzig, 1797. – S. 405.
7. Королев-Антошечкин Г.Е. Кирха св. Екатерины в г. Оренбурге // Оренбургские губернские ведомости. – 1889. – № 1; Судоргина Т.В. Лютеранская кирха в Оренбурге // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Серия «Многонациональный мир Оренбуржья». Вып. 7. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 1997. – С. 89.
8. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 312.
9. Grot J.C. Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche: in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Vol. 1. – St. Petersburg und Leipzig, 1797. – S. 405.
10. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 314.
11. Grot J.C. Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche: in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. Vol. 1. – St. Petersburg und Leipzig, 1797. – S. 404.
12. Allendorf Johann Michael Karl // Erik-Amburger-Datenbank: Auslander im vorrevolutionaren Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=92678&mode=1> (дата обращения: 14.03.2012).
13. Viereck Johann Friedrich Christian // Erik-Amburger-Datenbank: Auslander im vorrevolutionaren Russland [Электронный ресурс]. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=1050031> (дата обращения: 14.03.2012).
14. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Vol. 9. – Helsingfors: Finska Litteratursällskapets tryckeri, 1866. – L. 211, 295, 360, 361.
15. Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen – Evangelischer Teil. – Stuttgart: AER Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1978. – S. 145.
16. Hasselblatt A. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. – Dorpat: C. Mattiesen, 1889. – S. 149, № 2107.
17. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 18. – № 15938.
18. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 313; ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 34. – Ч. 2. – № 35285.
19. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 12084. Л. 1-2; ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 19. – № 18462.

20. Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. – Dorpat: C. Mattiesen, 1879. – S. 85. – № 1175.
21. Бахарева О.Я., Фрюауф М., Фрюауф С. Поколения Фриауфов (Фрюауф) в России и Америке // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы III региональной научно-практической конференции с международным участием. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 157-163; Бахарева О.Я. К истории лютеранской церкви в Оренбурге (1767-1918 гг.) // Немцы Сибири: история и культура: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 16-18 мая 2006 г. / отв. ред.: Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск : Наука, 2006. – С. 112.
22. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 315-316.
23. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. – St. Petersburg: Haessel, 1862. – S. 253.
24. Королев-Антошечкин Г.Е. Лютеранская кирха св. Екатерины в г. Оренбурге // Оренбургские губернские ведомости. – 1889. – 1 января.
25. Gernet v. A.O. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland. – St. Petersburg: J. Watsar, 1909. – S. 191.
26. Busch E.H. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen – und Schulwesens der Ev.-luth. Gemeinden in Russland. Vol. 1. – St. Petersburg – Leipzig, 1867. – S. 316-317.
27. Gernet v. A.O. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland. – St. Petersburg: J. Watsar, 1909. – S. 190.
28. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 18. – № 15938.
29. Gernet v. A.O. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungs-Kasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland. – St. Petersburg: J. Watsar, 1909. – S. 191.
30. Бахарева О.Я., Фрюауф М., Фрюауф С. Поколения Фриауфов (Фрюауф) в России и Америке // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы III региональной научно-практической конференции с международным участием. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 157-163.
31. Hasselblatt A. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. – Dorpat: C. Mattiesen, 1889. – S. 260, № 3576.
32. Der Evangelische Heidenbote: Monatsblatt Der Evangelischen Missionsgesellschaft In Basel. – 1868. – Volume 41. – S. 113, 124, 135, 155.
33. Hasselblatt A. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. – Dorpat: C. Mattiesen, 1889. – S. 644, № 8771.
34. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1900 г. – Оренбург: Губ. типо-литография, 1899. – С. 59, 61, 62, 72.
35. ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 16. – Ч. 1. – № 13101. – С. 563; Ч. 2. – С. 203-204.
36. Kahle W. Zur Geschichte der evangelisch-lutherischen St. Katharinen-Gemeinde in Orenburg // Kyrios. – 1964. – Vol. IV. – S. 3.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е.И. ПУГАЧЕВА (1773–1775 гг.) В КОНЦЕПЦИИ ЮЖНО- УРАЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К 240-ЛЕТИЮ С НАЧАЛА ВОЙНЫ)

Первым в ряду создателей образа Емельяна Ивановича Пугачева смело можно поставить А.С. Пушкина с его персонажем, который им самим был назван «славным мятежником». Облик Пугачева в литературе постоянно уточнялся – от книги к книге, от автора к автору, достигнув пика где-то в 60-х годах. Описаниям свойственен высокий стиль, вот несколько примеров: «Полная нужды и забот, тяжелого труда и испытаний, обид и тревог жизнь... Испытания ...оторвали его [Пугачева] от чисто казацкой среды, бросили в пучину народного горя... воочию, на себе познал всю тяжесть гнета крепостнической системы в целом»; «Простой донской казак из бедной казацкой семьи, Пугачев испил до дна всю горькую чашу обид, горя и бед, которая была уготована царизмом для множества таких, как он»; «Пугачев понимал, что народ стоит у порога восстания страшной силы, и весь вопрос в том, кто и где его начнет» (В. Мавродин)¹; Пугачев был харизматической лично-

стью, понявшей, что «уйти от этого мира гнета и нищеты некуда, и единственный способ добиться воли – это бороться с этим миром и ниспровергнуть его» (В. Мавродин)²; «Ловкость, отвага, смелость, кипучая энергия и вольнолюбие – характерные черты Пугачева», «умный, сильный духом, волевой и решительный вожак» (А. Андрущенко)³; «натура бесстрашная и бесшабашная, удаль и молодечество» (В. Буганов)⁴; «острым воинским глазом он подмечал, и цепким крестьянским умом он учитывал» рост недовольства народа (И. Гвоздикова)⁵; «Выдвинутый волею обстоятельств в лидеры движения, взяв на себя исключительно сложную роль новоявленного «Петра Третьего» и мастерски исполняя ее, Пугачев вырос в выдающегося вожака восставшего народа. Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетенному народу» (Р.В. Овчинников)⁶ и т.д. и т.п.

Пугачевский бунт характеризовался грандиозным всплеском насилия, длившегося больше года и затронувшего сотни тысяч человек на нескольких тысяч квадратных миль. В Европе XVIII столетия пугачевщина до 1789 г. была самым длительным, самым масштабным и самым разрушительным выступлением против основ старого порядка. Это обстоятельство ставит пугачевский бунт в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последние десятилетия XVIII века. В 1767 г. Екатерина II с гордостью провозгласила Россию европейским государством. Грандиозное восстание, потрясшее ее трон шесть лет спустя, по-своему подтвердило правоту этого утверждения императрицы. Россия действительно вошла в эпоху революционных выступлений нового времени.

На первый взгляд, Пугачев выглядит белой вороной в ряду благородных вождей «века демократических революций» в других странах. Он больше похож на разбойника, чем на Вашингтона, Джефферсона, Берка, Вольтера или Иосифа II. В то время как пресса Западной Европы и Северной Америки считала русского повстанца дворянином, Екатерина II откровенно насмехалась над «маркизом де Пугачевым». Сравнение бунта на восточных окраинах западной цивилизации с началом другого народного выступления на противоположной части европейского мира – Американской революции – может показаться бессмысленным. Их движущие силы, состав, организация, руководство, программа, продолжительность и итоги абсолютно несопоставимы. Но Американская революция и восстание Пугачева обладают удивительным сходством: оба

эти движения нанесли мощные удары по старому режиму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян. Хотя Пугачев потерпел поражение, он с удивительной силой обнажил ограниченность и изъяны «просвещенной» общественной программы Екатерины Великой.

На основе классификации революций Крейна Бринтона в его сочинении «Анатомия революции»⁷ пугачевщину следует считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания. Восстание Пугачева было региональным, ограниченным в основном российской юго-восточной границей и примыкавшими к ней землями; оно никогда не было общенациональным движением. Ни казаки, ни башкиры не составляли гражданскую нацию в современном смысле этого слова. Они боролись за свою автономию в составе Российской империи, а не за национальную независимость.

Недавно Роберт Форстер и Джек Р. Грин, опираясь на Марка Раеффа, определили пугачевщину как «крупное региональное восстание с ограниченными возможностями, не переросшее в революцию», хотя сам Раефф отмечает его пограничный и казачий характер^{8,9}.

Опираясь на теорию Чалмерса Джонсона¹⁰, попытаемся выяснить, каковы были цели восстания, возглавлявшегося Пугачевым. Первоначально казаки хотели изгнать царскую администрацию из Яицкого городка и восстановить свой автономный статус в составе Российской империи. Поскольку первая их атака на Яицкий городок потерпела неудачу, они обратили свои взоры на Оренбург, оли-

цветворявший царскую власть в регионе. Потом восстание перекинулось на Урал и соседние регионы, где имелись дополнительные силы и оружие для осады Оренбурга. Затем, особенно после присоединения к восстанию башкир, целью повстанцев стало уничтожение царской власти и ее сторонников в регионе. Однако основной целью движения оставалась власть, которую Джонсон определяет как «политические и административные институты, порождающие и исполняющие волю общества». Только в самом финале, летом 1774 г. в Поволжье, восстание сфокусировалось на истеблишменте или власти, то есть «на государстве, на основе основ, на «фундаментальных принципах». Затем повстанцы призвали к массовому истреблению дворянства. Этот период характеризовался также множеством жертв как среди повстанцев, так и среди их противников. Не стоит воспринимать всерьез туманные угрозы Пугачева идти на Москву или на Санкт-Петербург – это никогда не было целью восстания. Не была целью пугачевцев и Казань. Повстанцы оказались у ее стен случайно, застав город врасплох. Поскольку пугачевщина, не считая ее кровавого финала в Поволжье, в основном была направлена против правительства, она соответствует первому критерию Джонсона для крестьянского восстания.

Кем были пугачевцы? Зачинщики восстания и его руководители являлись простыми казаками. Их этническая принадлежность и социальное происхождение отличаются чрезвычайной пестротой. По религии – старообрядчеству – и укладу жизни они отличались и от соседних кочевников, и от жившего севернее русско-

го населения. Однако их территория, экономика и тесные отношения с империей связывали их с тюркскими кочевниками и калмыками, православными и мусульманскими крестьянами. Эти связи были как бы кузнечными мехами, с помощью которых казаки могли раздуть свой маленький повстанческий костер в огромный региональный пожар. Они успешно привлекали на свою сторону местное население, хотя, очевидно, неосознанно. Ясно, что восстание Пугачева было массовым стихийным движением. Как правило, его лидерами являлись крестьяне в широком смысле этого слова, тогда как казаки (и староверы) вдобавок чем-то напоминали сельские тайные общества. Короче говоря, такие отличительные черты данного восстания, как массовость и стихийность, удовлетворяют теории Джонсона.

Яицкие казаки вошли в состав Российской империи недавно и не полностью и, подобно жившим севернее башкирам, еще помнили о своей былой независимости. Их отношения с казаками и пример калмыков, ушедших в 1771 г. в Китай, лишний раз свидетельствовали о политической нестабильности на степной границе. Но как только казацкие повстанцы отважились двинуться вглубь страны, их воинский дух и боеспособность ослабли. Случайный успех Пугачева в Казани не должен заслонять тот факт, что действия повстанцев на севере практически всегда были неудачными. Если их последний марш в Поволжье воспринимался властями и русским дворянством как нашествие, то для самих мятежников он был бегством. В этом походе казаков сначала покинули их временные спасители – башкиры, а в финале и поволжские крестьяне.

У казаков всегда были исключительно локальные цели, и они не помышляли о всеобщем восстании.

Один из ведущих советских специалистов по данной проблеме профессор В.В. Мавродин полагает, что отказ Пугачева осенью 1773 г. идти вглубь страны и его стремление захватить Оренбург не были ошибкой, поскольку именно в этот период восстание превратилось в региональное движение, а повстанцы создали для себя территориальную базу. Кроме того, согласно Мавродину, у Пугачева тогда не было выбора. Казаки хотели сокрушить Оренбург, как бастион царизма в своей среде, что характерно для «крестьянской войны». Вероятно, поэтому они воевали против Яицкого городка и отказались идти на Москву после захвата Казани^{11,12}.

Обращения повстанцев учитывали состав населения, и поэтому их призывы к казакам, туземцам, крестьянам, горожанам, староверам и т. д. не были одинаковыми. Также в этих призывах звучали эсхатологические мотивы. Таким образом, знаменитый манифест конца июля 1774 г. после призыва к истреблению дворянства – по Джонсону, «чистки местных элит массами» – обещал, что «по истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет». Пугачев в своих публичных заявлениях иногда изображал из себя пророка, обещая восстановить старую веру и избавить страну от засилья иностранных порядков.

Пугачевский бунт разом разрушил столь тщательно создаваемый Екатериной II образ просвещенной, процветаю-

щей, прогрессивной России. Разграбленные дворянские усадьбы и повешенные на воротах их владельцы опровергли неуклюжие заверения властей о дружбе между помещиком и крестьянином. Восстание сорвало с имперского правительства маску, и оно предстало перед миром в качестве лицемера, громко трубившего о согласии и равенстве прав всех граждан, а на практике установившего над большинством собственного населения тиранию дворян и дворянской военщины.

Институты, способствовавшие формированию у различных социальных классов чувства политического единства, в стране отсутствовали. «Между крестьянской Россией и правительством страны не было никакого диалога и не существовало основ и механизмов для политического компромисса»¹³. Поэтому страна оставалась политически нестабильной, ее эволюция была проблематична, а будущее – неясным. В царской империи самодержавный деспотизм и народная анархия были странными, но взаимодополняющими друг друга партнерами.

Содержание концепции региональной идентичности писателя и философа А.В. Иванова заключается в следующем. На каждой территории есть свой наиболее эффективный способ хозяйствования. Он образует свой социум, который в свою очередь формируется вокруг какой-то одной или двух ценностей. И всю Россию можно рассматривать не как цельный организм, деградирующий от центра к окраинам, а как систему из разных идентичностей. Есть, например, южно-уральская идентичность, казачья.

На Южном Урале самый эффективный способ построения территорий – казачьи поселения, потому что там есть сельское хозяйство и свобода от крепостной зависимости. Потому что там вечная вражеская угроза и крестьянские войны. И казачья идентичность формируется вокруг главной ценности – свободы и равенства.

Различные идентичности – это не разные миры, это не разные страны, это разные варианты одного и того же русского мира. Если говорить в философском смысле, то для каждой идентичности есть своя главная ценность, то, что их объединяет. Ценности у всех разные: у рабочих – труд, у казаков – справедливость, у сибиряков или северян – предприимчивость, у националистов – традиция.

Главное, что объединяет русское пространство, – это то, что для всех свобода является ценностью номер два. Вот на этом и базировалась всегда Российская империя – на попрании идей свободы, поскольку региональная идентичность не ставит свободу во главу угла, как ставит европейский социум. Поэтому империя жизнеспособна.

Поэтому понятно, почему, например, весь юг России – красный пояс и почему там красные губернаторы против всех реформ. Да потому что главная ценность там – справедливость и равенство, ценность, которая больше соответствует Советскому Союзу.

Пугачевщину никто так и не осмыслил. Даже Екатерина сказала: «Предадим забвению». И реку Яик переименовали в Урал. А Пушкин вспомнил и подал эту историю как борьбу черни против знати. Действительно, Пугачев хотел

казаков сделать новой элитой России – сформировать казачью Россию. Для советских историков это была война угнетенных и угнетателей, то есть классовая война. На нынешнем этапе, уже в XXI веке, можно говорить о пугачевщине как о войне идентичности. Когда каждый социум воевал за собственную идентичность – за право жить так, как он хочет. Например, уральские заводы Пугачева не поддержали. Они выступили против него. На заводе, разумеется, трудились рабочие, но было огромное количество черной работы, в которой использовать рабочих было экономически невыгодно (рубить лес, возить грузы, копать руду). И действовала система приписки, когда огромное количество деревень было приписано каждому заводу и крестьяне занимались этими работами. И в итоге крестьяне восстали и пошли разрушать те самые заводы. А рабочие сами, без войск, без начальства обороняли свои заводы, потому что это был их хлеб. Это была война идентичностей. И если нам в школе говорят, что Пугачев нес свободу, – ничего подобного. Половина мятежников были башкирами и калмыками, которые были свободны, оставшиеся были казаками, которые были лично свободны.

Для России единственный способ выживания – это возвращение к политическим свободам, которые за собой потянут экономические. Экономические свободы потянут за собой восстановление идентичности. И только восстановленная идентичность сделает Россию привлекательной для мира.

Но у Пугачева были и наследники. Его имя и дела сохранялись в фольклоре, о

нем шептались в семьях дворян, громко кричали грабители и разбойники¹⁴. Произведения Пушкина на эту тему, санкционированные самим Николаем I, получили широкую известность у читающей публики начиная с 1830-х гг. С 1840-х гг. радикальная интеллигенция рассматривала это восстание как свидетельство исконности русского радикализма. Радикалы типа Михаила Бакунина (1814-1876) считали восстание Пугачева доказательством того, что крестьянство может стать источником революции в России. Народники 1860-х и 1870-х гг., вдохновленные этими идеями, организовали что-то вроде «пугачевщины наоборот», идя в деревни поднимать крестьян на борьбу с царизмом. Их наследники, социалисты-революционеры начала XX века, продолжали верить в революционный потенциал крестьянства. Это же мнение разделяли различные анархистские группы 1890-х гг. Нестор Махно, яркий представитель украинских крестьян-анархистов периода Гражданской войны в России, имел столько же прав на идейное наследие Пугачева, сколько последователи Ленина. То же можно сказать и об антисоветских крестьянских повстанцах Тамбовской губернии в 1920 г. и тех, кто поднял Кронштадтское восстание в 1921 г. Даже Мао Цзэдун, вероятно, может претендовать на часть целей Пугачева. Поэтому наследие Пугачева не может целиком принадлежать какой-то одной группе.

И народ этот, сочувствовавший Пугачеву и его делу, ждавший его с надеждой по всем градам и весям Российской империи, вынужденный молчать и подчиняться, когда в первопрестольной казнили их заступников, не забыл, прославил

его в песнях и легендах, пронес память о нем через долгие годы страданий и борьбы, вспоминая имя и дела его в трудные моменты своей жизни и в годы бесстрашной борьбы с угнетателями.

Пугачев при всей своей безграмотности, темноте, будучи человеком острого ума, «проворным» и проницательным, несомненно, понимал значение и смысл того дела, на которое он поднял огромные массы людей, пошедших за ним. Не мог он не думать о том, что его выступление, несмотря на поражение, не было одиноким в жизни русского народа, истинным сыном которого он был. Он, конечно, как и все его современники, хорошо знал о Разине, его атаманах и казаках, слышал предания о нем, пел, может быть, песни об удалом сыне Дона. Он действовал в тех местах, где сто лет до этого воевали с царскими войсками Разин и разинцы. Пугачев, собственно говоря, продолжил дело Разина, Болотникова, Булавина и других борцов за народную долю. Не мог он думать и о том, что простой народ, с восторгом встречавший пугачевцев, их манифесты, на его стороне и сейчас, и в будущем. Недаром он столько раз и недвусмысленно говорил о российской «черни», что она, конечно, пойдет за ним, поскольку терпит великие обиды и отягощения, стремится избавиться от барской неволи.

Простой народ и его лучшие представители не только не забыли Пугачева, героические деяния повстанцев последней в истории России Крестьянской войны, – они прославили имя народного заступника, которое снова и снова звало их к борьбе с гнетом, несправедливостью. В середине XIX века грозный призыв «пу-

гачевщины», витавший над российским дворянством, несомненно, ускорила падение крепостного права. Еще в начале XX века, как отмечал В.И. Ленин, русским помещикам мерещились вилы и топоры повстанцев Разина и Пугачева. Их далекие потомки в новых исторических условиях и на качественно ином, гораздо более высоком уровне организации и идейной оформленности довели до конца борьбу с эксплуататорами в октябре 1917 г. Многие люди воздают должное высокому подвигу Пугачева и пугачевцев. В 1985 г. в Саранске был построен единственный в мире памятник Е.И. Пугачеву. Пора и на территории Оренбурга увековечить славное имя Пугачева. Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц истории Отечества, деяний наших великих предков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т. II. Л., 1966. С. 67, 68, 90.
2. Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. М.: Мысль, 1974. С. 23.
3. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 20, 18.
4. Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 127.

5. Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. С. 271.

6. Емельян Пугачев на следствии: сб. докладов и мат-лов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 24.

7. Brinton C. The Anatomy of Revolution. New York, 1938 (пересмотренное изд. 1952). P. 22-25.

8. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Robert Forster and Jack P. Greene (eds.). Baltimore; London, 1970. P. 12, 194.

9. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Pugachev's Rebellion. Baltimore; London, 1970. P. 161-202.

10. Johnson Ch. Revolution and the Social System. Stanford, 1964. [Hoover Institution Studies, no. 3].

11. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: восстание Е.И. Пугачева. Т. II. Введение, гл. I.

12. Пронштейн А.П. Решенные и нерешенные вопросы истории Крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. №7. С. 161.

13. Emmons T. The Peasant and the Emancipation // The Peasant in Nine-teenth-Century Russia. Stanford, 1968. P. 69.

14. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Л., 1935.

БАШКИРО-МЕЩЕРЯКСКОЕ ВОЙСКО В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ПОХОДЕ 1813 ГОДА

В 1813-1814 гг. русская армия участвовала в Заграничном походе, ведя боевые действия против армии Наполеона. Поскольку в 1813 г. были освобождены германские государства и Нидерланды, то этот поход в историографии получил второе название – «освободительный». В нем приняло участие большинство ранее сформированных башкирских полков. Командование активно использовало башкирскую конницу в качестве авангарда наступающих союзных армий.

Для 1-го Башкирского полка поход начался в январе 1813 г., когда он принял участие в блокаде крепости Данциг, в двух боях (1 и 23 января) в конном строю отбил вылазки французского гарнизона. В феврале полк вошел в состав «летучего отряда» генерал-майора А.Х. Бенкендорфа и отличился в боях на территории Германии. 20 февраля полк воевал под Берлином, 21 вошел в город, 22 февраля в бою за городом отличились старшины Кутлугильда Темиров и Абдулла Арганбаев, есаул Кучербай Хусаинов, которые «ходили в атаку с отличною храбростию, которую уже неоднократно оказывали противу неприятеля, поражая врагов своими ударами, чем давали собою пример товарищам и подчиненным». Полковой командир майор Лачин «с начала кампании во все время отличал себя

твердым и неустрашимым духом и в сем деле показал свое мужество и храбрость, где бросился на пехоту на сильной ружейный огонь и с величайшим успехом разбил и прогнал в деревню»¹. В марте полк сражался под Дрезденом и Виссенбургом. 21 марта при Люнебурге Исангул Ишгушинов, Узьянбай Мактугов, Мырдаш Арапов, Хусаин Абубакиров, Мысин Языбаев, Абдулла Кутмужинов, Ниязгул Юлтыев, Буранбай Чувашбаев, «быв в охотниках, при ударе на неприятельскую батарею они, невзирая на сильный огонь из орудий картечью и из ружей на них производимой, первые врзались в кавалерию и пехоту, прикрывающую оную батарею, избивая неприятеля пиками, ободрили своих товарищей и поощрили их к таковой же храбрости»².

Далее полк бился 15-16 августа под м. Ютербок, 21-22 августа под Винтербургом. 26 августа при м. Герцберге вновь отличились старшины Кутлугильда Темиров и Абдулла Арганбаев, которые «во время атаки на неприятельские колонны, невзирая на сильной пушечной картечь и ружейный огонь, с неустрашимой храбростию врзались в колонны, поражая неприятеля своеручно подавая пример подчиненным и тем содействовали к разбитию оногo». Есаул Хусаин Кучербаев, «командуя сотней, ему вве-

ренною, во время атаки на неприятеля с неустрашимой храбростью врезался в неприятельские колонны, невзирая на сильный ружейный огонь, и примером личной своей храбрости поощрил к таковой подчиненных, приведя неприятеля в совершенный беспорядок, и тем содействовал к совершенному разбитию оного, равно неоднократно по отличной своей храбрости делал в партиях и в других местах на неприятеля атаки, всегда успешно поражал и при сих два раза уже были ранены за которое воздаяния никакого не было». А сотник Буранбай Чувашбаев, «будучи в охотниках впереди с неустрашимым мужеством и храбростью сделал на неприятеля удар, в пики збив оных стрелков и тем, приведя неприятеля в беспорядок, содействовал к разбитию оных»³.

Полк воевал 27-28 августа при м. Мильберге, 16 сентября при Дессау, 26 сентября при с. Лейденталь и принял участие в Лейпцигском сражении 6-7 октября. С 2 ноября по 22 декабря 1-й Башкирский полк участвовал в рейде отряда Бенкендорфа в Голландию, где сражался 10 ноября под крепостью Девентер. 7 декабря башкиры ночью атаковали и взяли штурмом крепость Тергейд. Впоследствии Бенкендорф так вспоминал эту атаку: «в это время вернулся князь Гагарин, которого я посылал по правому берегу Мерка с Башкирским полком, эскадроном гусар и двумя орудиями. Не раздумывая над тем, что враг по числу намного превосходит его, ночью князь предпринял атаку, закончившуюся полным успехом: Тергейд был отнят, захвачено 200 пленных, а остальные были обязаны своим спасением лишь покрову

ночи и труднопроходимой местности»⁴. 8-9 декабря башкиры сражались под крепостью Бреда. В этот период полк насчитывал 3 штаб-офицера, 17 обер-офицеров, 26 урядников, 365 башкир, всего 411 человек⁵. Военная операция привела к освобождению Нидерландов от наполеоновского владычества и восстановлению власти принца Вильгельма Фридриха Оранского.

Насколько трудно было сражаться башкирам, имевшим архаичное вооружение, против противника, имевшего, напротив, современное, говорит один случай, рассказанный самим башкиром – участником войны. Это воспоминание Джантюри, вместе с которым на войну ходила и его жена, записанное позднее В.В. Зефириным. «Не помню, при каком месте нас, человек с пятьдесят, поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как проглазели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на груди (вероятно, французские латники); мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного и вынимал уже пику, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел. Когда я очнулся, то увидел, что половина товарищей была перебита, а остальная связана, жены около меня не было, и я подумал, что ее уже нет на свете. Посадив на лошадей, нас повели в плен. Часа через полтора вдруг из-за леса вылетела целая сотня донских казаков и окружила нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и попросили

пardonу. Жена моя была с донцами, и дело объяснилось: в первой схватке моя баба смекнула, что нашим не устоять, ускользнула с места сражения и дала знать главному отряду»⁶. Итог боя легко подвести: на 50 человек башкир нападают 20 французов, в результате 25 башкир убиты, 25 взяты в плен, нападавшие потеряли 8 человек. На каждого убитого француза приходится 3 убитых башкира.

Помимо потерь в боях от оружия противника башкиры несли серьезные потери по болезням. Многоверстные марши, болезни (как тогда писали «лихорадки», «горячки») выбивали часть воинов в госпитали и больницы. На смертность по болезням влияли климат, вода и пища – к европейской необходима была адаптация, и наоборот.

2-й Башкирский полк в 1813 г. участвовал в боевых действиях в герцогстве Варшавском, а в конце июля вошел в состав Силезской армии, в составе которой участвовал в боях: 6-7 августа при м. Лигниц и д. Фелендорфе, 23 августа в преследовании до Бауцена, 24 августа – при м. Герлице и Рейхенбахе⁷. В сентябре 1813 г. полк был переведен в состав казачьего корпуса Платова в Богемской армии и сражался 6-7 октября при Лейпциге. В конце ноября 2-й Башкирский полк был направлен для несения дорожно-комендантской службы на военных дорогах, ведущих к Главной армии, и конвоирования пленных, где и находился до окончания военных действий.

4-й Башкирский полк находился в Большой армии в неполном составе. Из него была командирована полусотня (1 штаб-, 3 обер-, 3 унтер-офицера и 42 башкира) в конвой генерала от кавале-

рии графа П.Х. Витгенштейна⁸. Во главе этой команды был походный старшина Асылгузя Бакиров, награжденный за «отличную храбрость, оказанную в сражениях с 10-го августа по 6-е сентября» орденом Св. Анны 3 ст.⁹ Полусотня принимала участие в сражении под Дрезденом, в декабре 1813 г. находилась при Главной квартире Богемской армии, в 1814 г. по окончании военных действий вместе с союзными войсками вошла в Париж.

9-й Башкирский полк (башкирский командир Акмамбет Уразгулов), прибыв в армию 19 сентября, вошел в отряд генерал-майора К.А. Крейца Польской армии. Полк участвовал в боях 28 сентября при Фрайберге, 4 октября при Мазине, 6-7 октября при Лейпциге. Его командиры, есаул Кутлугильда Ишемгулов и сотник Аккусюк Тимербаев, за отличия и храбрость были награждены орденом Св. Анны 3 ст.¹⁰ 21 октября полк был откомандирован в корпус генерала от кавалерии барона Ф.Ф. Винцингероде Северной армии. С 27 декабря 1813 – 15 января 1814 г. 9-й полк состоял в отряде под начальством генерал-лейтенанта П.А. Строганова корпуса Винцингероде и располагался на левом берегу р. Эльбы при блокаде Гарбурга. В полку на декабрь 1813 г. состояло: обер-офицер, 8 урядников, 124 башкира. Часть полка находилась в различных командах.

Многие башкирские полки использовались командованием в составе войск, блокировавших французские гарнизоны в крепостях. Эти полки замещали части регулярной армии, продвигавшейся за Наполеоном во Францию, несли аванпостную сторожевую службу, отражали вылазки противника, сопровождали

военнопленных и несли комендантскую службу.

15 августа к крепости Глогау было направлено Костромское ополчение под командованием П.Г. Бардакова. К ополчению были прикомандированы уже находившиеся около крепости 13-й Башкирский, 2-й Мещеряцкий, 3-й Оренбургский казачий полки и рота артиллерии. В ночь на 22 августа гарнизон крепости сделал вылазку на правый берег Одера отрядом из 1500 чел. Однако благодаря расторопности оренбургских казаков под командованием майора Белякова эта вылазка была отбита, а французы потеряли 25 убитыми и 3 взяты в плен.

7 сентября к этому корпусу присоединились 8-й, 12-й, 16-й башкирские полки, Пензенское ополчение. Генерал-лейтенанту графу П.А. Толстому, командующему Поволжским ополченческим корпусом, было предписано следовать в Богемию «с теми только ополчениями и иррегулярной кавалерией, которые он <...> по сему предмету способными признали»¹¹. В Богемию выступили 7 казачьих, 4 башкирских полка и регулярная пехота, кавалерия, артиллерия. В составе этих войск были 4-й, 5-й уральские, 3-й Оренбургский казачьи, 9-й, 11-й, 14-й, 15-й башкирские полки, шедшие в авангарде. 21 сентября было получено повеление Александра I командировать в Главную союзную армию для ее усиления артиллерийскую роту №2, 11-й Башкирский и 3-й Оренбургский казачий полки. Таким образом, с 21 сентября у Толстого остались 9-й, 14-й, 15-й башкирские, 4-й, 5-й уральские и 4 других казачьих полка. Корпус перешел в Теплиц, с 25 сентября по 30 октября он блокировал Дрезден.

Обратим внимание на боевой путь башкирских полков, вошедших в осадный корпус Польской армии под командой барона Розена. Это 8-й, 12-й, 13-й, 16-й башкирские полки. Появление башкир в осадном корпусе через некоторое время изменило тактику действия блокированного противника. На правой стороне Одера, где находился корпус Розена, французы не держали по ночам караулов, поскольку на них ночью делали набеги башкиры и мишари, уничтожая солдат на постах. На левой стороне Одера находились прусские войска, которыми командовал полковник Блюменштейн.

28-29 октября гарнизон предпринял две вылазки против блокадного корпуса. На рассвете 28 октября французы атаковали позиции пруссаков, а против русских войск, опасаясь «переодетых мужиками солдат», сделали лишь диверсию с целью удержать их от участия в бою. Французы смогли одержать в этот день победу и уничтожить роту прусских егерей. 29 они уже осуществили двухстороннюю вылазку против русских и пруссаков. В этот день Костромское ополчение впервые приняло участие в бою, для башкир и мишарей свист пуль и ядер был знаком. Французы атаковали русские позиции двумя колоннами по 250 чел. каждая. Одна пыталась овладеть шанцами (земляные укрепления), соединяющими осадные аллеи, а другая сбить передовые пикеты башкир и затем занять шанцы на берегу Одера. Оба русских фланга, находящиеся у д. Пфердгimmel и Лихенберг, встретили французов ружейным огнем, 400 башкир произвели ложную атаку, сама крепость была подвергнута обстрелу и покрылась клубами порохового дыма. Русские

отразили натиск противника и перешли в наступление, сбив в свою очередь два французских пикета и овладев шанцами, потеряв всего 6 чел. убитыми и ранеными. С 30 марта 1814 г., после сдачи крепости, башкирские полки несли караульную службу вместе с ополчением до октября 1814 г.

Несколько башкирских полков приняли участие в осаде Дрездена. 14 августа Главная союзная армия блокировала Дрезден и предприняла штурм, отбитый французами во главе с Наполеоном. После разгрома под Дрезденом австрийская армия отступила от города. В этом сражении отличилась часть 4-го Башкирского полка, находившаяся в конвое генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна. 13 сентября под Дрезденом был оставлен 10-тысячный корпус российских войск для его блокады, 30 сентября к нему присоединился корпус генерал-лейтенанта П.А. Толстого, который возглавил блокаду. В это время в Дрездене было 35 тыс. чел., командовал ими Сен-Сир. 14 октября к Дрездену прибыл австрийский корпус во главе с генералом от кавалерии графом И. Кленуа (25 тыс. чел.), который возглавил войска союзников. 25 октября французы, у которых заканчивались запасы продовольствия, предприняли попытку прорваться из Дрездена в Торгау, отбитый войсками Толстого. В городе свирепствовали голод и эпидемия тифа, начались переговоры, после чего гарнизон 15 ноября сдался союзникам. В боевых действиях под Дрезденом в сентябре-ноябре принимали участие 14-й и 15-й башкирские полки.

Башкиры участвовали и в блокаде крепости Данциг, расположенной на

побережье Балтийского моря в устье р. Висла. Гарнизон крепости, состоявший из остатков великой армии, уцелевших в походе на Россию (10-й корпус, 35 тыс. чел.), возглавлял дивизионный генерал граф Ж. Рапп. В январе началась блокада крепости отрядами русской армии Витгенштейна. Блокадой Данцига руководил генерал-лейтенант Ф.Ф. Левиз, в апреле начальство перешло к генералу от кавалерии герцогу Александру Вюртембергскому. С моря крепость была блокирована флотом. В блокадный корпус вошел 5-й Башкирский полк, находившийся в авангарде отряда генерал-майора М.М. Свечина¹². Полк участвовал в боевых действиях, затем был отправлен «для препровождения пленных в Витебск», где был оставлен и числился прикомандированным к земской полиции с октября 1813 г. по апрель 1814 г. Необходимо отметить, что часть полка с ноября 1812 г. была командирована в армию (ею командовал войсковой старшина И. Бикчурин), в конвой М.Б. Барклая де Толли, в составе которого участвовала в сражении под Лейпцигом. За отличие при Лейпциге Бикчурин был награжден орденом Св. Анны 3 ст.¹³. Сотник Суюшев 27 ноября 1813 г. за «особенное усердие» был представлен к следующему чину¹⁴.

В число русских войск, блокировавших Данциг 18 мая, вошли 2-й Теплярский и 7-й Башкирский полки, которые приступили к блокадным действиям 30 мая¹⁵. В бою 21 августа против вышедшего из крепости противника подвиг совершил 7-го Башкирского полка полковой старшина Алтынбай Худайшукуров, который «личною храбростию ободрял башкир и

сам с оными кидался на неприятельских стрелков с успехом, так же и 28 минувшаго мая храбро отличил себя в атаке на неприятеля и в поражении онаго»¹⁶. Он был представлен к чину капитана. В декабре гарнизон сложил оружие. 7-й Башкирский полк после сдачи крепости 2 марта 1814 г. выступил в поход на Рейн к Силезской армии под начальством ген. от инфантерии А.С. Феньша и дошел до Кельна.

Башкиры участвовали в блокаде крепости Магдебург на р. Эльба. В октябре к прусским войскам, блокировавшим крепость, присоединились русские, которыми командовал генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров. В ноябре к блокаде присоединился отряд генерал-майора К.А. Крейца, в котором был 14-й Башкирский полк (башкирский командир походный старшина Абдулла Сурагулов)¹⁷. Гарнизон совершал активные вылазки, отбиваемые союзными войсками. Крепость капитулировала лишь в мае 1814 г. До блокады Магдебурга 14-й Башкирский полк участвовал в боях 26 сентября при д. Гисгибень, 27 сентября при м. Дона, 29 сентября и 1 октября при д. Плауден, при Дрездене.

Этот полк принял участие в Битве народов под Лейпцигом 6-7 октября. Вероятно, именно о нем писал французский генерал М. Марбо в своих мемуарах: «эти вновь прибывшие, еще незнакомые с французами, были подстрекаемы своими командирами, почти столь же невежественными, как и они сами, что мы обратимся в бегство при их приближении. Им не терпелось войти с нами в соприкосновение, и с самого первого дня прибытия на позиции перед нашими

войсками они устремились на наших солдат бесчисленными толпами, однако везде были встречены ружейным огнем <...> и оставили на поле битвы большое количество убитых.

Эти потери вовсе не утомили их пыл. Казалось, они еще больше возбудились. Двигаясь без всякого порядка, используя любые переправы, они непрерывно гарцевали вокруг нас, были похожи на осинный рой, отовсюду ускользали, и нам становилось очень трудно их догонять. Но когда нашим кавалеристам это удавалось, они безжалостно и во множестве убивали башкиров, ведь наши пики и сабли имели громадное преимущество над их стрелами. Тем не менее, поскольку атаки этих варваров не прекращались и русские поддерживали их атаки с помощью гусарских отрядов, чтобы использовать беспорядок, который могли создать башкиры в нескольких пунктах нашей линии, император приказал генералам удвоить бдительность и чаще посещать наши передовые посты»¹⁸.

21 октября полк выбыл из состава Польской армии в гарнизон Лейпцига, поступив под начальство генерал-майора князя Н.Г. Репнина-Волконского, генерал-губернатора Саксонии. В ноябре полк присоединился к корпусу генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова Польской армии и был включен в отряд генерал-майора К.А. Крейца, блокировавший Магдебург. За отличия под Дрезденом орденом Св. Анны 3 ст. были награждены башкиры есаулы Назирбай Тляпов, Галикей Ташбулатов, Насыр Абдуллин, в следующие чины представлены походный старшина Абдулла Сурагулов, сотники Насыр Наурузов, Кильдияр Байбулдин¹⁹.

В боевых действиях под Гамбургом участвовали 11-й и 15-й башкирские полки. 11-й Башкирский конный полк прибыл в мае 1813 г. в герцогство Варшавское, где был включен в состав Польской армии генерала от кавалерии барона Л.Л. Беннигсена. 21 сентября полк перевели в казачий корпус генерала от кавалерии графа М.И. Платова в Богемскую армию. В октябре – ноябре полк участвовал в боевых действиях в составе корпуса Платова. В ноябре полк был командирован в корпус генерал-лейтенанта Е.И. Маркова. В декабре полк находился в Главной армии для препровождения пленных вместе со 2-м Башкирским полком. С 1 января 1814 г. 11-й Башкирский полк был в блокаде и штурме Гамбурга. Часть его чиновников и башкир находились в разных командах при армии.

15-й полк с 1 по 30 октября 1813 г. находился в отряде генерал-майора М.Л. Булатова в составе авангарда Польской армии, которым командовал генерал-лейтенант Е.И. Марков. Вместе с другими башкирскими полками он участвовал в блокаде Дрездена, где находился крупный французский гарнизон. С 24 января 1814 г. полк участвовал в блокаде и штурме Гамбурга, оставаясь там до конца боевых действий. Башкиры активно использовались командованием в боевых действиях. Они содержали посты блокадного корпуса, атаковали французские посты, в том числе в спешном виде, отражали вылазки противника, участвовали в ночных атаках²⁰. Новизной боевого применения башкир, что показывало возросшее воинское мастерство, были атаки в спешном виде и участие в ночных боях.

Часть полка находилась в конвоях при генерале от инфантерии Д.С. Дохтурове, при графе П.А. Толстом, при начальнике Симбирского ополчения действительном статском советнике князе Н.И. Тенишеве.

Четыре башкирских полка входили в состав Резервной армии генерала от инфантерии князя Д.И. Лобанова-Ростовского и были расквартированы в Польше (17, 18, 19, 20-й). 17-й полк конвоировал транспорты в армию, пленных, осуществлял связь «на летучих почтах», а также между 3-м и 4-м корпусами Резервной армии. 18-й Башкирский полк с августа 1813 г. подчинялся командиру 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту П.К. Эссену. Штаб-квартира полка была в Кракове. Две трети личного состава полка находились в командировках: в конвое князя Лобанова-Ростовского, сопровождали в армию транспорты с продовольствием, пленных, осуществляли «летучие почты» в Ковно, Брест-Литовск, Люблин, налаживали связь между 3-м и 4-м корпусами Резервной армии²¹.

19-й Башкирский полк (полковой командир из башкир походный старшина Абдулнасыр Абдулгафаров) был включен в состав корпуса генерал-майора князя Горчакова 4-го в Резервной армии. 28 июля 1813 г. полк был направлен в м. Сельцы. 16 октября он командирован в Торн для сопровождения транспортов в действующую армию. 20-й Башкирский полк (полковой командир из башкир есаул Райман Кагарманов) был включен в состав корпуса генерал-майора князя Горчакова 4-го в Резервной армии. 27 июля полк был направлен в Плотск,

5 августа командирован в Варшаву «для учреждения посредством летучих почт сообщений 1-3 корпусов Резервной армии с Главной квартирой»²². Часть полка конвоировала пленных, часть поддерживала внутреннюю связь дивизий в м. Венгров. Главная квартира полка была в м. Рава.

В Освободительном походе 1813 г. участвовали 18 башкирских полков: 1-й, 2-й, 4-й, команда 5-го, 7-й – 20-й. Непосредственно в боевых действиях в 1813 г. приняли участие 13 башкирских полков: 1-й, 2-й, 4-й, команда 5-го, 7-й – 9-й, 11-й – 16-й.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 480.
2. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208в. Св. 47. Д. 4. Л. 103-104.
3. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 3. Д. 30-32. Л. 5 с об.
4. Бенкендорф А.Ф. Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 207-209.
5. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208г. Св. 4. Д. 38. Ч. 1. Л. 52.

6. Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 409-410.

7. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 107. Ч. 49. Л. 7-8.

8. Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 126-127.

9. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 173. Л. 5 об.

10. Усманов А.Н. Указ. соч. С. 127-128.

11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3416. Л. 13 об.

12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3842. Л. 5.

13. Усманов А.Н. Указ. соч. С. 128.

14. РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 35. Ч. 2. Л. 119.

15. Штейнгель В.И. Записки, касательно похода Санктпетербургского ополчения. М., 1815. Ч. 2. С. 65.

16. РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 33. Л. 33 об.

17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3915. Л. 140-142 об.

18. Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 660-661.

19. Усманов А.Н. Указ. соч. С. 125.

20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3418. Л. 13.

21. РГВИА. Ф. 125. Оп. 1/188а. Д. 129. Л. 542-543.

22. РГВИА. Ф. 109. Оп. 1/186в. Д. 6. Л. 1-1 об.

ИСТОРИЯ ЯИЦКОГО КАЗАЧЕСТВА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧ. XX ВВ.

Разностороннее изучение истории, деятельности казачества важно в контексте исследования дореволюционной истории России и Казахстана. В связи с этим труды дореволюционных историков, краеведов, писателей, членов российских научных обществ и учреждений являются ценными источниками по комплексному изучению поселений, быта, занятий, службы казаков. Анализ трудов российских исследователей указывает, во-первых, на роль казачества в присоединении новых земель к России, во-вторых, на его роль в защите границ от нападения соседних государств, в-третьих – на активное участие казачества в подавлении национально-освободительных восстаний инородцев в составе Российской империи, а также русских крестьян и бедноты и, наконец, на участие казачества в завоевательных походах России в XVIII-XIX вв. В целом роль казачества, прошедшего сложный путь от объединения свободных казаков до военного сословия с особыми правами и привилегиями, в проведении колонизаторской политики Российской империи бесспорна. Одним из исторически сложившихся казачьих формирований является Яицкое казачество или Уральское (с 1775 г.).

Ценные сведения о формировании Яицкого казачества, составе и поселениях, службе царскому правительству, взаимоотношения казачества с казахами левобережья Яика, хозяйстве, в особенности рыбном, содержатся в работах П.С. Палласа, П.И. Рычкова, А.И. Левшина, В.Н. Витевского, Н.А. Бородина, И.И. Железнова, А.Б. Карпова, Н.Ф. Савичева [1].

В работах российских ученых высказываются различные версии о времени появления казачьих общин и первых поселений на правобережье Яика. Крупные русские исследователи, члены научных обществ А.И. Левшин, В.Н. Витевский, Н.А. Бородин считают, что первые устойчивые поселения казаков на Яике появились в начале 80-х гг. XVI столетия, и основателями их были донские казаки. По их мнению, в конце XVI века разбитые правительственными войсками донские казаки спустились по Волге к Каспийскому морю и, добравшись до устья Яика, поднялись по нему до Сарайчика – зимней ставки казахских ханов в Приуралье. До середины XV века он был столицей Ногайской орды. Взяв и разорив в 1580 году этот город, на обратном пути казаки на урочище Орешной луки основали

первое устойчивое поселение [2]. Например, В.Н. Витевский в своем труде пишет о происхождении яицких казаков: «Яицкие казаки происходят от Донских, которые сами первоначально образовались от Азовских около половины XVI века, именно к последним годам царствования Иоанна Грозного (1584)» [3, С. 29]. Член Уральского статистического комитета Н.А. Бородин обобщенно описывает первое появление казаков на Яике: «Большая часть писателей, занимавшихся исследованием о начале заселения теперешней земли Уральского (ранее Яицкого) казачьего войска русскими людьми, относит это начало к концу XVI столетия и связывает появление казаков на реке Яике с поражением, нанесенным волжской вольнице царскими войсками (1577 г.). Этим погромом на Волге «воровских казаков» объясняется, что казаки разбрелись в разные стороны: одни к Каме и Чусовой, другие – к Тереку, третьи – к Яику. Часть их, под предводительством Ермака, направилась в Сибирь. Одновременно с этим другая часть из устьев Яика поднялась вверх по реке и разорила столицу ногайцев Сарайчик, лежащий в 60 верстах от устьев (1580 г.)» [3, С. 36]. После упомянутых в российских источниках событий большая часть ногайцев мигрировала на Дон, Северный Кавказ, Южную Украину, Крым. Из вышеуказанных сведений источников казаки обосновались на правобережье Яика в 90-е годы XVI в.

Есть много оснований предполагать, что заселение казаков на берегу реки Яик происходило не только с юга, вверх по реке после разгрома Сарайчика, но и севера. Если на Волге задолго раньше жили казаки, то весьма вероятно, что они неоднократно бывали на реке Яик. Еще более вероятным

сделается это предположение, если принять во внимание данные Н.А. Бородина, в которых указывается, как первоначальный пункт заселения казаков на реке Яик, на «Голубое городище», находящееся в 18 км от города Илецка «на старом русле Яика – Кош-Яик» [3, С.37]. По сведениям, собранным И.И. Железновым о «Голубом городище», это было русское селение, так как река Урал, сорвавшая почти все то место, где была прежде крепость, нередко вымывала гробы – несомненный признак христианского поселения. Тот же И.И. Железнов указывал на то, что приведенные сведения о казачьем городке на Кош-Яике подтверждаются еще и книгою «Большого Чертежа», в которой говорится, что против устьев реки Илека есть остров Кош-Яик, а на этом казачий городок [4]. Впоследствии казакам не понравилась эта местность, и они переселились к Красным Кирсановским ярам, несколько ниже Орешной луки. Частые столкновения с кочевниками и некоторые климатические невыгоды этой местности заставили казаков покинуть и Кирсановские яры. В середине XVII века город был перенесен к устью реки Чаган, впадающей с правой стороны в Яик и принимающей в себя реку Деркул. О местоположении Яицкого городка писал следующее П.И. Рычков: «Яицкий казачий городок состоит при реке Яик в расстоянии, как от Оренбурга, так и от города Самары, что на Волге, с небольшим по триста верст. В котором нерегулярных, но весьма исправных воинских людей находится ныне» [5, С.33].

Этническая и сословная структура Яицкого казачьего войска, по мнению исследователей истории казачества, «в высшей степени разнообразна». По утверждению

Н.А. Бородина, неоченимым в этом отношении является документ, выявленный из Московского архива Железновым и напечатанный после его смерти Курилиным, содержащий сведения о переписи яицких казаков, произведенной в 1723 г. полковником Захаровым. Согласно архивному материалу, в составе Яицкого войска были представители разных этносов и сословий. Во второй половине XVIII века Яицкое казачество представляло собой единое целое и совершенно особый этнографический тип.

Н.А. Бородин обращает внимание на данные Захарова и Медера по результатам переписи 1723 г. и 1801 г. по показателю увеличения числа казаков на Яике. Так, по переписи Захарова (1723 г.) было 3196 казаков; по переписи Медера (1801 г.) общая численность яицкого казачества составила 29 588 душ, а к концу тридцатых годов XIX века насчитывалось более 50 тысяч душ обоого пола [3, С.38]. По данным статистического обзора современного положения казачьих войск нач. XX в. общая численность казачьих войск в 1901 году, в том числе и яицких, составляла 126 303 души обоого пола [6, С. 13].

В работах российских исследователей подробно отражается деятельность яицкого казачьего войска, осуществляемая при поддержке царской России. Датой официального принятия на службу Московским государством яицких казаков называется 1591 г. В этот же год яицкие казаки были направлены в поход на Северный Кавказ. Об этом член ОУАК В.Н. Витевский писал: «...о службе же яицких казаков в первый раз упоминается в актах под 1591 годом, когда астраханским воеводам князю Ситцкому и Пушкину повелено было отправить войско

против «царского непослушника» Шахмала; тогда же было приказано взять в поход 500 яицких казаков» [3, С. 29]. Войско, нуждаясь в действенной материальной помощи со стороны экономически сильного государства, обращается к Московскому правительству с прошением о покровительстве и с изъявлением готовности служить великому государю. В 1613 году правительство первого царя династии Романовых – Михаила Федоровича – принимает яицкое казачество под свое покровительство. Так яицкие казаки стали поданными Русского государства [7, С.19].

С начала поселения казаков на реке Яик до 1613 года, к которому относятся официальные сведения о подчинении их русскому правительству, яицкие казаки представляли собой вполне самостоятельную демократическую общину, устроившую свои общественные отношения по типу вольных казацких общин. В основе лежала свобода, равенство и отрицание принудительной власти. Все общественные вопросы решались в кругах, происходивших обыкновенно на площади или у атаманского дома. Народ созывался на это собрание колокольным звоном; порядок обсуждения дел в них отличался крайней простотой. Письменного производства не существовало. Собравшимся казакам разъяснялось обсуждавшееся дело и затем предполагалось известное решение его. Ответ толпы отменял или утверждал это решение. Войсковой атаман и его помощники – есаулы – были лишь исполнителями народной воли. Со времени официального подчинения русскому царю во внутреннем устройстве общины не было резких изменений. До 20-х годов XVIII столетия Яицкое войско находилось в ведении разных при-

казов, впоследствии в ведении Правительствующего Сената, в 1719 г. оно перешло в ведение Коллегии Иностранных Дел, а через год – в ведение Военной Коллегии, которая сразу ввела правительственный контроль во всех внутренних делах общины [3, С.41]. Казакам это сильно не нравилось, и при первых же действиях правительства в этом направлении они отказались повиноваться, что и вызвало посылку на Яик полковника Захарова, усмирившего волнение и произведшего перепись всем казакам. Это событие повлекло за собой важное последствие – лишение права самим казакам выбирать атамана. С этого времени войсковой атаман, избранный войском, утверждается высочайшей властью. Так царское правительство, усилив свою власть и контроль над яицкими казаками, стало использовать их для завоевания новых земель. В 1734 г. с целью укрепления позиций на правобережье Яика Российское правительство приступило к строительству нижнеяицких крепостей. Яицкое казачье войско было подчинено Оренбургскому губернаторскому ведомству. Согласно В.Н. Витевскому, в нижнем течении р. Яик до Неплюева было построено две крепости от укрепления Рассыпной до г. Гурьева на расстоянии 500 км. Это Яицкий городок, то есть современный Уральск и г. Гурьев.

В работе В.Н. Витевского указывается, что И.И. Неплюев при укреплении нижнеяицкой линии учитывал рекомендации яицкого казачества, хорошо знакомого со спецификой местности. И.И. Неплюев также ознакомился и одобрил предложение исследователя полковника Пальчикова, который в своем рапорте Оренбургской канцелярии предложил увеличить численность казаков около Индерских гор и ниже

их к Гурьеву. Согласно В.Н. Витевскому: «Мнение это состояло в следующем: так как, по наблюдениям казаков, киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Яика, особенно в летнее время, около Индерских гор и ниже их к Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья реки по льду, то Пальчиков доносил, что Яицкое войско считает необходимым увеличить комплект сторожевых казаков в той части линии, которая находится между Индерскими горами и Гурьевом...» [3, С.32]. В работе указывается на то, что И.И. Неплюев при выборе способа организации военных укреплений большое внимание уделял советам яицких казаков. В частности, расчету расстояния между форпостами, выборе их месторасположения, созданию системы маяков с помощью сухой травы и камыша, созданию вооруженной караульной службы, несущей круглогодично службу на форпостах. На основе предпринятых мероприятий яицкие казаки как выполняющие функцию защитников российских границ были размещены на вновь построенных форпостах Сарайчик, Яманхалинский, Баксаев, Тополев, Зеленый Колок, Кол-Яик, Харьков, Красный Яр, Котельный, Антонов, Каменные Орешки, Сахарный, Мергенов, Чуядаев, Кожахаров, Бударин, Кош-Яик, Чаганский и крепостях Кулагино и Калмыково [3, С.35]. По сведению Н.А. Бородина, на всех указанных форпостах казаки обязаны были держать хорошо вооруженных два полка, численность казаков вместе со старшинами доходила до 1016 человек, центральным укрепленным пунктом считался Оренбург [3, С.40]. Российские исследователи в своих трудах отметили, что от Оренбурга на запад продолжалась самарская линия крепостей,

на юг Нижнеяицкая, на север Сакмарская и Орская дистанции Верхнеяицкой линии, на восток располагалась Красногорская дистанция.

Протяженность Нижнеяицкой линии составляла 700 км и охватывала Чернореченскую крепость, располагавшуюся в 18 км от Оренбурга, до Каспийского моря, включала Кулагинскую крепость, Калмыковскую крепость, Илецкую крепость, Гурьевский и Яицкий городки, также Чернореченскую, Татищевскую, Нижнеозерную, Рассыпную крепости и 19 казачьих форпостов. Между яицкими казаками Нижнеяицкой крепости и казаками Младшего жуза происходили военные столкновения. В работе А.Б. Карпова «Памятник казачьей старины» приводятся факты о совместном набеге Абулхаир-хана с каракалпаками на Яицкий городок в 1726 г., при этом это не было единственным случаем [1, С.31-32]. Особенно отношения обострились с 40-50 гг. XVIII в., когда царское правительство стало издавать акты, запрещающие переход казахов с левого берега Яика на правую сторону и использования правобережья для пастбищ и зимовок. Несмотря на указ 1757 г., казахи продолжали пользоваться правобережьем Яика, что повлияло в 1759 г. на обострение отношений яицкого казачества с казахскими родами, кочевавшими вдоль Яика. Этот период казахско-казачьих отношений отражается в работах русских исследователей XIX – нач. XX вв.

В последней четверти XVIII в. шел процесс оформления земель Яицкого казачьего войска как административной единицы в составе единой административно-территориальной системы управления Российской империи. Территория с Илецкой крепости до Каспийского моря вошла в

распоряжение яицкого казачества. В 1883 г. территория протяженностью 10 км вдоль р. Урал по просьбе яицких казаков была отдана им в пользование без учета интересов казахов [8, С.55-56].

В середине XIX в. в собственность и пользование яицкого казачества было передано 6 млн десятин земли [9, с. 51]. В результате произошло резкое увеличение численности казачества за счет приезда новых поселенцев, что способствовало формированию значительного казачьего слоя на Яике. К концу XIX в. Яицкое, теперь Уральское казачество представляло собой мононациональное сословие служилого казачества с преобладанием славянского компонента. Данный факт свидетельствует об изменении характера истоков, формирующих отныне казачество, – наделение казаков погранично-полицейскими функциями и их особое привилегированное положение закрыли доступ всем инородцам, которые ранее были одним из главных источников казачества. Об этом свидетельствуют данные А.Б. Карпова и Н.А. Бородина. Например, А.Б. Карпов указывает, что в 1599 г. казаки по их общественному положению и по национальности состояли из: посадские люди 212, конные и пешие стрельцы 152, ясачные служивые и другие татары 70, завоеванные и беглые башкиры 49, дворовые люди 40, польской породы 29, служилые и белопехотные солдаты 28, бобыли 20, духовные звания 13, пушкари 9, белодворцы 7, дворяне 7, мордовской породы 7, черкашены и из черкас 7, шведской и чухонской породы 5, калмыцкой породы 4, записные белодворцы и рыбные ловцы государевой рыбной слободы 4, ямщики 4, ногайские татары 3, записные Его Императорского Величества 2, невод-

чики 2, мещане 2, записные государевы кузнецы 2, записные каменщики 1, черные кузнецы 1, ямские охотники 1, служивые иноземские службы 1, дети подьячих 1, подпрапорщики 1, чувашской породы 1, турчанин 1, немецкого роду 1, волошапин 1. [10, с. 59]. По данным Н.А. Бородина, в 1885 г. войсковое население составило всего 99971 человек. Из них русские 93658, татары 5378, поляков 1, калмык 934 или войскового населения составляет 93,6% русских, 5,3% татар и 0,9% калмык [11, с. 139]. Эти данные 1599 и 1885 гг. свидетельствуют об изменении места, положения и роли казачества в жизни Российской империи, так как со второй половины XIX века, с завершением колонизации Казахстана, Уральское казачье войско теряет свою первоначальную функцию.

Наряду с использованием казачества в качестве военной силы для проведения колонизации края царское правительство защищало их интересы в такой сфере хозяйственной деятельности, как рыбный промысел. Право на улов рыбы в среднем течении реки Яик казаки получили еще в 30-х гг. XVIII столетия. Это право подтверждено было грамотой императрицы Елизаветы. Право лова по всему нижнему течению реки Яик и по побережью Каспийского моря было приобретено Яицким войском у казны посредством обязательства на свой счет построить две крепости, содержать 3 постоянных воинских команды и посредством ежегодной уплаты казне откупной суммы.

В работах российских исследователей о развитии рыбного промысла у яицкого казачества указывается, что в Яицком войске каждый казак, не разбирая его общественного положения, имел одинако-

вое право личного участия в пользовании рыболовными угодиями на всей территории войска. Поэтому оно называлось «Войсковое рыболовство». Н. Хорошкин описал рыболовство так называемых «войсковых» таким образом: «Все собиравшиеся на рыболовство казаки составляют «войско», во главе которого назначается особый «атаман рыболовства» из офицеров и чиновников войска, а в помощь аману назначаются помощники из офицеров или казаков – последнее по избранию самих казаков-рыбаков» [12, с. 3]. Основными видами рыболовства с участием казаков, по сведениям Н.А. Бородина, Н. Хорошкина считаются: 1) на реке Яик: а) весенняя плавня или «севрюжье рыболовство», б) осенняя плавня, в) багренья, г) режаковые, сижные и неводные; 2) на Каспийском море: а) весеннее Курхайское, б) Аханное, в) прибрежное, производимое одновременно с курхайскими рыболовствами весной и осенью. Рыболовство на р. Яик относят к речному рыболовству. Оно производилось по реке Яик ниже Яицкого городка от «Учуга» до моря Каспийского. Исследователь Оренбуржья П.И. Рычков описал виды рыбы, вывезенной с р. Яик на продажу: «... снабжен разными привилегиями и весьма прибыточными рыбными промыслами, которые они по реке Яику производят, отправляя внутрь государства великое множество осетров, белуг, сазанов и севрюг...» [5, с. 33]. По статистическим данным Н.А. Бородина, указанных в его трудах, в среднем за 1906-1909 годы вывозилось красной рыбы 133,1 тысячи пудов, черной 1 462, 5 тысячи пудов, икры красной рыбы 3046, 2 пуда, икры черной рыбы 29 823 пуда, балыка 13,57 пуда, клею 68 пудов и рыбьего жира – 569 пудов [13]. Вообще, экономиче-

ское значение рыболовства для уральских казаков весьма велико: им буквально кормились более половины казаков. Прибыль от рыболовства здесь распределялась гораздо равномернее, чем в других местах, благодаря своеобразной организации рыболовства, имеющей общественный характер. Во второй половине XIX и начале XX веков основными занятиями казачества становятся, наравне с военной службой, земледелие и скотоводство.

В заключение необходимо отметить, что в работах членов научных обществ XIX – нач. XX вв. достаточно подробно описывается история яицкого казачества. Труды российских исследователей представляют собой ценные источники для освещения казачьей колонизации на территории Казахстана, взаимоотношений казачества и казахов Младшего жуза, роли казачьих формирований в процессе колонизации территории Казахстана царской Россией. Необходимость критического анализа сведений, объективной оценки данных работ востребована современным развитием исторической науки Казахстана и России.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Мұқтар Ә.Қ. «Орал әскери ведомоствосы» газетіндегі қазақ тарихына қатысты мәселелер / «IV Махамбет оқулары» атты республикалық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары: Орал. Редакциялық баспа орталығы, 2012. – 27-32 бб.

2. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Перевод с немецкого, Ч. 1 – СПб., 1773.; Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков – СПб., 1823; Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. I. Уральск, 1911; Уральское казачье Войско. / Сост. А. Рябинин. Ч. 1-2. – СПб.:

Тип. Э.Веймара, 1866.

3. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. / Под. ред. проф. Асфендиярова С.Д. – 2-е изд. – Алматы: Қазақстан, 1998. Сб. 2. – 350 с.

4. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Ч. 1. – М.: в тип. Августа Семена, 1858. – 752 с.

5. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Издание Оренбургского Губернского Статистического Комитета. / Под ред. и с примечаниями Н.М. Гутьяра Секретаря Комитета. – Оренбург: типо-лит. Ив.Ив. Евфимского-Мировицкого, 1896. – 93 с.

6. Статистический обзор современного положения казачьих войск с приложениями картограммы и многих диаграмм. – СПб: изд. «Вестника Казачьих Войск», 1903. – 62 с.

7. Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. – Алматы: Казахстан, 1993. – 80 с.

8. Шонанұлы Т. Жер тағдыры – ел тағдыры. 2-басылуы (Көмекші оқу құралы). – Алматы, «Санат», 1995. – 224 бет.

9. Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII-XIX веках. – Алматы, 1996. – 220 с.

10. Карпов А.Б. Уральцы. – Уральск, ОКПФ «Старый Уральск», 2009. – 1044 с.

11. Бородин Н.А. Уральское казачье войско. В 2 томах. Т.1. – Уральск, ОКПФ «Старый Уральск», 2008. – 1948 стр.+10 карт.

12. Краткое описание рыболовств Уральского казачьяго войско. Составил по поручению Наказного Атамана Уральского казачьяго войска Полковник Н. Хорошхин. – СПб: типо-лит. К.Л.Пентковского. Больш.Подьяческая, 22. 1902. – 29 с.

13. Бородин Н.А. В защиту уральского рыболовства. – СПб.: тип. товарищ. «Общественная польза», 1910. – 69 с. // <http://www.yaik.ru/rus/forces/ethno/index.php?>

ФОН ВИННИНГИ. ОТЕЦ И СЫН

Первый атаман 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.

Высочайшим указом от 5 мая 1865 г. для улучшения административного устройства и положения дел в управлении обширная Оренбургская губерния была разделена по Уральскому хребту на две: Уфимскую и Оренбургскую губернии.

В составе Оренбургской губернии оставались Верхнеуральский, Троицкий, Оренбургский, Челябинский уезды и вновь образованный Орский. Высшее управление в губернии осуществлял губернатор, должность которого была совмещена со званием наказного атамана Оренбургского казачьего войска.

Войско было разделено на три военных округа. Центром первого стал Оренбург, второго – Орск, третьего – Троицк. В 1868 г. округа были преобразованы в отделы, окружные начальники стали именоваться атаманами.

В том же году город Верхнеуральск получил статус гражданской территории, и из него выделилась станица Верхнеуральская, в которую в 1877 г. был перенесен из Орска центр управления 2-го военного отдела.

Первым атаманом отдела стал полковник Богдан Павлович фон Виннинг, исполнявший обязанности начальника 2-го военного округа с 7 ноября 1866 г.

Имевшиеся ранее весьма краткие и скудные сведения о жизни и службе Богдана Павловича существенно дополняют сведения из его послужного списка, копия

которого получена недавно из военно-исторического архива.

Список содержит полные сведения о службе Богдана Павловича, его участии в боях и походах, продвижениях по службе, присвоении званий и чинов, наградах и поощрениях.

Но, к сожалению, сведения о месте и дате рождения, социальном происхождении весьма лапидарны, и требуются новые разыскания с тем, чтобы их установить.

В послужном списке указано, что Богдан Павлович фон Виннинг родился в 1813 г. Из иностранцев. Лютеранского вероисповедания. Воспитывался в военно-учебном заведении.

В службу вступил из уволенных из датской службы подпоручиком и определен тем же чином Высочайшим приказом 1829 г. 3 мая в Белорусский гусарский полк. Возможно, судя по фамилии, он был немцем по происхождению. Приставка «фон» позволяет полагать, что Богдан принадлежал к дворянскому роду.

Ко времени зачисления Богдана фон Виннинга в Белорусский гусарский полк ему было 16 лет. На службу после обучения молодые дворяне поступали в те времена в 15 лет, значит, первый год службы Богдана прошел в датской армии. 2 августа 1829 г. юный офицер прибыл в полк, который располагался в г. Владимир-Волынский Волынской губернии (до 02.1913 г.).

Началом истории Белорусского гусарского полка считается 16 мая 1803 г. Именно в этот день генерал-майором

П.В. Голенцевым-Кутузовым в местечке Екатеринополь и городке Звенигородка Киевской губернии из двух эскадронов Ольвиопольского, двух эскадронов Елисаветградского, двух эскадронов Павлоградского и двух эскадронов Александрийского гусарских полков и был сформирован полк, который войдет в славную боевую летопись Отечества под названием Белорусского гусарского.

Сформированный полк прославится на всю империю уже буквально через несколько месяцев. Произошло это после того, как из элитного Кавалергардского полка сюда в наказание за сочинение и распространение басен «Голова и ноги» и «Река и зеркало», расцененных как выпад против императора Александра I, был переведен ротмистром будущий легендарный поэт-партизан Денис Давыдов.

Белорусский гусарский полк принимал участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., был в Забалканском походе. За отличие в этой войне полк получил 22 георгиевские серебряные трубы. Эта война стала боевым крещением для шестнадцатилетнего офицера Богдана фон Виннинга.

В послужном списке Богдана Павловича есть короткая запись: *«В войну с турками в 1829 году в Болгарии 14 марта в ночной экспедиции для забрания турецких фуражиров и рассеяния неприятеля; при с. Морощ с 25 по 30 в поиске в тылу крепости Шумлы и оттоль при следовании на зимовые квартиры в Бабадакскую область и возвращение в пределы России 26 апреля 1830 г.»*.

Отметим любопытный факт. Когда в 1828 году началась война с турками, в Белорусский гусарский полк вступил зна-

менитый литератор и воин Алексей Степанович Хомяков, будущий видный теоретик славянофильства. Он состоял адъютантом при генерале Мадатове, принял участие в ряде сражений, за храбрость получил орден Святой Анны с бантом. Возможно, Богдан фон Виннинг его знал.

После участия в войне с Турцией полк принял участие в войне с польскими конфедератами. В послужном списке фон Виннинга об этих событиях отмечено:

«В войну с польскими мятежниками в 1831 году августа 7-го в сражении с корпусом Дверницкого при м. Борощ(м) ле; апреля 15 при Люблинской корчме и атаке этого же корпуса и вогнании оного в Австрийские владения; с 13 по 14 июля при отражении неприятельской вылазки при с. Калипавища сделанной ночью из крепости Замостья; августа 27 в отрядном деле с мятежниками при м. Яновке и д. Липке; октября 10-го при занятии крепости Замостья безусловно покорившихся Великодушию Государя Императора и с того времени в обратном следовании на зимовые квартиры в пределах царства Польского».

В Белорусском гусарском полку Богдан фон Виннинг прослужил десять лет. В 1837 г. за отличие по службе получил досрочно чин ротмистра, а на следующий год принял командование 2-м эскадронам.

В 1839 г. по распоряжению начальства переведен в Новомиргородский уланский полк. Новомиргородский уланский полк был образован в 1830 г. из частей переименованного 3-го Украинского уланского полка.

Находился на поселении в Херсонской губернии, где был образован округ военного поселения полка.

Ротмистр фон Виннинг прибыл к полку 1 сентября 1839 г., назначен командующим 3-м эскадроном. В 1844 г. был назначен командующим 1-м эскадроном. В октябре 1845 г. за отличие по службе получил чин майора.

В октябре 1846 г. майор фон Виннинг назначен командующим 2-м дивизионом полка.

В 1847 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, в 1849 г. – Св. Анны 2-й степени.

В 1849 г. полк участвует в боевых действиях в Венгрии. В записи послужного списка фон Виннинга отмечено: *«В войну с мятежниками Венгрии в 1849 году 6 мая перешел границу у м. Новосемицы, вступил в пределы Австрийской империи и находился в движении с полком в окрестности г. Стрый для охранения восточной Галиции по 15 число июня и с того времени следовал для присоединения к отряду генерал-лейтенанта Гротенгельма находившимся в Трансильвании; 28 июня присоединился к оному в г. Морош... Вашаргем; 31 июля в движении к Клаузенбургу; 2 августа в авангардном деле между селениями Моч и Ампохиты; 3 августа в занятии Клаузенбурга и преследовании неприятеля до с. Банфи-Гурисет; 11 августа в движении от Клаузенбурга к г. Д(Р)ешосу; 13 августа при положении оружия отрядом мятежников под начальством генерала Казина и по окончании военных действий возвратился в пределы Российской империи и перешел обратно границу при местечке Новоселище».*

В 1851 г. Новомиргородский уланский полк стал именоваться полком герцога Александра Гессенского.

В 1851 г. за отличие по службе Богдан фон Виннинг получил чин подполковника.

В 1852 г. Богдан Павлович награжден орденом Св. Анны 2-й степени с императорской короной.

За смотры и линейные учения, производимые в присутствии Государя Императора, удостоился получить Высочайшие благоволения, объявленные в дополнениях к Высочайшим приказам: в 1845 г. 1, 6, 8 сентября; 1847 г. 13, 18, 19 сентября; 1850 г. 8 сентября; 1851 г. 17, 18 сентября; 1852 г. 20, 22, 23 сентября.

12 октября 1852 г. подполковник фон Виннинг Богдан Павлович принял присягу на подданство России при Новомиргородском уланском полку.

В 1853 г. был назначен для наблюдения за действиями полковых ремонтеров резервной уланской дивизии. По распоряжению начальства перечислен в резервные и запасные эскадроны своего полка 30 апреля 1854 г. Поступил в резервный эскадрон 11 июня 1854 г., а 19 августа 1854 г. вновь по распоряжению начальства перечислен обратно в действующие эскадроны. Отправлен к полку 10 сентября 1854 г., в который прибыл 2 ноября 1854 г. и назначен командующим 2-м дивизионом.

Новомиргородский уланский полк принимал участие в русско-турецкой войне 1853-1856 гг.

Из послужного списка фон Виннинга: *«В войну против соединенных войск Турции, Англии, Франции и Сардинии 1854 года по прибытии 2 ноября к полку в 1-й кампании состоял в блокадном Евпаторийском отряде и облаженном для блокады г. Евпатории и отправлении авангардной службы; во 2-ю кампанию 1855 года 5 февраля*

в усиленной рекогносцировке под начальством генерал-лейтенанта Хрулева к Евпатории; 21 февраля в аванпостной стычке с турецкой кавалерией под Евпаторией, в каком деле он первый повел улан Новомиргородского полка в атаку с фронта, собственноручно изрубил начальника турецкого отряда и тем, наведя панический страх на неприятеля, много способствовал разбитию его, за что получил благодарность главнокомандующего армией генерал-адъютанта князя Горчакова, объявленную в приказе по сухопутным и морским силам в Крыму от 30 марта 1855 года за № 114; 9 марта при отражении огнем конной артиллерии турок, вышедших из Евпатории к Севастополю на позицию при р. Бейбек; 4 августа в отражении при р. Черной на Федюхиных высотах; с 11 по 14 августа в обратном движении к Евпатории; 13 сентября в деле левого авангарда Евпаторийского отряда у с. Сак; 11 октября в таковом же Евпаторийском отряде между селом Чеботарем и Теманским Телеграфом; 15 (сентября) в деле левого авангарда Евпаторийского отряда у Чеботарей и 31 октября в авангардном деле отряда генерал-адъютанта князя Радзивилла у с. Курулу-Кипчак; 2 декабря того же года выступил с полком из Крыма на зимовые квартиры в Мелитопольский и Бердинский уезды и по окончании военных действий в 1856 году возвратился на прежние свои постоянные квартиры в военное поселение Херсонской губернии».

Зачислен в кандидаты на должность полкового командира 17 мая 1855 г.

В 1855 г. за отличное мужество и храбрость, оказанные 5 февраля в усиленной рекогносцировке и 21 февраля при аванпостной стычке с турецкой кавале-

рией под Евпаторией, награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом.

26 ноября 1855 г. награжден орденом Св. Георгия 4 класса № 9722 за выслугу в офицерских чинах 25 лет.

Здесь следует отметить, что в 1833 г. статут ордена был расписан подробно, с детальным описанием воинских доблестей по каждому роду войск, за которые имели право на награждение.

Более детально был расписан срок службы, требуемый для награждения за выслугу лет, а также прибавилось требование участия хотя бы в одном сражении для получения Георгия 4-й степени за выслугу лет.

Боевой офицер фон Виннинг получил его по праву.

Так как Св. Георгий – христианский святой, то для иноверцев был предусмотрен вариант ордена, в котором вместо Св. Георгия был изображен герб России, двуглавый орел.

Думаем, что именно с такой символикой был и орден Богдана Павловича, поскольку он так и оставался человеком лютеранского вероисповедания.

Это относится и к другим его орденам: Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира.

По случаю упразднения Новомиргородского полка командирован с вверенным ему дивизионом в Вознесенский уланский Его Высочества принца Александра Гессенского полк 2 апреля 1856 г.

Этот полк был сформирован 8 октября 1817 г. как 3-й Бугский Уланский полк, из половины 4-го Украинского Уланского полка и Бугских казаков.

В составе шести действующих, трех поселенных и трех резервных эскадронов

вошел в состав Бугской уланской дивизии.

Назначен к поселению в Херсонской губернии.

С ним переданы штандарт, 11 серебряных труб с надписью «1-го Украинского Казачьяго полка, За отличие въ войне съ Французами въ 1812, 1813 и 1814 годахъ», присвоенные 30 августа 1814 г., и знаки на шапки «За отличие», пожалованные 6 декабря 1831 г.

С 19 марта 1857 г. – Вознесенский Уланский Его Высочества Принца Александра Гессенского полк.

На древко штандартов установлены скобы с новым названием полка. Полк был расквартирован в г. Глухов.

22 апреля 1857 г. подполковник фон Виннинг был награжден Знаком отличия беспорочной службы за 25 лет. Назначен командовать 1-м дивизионом и 1-м эскадроном, которые принял 5 января 1858 г.

Высочайшим приказом отчислен по Армейской кавалерии и направлен в запасные войска 12 марта 1858 г.

1 июня 1860 г. Высочайшим приказом зачислен на действительную службу с прикомандированием к Оренбургскому казачьему войску.

Прибыл в войско 15 сентября 1860 г.

19 мая 1862 г. за отличие награжден орденом Св. Станислава 2 степени с императорской короной.

1 июня 1862 г. назначен временно командовать Оренбургским казачьим полком № 12.

4 мая 1864 г. назначен И.Д. начальника 1 военного округа Оренбургского казачьего войска.

Высочайшим приказом утвержден 11 июля 1864 г.

9 сентября 1864 г. за отличие по службе произведен в чин полковника.

Всемилоостивейше награжден годовым окладом жалованья 10 октября 1866 г. 7 ноября 1866 г. назначен И.Д. начальника 2 военного округа Оренбургского казачьего войска.

Высочайшим приказом утвержден 13 января 1867 г.

По переименовании трех военных округов Оренбургского казачьего войска в отделе 18 мая 1868 г. назначен атаманом 2 отдела.

6 августа 1868 г. награжден орденом Св. Владимира 3 степени с мечами над орденом.

20 февраля 1870 г. всемилоостивейше награжден за содействие по водворению порядка в киргизской степи и введению в ней нового положения годовым окладом жалованья.

С 12 октября по 1 декабря 1870 г. был командирован в степь оренбургского ведомства для охранения и водворения общего спокойствия по Орско-Казалинскому тракту по случаю существовавших там беспорядков.

26 февраля 1872 г. за отличие по службе произведен в генерал-майоры.

1 января 1874 г. за труды, понесенные при снаряжении Хивинского отряда всемилоостивейше награжден орденом Св. Станислава 1 степени.

26 февраля 1878 г. за отличие по службе всемилоостивейше награжден орденом Св. Анны 1 степени.

3 мая 1879 г. во внимание к пятидесятилетней отлично усердной и полезной службе награжден орденом Св. Владимира 2 степени.

В числе наград генерал-майора фон Виннинга помимо девяти орденов –

медали: серебряная за Турецкую войну 1828-1829 гг., серебряная «За усмирение Венгрии и Трансильвании» 1849 г., бронзовая на Андреевской ленте в память войны 1853-1856 гг.

Знаки отличия: Польский – За военное достоинство 4-й степени, беспорочной службы за 25 лет.

Богдан Павлович был вдов. К сожалению, никаких сведений о его жене в послужном списке нет. Из детей указан сын – войсковой старшина Богдан Иоанн, родившийся 6 августа 1844 года, православный.

В графе послужного списка генерала – «Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное», отмечено – не имеет.

Умер Богдан Павлович 11 июля 1888 г. Похоронен в г. Верхнеуральске.

Сын атамана

Богдан Богданович фон Виннинг родился 6 августа 1844 г., получил образование в Полтавском кадетском корпусе, выпускник 1865 г. С того же года вступил в службу.

В его послужном списке указано, что юнкер фон Виннинг Богдан 24 декабря 1865 г. определен в Оренбургский (в последующем 1-й Туркестанский стрелковый батальон. – Прим.).

Вскоре, в начале января 1866 г., молодой офицер получает боевое крещение в боях с бухарцами.

Краткие записи послужного списка отмечают: «В походах против бухарцев в 1866 году под начальством генерал-майора Черняева: – с 19 по 30.01. расположились у Чинеза; – с 30.01. по

06.02 движение к крепости Джизаку; – 07.02. усиленная рекогносцировка и перестрелка под начальством полковника Пистолькорса у Джизака с 12.01 по 07.02; – 07.02. в деле с бухарцами под крепостью Джизак ранен ружейной пулей в верхушку носа с левой стороны, которая, разбив носовую перегородку и задев сошник – прошла через носовую полость, прошибла заднюю стенку глотки и засела в толще задне-шейных мышц под затылочной костью, откуда вышла через пять лет».

«31 декабря 1866 за отличие, мужество и храбрость против бухарцев произведен в прапорщики».

В 1872 г. Богдан Богданович переведен в Оренбургское казачье войско с переименованием в хорунжие.

В том же году, в мае месяце, произведен в сотники; «С 27 июня 1872 г. по 3 января 1873 г. служил в Оренбургской учебной казачьей сотне; 1 февраля 1873 г. был командирован в состав Оренбургской казачьей сотни с Оренбургским Отрядом под Хиву; 24 декабря 1873 г. за отличие против Хивинцев и Туркмен награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость»; 18 января 1873 г. за военные отличия произведен в есаулы; 15 мая 1874 г. командирован в Туркестанский Военный Округ в состав 2-го ныне 5 Оренбургского казачьего полка, командир сотни; 12 декабря 1879 г. произведен в войсковые старшины; 13 апреля 1880 г. командирован в Туркестанский Военный Округ в состав 2-го ныне 5 Оренбургского казачьего полка; С 5 сентября 1883 г. по 26 марта 1884 г. временно командир полка; 6 мая 1884 г. награжден орденом Св. Станислава 3 степени».

22 января 1886 г. Богдан Богданович зачислен в войсковое сословие согласно отзыва Войскового Хозяйственного Правления Оренбургского казачьего войска за №184 (был зачислен в войсковое сословие ОКВ по станции Рассыпной. – Прим.).

С 1 октября 1886 г. – временный член туркестанского военно-окружного суда. 6 мая 1887 г. награжден орденом Св. Анны 3 степени.

28 февраля 1893 г. отчислен от полка в распоряжение войскового начальства с зачислением по списку в 3-й Оренбургский казачий полк.

27 июня 1894 г. назначен вторым помощником командира 2-го Оренбургского казачьего полка с оставлением в распоряжении Войскового начальства.

25 июля 1895 г. помощник командира 2-го Оренбургского казачьего полка. 6 января 1896 г. награжден орденом Св. Владимира с бантом и надписью «25 лет».

4 октября 1898 г. Аулиэ-Атинский воинский начальник, начальник местной команды и местного лазарета с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в подполковники.

1 августа 1899 г. зачислен на службу в Охранную стражу КВЖД с назначением на должность командира 17-й Уральской сотни.

1 сентября 1899 г. начальник 5-го эшелона Охранной стражи КВЖД.

11 ноября 1899 г. выбыл с эшелона в город Владивосток.

В послужном списке отмечено, что фон Виннинг участвовал в подавлении китайских беспорядков в 1900-01 гг. («Боксерское восстание». -Прим.).

С 26 января 1901 г. начальник линии Имемпо-Пограничная.

16 февраля 1901 г. Высочайшим приказом Охранная стража КВЖД переименована в Заамурский округ ОКПС (Отдельный корпус пограничной стражи. – Прим.).

19 июня 1901 г. за отличия в делах с китайцами награжден орденами: Св. Станислава 2 степени с мечами и Св. Анны 2 степени с мечами.

21 июля 1901 г. при разделе округа на бригады назначен командиром 3-й бригады.

С 31 июля 1901 г. командир 1-й бригады.

24 марта 1902 г. Высочайшим приказом переведен в ОКПС (Отдельный корпус пограничной стражи. – Прим.).

31 марта 1902 г. приказом шефа пограничной стражи назначен командиром 1-й бригады Заамурского круга ОКПС.

14 апреля 1902 г. произведен в полковники.

24 июня 1903 г. помощник командира 4-й бригады.

4 мая 1904 г. командир вновь формируемого 1-го конного Заамурского полка.

За боевые подвиги и мужество, проявленные в боях в период русско-японской войны, полковник фон Виннинг был награжден: 13 января 1905 г. Золотым оружием «За храбрость»; 16 июня 1905 г. орденом Св. Владимира 3 степени с мечами.

13 октября 1905 г. за отличие в службе произведен в генерал-майоры. 9 июня 1906 г. Высочайшим приказом назначен командиром 1-й бригады.

Награжден серебряной медалью «За Хивинский поход», серебряной медалью «В память царствования Александра III», серебряной медалью «За походы в Сред-

ней Азии 1853-95 гг.», серебряной медалью «За поход в Китай 1900-1901 гг.», светло-бронзовой медалью «В память русско-японской войны 1904-1905 гг.».

Богдан Богданович был женат на уроженке Оренбургской губернии вдове подполковника ОКВ – Ольге Матвеевне Черновой. Детей не было.

Как отмечено в последней записи послужного списка Богдана Богдановича фон Виннинга, 7 сентября 1906 г., он умер на службе.

Сохранились документы, которые раскрывают обстоятельства трагической кончины боевого генерала.

«Командир Отдельного Корпуса Пограничной стражи 7 февраля 1906 г. г. С. Петербург. В Правление Общества КВЖД.

В ночь на 7-е сего сентября скончался командир 1-й бригады Заамурского Округа генерал-майор фон Виннинг. По докладу моему о сем Шефу Пограничной Стражи, господину Министру финансов, Его Высокопревосходительство приказал сообщить правлению Общества для представления господину Министру о назначении вдове генерал-майора Виннинга пособия для погребения мужа, из ст. 6-й кредита по содержанию Заамурского Округа (награды и пособия офицерам и классным чинам Округа).

Уведомляю о сем Правление Общества, имею честь присовокупить, что расходы от отпевания тела и отправлению его для погребения в гор. Аренбург, по предварительному расчету обойдутся не менее 1100 рублей.

Командир корпуса генерал от артиллерии Свиньин». (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 195-060. Л. 7).

«Харбин. Начальнику Заамурского округа.

Согласно медицинского свидетельства генерал Виннинг умер от последствий падения лошади в бою Синьючена точка. Вышлите перевязочное свидетельство и сделайте распоряжение о внесении сего в послужной список который вышлите немедленно Штаб Корпуса для возбуждения ходатайства принятия вдовы покровительству Комитета раненых». (Л. 13).

«Свидетельство Основываясь на данных произведенных нами исследования, а также на заявление врача А. Войнич-Сяноженского, пользовавшего больного в Харбине во время прошлой русско-японской войны полагаем, что исходным пунктом распространяющегося новообразования послужила левая почка, удаленная 14 декабря 1904 года, и что в настоящее время развитие болезни находится в таком состоянии, что никакие уже медицинские средства не в силах приостановить ее дальнейшее лечение ... поражение левой почки новообразованием могло произойти как следствие ушиба полученного больным в деле у Синьючена, бывшем 14 июня 1904 года. Лейб хирург, тайный советник Е. Павлов. Профессор Военно-медицинской академии А. Фавицкий. Доктор медицины А. Войнич-Сяноженский» (Л. 15).

«Выпись из метрической книги выдана причтом С.Петербургской Входаирусалимской Знаменской церкви 15 сентября 1906 года.

«Умер от общего истощения вследствие рака внутренних органов» (Л.24) «после его смерти осталась одна вдова»». (Л.34)

«Канцлеру Российских Императорских

Годовова Е.В.

и Царских орденов от вдовы прошение... 7 сентября он умер оставив меня без всяких средств к существованию и даже последние свои дни, ввиду больших затрат на лечение его, нам пришлось ютиться в жалкой обстановке меблированных комнат ... я осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство ввиду крайне

безвыходного моего положения не отказать назначить мне единовременное пособие за заслуги моего покойного мужа. 22 декабря 1906 года гор. С. Петербург». (Л.36)

РГВИА, Ф.330, оп.55, д.1989, л.л. 3, 3 об., 4. Ф. 330, оп. 56., д. 676, л.л. 2 – 15. Ф.407, оп.1, д. 146, л.л.1, 146 об. 147.

ГODOBOBA E.B.
(г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ПРОБЛЕМА УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Ключевую роль в укреплении российской государственности играло казачество. В составе Российской империи было двенадцать казачьих войск, восемь из которых были специально созданы правительством в целях государственной обороны. Так во второй четверти XVIII века образовалось Оренбургское казачье войско.

К середине XVIII века на берегах Яика возникает система укреплений – Оренбургская пограничная военная линия (2500 км). Поначалу новопостроенные

укрепления стали заселять гарнизонными полками. Но ожидания правительства, что эти поселенные полки заведут свое хлебопашество и будут сами себя обеспечивать, не оправдались – мешала весьма тяжелая служба, и правительство решило использовать другой источник пополнения населения, в частности создание нового нерегулярного казачьего войска – Оренбургского. Начало ему положили переведенные на Оренбургскую линию самарские, алексеевские, исетские и уфимские казаки¹.

В 1748 г. правительство обратило внимание на крайнюю разбросанность и неорганизованность казаков Оренбургского края и с целью создать из них стройное целое, а также упорядочить самый способ отбывания казаками службы решило свести их в особый корпус, который был назван Оренбургским нерегулярным корпусом. Тогда же для управления всеми казаками была учреждена должность войскового атамана и устроена Войсковая изба, в которой сосредоточилось внутреннее управление корпусом, подчинявшимся непосредственно Оренбургскому военному губернатору².

Главной обязанностью оренбургских казаков стала сторожевая служба на линии. Основные преимущества казачьих отрядов заключались в их мобильности и приспособленности к местным условиям: казаки с детства учились владеть оружием и хорошо знали повадки и обычаи кочевников. При этом подготовка казаков к службе не требовала от властей никаких усилий и материальных затрат. Боевая выучка казаков вырабатывалась самими условиями жизни и вековыми традициями, формирующими психологию природного воина. Кроме того, казаки, размещавшиеся в крепостях пограничной линии, были более заинтересованными по сравнению с солдатами регулярной армии: защищая границу, они защищали себя и свои семьи от набегов кочевников.

Конец XVIII – начало XIX века в истории России были ознаменованы проведением реформ, затронувших как регулярные, так и казачьи войска. Укрепляя регулярную армию, являющуюся опорой государства, правительство продолжало усиливать казачьи войска, видя в них источник по-

полнения полевых войск. Казачьи войска в этом случае превращались из вспомогательной конницы в регулярную и должны были выполнять все задачи, возложенные на последнюю. Таким образом, в целях повышения боеспособности русской армии правительство приступило к частичному государственному реформированию казачьих войск.

Одним из первых к реформированию казачьей системы управления ОКВ приступил генерал О.А. Игельстром, который с 1796 г. занял пост Оренбургского военного губернатора и одновременно возглавил все находившиеся в крае войска. По его предложению была проведена территориальная организация ОКВ, и разбросанные прежде по обширной территории казачьи общины были сведены в пять казачьих кантонов и особый корпус, размещавшийся в пригороде Оренбурга³.

Хотя введение кантонного правления усложнило систему управления войском, оно облегчило контроль за казачьими общинами и отбыванием ими различных повинностей. Однако, обеспечивая связь между низовыми звеньями управления казачьих общин и войсковыми органами, кантональные правления не имели реальной власти, т.к. все перемещения и назначения должностных лиц полностью зависели от военных губернаторов. Несмотря на это, система управления по кантонам у оренбургских казаков закрепились и существовала до 1841 г., до издания Положения, по которому войско было разделено на полковые округа⁴.

В 1803 г. была проведена очередная реорганизация, в результате которой ОКВ получило новый штат. Согласно этому документу оно совместно с рас-

квартированными в губернии регулярными частями должно было содержать кордоны и нести сторожевую службу на военно-пограничной линии, правила по устройству которой были утверждены 19 августа 1804 г.

В конце XVIII – начале XIX века все регулярные полки с полевой артиллерией перевели из Оренбургского края на западную границу империи. В связи с этим 19 августа 1804 г. были утверждены правила об устройстве Оренбургской пограничной линии⁵. Согласно этим правилам казаков, живущих в городах и крепостях внутри края и на Самарской линии, было решено перевести на Оренбургскую линию, поселив их между Звериноголовской крепостью и городом Оренбургом; составить четыре гарнизонных батальона из неспособных к полевой службе и подлежащих отставке нижних чинов Оренбургской и других ближайших инспекций, а на следующий 1805 год пополнить батальоны также неспособными к полевой службе и женатыми казаками в возрасте до 37 лет. Батальоны разместить в крепостях Троицкой, Верхнеуральской, Орской и Верхнеозерной дистанциях⁶. Для поддержания в батальонах воинской дисциплины казаки два раза в год, в свободное от полевых работ время, должны были заниматься «воинскими упражнениями»⁷. 28 ноября 1804 г. гарнизонные батальоны были переименованы в Оренбургские линейные батальоны⁸.

В целях повышения боеспособности русской армии и обеспечения «внешней обороны и внутренней тишины» части регулярной армии в начале XIX в. были сведены в 14 инспекций⁹. В военном отношении Оренбургская инспекция, в состав которой вошли полки, размещавшиеся

в Оренбургской губернии, представляла собой своеобразный округ с подчинением находившихся там войск трем начальникам по родам оружия – кавалерии, инфантерии и артиллерии. Возглавлял войска главный военный инспектор, одновременно являвшийся и военным губернатором края. В 1808 г. Оренбургская инспекция была преобразована в 23-ю пехотную дивизию, в состав которой вошли Рьельский, Уфимский и Екатеринбургский мушкетерские, оренбургский драгунский полки и все гарнизоны пограничной линии, сведенные в 4 бригады¹⁰.

В 1806 г. по приказу военного министра в действующую против Наполеона армию были направлены два полка оренбургских казаков. Вместе с башкирами и калмыками они в мае 1807 г. в Пруссии влились в армию генерала Л.Л. Беннигсена, а затем были переданы в казачий корпус атамана М.И. Платова¹¹. В 1812 г. на войну были откомандированы атаманский, тысячный и №3 пятисотенный полки. Таким образом, ОКВ, несмотря на малочисленность боевого состава, «выделило до трех тысяч человек для Отечественной войны», а в период 1807-1819 гг. практически все время находилось на действительной службе¹².

В 1819 г. в ОКВ были учреждены две конноартиллерийские роты №10 и 11 по двенадцать орудий в каждой. 540 нижних чинов обеих рот должны были служить по 15 лет подряд, поэтому обмундирование и вооружение получали от казны. Для комплектования рот было решено выбирать казаков из таких семей, где было по три брата, чтобы долгое отсутствие мужчины в доме не расстраивало хозяйства. Сформированные конноартиллерийские роты были расположены в окрестностях

Оренбурга: №10 в Сеитовской слободе и Сакмарском городке, а №11 в станицах Чернореченской и Татищевой. В 1827 г. эти роты были переименованы в №8 и №9, а в 1834 г. в №9 и №10 батареи, которые составили конноартиллерийскую бригаду Оренбургского казачьего войска¹³.

Оренбургское войско, помимо охраны Оренбургской линии и командирования полков на западную границу, высылало еще и отдельные отряды на ярмарки для поддержания порядка, в различные уезды для преследования беглых и разбойников, а также в некоторые города для несения полицейской службы; в Пермской губернии оренбургские казаки «занимали этапы» для препровождения преступников, ссылаемых в Сибирь¹⁴.

В 1835 г. возобновилась работа по переносу пограничной линии Орская – Верхнеуральская – Троицкая крепости вглубь киргиз-кайсацкой степи. Для более тщательной разработки проекта реорганизации пограничной линии 9 ноября 1834 г. В.А. Перовский создал специальный «местный комитет», который в кратчайшие сроки разработал программу проведения всех необходимых в степи работ.

В декабре 1834 г. В.А. Перовский направил в Азиатский комитет Министерства иностранных дел доклад, где отмечал, что «пространство новой линии так обширно, что о постоянном заселении ее думать нельзя иначе, как исподволь, в течение нескольких лет ... почему необходимо занять прежде всего фланги и постоянные укрепления»¹⁵. Новую границу планировалось провести напрямую от Орской до Троицкой крепости, лишив тем самым киргиз-кайсаков и башкир возможности нападать друг на друга на

этом участке, и возвести на более чем 500-верстном участке 5 новых полевых укреплений по пять редутов между ними. По предварительным расчетам для заселения укреплений предполагалось перевести в них солдат сформированных в 1804 г. четырех линейных батальонов – 4, 6, 8 и 10-го. Причем в каждое из пяти укреплений планировалось заселить по 100 человек пехоты, 250 казаков и башкир, а редуты занимать только с весны до глубокой осени сменными командами из укреплений старой линии. Всего на первое время необходимо было иметь в трех укреплениях 300 пехотинцев при трех орудиях, 750 казаков и башкир, в девяти редутах еще 540 человек кордонной стражи и в 12 пикетах – 360 казаков. Общая потребность гарнизонов линии определялась в 1950 человек¹⁶. Губернатор считал целесообразным запретить представителям иных сословий поселение на линии; пространство между линиями он предлагал передать в собственность ОКВ (по 30 десятин на душу мужского пола и особые наделы для офицеров, церкви и в запас), оставшиеся же земли в районе Старой линии должны были отойти в собственность казны¹⁷.

Доклад и предложения Оренбургского военного губернатора после обсуждения в Азиатском комитете и Министерстве финансов были признаны «правильными и полезными», при условии внесения некоторых поправок, в частности, предполагалось для ОКВ нарезать лишь 15-верстную полосу вдоль линии. В декабре 1834 г. план был утвержден императором¹⁸.

Положением 1835 г. о перенесении Оренбургской пограничной линии предусматривалось, что поселяне новой

линии должны быть вместе с тем и ее защитниками. Наиболее подходящими для этой роли были казаки.

В марте 1835 г. к составу ОКВ был причислен I Оренбургский казачий полк, сформированный из I и II Тептярских полков¹⁹. В 1835 г. в казачье сословие были обращены нижние чины 4, 6, 8 и 10-го батальонов, исключая лишь мужчин, которые состояли на действительной службе. Штаб- и обер-офицерам, дворянам и польским уроженцам было предоставлено право переходить в войско по желанию²⁰. Однако принятие чинов этих батальонов в войско состоялось только 5 мая 1837 г., когда было Высочайше утверждено Положение о преобразовании линейных батальонов²¹. Солдаты и их семьи были переведены с прежней (старой) Оренбургской пограничной линии на новую, во вновь возводимые укрепления.

На новой линии в 1835 г. были основаны укрепления: Императорское, Наследническое, Михайловское, в 1836 г. – Константиновское, Николаевское, станицы: Ново-Орская, Елизаветинская, Мариинская, Атаманская, Екатерининская, Княжнинская, Еленинская, Надеждинская, Веринская, Варваринская, в 1837 году – Кумакская, Петровская, Павловская, Андреевская, Аннинская, Георгиевская, Ольгинская, Владимирская, Александровская, Софийская, Натальинская, Алексеевская и Кирилловская²².

В начале июня 1837 г. командиры 4-го линейного батальона подполковник Риман и 6-го подполковник Линевиц отправили первую очередь солдат-переселенцев в укрепления 1-й и 2-й дистанции новой пограничной линии. Параллельно с ними из Степной и Магнитной крепостей в 3,

4 и 5-ю дистанции стали прибывать команды из состава 8-го и 10-го линейных батальонов подполковника Суханова и майора Черных. Солдаты 4-го батальона заняли укрепления от Орской крепости до Мариинской станицы небольшими командами, в частности, в Орскую переводились 3 унтер-офицера, 27 солдат и 7 нестроевых, в Наслединское укрепление – 2 унтер-офицера и 13 нижних чинов. Аналогичные по численности команды были посланы в Петровскую, Елизаветинскую, Павловскую, Атаманскую и Андреевскую станицы. Всего в течение лета и начала осени 1837 г. на линию было переведено 1929 нижних чинов из линейных батальонов²³.

«Причисление в войско линейных батальонов, – отмечал в своем отчете наказной атаман генерал-майор Г.В. Жуковский, – принесло ощутимую пользу как увеличению состава, так и усилению сторожевых нарядов казаков на полевую службу и в общественные повинности»²⁴. Несомненно, численность ОКВ увеличилась за счет обращенных в казачье сословие линейных батальонов, однако на боеготовность крепостей это повлияло мало в первую очередь потому, что у солдат, поселенных на новой линии, не было своего хозяйства. Оно осталось на старой линии, у отцов или старших родственников. Нередко вследствие нерасторопности командиров батальонов, составлявших формулярные и семейные списки, родственники оказывались в разных станицах, что приводило к дроблению хозяйств и полуцицищенскому существованию переселенцев²⁵.

В.А. Перовский решил упразднить казачьи станицы 3, 4 и 5-го внутренних кантонов в Уфимском и Бузулукском уездах, а население этих станиц перевести на

новую линию²⁶. Из Уфимской, Табынской, Ельдятской, Нагайбакской и Бакалинской станиц 3-го кантона планировалось перевести 1317 казаков, из Новосергиевской и Переволоцкой – 416, а из 5-го кантона (Самарская, Алексеевская, Мочинская, Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая и Сорочинская) – 2419 казаков. Т.е. всего на новую линию В.А. Перовский планировал перевести 4152 души мужского пола (1698 хозяйств)²⁷. Когда 3, 4 и 5-му кантонам было объявлено о распоряжении правительства учредить здесь военное поселение, а всем казакам переселиться на новую линию, казаки станиц Переволоцкой и Новосергиевской 4-го кантона и Борской, Красносамарской и Мочинской 5-го кантона изъявили желание переселиться на новую линию целыми станицами. В то же время многие казаки просили оставить их на прежнем месте жительства, посылая прошения на Высочайшее имя, объясняя нежелание переезжать отсутствием средств, болезнями и другими причинами. Но власти довольно жестоко расправлялись с невыполняющими приказ. Многие были подвергнуты телесным наказаниям, а некоторые зауряд-офицеры и урядники приказом военного губернатора были разжалованы и переселены в отдаленные места. После того как было объявлено, что все, кто не хочет переселяться, должны будут вступить в состав регулярных полков, желающих служить на новой линии стало больше. Некоторые казаки даже просили разрешения у В.А. Перовского переселиться в этом же году, что и было разрешено приказом Военного министерства от 8 июня 1838 г.²⁸. Всего в 1838-1839 гг. в новые станицы и укрепления пересе-

лились 663 казака (без учета семей) из станиц 3, 4 и 5-го кантонов.

Спроведением новой линии от крепости Орской до отряда Березовского была организована кордонная стража из оренбургских казаков и башкир 9 и 10-го кантонов. Для размещения этой стражи были устроены кордоны, а между ними форпосты на расстоянии от 5 до 10 верст каждый. Порядок охранения линии остался такой же, какой существовал на старой линии²⁹.

Итак, политика, проводимая правительством России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. имела целью усиление самодержавной власти, что обусловило необходимость приведения казачьих войск империи в соответствие с задачами, стоявшими перед вооруженными силами страны. Главной целью реформирования иррегулярных войск было стремление властей сделать казачество послушным инструментом проведения государственной политики и опорой российской государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Оренбургское казачье войско. Союз казаков России. // <http://www.okvrussia.ru/> (дата обращения 05.01.2010).

2. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски)/ Е.Савельев // Донские областные ведомости. № 160/24.07.1913 г.

3. ПСЗ-1. 1798. № 18477; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. – Оренбург, 1905. – С. 82.

4. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. – Оренбург, 1905. – С. 83.

5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 22. Л. 1 – 4.

6. РГИА. Ф. 1150. Оп. 1. Т. 1. Д. 8. Л. 3; ПСЗ-1. Т. XXVIII. №21426; №21533.
7. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. – С. 69.
8. ПСЗ-1. Т. XXVIII. №21533; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. – С. 69.
9. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – С. 61.
10. Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. – Челябинск, 1996. – С. 67 – 68.
11. Зобов Ю.С. В Отечественной войне 1812 г. // История Оренбуржья. – Учебное пособие. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – С. 67.
12. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. – Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1890. – С. 95.
13. История казачества Урала: Учебное пособие для казачьих воскресных школ. – Оренбургское казачье войско / Ред. В.Ф.Мамонов. – Оренбург – Челябинск, 1992. – С. 129.
14. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска ... – С. 97.
15. ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 45. Л. 30.
16. Кобзов В.С. Новая линия // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1992. №1. – С. 15.
17. Кобзов В.С. Новая линия // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1992. №1. – С. 15.
18. Казачьи войска азиатской России в XVIII – нач. XX вв. Сб. док. Сост. Н.Е. Бекмаханова. – М., 2000. Там же. – С. 91.
19. ПСЗ-2. Т. X. №7985.
20. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска ... – С. 105; Казин В.Х. Казачьи войска. По первое апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартире. Репринтное издание, 1902. – С. 239.
21. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146. Л. 44.
22. Любовь и Восток (сер. «Вся Россия»): Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. – М.: «Московский писатель», 1994. – С. 66 – 67.
23. Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. – Челябинск, 1996. – С. 101.
24. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 2056. Л. 60.
25. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 567. Л. 9, 17.
26. Русов Г.И. Заселение Новой пограничной линии // Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. Программа и материалы региональной научной конференции – Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 1996. – С. 25.
27. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Указ соч. – С. 98.
28. ОГАЧО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. – Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1890. – С. 94 – 95.
29. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска ... – С. 106.

ДЕНИСОВ Д.Н.

(г. Оренбург)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА И.Ф. МАНСНЕР (1840–1895)

Со времени учреждения должности начальника Штаба Оренбургского казачьего войска в Российской империи его занимали 17 человек: в 1841-1845 гг. – К.К. Геке (?-1872), в 1845-1848 гг. – Г.К. фонРаден(1801-1868), в 1848-1853гг.– П.Б. Берг (1801-1854), в 1853-1859 гг. – И.А. Толстой (1813-1879), в 1859-1863 гг. – П.В. Зворыкин(1804-1864), в 1863-1875гг.– Е.И. фон Зенгбуш (1823-1878), в 1875-1876 гг. – Л.Н. Соболев (1844-1913), в 1878-1886 гг. – И.Ф. Манснер (1840-1895), в 1886-1899 гг. – П.П. Бирк (1836-1900), в 1899-1903 гг. – Г.К. Рихтер (1855-1919), в 1903-1906 гг. – Ф.Ф. Таубе (1857-1911), в 1906-1908 гг. – М.И. Гончаренко (1861-?), в 1909 г. – П.Д. Шрейдер (1863-?), в 1909-1914 гг. – А.И. Нестеровский (1862-?), в 1914 г. – С.И. Гаврилов (1866-?), в 1914-1917 гг. – и.д. Н.М. Альметев (1872 – ок. 1938), в 1916-1917 гг. – С.П. Товарищев (1870-1917).

В этом ряду одной из наименее изученных является биография начальника Войскового Штаба Ивана Федоровича Манснера. В замечательном справочнике А.В. Ганина и В.Г. Семенова «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945» ему посвящено буквально несколько строк¹. Причиной является

отсутствие в Оренбурге подробных архивных данных, прежде всего – полного послужного списка этого военного деятеля. Тем не менее основные вехи его жизни могут быть восстановлены по финским и отчасти русским дореволюционным источникам.

Будущий генерал-майор И.Ф. Манснер происходил из вполне мирной семьи потомственных священнослужителей и педагогов. С середины XVII века четыре поколения его шведских предков были лютеранскими пасторами в общинах Кумлинге, Фегле и Лемланд на Аландских островах (ныне Финляндия). Прадед Даниэль Манснер (Daniel Mansner) (03.06.1744, Лемланд – 13.08.1782, Йоханнес, ныне пос. Советский Выборгского района Ленинградской области) служил земельным инспектором в Выборгской губернии². Дед Густав Адольф Манснер (Gustaf Adolf Mansner) (13.03.1781, Йоханнес – 12.01.1818, Хийтола) духовно окормлял в качестве пастора приход Хийтола (ныне Ландехпохского района Республики Карелия). Отец Рафаэль Фредрик Манснер (Raphael Fredrik Mansner) (29.04.1809, Хийтола – 11.05.1857, Фридрихсгам, ныне Хамина, Финляндия) был магистром философии и преподавал русский язык в

начальных школах Нюслотта (ныне Савонлинна), Хейнолы и Фридрихсгама в Финляндии³. От его брака с Гедвигой Софией Як (Hedvig Sofia Jack) (03.02.1805, Котка, ныне Финляндия – 11.07.1860, Гельсингфорс, ныне Хельсинки, Финляндия) и родился 27 марта 1840 г. в городе Кексгольм (ныне г. Приозерск Ленинградской области) Иван Федорович Манснер (Hugo Ewald Mansner).

В 1852 г. он поступил в Финляндский кадетский корпус в Фридрихсгаме, по окончании которого 16 июня 1860 г. был зачислен подпоручиком в 22-ю артиллерийскую бригаду (г. Великий Новгород). В 1866 г. переведен в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду (г. Варшава) и произведен в чин поручика. В 1865-1867 гг. обучался в Николаевской академии Генерального Штаба (г. Санкт-Петербург), после чего в 1868 г. был направлен старшим адъютантом в штаб 33-й пехотной дивизии (г. Киев). 5 марта 1868 г. в местечке Ванайя (ныне Финляндия) женился на баронессе Эрнестине Шарлотте Эрике Ребиндер (Ernestine Charlotta Erika Reh binder) (20.05.1846, Тавастгус, ныне Хямеэнлинна, Финляндия – 01.09.1869, Санкт-Петербург), дочери тайного советника, губернатора Тавастгусской губернии Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. В 1869 г. произведен в чин штабс-капитана и определен старшим адъютантом в штаб 7-й пехотной дивизии (г. Радом, Польша), а в 1873 г. – в штаб 29-й пехотной дивизии (г. Рига)⁴.

В 1875 г. произведен в чин подполковника Генерального Штаба и прикомандирован к командиру Оренбургским военным округом. С 5 апреля 1877 г.

состоял при нем офицером для особых поручений⁵. 19 октября 1878 г. награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. 30 августа 1878 г. произведен в чин полковника Генерального Штаба. Со 2 октября 1878 г. по 1886 г. был начальником Штаба Оренбургского казачьего войска. Отметим, что в справочнике А.В. Ганина и В.Г. Семенова время пребывания И.Ф. Манснера в этой должности неверно ограничено 1878-1882 гг.⁶. На этом посту он получал 3387 руб. в год: 687 руб. жалованья и 2700 руб. столовых⁷. За отлучками губернатора исправлял должность наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Под руководством И.Ф. Манснера в 1879 г. было разработано положение, регламентировавшее военную подготовку молодежи в Оренбургском казачьем войске⁸. При нем в 1880 г. сформированы 3 местные казачьи команды (Оренбургская, Верхнеуральская и Троицкая), а в 1882 г. – полки № 1 и 2, включенные в состав 10-й и 13-й кавалерийских дивизий. В 1881 гг. 6 сотен оренбургских казаков участвовали в штурме туркменской крепости Геок-тепе, а в 1885 г. 4 сотни – в сражении с афганцами на Кушке. В 1884 г. было издано новое положение об управлении отделами Оренбургского казачьего войска. За свою деятельность на посту начальника Войскового Штаба И.Ф. Манснер неоднократно поощрялся руководством: в 1879 г. был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени, 6 мая 1882 г. – орденом Святой Анны 2-й степени, а в 1883 г. – орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1888-1890 гг. Иван Федорович служил начальником 1-го (строевого) отделения Главного управления казачьих

войск Военного министерства. Получал 2400 руб. в год; 1200 руб. жалованья и 1200 руб. столовых. 30 августа 1888 г. произведен в чин генерал-майора⁹. В 1890 г. переведен в резерв. Летом 1894 г. вновь направлен на действительную службу командиром 1-й бригады 4-й пехотной дивизии, расквартированной в г. Ломжа (Польша), где и скончался 22 марта 1895 г.¹⁰.

Таким образом, привлечение новых источников позволяет существенно дополнить биографию И.Ф. Манснера как крупного военного чиновника, направлявшего деятельность Оренбургского казачьего войска.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С. 349.

2. Daniel Mansnerus // Ylioppilasmatrikkeli 1640-1852 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=1297> (дата обращения: 11.01.2013); Paul Mansnerus // Ylioppilasmatrikkeli 1640-1852 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=4017> (дата обращения: 11.01.2013); Daniel Mansnerus // Ylioppilasmatrikkeli 1640-1852 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=5484> (дата обращения: 11.01.2013);

Daniel Mansner // Ylioppilasmatrikkeli 1640-1852 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=8371> (дата обращения: 11.01.2013).

3. Bidrag till k nnekod af Finlands natur och folk. – Helsingfors: Finska Litteratur-s llskapets tryckeri, 1868. – S. 205.

4. Mansner Hugo Evald // Biografiakeskus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kansallisbiografia.fi/kenraalit/?gid=270> (дата обращения: 22.09.2012)

5. Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. – С. 349.

6. Там же.

7. Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии по всем ведомствам на 1884 г. Издание Оренбургского Губернского Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Б.А. Бреслина, 1884. – С. 89.

8. Кобзов В.С., Кузнецов В.А. Военная подготовка казачьей молодежи в 70-80-е годы XIX века // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. – 2001. – № 1 (12). – С. 51.

9. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е мая 1889 г. – СПб.: Военная типография, 1889. – С. 812; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е сентября 1889 г. – СПб.: Военная типография, 1889. – С. 732.

10. Mansner Hugo Evald // Biografiakeskus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kansallisbiografia.fi/kenraalit/?gid=270> (дата обращения: 22.09.2012)

ПЕСНИ КАЗАЧЕСТВА ОРЕНБУРЖЬЯ

Оренбургское казачье войско существует с 1755 года. Основным ядром его послужили казаки – самарские, уфимские, алексеевские и исетские, а также солдаты ландмилицких полков, крестьяне, башкиры, калмыки, мещеряки, малороссийские и донские казаки [18, с.277].

Казачество было уникальным явлением в истории России, охватывавшим практически все стороны жизни: экономическую, военную, политическую, культурную, образовательно-воспитательную.

Феномен – российское казачество – удивлял многие народы Европы и Азии, сталкивающиеся с ним в мирной и особенно в боевой обстановке. Казаками восторгался властелин Европы – Наполеон, с вожделением и завистью смотрели на них английские лорды и турецкие султаны. Некоторые правители пытались создать что-то подобное, но из этой затеи ничего не вышло. Легкие, быстрые, неуловимые всадники, сросшиеся с конем словно кентавры, безумно храбрые и умелые воины, они нагоняли страх на врага лишь одним своим появлением. И никто практически не различал казаков по цвету кожи, по разрезу глаз, по языку и крови, так же как никто не различает в сплаве составляющие его металлы, вылившиеся в одноцветный монолит. Казачье сословие – это монолит из людского смешения с коротким и загадочным названием – «казаки» [2, с.35].

Только у великого и талантливого народа мог быть столь богатый запас слов и песен, легенд и преданий, былин и сказок. Только одухотворенная верой и любовью к отчужденному краю казацкая могучая поэтическая душа могла создать, сохранить и приумножить золотые россыпи русско-казацкого фольклора, устного народного творчества. У оренбургского казачьего сословия наибольшего развития достигло песенное творчество. Песни оренбуржцев условно можно разделить на обрядовые, бытовые, плясовые, хороводные, военно-бытовые, строевые и исторические. То есть песенный фольклор в Оренбургском казачьем войске был представлен фактически всеми своими разновидностями за исключением былин, ставших к XVIII в. малоупотребительными (анахронизмами) в обрядах и в быту. Танцевальное искусство было развито слабее (своего, собственно казачьего в танцах добавлено было мало). Песенная традиция в оренбургском крае складывалась на основе смешения разных начал. Этнический состав оренбургского казачества был довольно пестрым. На содержание песен оренбургских казаков существенное влияние оказал фольклор уральских (яицких) казаков, чему способствовала территориальная близость, экономические связи и совместные военные походы казачьих частей, особенно в Среднюю Азию. Песни оренбургских казаков испытали влияние также южнорус-

ских и малороссийских традиций. Особое воздействие оказал фольклор донских казаков с его развитым жанром исторических песен. Песни в Оренбургском крае обычно до середины XIX в. пелись без музыкального сопровождения, хотя музыкальные инструменты были хорошо известны. Наиболее распространенными были гармони, дудочки, свирели, пищики, бубен и трещотки. Использовались для музыкального сопровождения предметы домашнего обихода: валики для глажения белья, гребенки, ложки и др. В песенном фольклоре преобладали трудовые песни – коротенькие припевки шуточного или сатирического содержания, исполнявшиеся во время полевых или огородных работ, сенокосов, сбора ягод. Трудовые песни отвлекали от тяжелой монотонной работы, и их мелодия обладала своеобразным ритмом. Среди служилого казачества особой популярностью пользовались строевые, военно-бытовые и исторические песни. Именно эти разновидности песенного творчества оказывали существенное влияние на казака как воина, как патриота. Исторические песни пелись как беседные или похоронные. Они всегда были связаны с конкретными событиями, персонажи песен имели реальных прототипов. К песням, певшимся еще на родине переселенцев (самарских, исетских, уфимских, донских казаков и др.), добавлялись новые исторические песни. В них нашли отражение важнейшие местные и общероссийские события, в которых доводилось участвовать и оренбургским казакам.

Первые письменные сведения о песнях оренбургских казаков относятся к концу XIX – началу XX в. Они содержатся в книгах сотника А.И. Мякутина (1904-1905 гг.).

А.И. Мякутин, бывая по делам службы в отделах и станицах войска, немало времени уделял сбору и сохранению бесценного богатства народной культуры – песен и устных преданий местного казачества. Он тщательно записывал походные и бытовые песни и обряды, подолгу беседовал со старожилыми – казаками и ценителями песни. Собранные им песни казаков были изданы в четырех томах. Мякутин разделил песни, которые пели оренбургские казаки, на исторические бытовые (былины, песни разбойничьи) и бытовые (семейные, любовные, колыбельные, бытовые вообще, шуточные, вечерочные, песни про проводы казаков на службу и возвращении их со службы, строевые песни).

Пропаганда Мякутиным и другими казачьей песни существенно повлияла на развитие музыкальной культуры населения Оренбургского края. Деятельность А.И. Мякутина способствовала сохранению культурных традиций казачества, ценностей духовной жизни народа, что повлияло на рост самосознания казачьего сословия. Пропаганда казачьей песни и сама песня усиливали патриотические чувства казаков [8, с.43-46].

Все виды песен отражали жизнь казака во всех его проявлениях: к службе воинской, к Отечеству, царю, начальству, друг к другу, к семье и т.д. Оригинальная их жизнь, так непохожая на жизнь населения России, естественно нашла отражение в устной поэзии казаков и их песнях. Вся поэзия, все их песни пропитаны «военным элементом». Хотя в домашнем быту казаки избегали носить форменное обмундирование, но любовь к военному делу была развита у них в достаточной степени; они старались прихотить и своих детей к

военной службе, приучая их с малых лет к ношению казачьего обмундирования и к военному строю [14, Л.57]. Военная служба для казака – дело серьезное и важное, здесь как нигде необходимо благословение, поэтому утром обязательно служится молебен в церкви, после которого казаков и их строевых коней поп кропит святой водой. Дома призывника уже ждут родственники и друзья. В избе, где полно народу, накрыты столы. Каждый высказывает пожелания здоровья, военной удачи. Настает отъезд. После благословения сына все выходят из избы. Молодежь заводит прощальную песню:

Прощай, отец и мать родные,

Простите сына своего.

Смотрите все на остальные

Часы гулянья моего.

Прощай, любезная станица,

Прощай ты, родина моя,

Прощай, душа красна девица,

И вы все, добрые друзья...

После этой песни поют обычно еще одну:

За Кубанью, за рекой,

Там казак гулял,

Не один казак гулял,

Да со товарищем.

А товарищ-то его -

Разворотный, добрый конь,

Оборона-то его – шашка вострая...

Возвращаясь после проводов домой, женщины поют «Казачку»:

Погасло солнце за горою,

Стоит казачка у дверей.

И в дальний путь глядит с тоскою,

И льются слезы из очей... [11, с.236-237].

Если рассматривать исторические и военно-походные песни (по своему тоже

исторические) всех основных казачьих войск России, то окажется, что они очень похожи по содержанию. Это объясняется многими факторами, прежде всего – совместными действиями казаков различных казачьих войск в походах и в войнах. Так как оренбургские казаки часто находились на одном и том же театре военных действий с уральскими казаками, то и у тех и у других много общих песен. Например, с донцами и уральцами оренбуржцы участвовали в войнах против Турции, против наполеоновской Франции, поэтому военно-походные песни казаков обогатились новым содержанием. Благодаря такому взаимовлиянию оренбургские казаки часто распевали песни донских, кубанских, терских казаков. Кроме того, оренбургские казаки несли службу и во внутренних губерниях России, в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Нижнем Новгороде, Перми и других городах. Естественно, казакам приходилось общаться с населением этих городов и областей, и поэтому в среде оренбургских казаков распевались песни, заимствованные из разных местностей России.

С точки зрения влияния песни на патриотическое воспитание оренбургского казачества нас интересуют прежде всего исторические и походные песни казаков оренбургского войска. В качестве примера исторической песни можно привести песню «Что разбойничал добрый молодец, Стенька Разин сын» [3, с. 112-113]. В походных песнях изображалась вся боевая жизнь казака от самого возникновения казачества на Руси вплоть до Первой мировой и Гражданской войн. Оренбургские полки участвовали почти во всех войнах, которые вела Россия в конце XIX и начале XX веков, и про каждую войну они сочинили какие-либо песни. В них

казаки воспевали разные эпизоды из боевой жизни, казачье братство и товарищество и т.п. Казак – это прежде всего воин, защитник Отечества, он, в мирное время земледелец, в любую минуту мог превращаться в воина, прекрасно владеющего оружием и защищающего родину от иноземного нашествия [8, с.21]. Немало казачьих песен сложено про неизменного и незаменимого спутника казака, его боевого товарища и помощника – коня. «Где мой конь вороной?», «Конь боевой с походным व्यюком» – эти и многие другие песни и сегодня поются и помнятся [4, с.135-136].

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. части Оренбургского казачьего войска участвовали в сражении под Мукденом. Посвященные событиям этой войны песни оренбургских казаков «Невольно помнятся походы», «Близ моря на Дальнем Востоке», «Скакал казак через долину» распространены в Оренбуржье так же, как и популярные общерусские песни «Гибель «Варяга», «Плещут холодные волны» и другие [10, с.5].

Уровень подготовки казаков вполне отражен в казачьей песне, сложенной в станице Нижнеозерной:

*«В храме Божьем мы стояли
Со слезами на глазах.
Генерал был Максимович,
Наш наказный атаман,
Благословил он нас иконой,
Слово доброе сказал:
Отправляйтесь в путь вы трудный,
В чужедальние края.
С родным краем вы проститесь,
Со знаменами царя».*
*Тут святыню лобызали,
Что-то грустно стало нам... [12, с.256-*

257].

Дни войсковых праздников для всех казачьих войск России были одновременно установлены в 1890 г., когда согласно повелению императора Александра III был издан приказ №32 по казачьим и иррегулярным войскам. Этим документом предписывалось всем отдельным частям казачьих войск праздновать свои полковые и батареинные праздники в дни войсковых праздников соответствующих войск [1, с.158]. Таким является Егорьев день – Святого Великомученика Георгия, который отмечают 6 мая (или 23 апреля по старому стилю). Он стал главным войсковым праздником Оренбургского казачьего войска [17, с.180]. Примером может служить песня «Соколы и беркуты»:

*«А позвольте мне,
Братцы, держать речь.
Как про старое,
Про бывалое.
Издалече, далече,
и того было подальше;
Поднимались с запада ясные
соколики,
Не сами собой они поднимались:
Поднимала их злая-лютая
погодушка...» [5, Л. 144 об-115].*

Самое ожидаемое, самое волнующее событие для женщины во все века и времена – свадьба. И для оренбургских казачек, конечно же, тоже. Приближение рождественского мясоеда ожидалось незамужними казачками с волнением, а замужними с любопытством [15, с.242]. В это время в Оренбургском казачьем войске заключалось самое большое количество браков. Кроме того, свадьбы игрались перед праздником Казанской Божьей матери (22 октября по старому стилю) и весной на Красную горку. Летом

свадьбы были редкостью. Это были «беглые, воровские» свадьбы, т.е. тайком от родителей [6, с.134]. Весенние свадьбы гораздо скромнее осенних и зимних свадеб. Осенняя и зимняя свадьбы продолжаютя от двух до четырех недель, тогда как весенняя – всего одну, редко две недели [12, с.35]. Свадьбу проводят в пляске, пите и пении не только дома, но и на улице [16, с.331]. Свадебные песни исполнялись при определенных обычаях действиях и сопровождали свадьбу во всех ее частях. Свадебные песни настолько замечательны своим реализмом и лиричностью, что до сих пор исполняются на свадьбах. И хотя теперь девушка выходит замуж за любимого человека, а не по воле родителей, в старину решавших главную задачу – интересы экономики казачьего двора (количество рабочих рук, количество скота, земли и приданого), – она по традиции плачет и поет грустные песни.

Во время сватания (запоя платка) и сейчас поются такие песни, как «Тятенька, пей», в которой девушка-невеста поет, обнося всех родных подносом, уставленным чарами с вином:

*«Тятенька, пей,
Родименький, пей
И меня не пропей за чару,
За чару зеленого вина!
Маменька, пей,
Родименька, пей
И меня не пропей за чару
За чару зеленого вина!...»*

Песни «Под яблонькой зеленой», «Как без ветра, без вихорю», «Вейся, вейся, хмелюшка», «Уж вы, соколы» исполняются девушками и парнями во время катания на лошадях после запоя платка; «Эх, как на первом-то было вечере» поют девушки,

подруги невесты, на девичнике у родителей невесты; «Ай, да ты, река ли, да моя реченька!» поется невесте-сироте ее подружками; «На моречке лебедушка» пелась девушками, подружками невесты, на дому у родителей при сватании; «Из-за лесу, лесу темного» исполнялась подружками невесты на девичнике. Песня заканчивается очень грустным описанием прощания невесты с родителями:

*«Дочь от батюшки, от родимого,
От родимой, родной матушки,
Собирались, слезно плакала,
А в слезах-то не простила,
Посреди пути-дороженьки...»*

В день регистрации брака (в старину венчания) поется песня:

*«То не медная трубонька вострубила.
Восплакнула Аннушка об русской косе:
Вечор мою косыньку подружка
плела.*

*Поутру ранешенько маменька плела,
Серебром мою косыньку унизывала,
Жемчугом мою косыньку
усыпывала...»*

Во время девичника в момент расплетания косы невесты на две невеста с девушками поют заунывную песню:

*«Приступись-ка, родимый батюшка,
Ко моей трубчатой косе,
Ко моей-то красе девичьей...»*

Когда коса будет расплетена – невеста и подруги одеваются. Две девицы берут невесту под руки и медленно ведут под песню с весьма грустной мелодией:

*«...Наглядитесь, очи ясные,
На все улочки, переулочки...» [10,
с.60-61].*

После венца во дворе молодого, когда происходила встреча и прием новобрачных, пели, к примеру, такую песню:

*«Соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летели?»
С моря на море.
«Вы кого, соколы, видели?»
– Уж мы, соколы, видели
Белу лебедь на заводи...» [9, с.54].*

На другой день после заключения брака исполняется плясовая песня «Как во поле». Песня интересна тем, что она повествует нам об умыкании парнем невесты. В песне поется:

*Боялась девка
Да серого волка.
Не того волка боялась,
Что по полю рыщет,
А только волка боялась –
Красных девок ищет...*

В старину бывало так, что парень, не надеясь, что родители невесты согласятся выдать ее за него замуж из экономических соображений, увозил ее силой и заключал с ней брак на стороне. Умыкание – пережиточный обряд родового быта, а песня обратилась в обыкновенную плясовую, поющуюся на свадьбах, ничего общего с умыканием не имеющих [7, с.7-8].

Традиции народа – это живая историческая память, воплощение всего пройденного нацией пути, запечатленный опыт поколений. Это то, что хранит человека от обезличивания, позволяет ему ощутить живую связь времен и поколений, а в трудную минуту получить поддержку и жизненную опору. В сознании казачества господствовали традиционные мировоззренческие принципы (свободолюбие, верность воинскому долгу, присяге, исполнительность, коллективизм, взаимовыручка). Этническая культура казачества вобрала в себя его отличительные особенности этносоциального

явления, своеобразие духовного, военного, хозяйственно-бытового укладов жизни, различные этнокультурные компоненты (славяно-русские, тюрско-татарские, собственно казачьи). Она выражалась в исторической памяти, своеобразной духовной системе ценностей (устное народное творчество, особенно песенный фольклор, танцы, система воспитания, семейно-бытовые обычаи, календарные праздники и обряды), поведенческой (соционормативной), материальной (жилища, одежда, предметы домашнего обихода) культуре, а также в детской субкультуре.

Воплощением развития самосознания оренбургского казачества являлся фольклор – как один из связующих компонентов казачьего менталитета, как важнейшее средство сохранения и передачи бытовой культуры и боевых традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В. – Сквозь призму веков: Из прошлого оренбургского казачества / А. Абрамовский, В. Кобзов, В. Кузнецов. – Чел-к: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 203с.
2. Баканов В.П. Из истории оренбургского казачества / В.П. Баканов. – Магнитогорск: Изд-во «Магнит», 1993. – 149 с.
3. Баранов Ф.Н. Песни оренбургских казаков с напевами. Вып.1-2. – Оренбург, 1913. – №93. – С.112-113.
4. Бирюков Ю. Гордые песни / Ю. Бирюков // Родина. – 2004. – №5. – С.135-136.
5. Государственный Архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 17. Л. 144 об-115.
6. Капустина В. Героини погибшего мира / В. Капустина // Гостиный Двор. – 2008. – №22. – С.134.

Надршин Ф.М.

7. Кривощекоев А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков / А.И. Кривощекоев // Вестн. Оренб. учеб. окр. – 1915. – № 2, науч. отд. – С.60-61.

8. Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание Оренбургского казачества / В.А. Кузнецов. – Челябинск, 2004. – 201 с.

9. Кузнецов А.П. Этнографические очерки: Научное литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий. (XIX-XX вв.) / А.П. Кузнецов. – Калуга: Золотая аллея, 2007. – 352с., илл.

10. Малый П.П. Русские народные песни Оренбургской области / П.П. Малый. – М.: Изд-во «Советский композитор», 1980. – 103с.

11. Мальцева О.Ю. Зимние праздники оренбургских казаков. Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / О.Ю. Мальцева. – Челябинск, 1996. – 238с.

12. Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. Т.1. Песни исторические / А.И. Мякутин. – Орен-

бург: Типография Б. Бреслина, 1904. – 292 с.

13. Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1861. Л. 57.

14. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты / Ф.М. Стариков. – Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1891. – 250с.

15. Терещенко А.В. История культуры русского народа / А.В. Терещенко. – М.; Эксмо, 2007. – 730с.

16. Шибанов Н.С. Оренбургское казачье войско Часть II. / Н.С. Шибанов. – ЧелГУ, 2001. – 287с.

17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Исторические журналы – Калайдович / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона. СПб; Семеновская типолитография (И.А. Эфрона), 1894. – Т. XIII А (26). – 492 с.

НАДРШИН Ф.М.

(г. Оренбург)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ БАШКИР

Каждый народ в своем историческом развитии имеет переломные и решающие этапы. В истории башкирского народа одним из таких этапов явилось присоединение Башкирии к Русскому государству [1]. Событие, происшедшее в 1554-1557 гг., следует рассматривать также в плане роста и укрепления централизованного многонационального государства. Его характер в определенной мере продол-

жает оставаться дискуссионным, но все же большинство исследователей считали и считают, что имело место добровольное вхождение, а не завоевание.

Присоединение отдельных народов, в том числе народов Поволжья и башкир, к России усилило ее и облегчило борьбу с внешними врагами. Башкирское подданство давало русскому правительству возможность организовать оборону

восточных границ при помощи башкир. Этим самым последние выполняли важную государственную задачу. По требованию русского правительства башкиры несли военную службу, участвовали во всех походах и войнах, которые вело Русское государство. Правительство умело использовало в своих целях присущие башкирскому народу воинские способности. Шежере (генеалогические записи родов и племен) свидетельствуют, что башкиры с первых же лет своего подданства начали участвовать в походах и войнах, которые велись Русским государством. В Ливонской войне в составе русских войск были народы Среднего Поволжья. Здесь были и башкиры, о чем упоминается в шежере. В те же годы велась война с Крымом, в которой также отмечается участие башкир. В шежере указано, что царь «Иван Васильевич призвал на помощь башкир», и они «Азау (Азов) воевали»[2]. Башкирия играла важную роль и во внешнеполитических отношениях России с ближайшими восточными соседями. В составе первого посольства России к казахам были и башкиры.

Когда нависла над страной опасность, русский народ объединил народы России для решительной борьбы с врагом. Так было в начале XVII столетия, когда в трудные дни польско-шведской интервенции нужно было отстаивать независимость Русского государства, – вместе с русскими людьми боролись и башкирские конники. Башкиры входили в состав войск нижегородского воеводы Андрея Семеновича Алябьева, который в начале декабря 1608 г. нанес поражение отряду тушинцев, засевшему в селе Ворсме[3]. Известно также, что башкирская конница участвова-

ла в знаменитом ополчении Минина и Пожарского в момент освобождения Москвы от польских панов. В грамоте уфимскому воеводе Федору Андреевичу Алябьеву от царя Алексея Михайловича говорится: «...башкиры при прежних государях и при отце нашем, блаженнее памяти, при великом государя царе и великом князе Михаиле Федоровиче всяя Россия и против поляков, а в Московское разорение были под Москвою и после – до Московского разорения были в нашей службе под Новым Городом на Бронницах с боярином с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а после того были они на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского»[4].

В разрядных книгах 1629 г. о наборе башкирских отрядов говорилось: «Бывает им служба, как посылают всех низовых городов служилых людей в большую повальную службу, а с тех башкирцов емлют в то пору на службу с 3-х дворов по человеку». Башкирские конные отряды деятельное участие принимали в шведском и азовском походах. Так, во время Северной войны со всех четырех дорог был собран, снаряжен и отправлен тысячный отряд башкир. Ученый и государственный деятель И.К. Кириллов, внимательно изучавший историю башкир, в том числе и историю их военной службы, в 1734 г. писал, что они «всегда верно служили и не только против шведов и поляков, но и против турков и крымцев».

Боевые качества башкирских конников – смелость, находчивость, выносливость и бесстрашие – вырабатывались в войнах против иноземных захватчиков и в борьбе с царизмом, в периоды народных восстаний против самодержавия. «Башкирская

конница, – пишет Н.Ф. Демидова, – представляла собой довольно значительную военную силу, когда использовалась в сочетании с регулярными войсками и особенно когда действовала в привычных условиях – в лесах, степях и горах, где, по свидетельству современников, она была почти неуловима». Боевые качества башкирской конницы высоко оценивались русским правительством. В середине XVIII в. военная служба башкир приобрела более широкий характер. В 1754 г. с башкир был снят ясак и заменен покупкой соли, которую они раньше брали бесплатно из Илецкого соленого источника. Правительствующий Сенат в указе от 16 марта 1754 г. определил, что башкиры «без платежа ясака единственно служивыми будут так, как и казаки». С тех пор башкиры перешли на полуказачье положение; они шли на пограничную службу не только в летнее время, но наряжались и зимою для охраны Сибирской пограничной линии. Кроме того, башкиры в более широких масштабах привлекались к участию в дальних походах. Например, так случилось во время Семилетней войны 1756-1763 гг.

Готовясь к войне, правительство решило наряжать башкир и мишарей, живущих в Башкирии, в более значительных размерах, чем во время прежних походов. 11 апреля 1756 г. последовал указ сената Военной коллегии о посылке из Оренбургской губернии 2000 вооруженных двуконных башкир и татар на Украину, оттуда они в составе русских войск отправились в действующую армию. Кроме того, в том же 1756 г. 1 сентября Правительствующий Сенат приказал, «выбрав лутчих и добродоконных ... 500 человек башкирцов и 500 же человек мещеряков, ныне вывести как

наискорее в Лифляндию». Эти отряды формировались весьма срочно, через 24 часа они должны были быть готовыми в поход. Наряженные башкиры и мишари предназначались для участия в войне с Пруссией, и они сражались с неприятелем под начальством знаменитого полководца П.А. Румянцева и будущего гениального русского полководца – подполковника А.В. Суворова. «Башкирские конники, – писал Д. Мануильский, – вместе с русскими казаками и другими вступили в 1760 г. в Берлин, но ни русские, ни башкиры не кричали на всех перекрестках о том, что они били хваленое прусское воинство Фридриха II, которому немецкое бюргерство облыжно наклеивало ярлык «Великого»[5]. В 1790 г. вместе с мишарями и оренбургскими казаками более 2000 башкир были командированы в Прибалтику, где в составе четырех пятисотенных полков воевали в финляндской армии под командованием М.И. Кутузова.

Военная служба башкир была чрезвычайно выгодной для царского правительства. При формировании башкирских полков оно не несло никаких расходов, так как они вооружались и экипировались за свой счет. К тому же башкиры и мишари, так же, как казаки, очень быстро могли выставлять свои конные полки и отряды, способные по первому требованию военного ведомства форсированным маршем отправиться в поход. Поэтому правительство решило превратить эти народы в военное сословие, вследствие чего в конце XVIII в. военная служба башкир приобрела всеобщий характер. Это выразилось в том, что 10 апреля 1798 г. правительство издало указ о введении кантонной системы управления, превратившей башкир и мишарей

в военное сословие. В указе говорилось: «Сделать точное исчисление башкирцев, способных нести военную службу», «считая по летам от 20 до 50 лет», разделив их по кантонам. Все административные лица кантонов и юртов (команд) становились военными. Из башкир было сформировано иррегулярное войско, разделенное первоначально на 11 кантонов, затем на 12, а впоследствии на 28. Кантонная система управления в Башкирии вводилась с целью укрепления юго-восточных границ России и усмирения Башкирского края. Общеизвестно, что башкирские восстания XVII-XVIII вв. представляли собой крупное социально-политическое явление, феномен в истории народов Евразии того периода. Наиболее крупнейшие из них происходили в 1662-1664, 1681-1684, 1704-1711, 1735-1740, 1755-1756 гг. Причинами восстаний являлись нарушение царским правительством условий присоединения Башкирии к Русскому государству, захват башкирских земель, рост налогов и повинностей, произвол царских чиновников и ущемление местного самоуправления башкир, а также попытки насильственной христианизации. Царизм усматривал в этих восстаниях величайшую угрозу своему существованию и подавлял их с неимоверной жестокостью.

На башкирское войско была возложена ответственная задача: вместе с оренбургскими и уральскими казаками охранять восточные границы Русского государства. Пограничная линия, «имеющая протяжение свое от реки Тобола вниз по течению реки Урала до Каспийского моря», разделенная на пять дистанций, охранялась иррегулярными войсками. 1-я дистанция включала «все крепости

и редуты от Усть-Уйской крепости до города Верхнеуральска, присоединяя к сей же дистанции Звериноголовскую крепость и Алабужский редут до реки Тобол; 2-я протянулась от Верхнеуральска до Орской крепости; 3-я – от Орской крепости до Оренбурга; 4-я – от г. Оренбурга до г. Уральска и 5-я – от Уральска до Гурьева городка». Башкирские казаки несли линейную (кордонную) службу на всех перечисленных дистанциях, кроме последней.

Башкирские казаки, вместе с оренбургскими и уральскими составляющие иррегулярное войско обширного Оренбургского края, приносили большую пользу государству. Они за свой счет охраняли юго-восточные рубежи страны. Если для этой цели на огромном расстоянии – от Тобола до Гурьева городка – пришлось бы использовать регулярные войска, то потребовалось бы дополнительно набирать много рекрутов и потратить большие средства. Наряженные на линейную службу снабжались «оружием, одеждою, лошадьми и съестными припасами от всего общества». Каждый воин должен был иметь две лошади (строевую и вьючную). Башкирские казаки должны были быть вооружены «исправными копьями, саблями, ружьями и сайдаками (луками) со стрелами». Все это справлялось за свой счет.

Военно-казацкая служба башкир не ограничилась охраной восточных границ Русского государства. Как и прежде, в нужный момент они привлекались для участия в военных действиях. Создание башкирских полков, предназначенных для дальних походов, получило особенно массовый характер с того момента, когда

Россия начала борьбу с наполеоновской Францией. Уже в декабре 1805 г. против Наполеона двинулись из Оренбургского края 14 пятисотенных башкирских конно-казачьих полков, одна тысяча оренбургских и челябинских казаков и 600 калмыков. Осенью 1806 г. было сформировано еще три башкирских полка, которые были направлены в Пруссию и по прибытии туда в мае 1807 г. влились в армию генерала Беннигсена. Башкирские полки и калмыки после Фридландского сражения прикрывали отход русских войск к р. Неман и в начале июня 1807 г. вели бои в районе Тильзита с кавалерией французского маршала Мюрата. Есть указание, что «в 1806-1807 гг. во время войны с Францией было сформировано 20 пятисотенных башкирских полков»[6]. Но многие из них по случаю заключения Тильзитского мира с Францией не успели принять участие в военных действиях. Несмотря на примитивность их вооружения, башкирские конники сражались самоотверженно.

Выдающимся событием в истории дореволюционной военной службы башкирского народа явилось его массовое и героическое участие в Отечественной войне 1812 г. С того момента, как Башкирия стала составной частью русского многонационального государства, башкирские конники участвовали во многих войнах и походах. Но в памяти башкирского народа наиболее глубокий след оставил 1812 г. Когда началось нашествие наполеоновской армии на Россию, писал участник войны, поэт-патриот Сергей Глинка, «башкирцы оренбургские сами собою вызывались и спрашивали у правительства: не нужны ли их полки?». Конечно же, полки нужны были, особенно кавалерийские. На

Отечественную войну Башкирия выставила все свое взрослое мужское население, способное сесть на боевого коня и взять в руки оружие, мобилизовала ресурсы по оказанию помощи фронту. Башкирским народом было проявлено высокое понимание своего патриотического долга перед Родиной. Для борьбы с агрессивной наполеоновской Францией было сформировано 28 башкирских конноказачьих полков. Инициатива в организации башкирских казачьих полков принадлежала атаману Оренбургского казачьего войска полковнику В.А. Углицкому, который в июле 1812 г. явился в Петербург и представил свои соображения управляющему Военным министерством. Башкирские полки, по его мнению, должны были вооружаться за свой счет, «кто чем может». Для внутреннего устройства полков он рекомендовал собственный их «навык употреблять, не требуя единообразия», и одежду иметь «по своему обычаю». Инициатива Углицкого была принята «за похвальный подвиг». В записке управляющего Военным министерством, на которую последовал царский указ от 8 августа 1812 г. «О формировании башкирских казачьих полков», было сказано, что башкиры «...по природной своей склонности к военным упражнениям» могут быть с пользой употреблены в казачьей службе «против неприятеля». Следует отметить, что в период Отечественной войны 1812 г. помимо полков, отправленных в действующую армию, 12 тыс. башкирских конников несли линейную службу на восточных границах. Они формировались и содержались за счет башкирского и мишарского населения. Помимо формирования кавалерийских полков башкирский народ сделал

важный вклад в оказание помощи фронту. Особенно ценным было пожертвование башкирами лошадей, в которых очень нуждалась действующая армия.

Оренбургский военный губернатор Волконский в донесении Александру I писал, что башкиры и мишари, будучи «движимы усердием по примеру предков своих ко благу государственному... единственно через добровольные согласия и подписки с нарочными ко мне присланными, предъявили готовность представить безденежно из конских косяков свыше 3600 лошадей для полков уланских и полевой артиллерии». Однако пожертвования башкир и мишарей продолжались; вскоре число пожертвованных лошадей составило 4139. Для сопровождения этих лошадей была составлена команда из 1092 башкирских конников, для которых было наряжено 1470 строевых и 147 вьючных лошадей. Лошади были поставлены в Вильно и Бобруйск, где они использовались для укомплектования артиллерии и «в подвижных парках». Часть лошадей получило население Белоруссии, пострадавшее от нашествия Наполеона. Высокий патриотический подъем, охвативший народные массы Башкирии, нашел яркое отражение также в сборе денежных средств на нужды фронта. Уже на 15 августа 1812 г. в пользу армии в Башкирии было собрано 500 тыс. рублей[7].

В войне с Наполеоном участвовали представители многих народов Российской империи и Оренбургской губернии в частности, но «...из всех нерусских народов края наиболее видную роль играли, особенно на последнем этапе Отечественной войны и в заграничном освободительном походе 1813-1814 гг., башкиры»[8].

Вооружение башкирских воинов мало чем отличалось от вооружения русских легких войск, если исключить огнестрельное оружие, которое было редкостью. Они виртуозно пользовались саблями, пиками, луками и стрелами, многие носили под кафтанами кольчуги из железных колец.

С первых дней до конца Отечественной войны и в заграничных походах 1813-1814 гг. башкирские конники находились на полях сражений. На первом этапе войны в рядах русской армии действовали два башкирских полка и один тептярский конноказацкий полк. Вместе с русскими войсками они испытали все трудности, связанные с вынужденным отступлением вглубь страны; они были в составе тех частей и соединений, которые вели арьергардные бои. В составе войск казачьего корпуса Платова принимали участие в знаменитом Бородинском сражении. Когда Москва временно оказалась в руках чужеземных оккупантов, вокруг нее развернулась партизанская война. Башкиры – жители Южного Урала, опытные и выносливые кавалеристы, привыкшие ездить не только по степи, но и по горам и лесам, причем при любой погоде, оказались весьма подходящей силой для пополнения партизанских отрядов, действовавших на пути к Москве. Бесстрашными и находчивыми партизанами проявляли себя конники Башкирии в отрядах прославленных героев Отечественной войны Дениса Давыдова, Сиславина, Ефремова, Кудашева и др.

7 октября 1812 г. Наполеон покинул Москву. Отступая из Москвы, он оставил там маршала Мортье, поручив ему взорвать Кремль и другие важные сооружения. Выполняя приказ Наполеона, Мортье

взорвал дворцы, уцелевшие от пожара, арсенал и др. Французы были намерены взорвать Кремль. Но в Москву ворвались русские казаки, крестьяне-партизаны, башкирские конники первого полка, входившие в состав отряда князя Кудашева, и успели помешать произвести взрыв и этим спасли ряд ценных памятников Кремля. Освобождение Москвы оставило глубокий след в памяти башкирского народа. Легенды, предания и народные песни, сохранившиеся до наших дней, рассказывают об активном участии башкир в изгнании Наполеона из Москвы.

Башкирские конники участвовали в заграничных походах 1813-1814 гг. Особенно памятным было героическое участие 1, 4, 5, 9 и 14-го башкирских полков в знаменитом Лейпцигском сражении 4-7 октября 1813 г. Это сражение получило название «Битвы народов». В нем участвовало с обеих сторон около 500 тыс. человек. Лейпцигская битва закончилась поражением наполеоновской армии. В победе над неприятелем решающая роль принадлежала доблестным русским войскам. Имена башкирских полков, участвовавших в сражении и проявивших героизм, были занесены в число особо отличившихся частей русской армии. Об этом свидетельствуют мемориальные надписи, до сих пор сохранившиеся в Лейпцигской церкви-музее. В составе русской армии башкирские конники дошли до столицы наполеоновской Франции. 18 (30) марта 1814 г. вместе с русскими войсками 2, 12, 13, 14 и 15-й башкирские полки вступили в Париж. Современники дали весьма высокую оценку боевым способностям башкирских воинов. А французы, панически боявшиеся необыч-

ного вида башкир, за искусное владение луком и стрелами прозвали их «северными амурами».

После Отечественной войны 1812 г. башкирские конники также широко привлекались к участию в войнах России и посылались в западные губернии для охраны государственных рубежей; в то же время башкиры продолжали нести линейную службу на восточной границе. Во время войны России с Турцией в 1828-1829 гг. башкирские части пополняли русскую армию. Два башкирских и два оренбургских казачьих полка, наполовину состоявшие из башкир, участвовали в охране границ и коммуникаций, а также в боях. Кроме того, во время этой войны потребовались верблюды для перехода через Балканские горы, и башкиры предоставили в распоряжение русского командования более 100 верблюдов. Башкирские воины участвовали в Крымской войне 1853-1856 гг. Было сформировано и отправлено в действующую армию четыре конноказачьих полка. Оборона Севастополя выдвинула немало отважных героев и из среды башкирских воинов.

История башкирской конницы неразрывно связана с историей героического военного прошлого русского народа. Джигиты Башкирии, участвуя в крупнейших походах и сражениях под водительством Дмитрия Пожарского, Петра Великого, фельдмаршала Румянцева, гениальных полководцев Суворова и Кутузова, сохраняя свои национальные черты и особенности, прошли долготлетнюю школу, учились бить сильнейших врагов России, обогащали военный опыт и приумножали свои боевые традиции. Постоянная военная служба башкирских конников в рядах

русской армии укрепляла боевую дружбу народов. Русский солдат в лице башкирского конника всегда видел верного и боевого товарища.

Созданное в связи с введением кантонной системы управления башкиро-мещерякское иррегулярное войско было упразднено на основании Закона от 2 июля 1865 г. «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство». Башкиры были переведены из служилого в податное сословие, их натуральные повинности были заменены денежными. Следует отметить, что отмена кантонной системы управления явилась составной частью Крестьянской реформы 1861 г.

В дальнейшем башкиры по-прежнему активно привлекались к несению военной службы. В частности, много башкир принимало участие в русско-японской и Первой мировой войнах. Башкирские части сыграли огромную роль в обороне Петрограда от белогвардейцев, проявили себя с наилучшей стороны в боях с белополяками. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. вызвала огромный рост патриотических чувств народа. Следует отметить, что на фронте среди башкир практически не было случаев дезертирства, членовредительства, сознательного перехода на сторону врага. Первым Героем Советского Союза из башкир стал Гафиатулла Шагимарданович Арсланов, получивший это высокое звание в 1940 г. за мужество и героизм, проявленные в боях советско-финской войны. В начальный период Великой Отечественной войны он обучал курсантов Чкаловского танкового училища, располагавшегося в стенах здания сегодняшнего экономического факультета Оренбургского государственного

аграрного университета. Офицер-танкист с боевым опытом настойчиво писал рапорты на имя вышестоящего командования об отправке его на фронт. В качестве командира танкового батальона он принимал участие в Сталинградской битве, затем освобождал Родину от фашистских оккупантов. Жизнь славного сына башкирского народа, отважного советского воина, заместителя командира танковой дивизии подполковника Г.Ш. Арсланова оборвалась 5 января 1945 г. у стен Будапешта. На полях сражений неуязвимой славой покрыла себя 112-я башкирская кавалерийская дивизия. В послевоенный период и в наши дни башкиры честно и добросовестно выполняли и выполняют свой воинский долг в составе Советской (российской) Армии. Среди башкирской молодежи зафиксированы лишь единичные случаи уклонения от призыва на военную службу.

Вот уже более 450 лет судьба башкирского народа связана с великим русским народом и Российским государством. История взаимоотношений двух народов на протяжении веков изобиловала различными событиями и не всегда была безоблачной. Однако многовековая военная служба башкир Российскому государству, героические подвиги сынов башкирского народа являются наиболее яркой страницей в его истории, заслуживают признания и уважения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 4.
2. История государства и права Башкортостана (в нормативных актах, документах и

Дубовицкий В.В.

документах официального делопроизводства). Ч.1, Уфа. 1996. С. 16.

3. Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1898, вып. IV. С. 142.

4. Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР, Стерлитамак, 1922, вып. 2. С. 22.

5. Мануильский Д. Народ-герой, народ-воин. Москва, 1944. С. 5.

6. Очерки по истории Башкирской АССР, т.1, ч.2. Уфа, 1959. С. 64 – 65.

7. Бабкин В.Н. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 108.

8. Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII-XIX вв. Оренбург, 2005. С. 201.

ДУБОВИЦКИЙ В.В.

(г. Душанбе, Таджикистан)

РОЛЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА (СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ И УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Со времени своего основания (1743 г.) и на протяжении более чем ста лет город Оренбург играл немаловажную роль в международных отношениях России с государствами Среднего Востока¹, в частности с ханствами и племенными объединениями Средней Азии, Кашгарией (нынешняя пров. Синьцзян, КНР), Британской Индией, а также афганским государством. По образному выражению государственных деятелей России того времени, он становится для народов названного региона «пристанищем и портом»², местом постоянных торговых и

дипломатических контактов с обширными областями Азии.

Само основание Оренбурга было вызвано для Российской империи насущной необходимостью развития нового уровня государственных взаимоотношений, прежде всего – с народами Средней Азии. В этих целях здесь открываются различные учреждения, подведомственные Коллегии, а затем – Министерству иностранных дел³. В период с 1799 по 1859 гг. им является Оренбургская пограничная комиссия (ОПК).

По сути дела, Комиссия была отделением российского внешнеполитического

ведомства, вынесенным поближе к месту ежедневной деятельности – Востоку. Однако в генерал-губернаторстве, с учетом постоянных пограничных конфликтов, ее, как правило, возглавлял человек военный в чине полковника или генерал-майора. Председатель Комиссии по представлению главного начальника края назначался МИДом и утверждался лично царем. На эту должность назначались или военные чины, как, например, генерал-лейтенант П.Ф. Генс и генерал-майор М.В. Ладыженский, или ученые-ориенталисты (В.В. Григорьев). Помимо офицеров и чиновников в состав Комиссии включались три-пять представителей казахской аристократии. Штат Комиссии был сравнительно невелик: изменяясь и совершенствуясь, он в разное время состоял из 25-40 человек и к моменту ее упразднения в 1859 г. не превышал 50 человек со всем техническим персоналом.

В силу ранее отмечавшейся специфики положения края Пограничная комиссия как распорядительный и исполнительный орган сочетала в себе функции губернского правления, палат уголовного и гражданского судов и казначейства по управлению оренбургскими «киргизами», то есть казахами бывших Малой и Средней Орды⁴.

Сравнительно небольшой штат Комиссии состоял из дипломатов низких рангов, военных и «толмачей» – переводчиков с восточных языков, первое место среди которых занимали татарский и фарси, на котором велась деловая переписка. Необходимо уточнить, что под первым из них понимались едва ли не все языки тюркской группы, используемые народами, живущими от Казани до Кундуза и Яр-

кенда: башкирский, татарский, казахский, каракиргизский, узбекский, туркменский, уйгурский. Именно поэтому в штате дипломатов и переводчиков преобладали люди, этими языками владевшие, и очень часто для них один из перечисленных языков был родным: в штате ОПК работало немало татар, башкир и даже бухарцев! Показательным в этом отношении является рапорт, датированный 14 мая 1815 г., адресованный генерал-губернатору Оренбургского края князю Г.С. Волконскому: «Вследствие предписания Вашего Сиятельства от 29 числа апреля за №779-м, жительствующий в Оренбурге покойного из бухарцев титулярного советника Дост-Мухаммеда Байкшиева, сын Мухамед Якуп принят в число толмачей при Комиссии состоящим сверх комплекта, которого и поручено переводчикам обучать русскому и татарскому разговору и грамоте. На верность же служения его Императорскому Величеству, приведен он, Мухамед Якуп к присяге. О чем Пограничная комиссия имеет честь к сведению донести Вашему Сиятельству»⁵.

Структурно ОПК состояла из четырех отделений: исполнительного, судного, уголовного и счетного, каждое из которых, в свою очередь, делилось на «столы», ведавшие конкретными участками работы внутри отделений. Первый «стол» исполнительного отделения комиссии занимался всеми политическими делами: вопросами дипломатических сношений, получал, собирал и изучал сведения о положении в сопредельных странах. И именно он же организовывал разведывательную работу и обрабатывал получаемую информацию, готовил на ее основе сообщения генерал-губернатору и в соответствующие инстан-

ции в Петербург. Вся поступавшая в ОПК по различным каналам и из различных источников информация представлялась председателю комиссии. По его указаниям она обобщалась и систематизировалась и не реже трех раз в месяц рапортами или докладными записками представлялась главному начальнику края⁶.

Сбор необходимой информации происходил в основном по следующим каналам: обязательный и регулярный опрос прибывших с территории региона торговцев, караван-баши (каравановожатых), а также членов официальных миссий из среднеазиатских государств; целевой сбор необходимых сведений (по специальным вопросникам) через членов российских дипломатических миссий в государствах Среднего Востока; сбор материалов через агентурную сеть конфидентов (т.е. оперативная разведывательная работа на территории региона).

Касаясь сферы интересов ОПК в регионе в указанный период, необходимо отметить, что поскольку даже географические сведения и данные о природных и климатических условиях сопредельных государств были в то время чрезвычайно скудны, неудивительно, что их приходилось получать по собственным разведывательным каналам, в том числе и агентурным путем.

В ходе опросов выяснялись также сведения о ценах на товары на среднеазиатских рынках в текущем году и в перспективе; товары, доставляемые туда из соседних государств (в том числе английских, поступавших из Афганистана и Ост-Индии); о событиях в ханствах, смене их властителей, влиятельных лицах в пра-

вящей элите, а позднее – и о деятельности английских агентов, племенных и родовых междоусобицах и столкновениях. Выяснялось также, каким маршрутом следовал караван и условия пути, наличие подножного корма, были ли и где, когда и какими силами нападения степных разбойников (баранта, аламан), какие еще караваны находятся в пути и тому подобное.

Как правило, через купцов и караван-баши поступали первые сведения о предстоящем прибытии посланцев и миссий от правителей соседних государств и характеризующие (установочные) сведения на них. Причем эта информация порой имела не только разведывательный, но и контрразведывательный характер. Как считает историк российской разведки О.М. Хлобустов, до конца 1820-х гг. опрос купцов и караванчиков был основным каналом получения разведывательной информации⁷. Фактически это был вид «пассивной разведки», когда информация поступала без специально затрачиваемых на это сил и средств, без активного поиска путей по ее целенаправленному добыванию.

Материалы, полученные по всем трем каналам, содержатся в основном в ф. 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора» ГАОО, ф.222 «Оренбургская пограничная комиссия», а также в ф. 166 – личном фонде одного из председателей ОПК, Г.Ф. Генса.

Необходимо отметить, что за 60 лет своего существования цели и задачи ОПК по сбору этой информации существенно менялись, что диктовалось как изменением целей и задач Российской империи в регионе, так и событиями, происходящими на его территории.

Исходя из анализа доступных нам документов ОПК и предшествовавших ей организаций, здесь можно выделить следующие периоды:

1. 1734-1825 гг. Период характеризуется становлением системы отношений с геополитическими субъектами Среднего Востока, вплоть до проникновения на территорию региона первых британских миссий (Эльфинстон, 1818 г.; Мир-Изетулла, 1812 г.; Муркрофт-Требек, 1825 г.) и начала военно-политического соперничества в регионе Англии и России;

2. 1825-1855 гг. Обострение военно-политической обстановки в регионе в связи с экспансией Кокандского ханства в северном направлении, агрессивной политикой Хивы и Первой англо-афганской войной 1838-1842 гг.;

3. 1852-1859 гг. Переход к активным военным действиям против Кокандского ханства, осуществленным в основном в кампании 1864-1868 гг.

Первый из названных периодов характерен сбором информации общего географического, этнографического и политического характера. Это связано со слабым общим уровнем научных исследований Среднего Востока в европейской науке. В середине 1820-х гг. изучение региона со стороны ОПК становится более активным и происходит уже с применением всех упомянутых методов. Это также характерно и для третьего периода деятельности ОПК.

Это хорошо прослеживается на примере в одном случае – специально организованной разведывательной миссии в Коканд в 1851-1852 гг., в другом – в хронике первичных донесений «о слухах и сведениях в Средней Азии»,

относящихся к периоду с июля 1854 по апрель 1855 г.

Нарастающая на протяжении 1820-1840 гг. напряженность в отношениях между Кокандским ханством и Россией, связанная с агрессивной политикой Коканда в отношении своих соседей, в том числе и русскоподданных киргизов (казахов) Малой и Средней орды⁸, заставила руководство ОПК приступить к подробному изучению потенциала этого среднеазиатского государства. 15 мая 1851 г. оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский предлагает МИД России отправить в Кокандское ханство человека, «по природному смыслу, находчивости и способностям успешного приобрести везде из тамошних знакомых влиятельных лиц и владеющего весьма достаточными сведениями о тех странах»⁹. Для этой цели в Коканд был направлен приказчик русской Компании Александровских купцов I-й гильдии Зубова и Баранова «ростовский мещанин Семен Ключарев», с 1840 г. проживавший по службе в Хиве, Бухаре и Ташкенте. «Поручения главнейшие заключались в проверке и разъяснении сведений, которые мы имеем в Коканде и Ташкенте, а именно поручено Ключареву сблизиться с кокандскими властями, узнать существующие в Коканде и Ташкенте партии, господствующие в них, силу и значение настоящего (находящегося у власти – В.Д.) правителя на подведомственные ему роды как в самом Коканде, так и в окрестных местах; настоящие (современные – В.Д.) отношения кокандского хана к Хиве и Бухаре, сношения его с Китаем, Индией и проч.; стараться самому побывать в различных местах по разным направлениям Кокандских владений и доставить сведения о городах, реках, горах и проч., их поло-

жени и взаимном расстоянии и вообще записать все замечательное, что касается до местности; привести в известность главнейшие дороги, укрепленные места и пути сообщения между ними; вникнуть, в чем главнейшее состоит промышленность кокандцев, и какие богатства содержатся в их землях»¹⁰.

Помимо общих сведений географического и политического характера С.Я. Ключареву было вменено в обязанность изучить возможность организации судоходства по Сырдарье и возможность выращивания в ханстве марены, необходимой российской текстильной промышленности. Для Ключарева председателем ОПК М.В. Ладыженским были подготовлены «Записка о сведениях, которые нужно собрать во время следования каравана и там на месте»¹¹ и «Наставление»¹², в котором разъяснялось, как этого можно и следует достигать.

Поездка в Кокандское ханство была совершена С.Я. Ключаревым с 15 октября 1851 г. по 26 июля 1852 г. За 9 месяцев караван посетил Ташкент, Туркестан и Коканд. По итогам своей разведывательной и исследовательской миссии Ключарев представил информацию о положении в Коканде, о ходе боевых действий Худоярхана против взбунтовавшегося Ташкента, о его отношениях с Бухарой и Хивой, изложил причины возникавших смут и междоусобиц в государстве, поведал о природных условиях и наиболее удобных путях в Коканд от российской границы.

На этой основе в сентябре 1852 г. В.А. Перовский направил в Азиатский департамент подробный 20-страничный доклад о положении в Кокандском ханстве¹³. В частности, впервые в русском

востоковедении дается географическое и хозяйственное районирование Кокандского ханства: «Но и в самой Кокании, по характеру местности, должно различать две отдельные области: восточную, заключающую долину Сыра (Сырдарьи – В.Д.) до поворота реки на север, и западную, по правому берегу р. Сура до поворота ее на запад: первая более гориста и в местах, удаленных от реки, подвержена суровости климата от близкого соседства снеговых сопок; вторая, ограниченная правым берегом Сыра и горами Кара и Кыдыр-тау, состоит из долин и речек, бегущих с этих высот, и весьма плодородна и способна к хлебопашеству и скотоводству. Эти две области физически разнохарактерные составляли почти постоянно два отдельных политических округа: Коканию в собственном смысле или Фергану и Ташкению»¹⁴.

С.Я. Ключарев, приводя характеристику этнического состава ханства, указывает, что «народонаселение той и другой области делится по происхождению на два главных колена: Иранского и Туранского племени. Иранцы состоят из двух главных отраслей, говорящих персидским языком: таджиков и каратегинцев – первые образуют преимущественно городской промышленный класс; вторые живут в горных долинах крайне скудно и служат в городах временными поденщиками. ... Они отличаются крепостью тела, трудолюбием и ограниченностью потребностей. Люди эти обыкновенно на один или два года выходят из гор в города и, заработав скудную плату, возвращаются к своим семействам»¹⁵. Характеризуя в отличие от них персоязычное население городов, С.Я. Ключарев указывает, что «таджики, составляющие главное население Кокании, весьма склонны к

торговле, и значительным средством к развитию ее служит верность кредита в этих странах: хотя ссуды и долги не обеспечиваются никакими письменными актами, но почти нет примера, чтобы должник отперся от займа, а в случае опоздания начальство всеми средствами побуждает к немедленной уплате...»¹⁶. В данном случае исследователь транслирует заблуждение, широко распространенное в европейской этнографической науке XIX века относительно отличия в среде таджикского населения региона, в то время как речь идет только об этнотерриториальных различиях внутри одного народа.

Определенный интерес для археологии могут представлять и сведения о древних рудниках на территории ханства: «Близ Ляу-Хана есть замечательные остатки древней горной разработки: в 1850 г. ездил для осмотра их Кокандский курбаши с несколькими работниками. Которые рассказывали, что внутри одной горы много больших проходов, и над некоторыми дверями надписи на неизвестном диалекте»¹⁷.

Сведения, полученные ОПК через С.Я. Ключарева, были настолько высоко оценены В.А. Перовским, что он предлагал МИД России вновь отправить купца в Кокандское ханство, «дав ему, если купец Зубов откажется от дальнейших торговых оборотов в Средней Азии, небольшое денежное пособие для производства торгова на собственный счет»¹⁸.

Еще большей практической направленностью отличаются сведения о положении в Средней Азии, собранные Комиссией по оперативным каналам и путем опросов состава караванов, пришедших из региона в Оренбург, Орск и

Троицк, объединенных в одном из дел ф.6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора»¹⁹. Они почти исключительно касаются вопросов политических отношений между Кокандским, Хивинским и Бухарским ханствами в связи с подготовкой похода против русских. Единственным исключением можно считать экономическую информацию о колебании цен на продовольствие и видах на урожай в названных государствах²⁰.

На протяжении первой половины XIX века в ханства Средней Азии и в Афганистан из Оренбурга был отправлен ряд разведчиков и исследователей, программа работы которых была подготовлена сотрудниками ОПК. Среди них можно назвать братьев Я.В. и Н.В. Ханыховых²¹, Я.В. Виткевича, П.И. Демезона²², Э.А. Эверсмана, Е.Я. Ковалевского. Вклад их в отечественную востоковедческую науку трудно переоценить.

Большой вклад в изучение региона внес лично один из председателей ОПК, генерал Григорий Федорович (Георг Гергард) Генс (1787, Дерпт – 1845, Оренбург). Личный фонд этого администратора и исследователя включает в себя рукописи, относящиеся к периоду 1819-1835 гг. Они содержат сведения о сношениях Русского государства с Бухарой в XVI в., Индией в XVIII в., о древних жителях Кавказа, восточных народах, ногайцах, казахских султанах и ханах, о древнем скотоводстве, хлебопашестве, о торговле русских с татарами в XVI в., о караванной торговле с казахами, об учреждении в Оренбурге торговой компании, о постройке крепости на Аральском море, об управлении Оренбургским краем, о путешествии капитана Рычкова в киргиз-кайсацкую степь (1771 г.). Помимо

этого в восьми книгах рукописей Г.Ф. Генса содержатся: перевод письма доктора Эверсмана из Бухары оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому, записи рассказов отдельных лиц о происхождении казахов, башкир, казаков, о теленгутах, о дороге из Семипалатинска в Петропавловскую крепость, записи рассказов людей, проживавших в Индии, вышедших из хивинского плена.

За 20 лет службы (1824-1844 гг.) на посту председателя ОПК Г.Ф. Генс собрал колоссальный материал по географии, истории, этнографии и экономике Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Рукописи Г.Ф. Генса в качестве источника по истории и этнографии Средней Азии и Афганистана были высоко оценены в русском востоковедении конца XIX века: «В рукописях Средняя Азия представлена таковою, какой она могла быть известна лучшему ее знатоку при тогдашних способах сношений со Средней Азией. Однако рукописи Г.Ф. Генса имеют не только исторический интерес. Они имеют значение живой национальной истории для Среднеазиатских ханств. Жизнь этих небольших государств столь полно и разносторонне изображена Генсом, что мы, нисколько не колеблясь, говорим, что его труды представляют единственный источник для истории внутренней, гражданской и экономической жизни конца XVIII - начала XIX вв.»²³

Особый интерес для Г.Ф. Генса как главы дипломатического учреждения представляли различные политические события, происходившие в Средней Азии в период его службы. Среди 188 статей фонда 75 касаются династической борьбы в Бухарском и Хивинском ханствах,

взаимоотношений среднеазиатских государств с Афганистаном, Персией (Ираном), Индией, Кашгарией, а также вопросов экономического и политического проникновения в этот регион Англии. Учитывая даже, что часть из них содержит пространные выписки из различных востоковедческих изданий того времени, большинство являются ценнейшими источниками по региону, собранными путем оперативной работы и пассивной разведки. Среди них особо нужно отметить «Рассказ переводчика Оренбургской пограничной таможни Байкшиева»²⁴, «Ханы Хивинские»²⁵, «Происшествия в Бухарии в 1826 г.»²⁶, «Показания Магиум Ходжи. Ханы кокандские из ныне властвующего дома»²⁷, «Несогласие между Бухарой и Хивой в 1820 г.»²⁸, «Несогласие между бухарцами и хивинцами»²⁹, «Война между Бухарией и Хивой в 1822 г.»³⁰, «Рассказ чиновников, бывших при миссии» (Негри, 1820 г. – В.Д.)³¹ и некоторые другие.

Значительную часть сведений, приведенных в личном фонде Г.Ф. Генса, составляют этнографические материалы о народах Средней Азии и Афганистана. Особенно следует отметить следующие материалы: «О происхождении худжей»³², «О народах прежде обитавших в Киргизской степи»³³, «Жители Средней Азии»³⁴, «Жиды в Бухарии»³⁵ и некоторые другие.

Характерно, что, по-видимому, этнографическое изучение народов Средней Азии и сопредельных государств составляло предмет особого интереса Г.Ф. Генса – на полях записей встречаются обобщающие заметки, определенные этнонимами «таджики», «узбеки», «афганцы», «туркмены» и т.д. с перечнем страниц тетрадей

записей, где содержатся материалы о данных народах. Например, в деле №7 имеется указатель «таджики»³⁶ с перечнем страниц: «114, 247, 250, 280, 351, П.52, Ш.147». Страницы, приведенные самим Г.Ф. Генсом, не совпадают с нынешней архивной системой архивной кодификации страниц вследствие утери еще в XIX в. большей части материалов архива.

Интересно, что упоминание о «гальчах» («гальджах») и их языке, приведенное этим исследователем в одном из опросных документов, можно считать первым из известных случаев употребления этого этнонима таджиков в русском востоковедении³⁷.

Первыми в русской афганистике можно считать и сведения о природе, минеральных богатствах территории нынешнего Афганистана и его населении, касающиеся в основном жителей нынешних провинций ИРА Бадахшан, Пандшер, Тохар и Кундуз³⁸.

В частности, большой интерес в этом плане представляют данные о горных сосновых лесах в районе г. Файзабада (нынешний административный центр пров. Бадахшан) и использовании их для речного судостроения в Хивинском ханстве. Известно, что хивинцы мели довольно развитое судоходство на р. Амударье с использованием беспалубных лодок (каюков) грузоподъемностью до 1,6 тонны. Это подтверждается данными Г.Ф. Генса о том, что «хвастивые хивинцы рассказывают, что у хана их до двух тысяч лодок из которых каждая поднимает 200 человек!!!»³⁹.

Несомненный интерес представляет и первые в русском востоковедении упоминания о таких афганских этносах,

как сияпуши («Сия Уш»; «Сия Кафир») и хазарейцы («Газара»), также приводимые у Г.Ф. Генса⁴⁰.

Материалы личного фонда Г.Ф. Генса частично использованы лишь в исследованиях, связанных с изучением русско-индийских связей в XVII-XIX вв., а также в работах о роли Оренбурга как одного из центров российского востоковедения в XVIII-XIX вв.⁴¹.

Таким образом, сотрудники ОПК внесли весомый вклад в комплексное изучение территории, истории, этнографии Среднего Востока. В силу характера самой организации эти исследования имели почти исключительно прикладной характер и служили «сырьем» для теоретических исследований в российском востоковедении. К сожалению, весь массив этих данных до настоящего времени не исследован должным образом и не введен в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Автор, учитывая разноречивость в современной геополитической терминологии, пользуется определением региона «Средний Восток», данным в 1919 г. одним из основателей русской и советской геополитики – генералом А.Е. Снесаревым: «Под Средним Востоком нужно разуметь, во-первых, Индию, во-вторых, кольцо тех государств, маленьких, несильных, небогатых, которые окружают Индию (это Белуджистан, Афганистан, налегающий над Индией в виде четырехугольника, Памир, Кашгария и затем Тибет); наконец, в-третьих, нужно еще включить лежащий к северу русский Туркестан, который в отношении возможности наступления или угрозы Индии рассматривается англичанами, как база... с политической точки зрения под территорией Среднего

Востока разумеют ту большую территорию, в которую входит сама Индия, как объект для её обладания, удержания или достижения, группа тех стран, которые окружают её со всех сторон и которые известны в литературе под специальным названием «государств-буферов» или «государств-гласисов», и, наконец, огромный русский Туркестан, который рассматривается, как база подготовительных операций к овладению Индией». Снесарев А.Е. Афганистан. 1921 г. С.15-16.

2. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии – Оренбург, 1887.-С.138

3. Внешними делами при Оренбургской губернской канцелярии первоначально ведала Экспедиция заграничных и иноверческих дел, с 1782 г. – Экспедиция пограничных дел, 1799 по 1859 гг. – Оренбургская пограничная комиссия.

4. Хлабустов О. Неизвестная разведка: на задворках великой империи. Независимое военное обозрение, 2003, №17, с.12.

5. ГАОО, Ф.6. Оп.10, Д.1825, 1819 г. Л.2.

6. Хлабустов О. Указ.соч. С.12.

7. Там же.

8. ГАОО, Ф.6, Оп.10., Д.3433, 1827 г., Л.1-2; 4-6; 13-15; 42-45; 63-66.

9. ГАОО, Ф.6, Оп.10, Д.6590, 1854, Л. 44-46.

10. Там же.

11. Там же. Л.24-33

12. Там же. Л.18-23.

13. Там же. Л. 63-78.

14. Там же. Л.66.

15. Там же. Л.66; 69.

16. Там же. Л.70.

17. Там же.

18. Там же. Л.78.

19. ГАОО, Ф.6, Оп.10, Д.6.,1854.

20. ГАОО, Ф.6, Оп.10, Д.6590, 1854, «Сведения собранные от почетного ордынца вос-

точной части япасского рода, Карагаузского отделения Мантубея Беккулова, о положении дел в среднеазиатских владениях и о состоянии тамошней торговли». Л.299-300.

21. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. М., 1843 г.

22. Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В.Виткевича). М., 1983.

23. Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса// Труды Оренбургской ученой архивной комиссии – Вып. XIX. – С.169-182.

24. ГАОО, Ф.166, Оп. 1, Д.1, Л.35-43.

25. Там же. Д. 4, Л.11-14.

26. Там же. Д.2, Л. 27.

27. Там же. Л. 42-48.

28. Там же. Д. 8, Л. 1.

29. Там же. Л.16.

30. Там же. Д.6, Л. 4-22.

31. Там же. Л. 24-28.

32. Там же. Д. 2, Л. 49.

33. Там же. Л. 54-57.

34. Там же. Д. 8, Л. 3-5.

35. Там же. Д.2. Л. 20-21.

36. Там же. Д. 7. Л.54.

37. Там же. Д. 1, Л. 40-41об.

38. Там же. Л.36-41.

39. Там же. Л. 36.

40. Там же. Л. 40.

41. Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. – М., 1966.; Матвиевский П.Е. Г.Ф. Генс и его оренбургские записки о русско-индийских связях в XVIII – первой трети XIX веков//Ученые зап. Челябинского пединститута.– Вып. 19. 1973, С.49-68.; Дубовицкий В.В. Фонд Г.Ф. Генса как источник по истории и этнографии таджиков XVIII – начала XIX вв.// Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. 1993 г. №1-2, С.98-102; Его же. У врат Востока. К250-летию Оренбургского центра востоковедения. // Мероси ниёгон , 1995, №2, с. 98-103.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ XIX – НАЧ. XX ВВ. ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Со второй половины XIX в. возрастает интерес к древностям казахских степей, что в первую очередь связано с активной научной деятельностью центральных научных учреждений России, таких как Императорская археологическая комиссия (ИАК), Московское археологическое общество (МАО) и других. Западный Казахстан становится объектом изучения российских научных обществ, образовавшихся в Волго-Уральском регионе. Одним из основных направлений исследовательской деятельности научных обществ и учреждений, выявления сведений о крае становится изучение памятников древности, контроль и проведение археологических раскопок, сбор археологических находок и предметов старины.

Территория Западного Казахстана входила в сферу деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), Петровского общества исследователей Астраханского края (ПОИАК), Оренбургского отдела РГО и статистических комитетов. Археологическим исследованием края занимались, прежде всего, ученые архивные комиссии.

Первые известные раскопки в Оренбургской губернии в 1865 г. предпринял Р.Г. Игнатьев, вторым исследователем был Ф.Д. Нефедов, производивший изучение курганов в Приуралье в 1876-1888 гг. [1, С. 8]. Летом 1887 г. он раскопал 5 курганов. Однако, как отмечает И.А. Кастанье, эти курганы были уже разрушены [2, С. 55]. Член Императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Ф.Д. Нефедов несколько раз приезжал в Оренбургскую губернию с целью проведения археологических раскопок. В 1888 г. Ф.Д. Нефедов на территории Западного Казахстана обнаружил первые погребения огузов в урочище «Ханская могила» [3, С. 96]. На публичном заседании комиссии 19 октября 1888 г. он сделал сообщение об археологическом значении Оренбургского края. В своем выступлении ученый отметил, что заселение Крыма, побережья Азовского и Черного морей, Западной Европы происходило через продвижение народов по степям Тургайской и Уральской областей, степи Оренбургской и Самарской губерний,

путем переправы через Урал и Волгу, и назвал эти территории «воротами из Азии в Европу», по территории которой шло «великое переселение народов» из Азии в Европу в древности и средневековье [4, С. 52-53]. Современные исследователи выделили 4 периода в истории археологии Оренбургского края. Согласно предложенной периодизации деятельность Р.Г. Игнатьева и Ф.Д. Нефедова относится к 3-му этапу первого периода, хронологически соответствующему второй половине XIX в. вплоть до середины 1880-х гг. Деятельность ОУАК обозначена как завершающий этап первого периода, т.е. конец XIX в. – нач. XX в. [1, С. 6].

Оренбургская архивная комиссия проводила свои исследования на территории Оренбургского края, что подразумевало также территорию Уральского казачьего войска, Тургайскую и Уральскую области. Документы архивного фонда Оренбургской области и «Труды» ОУАК достаточно подробно освещают проводимые членами комиссии исследования в этом направлении. Через посредство Археологического института было выработано соглашение с соседними архивными комиссиями, что Уральская область включается в сферу ведения Оренбургской комиссии. Председатель ОУАК в своем письме военному губернатору Уральской области и наказному атаману Уральского казачьего войска К.Н. Тавровскому просит оказать содействие в изучении Зауральской киргизской части Уральской области. При этом указывается, что «систематическому изучению помогает собирание в музеи всех случайно находивших в данной местности предметов древности, а также предметов, отбираемых при хищниче-

ских раскопках курганов, могильников и древних зданий» [5, Л. 33]. Разрешение на право проводить археологические раскопки в Уральской области на основе открытых листов Оренбургская архивная комиссия, как и другие, получала в Императорской археологической комиссии. Так, в мае 1904 г. прошение о разрешении на право производства археологических раскопок в пределах Уральской области было подано на членов ОУАК А.Г. Пославского, П.Я. Рыбакова, И.П. Хорошихина [6, Л. 52]. Для сбора сведений о курганах в пределах Уральского казачьего войска была составлена специальная программа, состоявшая из специфических вопросов, направленных на выявление конкретного археологического объекта и сведений о нем. Программные вопросы сводились к следующим: 1) имеются ли в станице или поселке курганы, называемые народом марами; 2) если курганы были раскопаны кем, когда и с какой целью, что было обнаружено; 3) есть ли народные предания об этих курганах; 4) наличие в пределах поселка других предметов старины [7, Л. 82].

Историю археологического изучения казахской степи можно воспроизвести на основе изучения содержания статей членов ОУАК, которые занимались исследованием древностей и проводили археологические раскопки. В частности, в июне 1897 г. М. Юдин в служебной поездке в станицу Краснохолмскую Оренбургского уезда собрал сведения о курганах в Зауральной степи. Местные жители называют курган «Большой мар» и утверждают, что под ним зарыт клад, возможно казахами, которые раньше кочевали в этой местности [8, С. 65-77].

О наличии древних курганов в Актюбинском уезде в волости Камсакты указывает в своем донесении об археологических находках председатель Оренбургской комиссии А. Попов [9, С. 222]. В докладе «Несколько слов к археологии Тургайской и Уральской области» А. Попов поднимает проблему этногенетических связей сакских и тюркских племен, допуская мысль, что процессу тюркизации древнее население Казахстана подвергалось по мере продвижения их на запад [10, С. 916-17]. Действительный член ОУАК А.Л. Аниховский в 1903 г. провел раскопки в Актюбинском уезде, где обнаружил могилу с мусульманским способом погребения [11, С. 23]. Использование обожженного кирпича с глазурью на раскопе А.Л. Аниховского (Актюбинский уезд) имело аналогию с кирпичом из развалин Кисене (Верхнеуральский уезд), из Ханской могилы Байтак и др. В результате А. Попов приходит к заключению, что среди памятников древности, разбросанных в Тургайских и Уральских степях, данные памятники должны быть выделены в отдельную группу как «остатки времени владычества в Приуральских степях Золотой Орды и могут быть отнесены к XIV-XV столетиям» [11, С. 25-26].

В целях сбора сведений об археологических объектах, которые могли быть разрушены, научные общества сотрудничали с топографами, снабжали их изданными археологическими дневниками. Так, топограф И. Сердобов сообщил о двух «каменных бабах» в Каратугайской волости Актюбинского уезда [11, С. 38]. В одном из отчетов написано, что председателю архивной комиссии удалось заинтересовать археологией членов

Тургайской партии топографов, которые каждое лето проводят топографические съемки в Тургайских и Уральских степях и встречают на своем пути множество древних памятников, поэтому могут зафиксировать их и сообщать комиссии [11, С. 63]. При строительстве железных дорог археологические памятники подвергались техногенному воздействию. По этой причине научные общества вынуждены были обращаться к руководству по проведению строительных работ с просьбами о содействии в изучении края. Например, Оренбургский отдел РГО просил специальным письмом начальника работ по постройке северной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги, чтобы инженеры, землемеры, начальники участков и другие работники «не пропускали своим вниманием остатки старины и факты научного значения, имеющие местный и общий интерес» [12, Л. 43-44]. К письму прилагался перечень предметов и сведений, о доставлении которых общество просит лиц, принимающих участие в постройке железной дороги [13, Л. 44б].

В 1903 г. Оренбург посетил представитель Императорской археологической комиссии Н.Е. Макаренко с целью ознакомления с результатами проведения археологических работ на Красногорском и Бердском курганах. Для проведения раскопок на кургане вблизи п. Красногорского, обнаруженном членом Оренбургской комиссии А.Л. Аниховским, Н. Макаренко был направлен из центра еще в 1902 г. [14, С. 28]. В поездке член ИАК интересовался редкими экспонатами музея, изучал их происхождение, принадлежность к определенной культуре.

В изданиях ОУАК была издана статья Н. Макаренко «Серебряная чашка музея ОУАК», в которой археолог рассуждает о торговых путях в древности и средневековье, по которым серебряные изделия, в данном случае серебряная чаша, попадали на территорию «нынешней русской равнины». Н. Макаренко предполагает о двух возможных торговых маршрутах: через Каспийское море и Волгу и через «нынешние киргизские степи и землю башкиров». При этом он замечает, что более соответствовал требованиям торговых отношений с Азией именно сухопутный путь через киргизские степи, очевидно подразумевая территорию Западного Казахстана [15, С. 9].

Среди почетных членов Оренбургской комиссии значились профессор В.В. Бартольд, академик В.В. Радлов, директор Санкт-Петербургского отдела Археологического института Н.В. Покровский, что свидетельствовало о повышении авторитета учреждения как научного [16, С. 190-191]. Известный ориенталист В.В. Бартольд давал консультации членам комиссии, в 1904 г. присутствовал на заседании ОУАК и участвовал в прениях о поездке в Актюбинские степи при обсуждении поездки И.А. Кастанье для археолого-этнографических исследований. Что касается И.А. Кастанье, он был одним из активных членов ОУАК, занимавшихся археологическими исследованиями. В 1904 г. он получил открытый лист на проведение раскопок на территории Тургайской области [17, Л. 52]. В 1904 г. в Актюбинском уезде он раскопал 6 курганов в бассейне р. Жаксы-Каргалы, в 1909 г. он обнаружил здесь еще один курган, в 1911 г. провел раскопки двух курганов

[18, С. 19]. По мнению казахстанских археологов, в 1909 г. И.А. Кастанье в могильнике Жаксы-Каргала исследовал погребения огузов, населявших Западный Казахстан в IX-XI вв. [3, С. 96]. В июле 1911 г. И.А. Кастанье провел раскопки двух курганов на территории Уральского уезда. Два кургана среди степи были расположены в 15 верстах от с. Покровка на границе переселенческого участка с казахами 3-го аула. В своем отчете археолог перечисляет обнаруженные им в кургане изделия из золота, меди, дерева. Орнамент в виде головы хищных птиц ученый относит к сибирскому типу, подразумевая, по всей видимости, звериный стиль. По свидетельству самого И.А. Кастанье, казахи называли эти курганы «Кос-оба». Курганы И.А. Кастанье датировал II-IV вв. до н.э. [19, С. 73, 75]. В письме из Ташкента в январе 1915 г. И.А. Кастанье сообщает, что высылает для музея Оренбургской архивной комиссии 4 предмета, найденных им в с. Покровка Уральской области, и пишет об их высокой научной значимости [20, Л. 3]. В «Трудах» ОУАК были опубликованы несколько статей, посвященных истории археологических раскопок И.А. Кастанье. В своих статьях И.А. Кастанье поднимает вопрос о сохранении археологических памятников. Эта проблема была решена им в форме составления свода памятников древней культуры казахской степи «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», куда вошло и описание археологических памятников Западного Казахстана, Уральской области, Актюбинского уезда Тургайской области, Букеевской Орды Астраханской губернии [21, С. 19].

Проведение археологических раскопок учеными архивными комиссиями являлось обязательным пунктом их деятельности. Значительную роль в этом процессе сыграли научные общества в провинции, которые ставили своей основной целью всестороннее изучение истории родного края.

Проблемами археологии территории Букеевской Орды занимались члены историко-этнографической секции Петровского общества исследователей Астраханского края. Внутренняя структура общества сформировалась 15 марта 1886 г., когда были созданы две секции: историко-этнографическая и естественно-историческая. Каждая из секций проводила свои собрания [22, С. 9].

Основными целями общества были провозглашены сбор сведений об Астрахани и Астраханском крае, изучение архивных материалов, распространение их в виде материалов или в обработанном виде, публикация материалов, составляющих библиографическую редкость, издание сборника исторических статей и материалов об Астраханском крае [22, С. 11-12]. С целью расширения деятельности и привлечения большого количества участников в деле изучения края была составлена Н.Ф. Леонтьевым примерная программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю, которая была обсуждена на первом заседании секции 5 сентября 1887 г. [22, С. 18-19].

Члены общества организовывали экспедиции по сбору экспонатов для музея, наряду с другими видами коллекций комплектовали археологические

коллекции. В 1890 г. археологическая и нумизматическая коллекции, представленные обществом на Казанскую научно-промышленную выставку, были отмечены почетными отзывами. В археологическом отделе экспонировалась коллекция каменных орудий, обломки древних горшков из окрестностей Нарын-Песковской ставки [23, С. 5-6]. Эти и другие экспонаты определили организацию в составе музея, созданного при обществе, так называемого «Киргизского отдела», посвященного этнографии и истории казахов. Члены Петровского общества приняли участие в восьмом русском археологическом съезде, на который помимо докладов были посланы коллекции серебряных и медных древних монет, собранных К.Н. Малиновским во время изучения археологических объектов у с. Селетряного, и коллекция бронзовых наконечников древних стрел, собранная В.Н. Аршиновым в первом и втором приморских округах Букеевской Орды. Последней коллекцией заинтересовался профессор Казанского университета Н.О. Высоцкий и по просьбе членов Петровского общества сделал научное археологическое определение коллекции наконечников стрел из Букеевской Орды [24, С. 14-15]. Профессор, в дальнейшем сотрудничая с обществом, прислал письмо, в котором привел классификацию наконечников стрел на основе проведенного им сравнительного анализа с аналогичными находками на территории России и предположил, что «Букеевские наконечники стрел» принадлежали «народам скифского племени, несшим свою цивилизацию из-за Урала» [24, С. 36].

В целом археологическая деятельность членов Петровского общества сводилась к описанию курганов и памятников археологии, сбору подъемного материала для музея, организации экскурсий и выездов на известные памятники. Для проведения археологических раскопок необходимо было получить открытый лист в археологической комиссии, представлявшей центральное археологическое учреждение России. Не все научные общества получали открытые листы на проведение археологических раскопок, вынуждены были в силу своей низкой компетентности привлекать археологов с центра. Первые раскопки в крае по открытому листу провел член ИАК А.А. Спицын в 1893 г. Было исследовано городище Итиль, предполагаемое место древней столицы хазар. Представитель археологической комиссии провел небольшие раскопки и на Селитренном городище, Царева городища, где могли быть остатки столиц Золотой Орды – Старого и Нового Сарая [25, С. 74-75].

На территории Западного Казахстана проводил исследование археологических объектов А.Н. Харузин, которого больше интересовал антропологический материал. Тем не менее в своих работах известный исследователь Букеевской Орды дает подробное описание курганов. В отчетах Петровского общества А.Н. Харузин указан в качестве постороннего посетителя, который сообщил на заседании естественноисторической секции о различных наблюдениях, сделанных им летом 1887 г. во время поездки в казахские степи Букеевской Орды [22, С. 24]. В 1887 г. он был командирован Императорским обществом любителей естествознания,

антропологии и этнографии в Киргизскую Букеевскую степь с целью зоологического и антропологического изучения данной территории. В 1888 г. А. Харузин просил Общество любителей естествознания снова командировать его в Букеевскую степь, чтобы он смог пополнить свой зоологический и антропологический материал. Получив положительный ответ, он летом 1888 г. вновь посетил Камыш-Самарскую часть, затем Таловскую часть: остальное же время он провел в Ханской ставке и ее окрестностях. За это время он раскопал и исследовал 36 курганов и снял до 100 фотографий разных типов и видов [26, С. 1-2]. В 1889 г. А.Н. Харузин исследовал 36 курганов в Букеевской Орде в трех местах: 1) у Ханской ставки 5 курганов, из которых в одном ничего не было найдено; 2) у татарского поселка Ново-Казански близ Камыш-Самарских озер 28 курганов, из которых в 7 ничего не было найдено; 3) у поселка Таловки в 150 верстах на северо-запад от Ново-Казански было раскопано три кургана. В своей статье А.Н. Харузин дает подробное описание изученных им курганов, рассуждает о их происхождении. На основе анализа антропологического материала из курганов ученый предположил, что курганы можно датировать концом XII-XIII вв. По своему происхождению они принадлежат племенам, которые были разнородны по своим этнографическим и антропологическим признакам. [27, С. 1-16]. Курганы Ханской ставки и Новой Казанки автор датирует XIV в. и относит с кочевым тюркским народом с незначительно выраженными монгольскими чертами. Таловские курганы относит к более раннему периоду [27, С. 216.]

В списке поступившей в фонд библиотеки Петровского общества в 1888 г. литературы числятся «Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги» А.Н. Харузина, опубликованные в Москве в 1888 г. В фонде библиотеки также указываются другие его работы, такие как «Библиографический указатель статей, касающийся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г.» и антрополого-этнографический очерк «Киргизы Букеевской Орды», изданные в Москве в 1891 г. [28, С. 42]. Поступление в библиотеку трудов видного исследователя Букеевской Орды связано с его сотрудничеством с Петровским обществом исследователей Астраханского края

В археологической деятельности научных обществ можно отметить основные направления по изучению археологических объектов. Это сбор экспонатов в музей, фиксация и описание объекта, составление археологической карты и свода памятников, проведение археологических раскопок – как собственными силами, так и с приглашением ученых из центральных археологических обществ, публикация статей, отчетов о проведенных работах.

Таким образом, археологическая деятельность научных обществ по изучению Западного Казахстана была связана с включением его территории административно в состав российских губерний, прежде всего Оренбургской и Астраханской, что непосредственно связано с процессом колонизации казахского края. Археологический материал по Западному Казахстану, собранный членами научных обществ, имеет

высокую научную ценность для изучения истории археологии Оренбургского края, всего Урало-Волжского региона и Казахстана в целом. Накопленные, систематизированные сведения об археологических памятниках Западного Казахстана используются современными учеными для проведения научных исследований. Многие из памятников сегодня уничтожены, разрушены, и благодаря изучению, которое было проведено в XVIII – нач. XX вв. первыми исследователями, научными обществами, историческая и археологическая науки располагают сегодня сведениями о них.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Евгенийев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.и.н. Казань, 2008. – 29с.

2. Ахметова У.Т. Из истории изучения археологических памятников в Казахстане (По материалам Оренбургской ученой комиссии). // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. №1, 2008. – С.52-55

3. Марыксин Д.В., Круглов Е.В. Огузский батыр из Рын-песков. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №2, 2012 г. – С.96-105

4. О задачах, деятельности и общественном значении ученых архивных комиссий вообще и Оренбургской архивной комиссии в частности. // Труды ОУАК. Вып. II. Оренбург: Тип.-лит. Губернского правления, 1897 г. – 65с.

5. Ф. 96. Оп. 1. Д. 51. Л. 33.

6. Ф. 96. Оп. 1. Д. 51. Л. 52.

7. ф.96. оп.1. д.51. л.82

8. Юдин М. Заметка о курганах. // Труды ОУАК. Вып. IV. Оренбург: Тип.-лит. Ш.Ш. Евфимовского-Мировицкого, 1898 – 120с.

9. Попов А. Из донесений Архивной Комиссии о находках древностей. // Труды ОУАК. Вып. XXIX. Оренбург: Тип.: Каримов, Хусаинов и К°, 1913. – 239с.
10. Попов А. Несколько слов к археологии Тургайской и Уральской области. // Труды ОУАК. Вып. XVI. Оренбург: Паровая типо-лит. Ф.Г. Каримова, 1906 – 178с.
11. Протоколы заседаний и отчеты Комиссии за 1904г. // Труды ОУАК. Вып. XVI. Оренбург: Паровая типо-лит. Ф.Г. Каримова, 1906 – 178с.
12. ф.96. оп.1. д.42. лл.43-44
13. ф.96. оп.1. д.42. лл.44б
14. Ахметова У.Т. Орынбор гылыми мураттык Комиссиясынын Казакстандагы археологиялык изденистери. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №3, 2012г. – С.26-37
15. Макаренко Н. Серебряная чашка музея ОУАК. // Труды ОУАК. Вып. XVII. Оренбург: Паровая типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К°», 1907 – 10с.
16. Список членов ОУАК на 1911 г. // Труды ОУАК. вып. XXV. Оренбург: Тип. Тург.Обл.Правл. 1911 г. – 249с.
17. ф.96. оп.1. д.51. л.52
18. Байпаков К.М. Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы: Казак университети, 2006. – 356с.
19. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде, летом 1911 г. // Труды ОУАК. Вып. XXIX. Оренбург: Тип. :Каримов, Хусаинов и К°, 1913. -239с.
20. ф.96. оп.1. д.94. л.3
21. Ахметова У.Т. Орынбор гылыми мураттык комиссиясынын курылуы және кызмети (1887-1918гг.). 07.00.02 – Отан тарихы. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.и.н. РК, Уральск, 2010. – 40с.
22. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за время с 7 Сентября 1886 г. по 31 Декабря 1887 г. Астрахань: Типография Губернского правления, 1889.
23. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1890 год. Астрахань: Типография «Астраханского листка», 1891.
24. Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1889 год. Астрахань: Типография «Астраханского листка», 1891.
25. Волков В.А. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Дис. на соиск. учен. степ. к.и.н. Саратов, 2008 г. – с.283
26. Харузин А. Киргизы Букеевской Орды. Москва, 1889.– 550с.
27. Харузин А. Киргизы Букеевской Орды (антрополого-этнологический очерк. Вып.1 // Известия Императорского общества Любителей Естественного знания, Антропологии и Этнографии. Т.LXIII. Труды антропологического отдела. Т.Х М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1889 г.
28. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1888 год. Астрахань: Типография «Астраханского листка», 1890.

СЕМЕНОВ В.Г., СЕМЕНОВ О.В.

(г. Оренбург)

НАУЧНАЯ И ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ ПИОТРОВСКИХ

Борис Брониславович Пиотровский: страницы биографии и военной карьеры

Борис Брониславович Пиотровский родился в 1876 г. в Красном Селе под Петербургом. Окончив Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (который в свое время оканчивал его отец), он поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Ввиду выдающихся успехов в математике был направлен в Артиллерийскую академию, которую окончил с отличием в 1901 г. С 1901 г. началась педагогическая работа Б.Б. Пиотровского. Он преподавал математику и механику (а также артиллерию) в высших и военных учебных заведениях (кадетских корпусах).

На этом точные данные о биографии выдающегося ученого и педагога в основном и исчерпывались. Благодаря исследовательской работе, поиску биографических данных в архивах города Оренбурга, а также взаимодействию с архивистами города Москвы удалось установить многие неизвестные до настоящего времени факты из жизни Б.Б. Пиотровского и значительно дополнить его биографию новыми сведениями. Обнаруженный в архивах послужной список дает нам полное представление об основных этапах военной карьеры и преподавательской деятельности Бориса Брониславовича Пиотровского.

Итак, на службе Б.Б. Пиотровский находился с 31 августа 1892 г. 16 декабря этого же года ему было присвоено звание унтер-офицера; 18 декабря 1894 г. он становится портупей-юнкером, а 12 августа 1895 г., по окончании училища, производится в подпоручики с зачислением по полевой пешей артиллерии с прикомандированием к Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде. 12 сентября 1895 г. Борис Пиотровский прибывает в бригаду и прикомандировывается ко 2-й батарее делопроизводителем. 6 мая 1896 г. его переводят в бригаду (ст.12.06.1895) и назначают исполняющим обязанности адъютанта.

19 мая 1896 г. Бориса Пиотровского зачисляют во 2-ю батарею. В том же году Пиотровский получает награду – серебряную медаль в память коронавания императора Николая II. 14 декабря 1898 г. Пиотровский становится слушателем Михайловской артиллерийской академии. 6 декабря 1899 г. ему присваивается звание поручика (ст. 12.08.1899). 23 мая 1901 г. в связи с отличным окончанием академии Пиотровский производится в штабс-капитаны. 30 мая 1901 г. Борис Пиотровский прибывает в Лейб-гвардии 1-ю Артиллерийскую бригаду. В том же году, 15 октября, переводится в 1-ю гренадерскую генерал-фельдмаршала Графа Брюсова артиллерийскую бригаду с переименованием в капитаны.

8 ноября 1901 г. Пиотровского назначают в 6-ю батарею командиром полубатареи, а 26 января 1902 г. переводят в 1-ю батарею. 3 июня 1902 г. его прикомандировывают к 1-му Московскому кадетскому корпусу офицером-воспитателем. 20 сентября 1903 г. Борис Пиотровский становится штатным преподавателем Александровского военного училища, а 22 ноября 1904 г. приказом по военно-учебным заведениям вновь утверждается в должности штатного преподавателя. 6 декабря 1904 г. Пиотровский был произведен в подполковники, а спустя ровно четыре года – в полковники.

Будучи штатным преподавателем Николаевского кавалерийского училища в Петербурге (с 20.09.1903 по 20.02.1914), Пиотровский преподавал математику, механику и артиллерию. Юнкера этого учебного заведения называли свое училище «Славной гвардейской школой» в память о прежнем ее названии (1823-1859). Школа была действительно славной: выпускниками этого училища были поэт М.Ю. Лермонтов, географ и путешественник П.П. Семенов-Тяньшаньский, композитор М.П. Мусоргский.

К сожалению, тяги к точным наукам у юнкеров, учившихся у Пиотровского, не было. Современный исследователь Р.В. Смирнов указывает, что в особом почете у них были занятия по верховой езде, вольтижировка, рубка и фехтование. «Сугубые» науки, химию и механику, юнкера считали бесполезными для кавалеристов. Среди них бытовало мнение: «Науки являются лишним весом, обременяющим всадника и лошадь». Более чем десятилетняя работа Пиотровского в училище, как и работа других преподавателей, была

«увековечена» в знаменитом неформальном гимне Николаевского кавалерийского училища – «Звериаде»:

«Прощай, полковник Пиотровский,
С твоей механикой пустой...»

Несерьезное отношение юнкеров к точным наукам вызывало немалое огорчения у преподавателя, обладающего большим талантом математика и педагога. Он прикладывал все силы к тому, чтобы привить строптивым юнкерам необходимые знания по своим предметам. О том, что преподаватель Пиотровский усердно трудился в Николаевском кавалерийском училище, свидетельствует награда, полученная им в декабре 1906 г., – орден Св. Станислава 3 степени.

20 февраля 1914 г. началась новая страница в жизни Пиотровского. В этот день он был назначен штатным преподавателем столичного Николаевского кадетского корпуса. Его труд в этом учебном заведении был отмечен (06.12.1914) орденом Св. Станислава 2 степени. В феврале 1915 г. Б.Б. Пиотровский был избран неперменным членом учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений, а 8 мая этого же года получил очередную награду. На этот раз – орден Св. Анны 2-й степени.

24 августа 1915 г. Высочайшим приказом перспективный офицер был назначен инспектором классов (заместителем директора по учебной работе) Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (ныне учебный корпус Оренбургской государственной медицинской академии на Парковом проспекте).

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, история которого началась 2 января 1825 г., считался одним из лучших

военно-учебных заведений России. Он был настоящей кузницей высококвалифицированных военных кадров. На протяжении всего своего существования кадетский корпус готовил и выпускал знающих свое дело и преданных Родине офицеров. Многие выпускники были отмечены высшими орденами Российской империи. На начало 1914 г. свыше полсотни из них носили генеральские погоны.

Славился кадетский корпус и хорошим преподавательским составом. Назначение в Оренбург уже известного к тому времени ученого и педагога Б.Б. Пиотровского свидетельствовало о заинтересованности Военного министерства России в поддержании высокого уровня преподавания в Оренбургском «степном лицее». В ходе исследовательского поиска удалось обнаружить архивные материалы, рассказывающие о пребывании Пиотровского в Оренбургском кадетском корпусе на должности инспектора классов с получением жалованья 450 руб. в месяц.

В подшивках старых газет за 1917 г. нами была обнаружена газета «Оренбургское слово» (12 марта 1917 г.), в которой опубликована заметка под заголовком «В Неплюевском корпусе». В ней сообщается: «От Неплюевского Корпуса избран в совет учительских Депутатов полковник Пиотровский...». Факт избрания Бориса Брониславовича депутатом от кадетского корпуса депутатов говорит о его высоком авторитете в коллективе кадетского корпуса. А его педагогический талант ценили все – и коллеги, и кадеты, и руководство корпуса.

В приказе по Николаевскому кадетскому корпусу от 12 сентября 1913 г. приводится характеристика на учителя Бориса

Брониславовича Пиотровского. В ней есть такие строки: «...педагог в лучшем значении этого слова, твердо убежденный в том, что преподаватель непременно должен быть в то же время и воспитателем, он во всей своей преподавательской деятельности проводил в жизнь принципы воспитывающего обучения и достиг, поэтому, блестящих результатов».

Из архивных документов, обнаруженных в Оренбургском областном архиве Оренбургской области (ГАОО) также явствует, что с 1 мая 1918 г. Борис Брониславович Пиотровский прекратил свою преподавательскую деятельность в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. По распоряжению местного Комитета по народному образованию педагогическим советом гимназии он был избран директором Оренбургской первой мужской гимназии (располагавшейся на Николаевской улице, ныне ул. Советская, 19, учебный корпус ОГПУ, на здании которого с недавнего времени находится памятная мемориальная доска с портретом Бориса Брониславовича Пиотровского).

Папка «Дело канцелярии Оренбургской 1-й мужской гимназии об избрании на должность Председателя Педагогического Совета гимназии Б.Б. Пиотровского» содержит несколько любопытных документов: запрос бывшего директора гимназии Н.М. Морозова в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус с просьбой предоставления сведений на инспектора классов Б.Б. Пиотровского, его письмо в Оренбургское Казначейство с просьбой впредь отпускать за подписью Б.Б. Пиотровского «суммы по ассигновкам Оренбургской 1-й мужской гимназии из

кредитов, ассигнованных в распоряжение означенного учебного заведения», удостоверение Пиотровского в новой должности с правом подписи документов и «приложением печати учебного заведения». На одном из документов – акте о передаче прежним директором дел канцелярии и имущества гимназии стоит личная подпись Пиотровского.

Следует отметить, что в здании гимназии Пиотровский не только работал, но и жил со своей семьей – женой Софьей Александровной (дочь генерал-лейтенанта Завадского) и четырьмя сыновьями – Александром (1904), Георгием (1906), Борисом (1908), Константином (1913).

С началом Гражданской войны в России Б.Б. Пиотровский вновь возвращается на военную службу. Согласно Приказу по Оренбургскому военному округу №437 1918 г. он был признан годным к строевой службе и в октябре 1918 г. был направлен в распоряжение инспектора артиллерии Оренбургского военного округа. А мужскую гимназию, в которой Пиотровский был директором, постигла участь кадетских корпусов – в первые годы Советской власти она была закрыта, как и все гимназии по стране. Вместо нее была открыта советская трудовая школа.

В 1919 г. Борис Брониславович Пиотровский уехал в Петроград, а его жена с детьми переехали в предместье Оренбурга, называемое Форштадт. В 1920 г. Пиотровские уехали из Оренбурга в Петроград, сохранив о нем добрые воспоминания. О жизни и работе в Оренбурге Борис Брониславович Пиотровский позднее напишет в своих мемуарах «Моя жизнь».

Борис Брониславович Пиотровский – выдающийся педагог и ученый

С первых шагов своей педагогической деятельности Б.Б. Пиотровский проявлял большой интерес к методике преподавания математики, стремился порвать с рутиной, «пронизать весь курс математики средней школы идеями современной науки». Уже в 1902 г. молодой преподаватель избирается действительным членом Педагогического общества при Московском университете. С этого времени Б.Б. Пиотровский проявляет себя горячим сторонником так называемого «реформистского движения» и всю свою жизнь посвящает борьбе за реформу преподавания математики в средней школе.

Исследователь М.М. Шидловская в журнале «Математика в школе. 1950. №3» отметила большой вклад Б.Б. Пиотровского в развитие математического образования в России. Она писала, что Борис Брониславович не являлся отвлеченным теоретиком: свои методические взгляды он проверял на практике, осуществляя их в своем преподавании. В курсе средней школы он провел опыт введения начал анализа, в старшем классе – курс теоретической арифметики. Выдающееся педагогическое мастерство Бориса Пиотровского, его горячая убежденность в необходимости обновления содержания курса элементарной математики в школе, глубокие научные знания выделяли его из числа преподавателей военных учебных заведений; с 1911 г. он становится заместителем председателя отдела математики Педагогического музея военных учебных заведений в Петербурге и принимает деятельное участие в работах комиссии

по созданию новых программ по математике для кадетских корпусов.

Борис Пиотровский был членом организационного комитета 1-го Всероссийского съезда преподавателей математики, состоявшегося в Петербурге в период с 27 декабря 1911 г. по 3 января 1912 г. Он был заместителем председателя секции учебной литературы съезда и выступил на съезде с двумя докладами: «Курс теоретической арифметики в старших классах школы» и «Обзор современной литературы по алгебре». Борис Брониславович был также участником 2-го Всероссийского съезда преподавателей математики, состоявшегося в Москве в 1913 г.

Участие в работах двух съездов преподавателей математики, общение с другими выдающимися математиками России, проникнутыми тем же стремлением улучшить преподавание предмета, плодотворно повлияло на дальнейшее развитие педагогических идей Бориса Пиотровского. Начиная с этого времени, весь последующий период жизни Б.Б. Пиотровского был наполнен кипучей деятельностью, которой он отдавался с самозабвением, не щадя своих сил, даже будучи уже совсем больным. К этому, самому плодотворному периоду, продолжавшемуся 9 лет, относится и его работа в педагогических учебных заведениях, и участие в разработке программы советской школы, и создание большинства его печатных работ, и громадная массовая работа с учителями математики.

Б.Б. Пиотровский преподавал в Педагогическом училище им. Некрасова, в губернском институте народного образования – Педтехникуме им. Ушинского, читал лекции в Педагогической академии,

состоял помощником заведующего отделом математики во Всероссийском педагогическом музее, а в 1924 г., после организации Государственного института научной педагогики, стал научным сотрудником этого института.

Борис Пиотровский был одним из организаторов Общества ревнителей математического образования, объединявшего большое количество учителей математики Ленинграда и Ленинградской области. На собраниях общества, происходивших еженедельно, он постоянно выступал с докладами или в прениях.

Одним из существеннейших вопросов того времени являлся вопрос о программе по математике для средней школы. В появившихся в 1923 г. программах отрицалось самостоятельное значение математики; математический материал подчинялся ведущим комплексным темам в ущерб внутренней систематичности самого предмета. Б.Б. Пиотровский являлся ярким противником этих программ, а также и появившегося в то время метода проектов, Дальтон-плана и других педагогических извращений.

Научно-методический совет Ленинградского губОНО поручил Пиотровскому составление программ по математике. Пиотровский составил программу по арифметике, алгебре и анализу для трудовой школы II ступени и подготовил объяснительную записку к ней. Эта программа была опубликована в 1925 г. в сборнике III «Математика в школе» Научно-методического совета Ленинградского горОНО. Взгляды авторов программ, в том числе и Б.Б. Пиотровского, характеризует следующий отрывок из введения к программам:

«Идеи анализа, расширяющие кругозор учащихся, поставлены в центре изучения математики: программа рекомендует воспитывать функциональное мышление систематически и по возможности, на протяжении всего курса. При этом программа обращает внимание преподающих на важность доведения обработки вопросов до возможно большей ясности, чтобы в умах учащихся математические понятия не были окутаны метафизическим туманом. Поэтому такие понятия анализа, как предел, бесконечно малое и другие должны быть выявлены в чисто арифметических терминах».

В программах выделялась идея развития понятия числа, уравнения тесно связывались с изучением соответственных функций, вводился первый концентр уравнений, решение которых основывалось на законах арифметических действий; основой для тождественных преобразований, за которыми в курсе признавалась служебная роль, являлись хорошо усвоенные законы арифметических действий. Изучение тригонометрических функций проводилось в связи с другими функциями и происходило по тому же плану.

Б.Б. Пиотровский понимал, что поднять преподавание математики на более высокий научный уровень нельзя, идя лишь по пути создания новых программ, что главным условием является подготовка учительских кадров. Он проводил громадную повседневную работу с учителями ленинградских школ, отдавая этому делу все свое время, не жалея своих сил.

В 1922 г. он начал руководить семинаром для учителей в Центральном доме работников просвещения (затем Доме учителя), принимал активное участие в

проведении районных и городских конференций учителей математики. Особенно большую работу талантливый педагог проводил в районных объединениях учителей математики почти всех районов города.

В сентябре 1925 г. Б.Б. Пиотровский был приглашен в Государственный педагогический институт им. Герцена, в котором работал в должности штатного доцента до последних дней своей жизни. Особенно много он сделал для организации практики студентов в школе, поставил ее на большую высоту. Проводя студенческую практику в школах Ленинграда, он и сам давал показательные уроки учащимся школы. Иногда учителя города приходили в школы для присутствия на этих открытых уроках.

Профессор И.Н. Кавун, заведующий кафедрой математики в институте им. Герцена, дает такую характеристику Б.Б. Пиотровскому: «Он может быть назван с полным основанием выдающимся преподавателем математики. Обладая широким математическим образованием, он умеет им пользоваться для освещения и углубления вопросов элементарной математики. Делу преподавания он отдается с увлечением, не щадя ни своего времени, ни слабого здоровья. Его уроки, блестящие по форме и глубокие по содержанию, увлекают в одинаковой степени учащихся, студентов и учителей, которые его слушают. Его семинар по методике математики охотно посещается студентами. Им прекрасно организована педагогическая практика. Студенты много и с увлечением отдают ей времени».

В 1925 г. вышла из печати книга Б.Б. Пиотровского «Тригонометрия. Учебники и учебные пособия для трудо-

вой школы». Весь курс был построен на функциональной основе, причем автор резко порывал с традиционной системой изложения. Он рассматривал тригонометрические функции числового аргумента и стремился дать теорию этих функций в достаточно законченном виде и в то же время вполне элементарно. Ученый и педагог Б.Б. Пиотровский был также автором работ: «Курс теоретической арифметики в старших классах средней школы», «Изучение простейших функций и их графиков в курсе алгебры», «Тожественные преобразования и уравнения в школе II ступени», «Изучение тригонометрических функций в курсе математики школы II ступени».

Генерал Бронислав-Адольф Игнатъевич Пиотровский: биография и военно-административная деятельность

Послужной список на генерала Б.И. Пиотровского, отца выдающегося педагога и ученого Б.Б. Пиотровского, также удалось обнаружить в архивах города Москвы в результате длительных поисков и переписки со специалистами архивного дела столицы. Кроме этого, в ходе исследовательской работы были найдены материалы о причинах «перемещения» в город Оренбург Б.И. Пиотровского и страницах жизни, связанных с нашим городом. Благодаря успешным результатам поисковой работы нам стали известны все этапы биографии Пиотровского-старшего.

Пиотровский (польск. Piotr) Бронислав-Адольф Игнатъевич происходил из потомственных дворян Гродненской губернии. Родился 31 декабря 1849 г. По окончании Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса 22 августа 1865 г. он

становится юнкером открытого в 1863 г. в Санкт-Петербурге Павловского военного училища, начальником которого был генерал П. С. Ванновский, будущий военный министр России.

Бронислав Пиотровский учился прилежно и учебное заведение окончил по 1 разряду. 17 июля 1867 г. он был произведен в подпоручики. В 1867 г. подпоручик Пиотровский стал младшим офицером столичного 145-го пехотного Новочеркасского полка. Служба проходила успешно, и через год после окончания училища, 16 июня 1868 г., Бронислав Пиотровский был произведен в поручики. Затем досрочно, за отличную службу, в 1870 г. – в штабс-капитаны, в 1873 г. – в капитаны. 17 ноября 1875 г. он был удостоен ордена «Меча» Его Величеством Королем Швеции и Норвегии. В 1876 г. Пиотровский-старший получил звание майора, а с 13 декабря 1877 г. стал командовать батальоном. С 1 августа 1878 г. Бронислав Игнатъевич был командиром 18 резервного полка. После сдачи полка, приведенного им из заграничного похода в Псков, Пиотровский был прикомандирован к 145 полку. В 1879 г. тридцатилетний военный командует батальоном полка; в этом же году получает звание подполковника. Находясь в этом чине, командовал более четырех лет батальоном. После кратковременного командования полком и 54-м резервным батальоном, начиная с 1883 г. подполковник Пиотровский в течение более двадцати лет являлся уездным воинским начальником трех различных уездов. С 1883 г. по 1888 г. он был Ветлужским уездным воинским начальником. За плодотворную деятельность на этом посту был награжден орденами Святой Анны 3 степени (1883), и Святого Станислава 2 степени (1887).

Документы, обнаруженные в архивах, свидетельствуют о том, что значительная часть военной службы Б.И. Пиотровского была связана с Южным Уралом. В 1888 г., получив чин полковника, он был назначен Бирским уездным воинским начальником, а затем на протяжении десяти лет, с 1894 по 1904 г., – Уфимским уездным воинским начальником.

Главнейшая задача начальника Бронислава Игнатьевича Пиотровского, как и всех уездных и губернских воинских начальников, состояла в том, чтобы «в мирное время заведовать чинами запаса армии, необходимыми для военной готовности армии, а с объявлением войны – принять на себя все распоряжения для возможно быстрого призыва чинов запаса и сбора лошадей, а равно и для отправки тех и других в войсковые части, для приведения их в полный состав». При этом уездные воинские начальники были обязаны вести подробные списки и учет: как офицерским, так и нижним чинам запаса, запасным чиновникам и первому разряду ратников ополчения; они организовывали призыв запасных на службу и в учебные сборы.

Успешная военная деятельность Пиотровского на Южном Урале была отмечена орденами: Святой Анны 2 степени (1892), Святого Владимира 4 степени (1898), Святого Владимира 3 степени (1903). После начала русско-японской войны в 1904 г. Б. И. Пиотровский был произведен в генерал-майоры и был назначен «состоять в распоряжении командующего 1-й Маньчжурской армии для замещения должности начальника этапного участка». В 1905 г. он был комендантом Суятунского района, а спустя три месяца был назначен началь-

ником этапного участка ж.д. Куангендзы – Гецзадан, затем временно исполнял обязанности начальника этапного отдела при управлении Начальника военных сообщений главнокомандующего. За службу в Маньчжурии Пиотровский был удостоен мечей к ордену Святого Владимира 3-й степени (1906).

22 декабря 1905 г. Пиотровский поступил в распоряжение Казанского военного округа. 11 февраля 1906 г. он получил награду – мечи к ордену Св. Владимира 3-й степени.

После окончания войны, в 1906 г., Пиотровский был назначен начальником Иркутской местной бригады. Деятельность на этом посту была отмечена орденом Святого Станислава 1-й степени. 6 декабря 1908 г. за отличия по службе Б.И. Пиотровский был удостоен звания генерал-лейтенант. 22 августа 1909 г. он был отмечен знаком «40 лет в офицерских чинах», а в 1911 г. – орденом Св. Станислава 1-й степени.

4 апреля 1912 г. Бронислав Пиотровский был назначен Начальником Оренбургской местной бригады. 5 июня он прибыл на место и сменил на посту командира генерал-майора Веревкина. Как следует из обнаруженного в архивах прошения Пиотровского начальнику штаба Казанского военного округа, его «перемещение в Оренбург» состоялось лишь спустя три с половиной года после подачи Пиотровским рапорта с просьбой о перемещении в «Европейскую Россию».

Вот что писал в своем прошении Б.И. Пиотровский: «Высочайшим приказом 20 марта 1906 года я был назначен начальником Иркутской местной бригады и тогда же со своей семьей выехал

к новому месту служения в г. Иркутск. Прожив два года в суровом климате, моя жена, страдающая болезнью сердца, и сын Александр, после перенесенной скарлатины страдающий воспалением среднего уха и через это потерявший слух, совершенно оглох, начали чувствоваться неблагоприятные последствия сибирского климата, и по настоянию врачей должны были в 1908 году возвратиться в европейскую часть... Прослужив в Иркутском военном округе три года, я в 1909 году просил ходатайствовать Командующего военным округом о перемещении меня на ту же должность, Начальника местной бригады, в пределы Европейской России, дабы жена и сын Александр могли быть при мне...».

Служба Бронислава Пиотровского в Оренбурге продолжалась около двух лет. На нем, как начальнике местной бригады, лежала распорядительная часть и общее наблюдение за уездными и губернскими воинскими начальниками. Кроме того, ему были подчинены, на правах начальников дивизий, местные команды и расположенные в бригадных районах, конвойные команды, дисциплинарные части, военноптеремные заведения, местные лазареты и т.п. Начальник местной бригады непосредственно подчинялся главному начальнику военного округа.

Результатом службы Пиотровского на Южном Урале стали успешные мобилизации запасных нижних чинов на фронты русско-японской и Первой мировой войн. В марте 1913 г. он был удостоен медали «300-летие дома Романовых». 31 декабря 1913 г. императорским указом Б.И. Пиотровский был произведен в генералы от инфантерии. Этим же указом он был отставлен от службы по возраст-

ному цензу с выходом на пенсию. Однако руководить бригадой ему пришлось до прибытия (2 марта 1914 г.) нового командира Оренбургской местной бригады, генерал-майора Золотарева. Кроме шести российских орденов, полученных за отличия по службе, генерал от инфантерии Бронислав-Адольф Игнатъевич Пиотровский был еще и кавалером Шведского ордена Меча (1876).

Академик Борис Борисович Пиотровский – директор Эрмитажа (с 1964 по 1990 г.)

Борис Борисович Пиотровский – известный археолог, исследователь истории и культуры Урарту, академик, Лауреат Ленинской и Государственной премий, почетный член десяти иностранных академий, автор свыше 150 научных трудов, в т.ч. фундаментальных монографий по истории, археологии Закавказья и Востока. Почти шестьдесят лет жизни Б.Б. Пиотровского связаны со знаменитым Эрмитажем. Он пришел сюда в 1931 г. рядовым научным сотрудником, а в 1964 г. стал его директором и оставался на этом посту до самой смерти в 1990 году.

Борис Борисович Пиотровский родился (14) февраля 1908 г. в Санкт-Петербурге, в семье потомственных дворян. После того как отец получил назначение инспектором классов Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, семья Пиотровских переехала в Оренбург, где и провела первые годы революции и гражданской войны. В Оренбурге Борис проходил обучение в гимназии. К этому же периоду его жизни относится и первое увлечение историей, которое было связано с местным музеем археологии и этнографии.

Спустя много лет Пиотровский вспоминал: «Мне очень хотелось работать сторожем в музее, но родители не позволили, что меня сильно огорчило. Тогда я не знал, что впоследствии стану «сторожем» самого крупного в стране музея. Но, несомненно, интерес к древности у меня уже начался в Оренбурге».

К началу 1921 г. семья Пиотровских вернулась в Петроград. В 1922 г. на экскурсии в Эрмитаже юный Борис познакомился с сотрудницей Отделения древностей, египтологом Н.Д. Флиттнер, которая пригласила мальчика к себе на занятия по египетской иероглифике. Три года спустя Борис Пиотровский поступил на факультет языка и материальной культуры (потом – историко-лингвистический факультет) ЛГУ. За пять лет обучения он прослушал лекции и работал в семинарах крупнейших ученых того времени: академиков Ф. Платонова, Н.Я. Марра, С.А. Жебелева, Е.В. Тарле. В числе его учителей были известные ученые: И.Г. Франк-Каменецкий, Б.М. Эйхенбаум, В.В. Струве, С.Я. Лурье, Б.В. Фармаковский, Н.Н. Томасов, А.А. Спицын.

В университетские годы главный интерес Бориса Пиотровского стал фокусироваться на занятиях археологией, чему способствовало сильное влияние его главного учителя тех лет – заведующего археологическим отделением профессора А.А. Миллера (1875-1935). В 1929 г. Пиотровский поступил на работу в Академию истории материальной культуры как младший научный сотрудник, причем в сектор языка как фактора истории материальной культуры, руководителем которой был академик Н.Я. Марр.

После окончания университета в 1930 г. по совету Марра Пиотровский

изменил направление своих исследований: вместо древнеегипетской он стал заниматься урартской письменностью. И уже в том же 1930 г. состоялась первая экспедиция молодого ученого в Закавказье.

Спустя год при поддержке академика Марра Пиотровский без прохождения аспирантуры стал работать в Эрмитаже на должности младшего научного сотрудника. С 1930 г. Пиотровский принимал участие в научных экспедициях в Армению, целью которых были поиск и изучение следов урартской цивилизации. В 1938 г. без написания кандидатской работы (лишь по положительному отзыву Флиттнер, подтвердившему его соискательство) ему была присуждена степень кандидата исторических наук.

Начало Великой Отечественной войны застало Пиотровского в экспедиции. Вернувшись в Ленинград, он пережил блокадную зиму 1941-1942 гг., а затем с группой сотрудников Эрмитажа, возглавляемой И.А. Орбели, истощенный Пиотровский эвакуировался в Ереван. В годы войны Пиотровский не прекращал научную работу, результатом которой стала его первая книга «История и культура Урарту» (1943), которая принесла автору славу как одному из крупнейших специалистов по истории Закавказья.

30 января 1944 г. в Академии наук Армянской ССР состоялась защита докторской диссертации Бориса Борисовича. В том же году Пиотровский женился на Рипсимэ Джанполадян, с которой он познакомился на археологических раскопках на холме Кармир-Блур города-крепости Тейшебаини в Ереване. Здесь же родился их первенец – Михаил, ставший впослед-

ствии продолжателем дела своих родителей (нынешний директор Эрмитажа).

В следующем году Пиотровского избрали членом-корреспондентом АН Армянской ССР, а в следующем году присудили Сталинскую премию второй степени в области науки и техники за книгу «История и культура Урарту». Вернувшись в 1946 г. в Ленинград, Борис Борисович начал читать курс археологии для студентов Ленинградского государственного университета. Тщательно проработанные конспекты для лекций позволили Пиотровскому в скором времени на их основе выпустить книгу «Археология Закавказья» (1949).

С 1 мая 1953 г. Пиотровский перешел на постоянную работу в Институт истории материальной культуры, возглавив его Ленинградское отделение. В 1964 г. был назначен директором Эрмитажа и оставался на этом посту до 1990 г. О плодотворной и разносторонней деятельности в должности директора Эрмитажа красноречиво говорят его многочисленные ордена и медали.

Академик Б.Б. Пиотровский имел награды: Герой Социалистического труда с вручением знака особого отличия – золотой медали «Серп и молот» и ордена Ленина (1983), орден Ленина (1968), орден Ленина (1975), орден Октябрьской революции (1988), орден Трудового Красного Знамени (1945), орден Трудового Красного Знамени (1954), орден Трудового Красного Знамени (1957), медаль «За оборону Сталинграда» (1944), орден искусства РСФСР (1964), орден искусств и литературы степени командора (1981, Франция), орден Кирилла и Мефодия I степени (1981, НРБ), орден «Pour le merite

fur Wissenschaften und Kunste» (1984, ФРГ), юбилейные медали СССР. Он был заслуженным деятелем науки Армянской ССР (1961), членом-корреспондентом Британской академии (1967).

Жена Бориса Борисовича Пиотровского – Рипсимэ Джанполадян-Пиотровская, известный советский и российский ученый, арменовед и археолог-востоковед, не оставляя научной работы в Институте археологии, Академии художеств СССР и в отделе Востока Эрмитажа, стала редактором трудов своего мужа, вышедших в свет после его смерти. Среди них – энциклопедическая «История Эрмитажа», дневниковые «Путевые заметки» и автобиографические «Страницы моей жизни». 1 сентября 2004 г. верная спутница жизни академика Пиотровского была похоронена на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге, рядом со своим мужем.

В 1992 г. в Санкт-Петербурге на доме 25 по набережной реки Мойки, в котором жил Пиотровский, была установлена мемориальная доска, а в 2008 г. в нашей стране широко отмечалось 100-летие со дня рождения Бориса Борисовича Пиотровского. О нем говорили как о легендарной личности. Таким он и был, ведь редко кому из ученых удается найти целое государство, а он нашел Урарту – древнее государство Армении. Не всякому руководителю удается оставить в наследство традиции, которым поклоняются его последователи и прямые наследники.

Сын Б.Б. Пиотровского – Михаил Пиотровский, нынешний директор Государственного Эрмитажа – член-корреспондент Российской Академии наук, действительный член Российской Академии худо-

жеств, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук – в канун празднования 100-летия со дня рождения своего знаменитого отца сказал на пресс-конференции: «В этот юбилей мы будем говорить и о том, насколько мы, Эрмитаж, соответствуем нравственным нормам, научным требованиям и традициям, которые оставлены нам в наследство Борисом Борисовичем...».

В честь 100-летнего юбилея в Эрмитаже была открыта выставка, на которой было представлено почти 200 экспонатов – труды, награды, фотографии, рисунки, дневники, личные вещи. Среди них была и автобиография, исписанная аккуратным, почти школьным почерком (авторская пунктуация сохранена): «Родился 14-II 1908 г. в Ленинграде, в семье педагогов. (Отец – Пиотровский, Борис Брониславович, преподаватель математики и механики высших и военно-учебных заведений; мать – Пиотровская, Софья Александровна, педагог средней школы и библиотекарь).

В 1924 г. окончил 200-сов. школу Ленинграда и поступил в Ленингр. Госуд. Университет на Историко-филологический факультет, где специализировался по истории и археологии Древнего Востока и Кавказа. Закончил Университет в 1930 г... В 1929 году поступил мл. научн. сотрудником в Гос. Академию материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР). С 1931 г. стал работать также в Гос. Эрмитаже. С 1927 г. участвую в археологических экспедициях, на Кавказ и Закавказье, в Средней Азии и в районе рек Волги и Дона. С 1939 г. веду систематические работы по исследованию древней урартской крепости на холме Кармир-блур в Ереване. Имею около 120 печатных

научных работ, преимущественно по археологии древнего Востока и Кавказа. Степень кандидата исторических наук мне была присвоена без защиты диссертации, в 1944 г. в Ереване защитил диссертацию на ученую степень доктора исторических наук по теме «История и культура Урарту», за эту книгу в 1946 г. мне была присуждена Государственная премия II ст. Во время войны, с 1941 по апр. 1942 года находился в блокированном Ленинграде, где закончил партизанские курсы Дзерж. района, но был переведен на оборонную работу в Эрмитаж, где работал пом. начальника пожарной команды. В 1942-45 гг. находился в научной командировке в Ереване. С 1947 по 1953 г. был зам. директора Эрмитажа, с 1953 по май 1964 был завед. Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, в мае 1964 г. назначен директором Эрмитажа. Женат, имею 2-х сыновей... Пиотровский Михаил (1944) студент Восточного факультета Лен. Гос. Университета; сын Пиотровский Левон (1947) – учащийся средней школы».

Созданное в крупнейшем музее мира, научное наследие Б.Б. Пиотровского сегодня оформлено в 500 печатных изданий – монографии, статьи, каталоги и альбомы, автором и научным редактором которых он был. Он оставил в наследство 133 путевых и полевых дневника.

Примечательно, что в дни празднования 100-летнего юбилея на фасаде здания Оренбургского педагогического университета рядом с мемориальной доской известного ученого и педагога Бориса Брониславовича Пиотровского появилась мемориальная доска с именем его знаменитого на весь мир сына – академика Бориса Борисовича Пиотровского.

На торжества по случаю 100-летнего юбилея отца в Оренбург приезжал нынешний директор Эрмитажа, академик Михаил Борисович Пиотровский, яркая жизнь и научные достижения которого, как и достижения отца, сегодня известны миллионам людей всего мира.

Академик Михаил Борисович Пиотровский – директор Эрмитажа (с 1992 г. по настоящее время)

Михаил Борисович Пиотровский родился 9 декабря 1944 г. в Ереване (Армянская ССР), ученый-востоковед. Директор Государственного Эрмитажа в настоящее время. Окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета, отделение арабской филологии (1961-1967 гг.). Стажировался в Каирском университете (1965-1966 гг., Египет). В 1973 г. получил степень кандидата исторических наук, в 1985 г. защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора исторических наук. Профессор.

С 1967 г. – сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, прошел путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. В 1973-1976 гг. работал переводчиком и преподавателем йеменской истории в Высшей школе общественных наук в Народной Демократической Республике Йемен.

В 1991 г. был назначен первым заместителем директора, а с 1992 г. – директор Государственного Эрмитажа. Член-корреспондент РАН (1997 г.), действительный член Российской академии художеств, член Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Сфера научных интересов М.Б. Пиотровского – древняя и средневековая

история Ближнего Востока, история Аравийского полуострова, Саба, Химйар, Коран и ранняя история ислама, древнеаравийские надписи, эпические предания арабов, арабская рукописная книга, мусульманское искусство. Он участвовал в археологических раскопках на Кавказе, в Центральной Азии, с 1983 г. работал в советско-йеменской комплексной исторической экспедиции, сначала начальником отряда, а в 1989-1990 гг. – начальником экспедиции. М.Б. Пиотровский провел полевые исследования древних торговых путей, участвовал в раскопках древних городов и храмов, в этнологических исследованиях. Им опубликована серия работ по йеменской археологии и эпиграфике.

Особое внимание Пиотровским в этих работах было уделено изучению тех трансформаций, которые социально-политические системы Йемена испытали в конце доисламской эпохи и в раннеисламский период южноаравийской истории. Его работы по истории арабов регулярно переводились на арабский язык. Он читал лекции во многих университетах арабского мира, приобрел мировую известность как арабист.

С 30 апреля 1993 г. по 22 февраля 1997 г. и с 3 мая 2001 г. – член коллегии Министерства культуры Российской Федерации, заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации, председатель Союза музеев России, президент Всемирного клуба петербуржцев, президент «Альянс Франсез» Санкт-Петербурга, председатель Попечительского совета Европейского университета в Санкт-Петербурге, председатель оргкомитета международной премии имени Николая

Рериха, главный редактор журнала «Христианский Восток», член редакционного совета журнала «Восточная коллекция», член Международного Совета музеев, член Экспертного комитета по выставкам при Европейском Совете, является президентом Конгресса Петербургской интеллигенции.

В 2001 г. Михаил Борисович был избран председателем Совета директоров ОРТ, он является членом Попечительского совета благотворительного фонда помощи детям «Расправь крылья!», членом попечительского совета фонда «Русский мир», членом редакционного совета журнала *Manuscripta Orientalia*. *International Journal for Oriental Manuscript Research*, членом Попечительского совета проекта Центра национальной славы «Служение Отечеству: события и имена».

М.Б. Пиотровский отмечен государственными наградами. Среди них – орден «За заслуги перед Отечеством» III степени – за большой вклад в развитие музейного дела, сохранение культурного наследия России и укрепление мировых связей, орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени – за большой вклад в развитие музейного дела и многолетнюю творческую деятельность, орден Почета – за заслуги перед государством и большой вклад в развитие отечественного музейного дела, медаль Пушкина – в ознаменование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина – за заслуги в области культуры, просвещения, литературы и искусства, юбилейные медали. Имеет много иностранных наград. У Михаила Борисовича Пиотровского много других званий и наград, но больше всего он дорожит званием Почетный гражданин Санкт-Петербурга, которое ему

было присвоено 25 мая 2011 г. Он является почетным гостем городских мероприятий, различных торжественных встреч.

А на одну из встреч, посвященную научным династиям Петербурга, Пиотровский пришел с портретом своего отца Бориса Борисовича Пиотровского и со своим сыном Борисом, названным в честь своих знаменитых предков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Послужной список: РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д.1376. Пиотровский Бронислав-Адольф Игнатьевич.
2. Послужной список: РГВИА. Ф. 409. Оп.1. П/С Д 446. Пиотровский Борис Брониславович.
3. ГАОО, Ф.79. Оп.1. Д. 377.
4. Список генералам по старшинству на 1914 г. СПб. 1914 г.
5. Список полковникам по старшинству на 1914 г. СПб. 1914 г.
6. Шидловская М.М. Математика в школе. 1950 г. № 3.
7. Семенов В.Г. «Степной лицей». Гостиный двор. Издательство «Золотая аллея». Калуга. 1995 г.
8. Смирнов Р.В. «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. Москва. 2010 г.
9. Семенов О.В. «Пиотровские в Оренбурге». Студенческие научные чтения, посвященные 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Сборник статей. Т.2. Оренбург, издательство ОГПУ. 2011 г.
10. Газета «Оренбургское слово», 1917 г.
11. Газета «Оренбуржье», 2008 г.
12. Н. Ямпольская, «Сторожу» Эрмитажа исполняется 100 лет, Росбалт. <http://www.rosbalt.ru/piter/2008/02/14/456340.html>

ОРЕНБУРГСКИЙ ОТДЕЛ КАЗАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННО- САНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

В конце XIX – начале XX в. одним из характерных явлений региональной науки являлось участие в местных научных обществах значительного числа военных. На рубеже веков появились и самостоятельные военные научные объединения.

Общество ревнителев военно-санитарных знаний было создано в России в 1909 г. По «Нормальному уставу», утвержденному 18 августа 1909 г., его членами могли быть чины военного ведомства, состоявшие на действительной военной службе¹. Целями своей деятельности объединение считало содействие развитию военно-санитарного дела и распространение сведений по соответствующим вопросам как среди военных врачей, так и офицеров.

Всего в России было около десятка обществ ревнителев военно-санитарных знаний: в Варшаве, Вильно, Гродно, Казани, Киеве, Минске, Москве и Санкт-Петербурге². Подобное военно-научное общество было разрешено и в Казанском военном округе приказом от 20 декабря 1910 г., а 18 января 1911 г. состоялось его первое заседание³. В 1913 г. Казанское общество издало два выпуска своих трудов, и в том же году его деятельность прекратилась⁴.

Оренбургский отдел Казанского общества ревнителев военно-санитарных знаний был образован 1 сентября 1912 г.⁵ и объединил офицеров и военных врачей Оренбургского гарнизона. При своем основании Отдел насчитывал 26 действительных членов и одного члена-корреспондента, из них: 2 генерала, 8 офицеров, 17 военных врачей. К концу года число сотрудников увеличилось до 31 (4 генерала, 8 офицеров, 19 военных врачей)⁶. Целью Общества признавались: «научная разработка как общих, так и частных вопросов военной гигиены, специальные сообщения с последующим обменом мнениями по вопросам санитарно-гигиеническим, санитарно-тактическим и охранения здоровья армии, исследование причин местных болезней и изыскание мер и средств к их устранению, печатание трудов отдела и проч.»⁷. Обсуждая задачи новой организации, один из ее членов призывал изучать «нашу родину и в особенности ее окраины и прилежащие к ним страны в санитарно-тактическом отношении»⁸, для чего предлагал офицерам поделиться своим «служебным опытом», чтобы скоординировать санитарную тактику действий врачей⁹. Заседания планировалось проводить два раза в месяц.

С момента своего образования Общество не рассматривалось его членами как чисто медицинское¹⁰.

Создавая концепцию работы молодого научного объединения, младший врач Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса А.Г. Передельский подготовил «Обзор деятельности Московского и Варшавского обществ ревнителей военно-санитарных знаний и желательную программу деятельности нашего общества». Московское общество было основано в марте 1910 г., Варшавское – 17 февраля 1910 г. было реорганизовано из Варшавского военно-санитарного общества, существовавшего с 1887 г.¹¹. Сравнив деятельность двух военно-научных организаций, докладчик предлагал за образец работы взять московское¹². Но поскольку его программа была слишком обширна для Оренбургского отдела, численно намного уступавшего первому, собравшиеся на заседание решили сосредоточить свои усилия на решении одного вопроса: изучение Тоцкого военного лагеря.

Первой проблемой, которую предлагалось обсудить, стало «влияние лагеря при ст. Тоцкой на санитарное состояние войск Оренбургского гарнизона»¹³. В 1911-1912 гг. там от дизентерии, брюшного тифа и малярии пострадали военнослужащие, поэтому члены нового научного военного сообщества планировали тщательно изучить местность, где располагался лагерь, «в санитарно-топографическом отношении», объединив для этого усилия как офицеров, так и военных врачей¹⁴. Товарищу председателя полковнику А.А. Есаулову (командиру 191 пехотного Ларго-Кагульского полка) предложили ознакомить сотрудников Общества с пла-

ном лагеря, врачам – составить статистику болезней, военным инженерам – заняться «проектированием оздоровительных работ»¹⁵.

На заседании 15 сентября 1913 г. А.А.Есаулов подарил Отделу «План лагеря и артиллерийского полигона у села Тоцкого» и сделал сообщение «Краткое описание лагеря 24 армейского корпуса у ст. Тоцкая Ташкентской ж.д.»¹⁶, включающее в себя описание местности. Резюмируя первую часть доклада, полковник А.А. Есаулов заключил, что «участок, отведенный под лагерь корпуса и полигон, вполне отвечает тактическим и учебным целям войск. Простору много, местность поучительная, разнообразная и для специальных занятий вполне подходящая». Но вместе с тем лагерь и полигон не были обеспечены хорошей питьевой водой, почва не закреплена «хорошей травяной растительностью», имелись проблемы с удалением нечистот. Впрочем, как считал А.А.Есаулов, все было вполне решаемо¹⁷.

В том же году А.Г. Передельский сделал доклад «К вопросу о подготовке военных врачей к современным требованиям военно-санитарной службы»¹⁸, в котором высказал идеи, как он сказал, «основанные на собственном опыте и изучении литературы вопроса за последние 10 лет», представил свой проект подготовки «санитарных офицеров», т.е. военных врачей, которые «в соответствии с другими военными специалистами должны быть офицерами», иметь военную подготовку¹⁹.

Среди обсуждаемых вопросов были проблемы гигиены и санитарии в полках.

14 декабря 1913 г. старший врач 191 пехотного Ларго-Кагульского полка

П.А. Онимахов представил собравшимся доклад «Значение бань и санитарная обстановка оренбургских городских бань, которыми приходится пользоваться гарнизону»²⁰. Из сообщения и его обсуждения можно почерпнуть сведения о санитарном состоянии бань Оренбурга и соответствующих проблемах гарнизона²¹.

Содержание доклада младшего врача 192 пехотного Рымниковского полка И.И. Гайворонского «Воздушный куб в помещениях казарм 191 пехотного Ларго-Кагульского полка и 192 пехотного Рымниковского полка»²² вызвало удивление полковника В.А. Москули: «как еще войска при таком воздухе имеют вид войск?»²³, а полковник Н.К. Шклярский высказал мнение, что исследование воздуха необходимо в доказательство необходимости расширения казарм, что возможно осуществить только за счет казны, т.к. частных домов, пригодных для казарм, в городе нет²⁴.

Работы по обследованию Тоцкого лагеря продолжались и на следующий год деятельности Отдела, что подтверждает доклад И.И. Гайворонского «Малярия Тоцкого лагеря и возможности борьбы с ней»²⁵. Для уменьшения количества комаров предлагалось спустить болота вдоль реки в Самарку, но полковник Н.К. Шклярский выразил сомнения, что Лесной департамент это разрешит²⁶, а П.А. Онимахов предложил «недорогое и полезное» решение – залить озера и болота нефтью²⁷.

По примеру других научных обществ на заседании 15 января 1913 г. от председателя Отдела поступило предложение печатать протоколы и труды, «чтобы каждый член имел возможность видеть, что сделано отделом за первый год суще-

ствования». «Наши труды скромны, – говорилось далее, – но хорошо заложенное начало дает нам уверенность, что Отдел наш и впредь будет стремиться посильно разрабатывать насущные вопросы нашего военно-санитарного дела, обращая главное внимание на санитарные нужды войск местного гарнизона и Тоцкого лагеря, где местные войска проводят все лето»²⁸. В настоящее время исследователи располагают двумя выпусками «Трудов»²⁹.

Начало формированию библиотеки положено решением председателя Отдела П.А. Соломиным выпisać труды Московского и Варшавского обществ военно-санитарных знаний и трудов Общества ревнителей военно-санитарных знаний, возникших в России в 1909-1910 гг.³⁰. Отдельного помещения библиотека не имела, книги хранились у секретаря. Издания решили выдавать читателям на пять дней под расписку, секретарю вменялось в обязанность вести «очередь изъявивших желание на книги»³¹. В декабре 1913 г. библиотека получила из Казани в дар 13 книг (1899-1906 гг.) прекратившего свое существование Казанского военно-санитарного общества и Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний³². Очень незначительное количество книг покупалось. К концу первого года существования библиотека насчитывала всего 31 том изданий³³.

Можно предположить, что деятельность Отдела, как и других военных научных объединений, прекратилась в 1914 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Нормальный устав Общества ревнителей военно-санитарных знаний. Казань: Тип. Имп. Казан, ун-та, 1911. С. 2.

2. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1913-1914 год (2-й год существования). Оренбург, 1914. С. 14.

3. Мубаракшина А.Г. Деятельность общественных организаций Казанской губернии в хозяйственно-экономической и социально-культурной сфере: вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Казань, 2010. С. 149.

4. Мубаракшина А.Г. Деятельность общественных организаций ... С. 149.

5. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1912-1913 год. Оренбург, 1913. С. 7.

6. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1913-1914 год. Оренбург, 1914. С. 4.

7. Там же.

8. Протоколы Оренбургского отдела ... 1913. С. 22.

9. Там же.

10. Там же. С. 17.

11. Там же. С. 20.

12. Там же. С. 22.

13. Там же. С.4-5.

14. Там же. С.5.

15. Там же.

16. Там же. С. 9.

17. Там же. С. 13.

18. Там же. С. 46-55.

19. Там же. С. 55-56.

20. Протоколы Оренбургского отдела ... Оренбург, 1914. С. 58-59.

21. Там же. С. 17-19.

22. Там же. С. 77-78.

23. Там же. С. 21.

24. Там же. С. 22.

25. Там же. С. 81-107.

26. Там же. С. 24.

27. Там же. С. 25.

28. Протоколы Оренбургского отдела ... Оренбург, 1913. С. 65.

29. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1912-1913 год (1-й год существования). Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1913. 79 с.; Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1913-1914 год (2-й год существования). Оренбург: тип. бр. Маховых, 1914. 87, [1] с.

30. Протоколы Оренбургского отдела ... Оренбург, 1913. С. 16.

31. Там же. С. 7-8.

32. Там же. С. 60.

33. Протоколы Оренбургского отдела ... Оренбург, 1914. С. 6.

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА В ВОЙНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вторая половина XIX – начало XX века характеризуются огромными успехами в военной медицине, потому что войны, локальные военные конфликты, битвы и сражения сопровождают весь период. Во время Крымской войны действовала дореформенная николаевская армия, блеснувшая под Севастополем своей стойкостью, но еще пропитанная мышлением и техникой Наполеоновской эпохи. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. вывела военную мысль на новый уровень, но сказалась неполнота милютинской реформы. Корпуса и дивизии существуют лишь на бумаге, их управления дезорганизованы, из них нарезаны всевозможные «отряды», на которые и возложено ведение боя. Русско-японская война 1904-1905 гг., введение к Мировой войне, подчеркнула и крупные организационные достижения русской армии, и повторение ряда ошибок предыдущих войн. Последние две войны и подготовка к ним позволят достаточно подробно проследить за судьбой военной медицины в России.

Первые преобразования и изменения в военной медицине во второй половине XIX века начались сразу после Крымской

войны в период великих реформ 60-70-х гг. XIX века. Военная реформа 1860-1870 гг. была одной из немногих действительно комплексных военных реформ за всю историю Российской империи. Затронув все сферы военного дела и военного быта, она до неузнаваемости изменила облик российских вооруженных сил. Характерным было то, что реформа проводилась не хаотично, а в полном соответствии с заранее утвержденным планом, предполагавшим системные изменения; и хотя внешнеполитическая обстановка вносила свои коррективы в процесс реализации, она не затрагивала его принципиальных основ. В ходе послевоенных реформ в первую очередь была реорганизована система управления военно-медицинской службой. В 1860 г. создается Медицинский департамент Военного министерства, но после создания военных округов в 1864 г. был преобразован в 1867 г. в Главное военно-медицинское управление¹.

Главное военно-медицинское управление ведало вопросами санитарного обслуживания во всех частях военного ведомства, обеспечением госпиталей медикаментами, а также личным составом

медицинского, ветеринарного персонала и фармацевтов. Реформе подвергалась и полевая военно-медицинская организация. В свет вышли два документа: «Положение о полевом управлении войск в военное время» (1868 г.) и «Положение о врачебных заведениях на военное время» (1869 г.). В соответствии с этим главному управлению была вверена лишь медицинская часть, в административно-хозяйственном отношении госпитали находились в ведении окружного инспектора госпиталей (не врач), подчинявшегося непосредственно командующему войсками. Едва ли подобная мера была правильна, так как вручение административной власти в госпиталях лицам, не имевшим никакого отношения к медицине, отнюдь не способствовало правильной постановке дела в лечебных заведениях². В полевом управлении появилось и третье лицо, отвечающее за оказание помощи раненым и больным, – главноуполномоченный Российского общества попечения о раненых и больных воинах (в 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста)³.

Главному военно-медицинскому управлению подчинялась Медико-хирургическая академия. Академия готовила медицинских, ветеринарных врачей и фармацевтов преимущественно для военного и морского ведомств. В течение 60-70-х гг. в академии был осуществлен ряд крупных преобразований, превративших ее в центр передовой медицинской мысли в России. Эти преобразования связаны с именами президента академии профессора хирургии Дубовицкого и ученого секретаря академии знаменитого русского химика Зинина. При академии

был создан ряд научных институтов: анатомо-физиологический, естественноисторический, а также большой клинический госпиталь. Значительно был улучшен и состав профессоров. Наконец, в 1872 г. при академии были учреждены «курсы ученых акушерок», явившиеся родоначальником высшего женского медицинского образования в России⁴.

Закон от 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности создавал прочную связь между санитарным устройством армии, с одной стороны, и интересами общества и граждан – с другой. Льготы по роду занятий предоставлялись лицам призывного возраста, имевшим медицинское и ветеринарное образование⁵. Лица, имеющие степень доктора медицины или лекаря, магистра ветеринарных наук или фармацевта, ветеринара или провизора и притом пользующиеся правом на занятие в военном ведомстве соответствующих их специальности классных военных должностей, состоят на действительной военной службе 2 года. Прослужившие четыре месяца в строю в нижнем звании назначаются без особого испытания на указанные классные должности сверх штата и оканчивают установленный двухлетний срок действительной военной службы в этих должностях, после чего зачисляются в запас на 16 лет.

Первым испытанием преобразованной военной медицины стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. Формирование подразделений и учреждений медицинской службы осуществлялось постепенно, начиная со 2 ноября 1876 г., в соответствии с утвержденным мобилизационным планом. Лучшие представители отечественной медицины и в первую очередь

профессора Медико-хирургической академии выехали на театр военных действий. Среди них были Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, В.М. Бехтерев, Н.В. Склифосовский, С.П. Коломнин, Ю.Н. Ковалевский, Ф.И. Фейгин⁶. Впервые был осуществлен призыв врачей в армию после введения всеобщей воинской повинности 1874 г.⁷. Главное военно-медицинское управление разослало губернаторам и окружным военно-медицинским инспекторам мобилизационные ведомости⁸. Они подлежали заполнению лишь теми врачами, которые добровольно изъявили желание исполнять свой долг или на местах, или на театре войны. На призыв откликнулись 2126 врачей, причем 1700 человек изъявили желание исполнять обязанности на местах, а 426 врачей на театре войны⁹.

Всего к 1877 г. в действующей армии насчитывалось 2780 военных врачей, 5650 фельдшеров, 430 гражданских врачей, 1514 фельдшерниц и сестер милосердия¹⁰. Н.В. Склифосовский отмечал, что русская армия была снабжена врачами в таком количестве, которое соответствует действительной потребности. Однако ошибочность его слов проявилась в период первых боев. Деятельность медицинского персонала на балканском фронте протекала в чрезвычайно трудных условиях. Ощущалась нехватка врачей (один врач в русской действующей армии в 1877 г. обслуживал 606 человек), не доставало медикаментов и перевязочных материалов, санитарного транспорта. Так, после третьего штурма Плевны в один из госпиталей, рассчитанный на 630 мест, за два дня поступило 5000 человек.

Однако итоги лечебной деятельности в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

были довольно благоприятными. Всего санитарные потери русских войск за 10 месяцев войны и 13 месяцев пребывания Дунайской армии в Болгарии при среднемесячной численности армии около 600 тыс. человек составили около одного миллиона человек (919 тыс. раненых и больных). Смертность в постоянных и временных госпиталях не превышала 3,5% (погибло 54239 человек). Не просто было и военным врачам. Находясь на передовой и в госпиталях среди инфекционных больных, многие врачи умерли от ран и болезней. Смертность врачей достигла 51%, фельдшеров – 56%. В 1884 г. русский архитектор А.О. Томишко в Софии воздвигнул памятник «медицинским чинам войск и госпиталей» русской армии. На камнях центральной части памятника высечены имена 110 врачей, 8 фармацевтов, одного студента Медико-хирургической академии, 404 фельдшеров и 8 ветеринаров¹¹.

Итоги, сделанные после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., вылились лишь в три документа. В 1878 г. было выпущено «Положение о военно-врачебных заведениях на военное время». В соответствии с ним транспортировка и сортировка раненых теперь проходила в несколько этапов, вводился второй госпиталь для дивизии. В 1890 г. появилось «Положение об эвакуации больных и раненых». В соответствии с ним театр военных действий разделялся на полевой и тыловой эвакуационные районы. В этом же 1890 г. объявлено «Положение о полевом управлении войск в военное время». В соответствии с ним полевое военно-медицинское управление подчинялось теперь не медицинскому инспектору госпиталей, а начальнику штаба

и дежурному генералу штаба армии. Ни один из этих документов не решал вопросов двоевластия в военно-медицинском управлении.

В декабре 1902 г. в «Русском инвалиде», журнал издавался при Генеральном штабе, появилась статья доктора медицины Н. Заркевича «Старшие врачи частей войск», где автор указывал на двойную подчиненность войсковых врачей и их почти полное бесправие среди офицеров, так как военным врачам присваивались гражданские, а не военные чины. Так, ротный фельдшер в полку одновременно находился в подчинении у пяти начальников: старшего врача, заведующего приемным покоем офицера, командира нестроевой команды, командира своей роты и помощника командира полка по хозяйственной части. Также затрагивались вопросы о проведении мероприятий по улучшению военно-санитарного дела в армии, потому что оно не соответствовало требованиям и положению санитарного дела в других государствах и развитию медицинской науки в России¹². Общественное мнение, сформированное за счет статей военных врачей, прежде всего Н. Заркевича, который занимал должность старшего врача элитного лейб-гвардии атаманского Е. И. В. наследника цесаревича полка, сыграло немалую роль в начале преобразований в военной медицине.

Началом работы над реформой можно считать 30 декабря 1902 г. – этим днем помечен доклад Главного военно-медицинского управления на имя Николая II «О назначении Комиссии для выработки нового положения об управлении санитарной частью армии», подписанный Сперанским. В резюмирующей части

Сперанским предлагалось образовать при Главном военно-медицинском управлении под его же председательством особую Комиссию. Ее персональный состав был окончательно утвержден Военным министерством в феврале 1903 г.¹³. Во главе Комиссии осторожный и безынициативный престарелый Сперанский. Созданная Комиссия являла собой не лучший образец военно-бюрократической структуры царской России. Внешне представительная, она в силу уже одной своей многочисленности не могла решить конкретные вопросы. Первоначальный срок работы Комиссии был определен как не более 4-х месяцев, однако на деле это время растянулось почти на 3 года. Работа Комиссии приостанавливалась на период лагерных сборов – с апреля по сентябрь 1903 и 1904 гг. Наконец, 1 ноября 1904 г. по докладу Главного военно-медицинского управления деятельность Комиссии была отсрочена до 1905 г., а 20 июля 1905 г. – до окончания войны с Японией¹⁴.

С военно-исторической точки зрения русско-японская война 1904-1905 гг. характерна тем, что сложились многие армейские, фронтовые и оборонительные операции, определились также и основные направления их медицинского обеспечения. Впервые создается медицинская служба отдельных армий (1-я, 2-я, 3-я). Во главе каждой службы были поставлены начальники санитарной части (не врачи), которым подчинялись военно-медицинские инспектора (врачи). Из так называемого «постоянного запаса армии» поступила основная масса врачей – 65%¹⁵. На линии Иркутск – Омск были развернуты 96 госпиталей. С начала войны в зоне боевых действий были

развернуты 117 дивизионных и бригадных лазаретов, 390 подвижных госпиталей, 427 полевых госпиталей, 4 крепостных госпиталя¹⁶. Как только начались боевые действия, Августейшая Покровительница общества Красного Креста Государыня Императрица Мария Александровна Высочайшим рескриптом, 28 января на имя главного управления Российского общества Красного Креста данным, изволила призвать главное управление и все учреждения Красного Креста к выполнению своего долга¹⁷. Лечебные заведения Красного Креста были развернуты в следующих районах: район действующей армии в Маньчжурии (104 учреждения, 17605 мест), Северо-восточный регион (24 учреждения, 7650 мест), Забайкальский тыловой район (27 учреждений, 5318 мест), Сибирский тыловой район (58 учреждений, 5241 место)¹⁸. В армиях сформированы подвижные санитарно-эпидемиологические учреждения. Согласно «Инструкции о мероприятиях против развития и распространения заразных болезней» Главного военно-медицинского управления в сферу их деятельности входило: устранение степени загрязнения в месте размещения войск, выявление инфекционных заболеваний среди местного населения и войск и своевременная организация мер по их изоляции, контроль за личной гигиеной (бани, купание, стирка белья), уборка полей сражения и погребение погибших¹⁹.

Особенно хотелось бы остановиться на обороне Порт-Артура – сражение за него занимает одно из главных мест во всей русско-японской войне. Порт-Артур непосредственно перед войной был усилен двумя дивизиями, так что его числен-

ность достигла 50000 человек. Японский генерал Ноги начал военные действия 17 июня, располагая десантной армией в 45000 человек. В первых же боях за Порт-Артур выяснилось, что взять крепость невозможно. Пришлось непрерывно пополнять войска. С августа по ноябрь месяц японцы произвели четыре штурма, успеха не добились, потеряв до 112000 человек убитыми и ранеными. Благодаря стойкости и доблести защитников крепость держалась. Она сковала крупные силы японцев, срывая японский план быстрого разгрома основных русских сил в Маньчжурии²⁰.

В начале войны в Порт-Артуре располагался Порт-Артурский Сводный полевой госпиталь (главный врач Н.С. Протопопов) на 430 мест. Служащих морского ведомства обслуживали: портовый лазарет на 50 мест, лазарет Квантунского флотского экипажа на 200 мест и достраивавшийся во время войны Морской госпиталь (главный врач М.Н. Обезьянинов). Главный врач Морского госпиталя по должности являлся одновременно медицинским инспектором порта, и ему подчинялся весь медицинский состав приписанных к порту кораблей и частей. Свободных от плавания судовых врачей он прикомандировывал к госпиталю для совершенствования. Для местного населения имелись: хорошо оборудованная городская больница на 200 мест, Мариинская больница Красного Креста на 160 мест (главный врач П.А. Розанов) и Железнодорожная больница на 50 мест (старший врач П.К. Константинов). Порт-Артур защищали две пехотные дивизии – 4-я (дивизионный врач М.Э. Белявский) и 7-я (дивизионный врач П.И. Вершинин), входившие в состав

3-го Сибирского армейского корпуса (корпусный врач А.Н. Рябинин, поставленный во главе всей медицинской и санитарной части Квантунского укрепленного района). В соответствии со ст. 775 Свода военных постановлений в военное время в Порт-Артуре должны были быть развернуты 16 госпиталей. На деле же удалось развернуть только 7 запасных и два подвижных госпиталя²¹.

Иначе обстояло дело на флоте. После оказания первой помощи на боевом посту с применением заранее приготовленных повязок трех размеров пострадавшие доставлялись в корабельный медицинский пункт, где им оказывалась, в зависимости от класса корабля, первая врачебная или квалифицированная врачебная помощь. Для этого в медицинских пунктах броненосцев были оборудованы операционные, снабженные – впервые в мировой судостроительной практике – рентгеновскими аппаратами. Первый специально оборудованный перевязочный пункт, отвечающий всем требованиям боевой врачебной организации, был устроен на броненосце «Цесаревич». Кроме того, в Порт-Артуре находились три плавучих лечебных заведения: военно-госпитальные судна «Казань» и «Ангара» и госпитальное судно «Монголия». Согласно требованиям Гаагской конвенции 1899 г. военно-госпитальные судна были окрашены в белый цвет с зеленой полосой по борту и несли флаги Красного Креста и России; госпитальное судно «Монголия» было окрашено в белый цвет, но с красной полосой по борту, и несло только флаг Красного Креста.

Во время осады проявились недостатки. В первую очередь было почти полное отсутствие медицинской сортировки – как

эвакуационно-транспортной, так и внутрипунктовой, а также соответствующих медицинских документов. Во время сражений, при ускоренном движении армии или при других подобных обстоятельствах как больные, так и раненые принимаются и без билетов. В ходе осады ощущалась нехватка медикаментов и перевязочного материала. Бинты изготавливались из цветного ситца, а вместо ваты употреблялась корпия, нащипанная из корабельных канатов. Не хватало мыла, возникали затруднения со стиркой белья, не было обменного фонда белья, обмундирования и обуви. Одним из существенных недостатков было отсутствие профилированных и специализированных госпиталей. Это сказалось при вспышке кишечной инфекции в крепости. Только личный приказ генерала Стесселя позволил локализовать болезнь. Всех инфекционных больных перевели на запасной госпиталь на Тигровом полуострове. Трудности возникали при перевозке пострадавших, получивших необходимую помощь, с корабля на берег. После боя 27 января 1904 г. на рейде Порт-Артура на переправку раненых с кораблей на берег потребовалось 18 часов. После боя в Желтом море 28 июля 1904 г. на восьми кораблях из 18-ти, вышедших из Порт-Артура, было более 350 раненых²². Высланный навстречу боевым кораблям плавучий санитарный караван под начальством младшего судового врача А.В. Штернберга перевез 44 раненых с броненосца «Полтава» и всех убитых с броненосца «Ретвизан». «Монголия» стала принимать раненых, только встав на якорь на внешнем рейде Порт-Артура. Было принято около 50 пострадавших с броненосца «Севастополь».

Остальные раненые были перевезены на землесосе и в приспособленных для этой цели землечерпалках.

Провал медицинского обеспечения русской армии в русско-японскую войну следует приписать исключительно отсутствию единой военно-медицинской организации. В армии были блестящие госпитали, операционные на судах, солидные аптеки, опытные врачи. Однако многовластие приводило к полному отсутствию медицинского обеспечения в ходе сражений при достаточном количестве медицинских средств и медицинского снабжения. Санитарные потери русской армии составили 557854 человек (151944 раненых, 405910 больных), из них в строй вернулись 330327 человек, или примерно 75%²³. При выполнении своего долга из числа врачей погибли 65 человек (25 врачей, 39 фельдшеров, один студент), попали в плен 77 чел., ранены и контужены 272 медицинских чина²⁴.

Войны второй половины XIX – начала XX века отличаются от войн начала XIX века, теперь армии стали регулярными, комплектующимися на основе всеобщей воинской повинности. Регулярный характер приобрела и военно-медицинская организация этих армий. В армиях создавались штатные медицинские подразделения и учреждения: перевязочные пункты, лазареты, госпитали, военно-санитарные и интендантские службы. Улучшилось правовое положение военных врачей. К вопросам оказания помощи раненым все в большей степени привлекалось внимание общественности, использовалась ее помощь, создавались благотворительные общества. Развивалась военно-медицинская наука. Однако

участие в войнах массовых армий, применение средств массового поражения живой силы и техники приводили к возникновению огромных санитарных потерь. Проблема пополнения действующей армии личным составом приобрела большую остроту. В этих условиях важное значение приобрели возможности военной медицины по возврату в строй раненых и больных. При значительных размерах санитарных потерь число возвращенных в строй существенно влияло на комплектование действующей армии, состояние ее боеготовности. Военная медицина стала одним из основных источников пополнения армии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. – С. 112.
2. Шелепов А.М. Организация и тактика медицинской службы. СПб., 2005. – С. 430.
3. Цит. по: Устав Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшем покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны. Баку, 1915. – С. 7-8.
4. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. – С. 249.
5. Цит. по: Из устава о воинской повинности. // Бескровный, Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. – С. 456.
6. Столетие военного министерства 1802-1902. Т. 9. Часть 2. Императорская военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. СПб., 1910. – С. 170-194.
7. Арсланов Р.Ф. Проведение мобилизации и мобилизационная работа в русской армии. Вторая половина XIX века. // Военно-исторический журнал. 2007. – №1. – С. 4.
8. Кузьмин В.Ю. Медицинское обслужива-

ние раненых в русско-турецкую войну (1877-1878 гг.) // Вестник ОГУ. – № 2. – 2005. – С. 21.

9. Белевитин А.Б. Военная медицина: становление, развитие. СПб., 2007. – С. 158.

10. Значительное пополнение рядов врачей и фельдшеров дали ускоренные выпуски медицинских факультетов Московского, Казанского, Харьковского, Дерптского и Киевского университетов, а также Петербургской медико-хирургической академии. Непременным условием этих ускоренных выпусков являлось правило не сокращать предметов учения. Только одна Медико-хирургическая академия в результате трех ускоренных выпусков студентов в 1876-1878 гг. направила в распоряжение военно-медицинского управления 502 врача. Все они прошли «надлежащее испытание» по всем предметам, требовавшимся согласно уставу академии «для получения звания лекаря». Были мобилизованы также врачи прежних выпусков, оставленные при академии на три года для усовершенствования. В качестве фельдшеров в помощь врачам и под их руководством в 1877-1878 гг. в действующую армию был направлен 391 студент вторых-четвертых курсов академии. См.: Исмаилова А.М. Роль российских медиков в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и освободительное движение в Болгарии. // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2009. – Вып. 4. – С. 73.

11. Белевитин А.Б. Указ. соч. СПб., 2007. – С. 163.

12. Статьи по военно-медицинской части печатались не только в медицинской периодической печати («Санкт-Петербургские врачебные ведомости», «Друг здоровья», «Врачебная газета» и т.д.), но и в общественных и военных газетах и журналах («Новое время», «Русский инвалид», «Военный сборник» и т.д.). Авторы статей поднимали важнейшие вопросы по изменению военной медицины в стране. Они го-

ворили о необходимости передачи всей военно-санитарной части в руки военных врачей. См.: Поддубный, М.В. Попытки реформ российской военной медицины в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – № 9. – 2004. – С. 143.

13. В ее состав вошли как офицеры, так и гражданские чины ряда ведомств: по одному представителю от канцелярии Военного министерства и Главного штаба, по двое – от Главного интендантского управления, Главного военно-медицинского управления, Главного военно-санитарного комитета, штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, а также военно-медицинский инспектор Петербургского военного округа, начальники Московского, Варшавского и Уздовского военных госпиталей, главные врачи Московского и Киевского военных госпиталей, дивизионный врач, 2 старших врача полка, 2 командира пехотных полков от Виленского и Киевского военных округов. Всего Комиссия состояла из 22 членов, из них офицеров в чине генерал-майора и выше – 7. См.: Поддубный М.В. Попытки реформ российской военной медицины в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – №9. – 2004. – С. 144-145.

14. Поддубный М.В. Попытки реформ российской военной медицины в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – №9. – 2004. – С. 145.

15. Белевитин А.Б. Указ. соч. – С. 171

16. Еще в 1902 году в Хабаровске была учреждена комиссия для разработки вопроса о распределении военно-врачебных заведений в округе в случае возникновения военных действий. См.: Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 8. Часть 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910. – С. 240.

17. Цит. по: Приложение №23. Арх. прав. общ. Красного Креста. Доклад исполнитель-

ной комиссии общему собранию общества 22 февраля 1904 года. // Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 8. Часть 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910. – С. 82.

18. Цит. по: Приложение №24. Арх. прав. общ. Красного Креста. Список лечебных заведений Красного Креста. // Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 8. Часть 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910. – С. 105.

19. Нахапетов Б.Л. Организация медицинской помощи в осажденном Порт-Артуре. //

Вопросы истории. – № 11. – 2005. – С. 149.

20. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. М., 1992. – С. 83-84.

21. Нахапетов Б.Л. Указ. соч. – С. 145-146.

22. Грибовский В.Ю. Российский флот Тихого океана, 1898-1905. История создания и гибели. М., 2004. – С. 105.

23. Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 8. Часть 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб., 1910. – С. 292-296.

24. Белевитин А.. Указ. соч. СПб., 2007. – С. 178.

АМАНЖОЛОВА Д.А.

(г. Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ТЫЛОВЫХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом Первой мировой войны положение разных этнических общностей в составе Российской империи серьезно изменилось. Это касалось как общего ухудшения социально-экономического положения в стране, так и специфики участия тех или иных этносциальных групп в разрешении кризисных ситуаций, сопровождавших общественную жизнь и усугублявших общее состояние дел в

воюющем государстве. Как известно, война сыграла решающую роль в приближении революции, подстегнула политическую активность в национальных регионах, прежде всего среди интеллигенции. Ее представители не только участвовали в партийно-политической борьбе, но и активно содействовали решению конкретных социальных проблем, затрагивавших жизненно важные интересы народов им-

перии. Гражданские инициативы в защиту Отечества проявляли разные группы мусульманской общественности, в т.ч. казахская интеллигенция. В воззвании «К гражданам Алаша» Букейханов, Байтурсынов и Дулатов писали: «Соотечественники – русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»¹.

В конце 1914 г. в Петрограде был создан Временный мусульманский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям, который организовал общественные акции по мобилизации всевозможных средств и усилий мусульман страны в интересах фронта. Повсеместно собирались пожертвования, проводились благотворительные мероприятия, правительственные и общественные структуры широко привлекали материальные и продовольственные ресурсы инородческого населения на нужды войны, в т.ч. для работы в хозяйствах т.н. солдатских семей, оставшихся без мужской рабочей силы. Так, жители Тургайской области только в 1915 г. отправили на фронт 500 лошадей, на их средства был открыт лазарет на 55 чел. в Оренбурге и походный лазарет во Львове, население Туркестана с начала войны до 1 февраля 1917 г. пожертвовало 2400 тыс. руб., отправило на нужды фронта 70 тыс. лошадей, 40899244 пуда хлопка, 229 тыс. пудов мыла и т.д.²

В декабре 1915 г. интеллигенция начала обсуждение вопросов о воинской службе казахов (газета «Казах», №№ 166, 168, 177, 178, 179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из мужчин призывного возраста. Одной из причин активной

поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнивать права казахов и казачества, в т.ч. в отношении земли. Представители национальной интеллигенции предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, – отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения. Интеллигенция стала инициатором и организатором многочисленных прошений с мест по поводу социальной поддержки и оптимизации набора тыловиков. Это должно было заставить центральную и местную власти в той или иной форме пойти на диалог с общественностью.

В начале апреля 1916 г. общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18-20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». Газета «Казах» еще 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве инородцев провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнивать казахов и казаков в

вопросах воинской службы и землепользования. В итоге в Петроград направилась инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсынов и Н. Бегимбетов, которые при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добились обсуждения вопроса на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции. Казахские деятели, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов может быть положительно решен в ближайшее время³.

Проблемы призыва и организации работы т.н. инородцев в тылу действующей армии и прилегающих районах встали в повестку дня министерств военного и внутренних дел после царского указа от 25 июня 1916 г. о наборе на тыловые работы 400 тысяч представителей коренного населения Туркестанского и Степного краев (ныне территория Казахстана, Узбекистана и Киргизии), Сибири и Кавказа в возрасте от 19 до 43 лет. В то же время в тяжелых условиях военного времени более целенаправленная мобилизация крупных трудовых ресурсов представляла объективную необходимость и могла облегчить решение многочисленных задач оборонительного, хозяйственного и иного характера. Однако указ от 25 июня 1916 г., изданный без должной экспертизы его социально-политических последствий, учета времени публикации и адекватных форм реализации⁴, послужил поводом к мощному восстанию в центральноазиатском регионе, откуда призывалось не менее 200 тысяч человек. Решения об

освобождении или отсрочке от призыва практически не учитывали хозяйственную и этнокультурную специфику региона, в то же время имея социально направленный характер.

Уже после указа представители 7 волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля приняли обращение к губернатору Семипалатинской области передать императору «верноподданнические чувства киргизского⁵ народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» указу, и просить о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву».

Демократическая казахская интеллигенция во главе с А.Н. Букейхановым считала необходимым минимизировать социально-политические конфликты между властью и населением. Легитимными способами она стремилась добиться принятия комплекса мер, обеспечивающих умиротворение в регионе и социальную защиту и поддержку призываемых на тыловые работы. 7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они заняли в целом проправительственные позиции и констатировали, что «корень всех... недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы – «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Волостные управители, указывалось на совещании, использовали мобилизацию для сведения счетов с конкурентами на

выборах, за взятки освобождали богатых от призыва. При условии подготовки населения, постепенной частичной мобилизации и применении определенных льгот для сохранения жизнеспособных хозяйств, а также участия национальной общественности в проведении призыва реализация указа могла пройти «гладко и мирно».

Было решено ходатайствовать перед правительством, в частности, об отсрочке призыва на севере Степного края до 1 января 1917 г., на юге – до 15 марта 1917 г., призывая вначале молодежь в возрасте от 19 до 31 года, среди которой больше не имеющих семьи, и оставляя в каждой семье по одному работнику призывного возраста (если есть мужчины до 17 и старше 50 лет); разрешить проходить службу на оборонных предприятиях на местах и замену призываемых другими лицами. Кроме того, предлагалось оставлять в каждом аульном обществе 1 муллу и 1 учителя на 50 кибиток; освободить от призыва учащихся мусульманских городских медресе; избрать специальные комитеты из представителей хозяйств для составления новых списков жителей в присутствии аульных сходов, приостановить на время мобилизации выборы должностных лиц⁶.

19 августа 1916 г. в Думу поступила докладная записка представителей казахов Тургайского уезда той же области, участвовавших в данном совещании. Выражая готовность продолжать поставки скота на нужды фронта, они указывали, что отсрочка призыва лишь до 15 сентября 1916 г. «совершенно разорит киргиз, т.к. он отнимет от скотоводов и кочевого хозяйства не только отдельных глав киргизских семей, но и рабочих скотоводов, которых необходимо по 4-5 человек для каждого

отдельного хозяйства». Они ратовали за самое внимательное отношение местной и центральной власти к решению о призыве, дабы не подорвать основы скотоводства, и за освобождение от призыва глав семей и по 4 работника на каждое хозяйство. 27 августа Степному генерал-губернатору было передано ходатайство собрания 638 жителей Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Они просили оставить по одному работнику 19-45 лет на кибитку и при семьях, не имеющих кибитки; разделить призыв на три последовательные группы (19-23, 24-27 и 28-32 года), а при невозможности такого постепенного призыва оставлять по решению аульных обществ по одному табунщику на 10 кибиток и др. В обстоятельном прошении подчеркивалась необходимость и важность заботы о поголовье скота для нужд армии и указывалось, что зимой не призванные на работы казахи, занятые в хозяйствах крестьян, казаков и частных владельцев в обычном количестве, а также по 1 рабочему на солдатскую семью, не нужны, тогда как именно зимой коренное население уезда отправляется за продовольствием в Семиречье и другие уезды области. «Раз солдатская семья может иметь круглый год рабочие силы из киргизов, то тем более является желательным применение этой нормы в отношении самих киргизов, иначе говоря, на каждую киргизскую семью надо оставить по одному рабочему». К тому же особенности труда табунщиков требовали, чтобы это были опытные, здоровые молодые люди⁷.

Протокол межобластного совещания А. Букейханов направил главе Земско-Городского Союза (Земгор) Г.Е. Львову, а также министрам внутренних дел и воен-

ному. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тысяч призванных на тыловые работы инородцев. В марте 1917 г. при комитете Союза на Западном фронте в Минске был создан инородческий отдел (им заведовал А.Н. Букейханов, затем до августа 1917 г. А. Кенжин), наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г.⁸

Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть при организации призыва инородцев все наиболее важные и сложные вопросы. К ним относились масштабы и сроки призыва, организация транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы непосредственно в армии, возможности привлечения общественности, в т.ч. национальной, для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты дела и др. В частности, 20 августа под давлением всех вышеупомянутых инициатив казахской интеллигенции и общественности междуведомственное совещание рассмотрело вопросы о согласовании перевозки инородцев по железной дороге со сроками их призыва и с санитарными мероприятиями, проведение которых осложнялось в том числе из-за психологических и культурных барьеров и стереотипов призывников⁹. Важно подчеркнуть,

что инициатива казахской интеллигенции распространялась на представителей всех народов, подлежавших призыву на тыловые работы.

22 августа 1916 г. при Главном штабе состоялось новое междуведомственное совещание под председательством генерал-лейтенанта Баранова, на котором присутствовали 11 человек. Они обсудили 23 вопроса о привлечении инородцев на тыловые работы и государственную оборону в районах армии и внутри страны, причем их существо было прямо связано с содержащимися в ходатайствах казахского населения и интеллигенции предложениями (потребность, количество и возраст призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др.). В то же время совершенно очевидна социальная направленность решений совещания, особенно проявившаяся в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. При этом в поле зрения участников заседания, созванного для разрешения возникавших проблем, оказалась и их этнонациональная специфика. В частности, по настоянию казахской интеллигенции было решено «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата устанавливалась в 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались рабочие дружины по 2250 чел. «с необ-

ходимым кадром офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». В каждой дружине был 1 мулла, старшие и переводчики набирались из числа реквизированных¹⁰.

По существу, совещание по ряду предложений было вынуждено уступить национальной общественности, стремившейся своим участием смягчить тяжелые последствия призыва, однако касались они не охваченных восстанием территорий, где порядок наводился силой оружия, а положения инородцев, уже оказавшихся в тылу действующей армии, на строительстве оборонительных сооружений, на различных предприятиях и т.п. Можно констатировать как стремление правительства учесть многие возможные и уже возникшие трудности организации призыва, так и архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть, а также низкую продуктивность аппаратных мероприятий, когда они плохо совмещают общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой.

11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казаки части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы по указу от 25 июня 1916 г., что можно также считать успехом диалога власти с национальной общественностью. К середине октября 1916 г. Букейханову удалось добиться и существенных подвижек в решении вопроса о передаче казахских тыловики в ведение Земгора. 13 октября в газете «Казах» он писал, что их число в составе организа-

ций Земгорсоюза составит 90-100 тыс. чел., другие же будут находиться в распоряжении военных властей и различных ведомств – путей сообщения, внутренних дел и т.д. При Главном комитете Земсоюза предполагалось открыть инородческий отдел. Букейханов подчеркивал, что в связи с этим «среди народа должны работать аксакалы и другие почетные люди. Интеллигенция и общественные деятели должны работать в Земгорсоюзе в качестве помощников и служащих. Для наших казахских врачей найдутся места для работы в Союзе. Очень ценна на чужбине помощь врача или фельдшера, знающих их родной язык... Они будут работать в качестве тысяцких, сотских, переводчиков...». Приводя список казахских студентов, добровольно пожелавших работать в учреждениях Земгора, он писал: «Глубоко верю, что этот высокий почин будет поддержан всей национальной молодежью и что таких молодцов найдется немало. Для пользы народа объединяйтесь, родные!»¹¹.

В начале 1917 г. Букейханову удалось добиться создания специального инородческого отдела при комитете Земсоюза Западного фронта, находящегося в Минске. 3 февраля на заседании управы комитет заслушал доклад члена управы В.С. Елпатьевского, «внесенный в порядке срочности, об организации инородческого отдела Комитета и штаты названного отдела». Штаты нового отдела были утверждены. «Кроме того, было предложено утвердить в должности заведующего отделом А.Н. Букейханова и просить члена управы Елпатьевского принять данный отдел в свое ведение». Эти предложения также были утверждены. В инородческий отдел должны были войти представители

Всероссийского союза городов и Земгора. Он представлялся как «центральный орган по осуществлению забот об инородцах на Западном фронте». Таким образом, крупнейшая и авторитетная общественная организация России стала важным посредником во взаимодействии националов и власти, фронта и тыла по поводу сложных этносоциальных проблем.

Центральным распорядительным органом отдела становилось Бюро из представителей национальных групп инородцев, имеющих на данный момент на фронте. В Бюро также входили вне штата представители ВЗС и Земгора. Председателем Бюро состоял заведующий отделом, избираемый Комитетом Западного фронта. Осведомительный материал о нуждах и положении инородцев на местах работ доставляли в Бюро его представители при рабочих партиях, дружинах и пр., которые должны были жить на местах работы тыловиков и периодически (1-2 раза в месяц) съезжаться в Бюро для осведомления. Текущие вопросы отдела решал секретариат, при котором учреждался почтовый стол, велся прием инородцев, готовилась отчетность и т.д. Закупочные операции осуществлялись через материально-заготовительный отдел Комитета фронта. В.С. Елпатьевскому поручалось ведение отдела от управы Комитета. Задачей отдела была «забота об охране физического и морального здоровья рабочих-инородцев в рабочих дружинах на фронте, а именно: наблюдение за условиями их жизни и работы, питанием и лечением их, помощь им в сношениях с родиной, в удовлетворении их религиозных потребностей и т.д.» Предста-

вителями отдела при партиях были, как правило, учащиеся и студенты¹².

Пришедшее к власти в результате Февральской революции 1917 г. Временное правительство 14 марта постановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. Инородческому отделу было разрешено пригласить временно на службу 10 переводчиков-казахов для сопровождения рабочих по железной дороге на следующих условиях: оклад жалованья 150 руб. в месяц, 30 руб. квартирные и 90 руб. суточные, остальное по штатам. 5 мая состоялось решение правительства о возвращении тыловиков на родину. Руководивший последнее время инородческим отделом А. Кенжин, завершив работу, в августе 1917 г. вернулся в Уральскую область¹³.

Итак, малочисленная казахская интеллигенция в условиях войны и вспыхнувшего на территории региона восстания сосредоточила усилия на защите интересов социально незащищенных слоев казахского населения и попавших в аналогичную ситуацию других инородцев, в т.ч. через представительство в государственных и общественных органах. Несмотря на значительные трудности объективного и субъективного порядка, она сумела добиться в этом направлении определенных результатов, приобрела новый политический опыт, навыки организационной деятельности и таким образом подготовила почву для дальнейшей консолидации национального движения. Правительство не могло не реагировать на активные действия национальной общественности и поддержавших ее все-российских добровольных организаций, а принятые им меры свидетельствуют о

наличии существенного потенциала для конструктивного взаимодействия между властью и этнополитической элитой.

Однако общая направленность социально-политических процессов, разрастающийся во всех сферах жизни общества и государства кризис, драматическая ситуация на фронте и глубокий раскол между основными классами и стратами при серьезных ошибках власти в управлении сложносоставным поликультурным российским обществом, остро нуждавшимся в комплексной модернизации и демократизации, сделали невозможной реализацию многих возможностей для укрепления гражданского согласия и преодоления кризиса. Низкий уровень общей и политико-правовой культуры населения, традиция взаимного недоверия власти и общества друг к другу, низкая цена компромиссных решений и сбалансированных действий в общественном мнении, приверженность административно-командным методам управления и нежелание власти укреплять парламентскую демократию и социальную активность граждан – эти и другие факторы подтверждают взаимную ответственность власть предержащих и общественности, в т.ч. интеллигенции, за долговременные тяжелые последствия революционных катаклизмов начала XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Казах. 1916. 11 августа.
2. См.: Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 63.
3. Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля; Юлдуз (Звезда) (Казань). 1916. 15 февраля.
4. Подробнее см.: «... такое управление государством – недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2.
5. До 1925 г. казахов называли киргизами.
6. К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.-Л., 1926. С. 57-61.
7. См.: К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.-Л., 1926. С. 57-61; Аманжолова Д.А. Указ. соч. С. 84-85.
8. См.: Аманжолова Д.А. Указ. соч. С. 83-85.
9. Там же. С. 89-90.
10. «...совещание признало полезным...». Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. Август 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189-206.
11. Аманжолова Д.А. Указ. соч. С. 98-99.
12. Там же. С. 100-101.
13. Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 114-115; Аманжолова Д.А. Указ. соч. С. 101-102.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ К РАБОТАМ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

19 июля (1 августа) 1914 г. началась I мировая война. Колесо войны выкатилось из рук политиков и дипломатов и вторглось в жизнь миллионов людей в десятках стран Европы и мира. Война стала следствием глубокого кризиса европейской цивилизации. В нее было вовлечено 38 государств с населением 1,5 млрд. чел., в том числе и Россия. Она, как и другие ведущие европейские государства, преследовала далеко идущие геополитические цели: стремилась стать хозяйкой проливов Босфор и Дарданеллы и единственной покровительницей Балкан.

Если к началу войны в России наблюдался заметный рост во всех отраслях ее экономики, то к концу 1914 г. уже наметились явные признаки спада в промышленном производстве. Война поставила экономику страны в очень трудное положение, обнажив, с одной стороны, все слабости капиталистического хозяйства, а с другой – отразила всю ее неподготовленность к выполнению задачи, поставленной новыми условиями, – массовому производству военной продукции. Первая

мировая война явилась тяжелым испытанием и для сельского хозяйства, которое медленно, но неуклонно поддавалось влиянию войны.

Первым по времени и наибольшим по силе ударом, нанесенным войной сельскому хозяйству, стала мобилизация мужчин репродуктивного возраста из числа крестьян, так как по своему составу русская армия была в основном крестьянской. В армию ушла половина трудоспособных мужчин (из 1000 чел. – 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин репродуктивного возраста. Более половины хозяйств остались без кормильцев¹. Все тяготы по ведению хозяйства в бедных крестьянских семьях легли на плечи женщин, подростков и стариков.

В силу преобладания сельского населения только за один год, с начала войны до июля 1915 г., в Уфимской губернии было мобилизовано 160 тыс. крестьян². К ноябрю 1916 г. было призвано 295 тыс. 705 человек³. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной

переписи 1917 г. из Уфимской губернии в армию было мобилизовано 322 тыс. 774 человека⁴, из Оренбургской – 162 тыс. 661 человек⁵. Это составило соответственно 49,6% и 44,6% трудоспособных мужчин.

В годы войны на Южном Урале в ряды вооруженных сил призывались и рабочие. Только по Белорецким заводам в 1914-1915 гг. было призвано в армию 1376 рабочих⁶. Так обстояло дело и на других промышленных предприятиях региона. К концу 1915 г. металлургические заводы края лишились четверти постоянных и 40% вспомогательных рабочих⁷.

Всего Оренбургская губерния в ходе мобилизаций 1914-1917 гг. направила в действующую армию 11,7% населения, Уфимская соответственно – 10,6% (в среднем по России 11,2%). Ушедшие на фронт мужчины составляли 23,1% в Оренбургской губернии, 20,9% в Уфимской губернии (22,6% по России)⁸.

Недостаток рабочих рук мог быть компенсирован использованием сельскохозяйственных машин. Как известно, степень механизации сельского хозяйства в России была очень низкой. В 1914-1916 гг. в России было произведено машин меньше по сравнению с 1913 г.⁹ Сельскохозяйственные машины находили применение только в помещичьих владениях, подавляющее большинство крестьянских хозяйств было лишено возможности использовать достижения научно-технического прогресса. Лишь металлические плуги и бороны получили известное распространение, а в ряде районов соха и деревянная борона преобладали как основной сельскохозяйственный инвентарь. Значительное снижение действующего парка машин произошло в 1916 г. Он составил 22,4% к

довоенному уровню¹⁰. Часть машин простаивала из-за отсутствия машинистов и механиков, которые были мобилизованы на войну.

Война негативно повлияла на численность тягловой силы (лошадей и волов). Реквизиция скота для нужд армии привела к тому, что тысячам крестьянских хозяйств был нанесен чувствительный урон. Кроме того, по решению царского правительства сельское население Урала было мобилизовано на вывоз дров и сырья для военных заводов. Гужевая повинность отнимала значительное время у крестьян-производителей. Те помещичьи хозяйства, которые все же сумели сохранить рабочий скот, не могли его использовать опять-таки из-за нехватки рабочих рук.

Огромная убыль людских ресурсов, сокращение поголовья рабочего скота и подрыв технической базы сельского хозяйства неминуемо приводили к сокращению посевных площадей и снижению урожайности, а в условиях военного времени необходимо было обеспечивать армию продовольствием и фуражом. Решить данную проблему помогло использование труда военнопленных в сельском хозяйстве, а затем и промышленности.

К 1 сентября 1915 г. в России в плену находились 553,2 тыс. подданных государств, с которыми она воевала. Из этого количества в распоряжение Министерства земледелия было передано 326,5 тыс. чел. Осенью 1916 г. число военнопленных составило уже 1114,4 тыс. чел. В ведении Министерства земледелия находилось до 646 тыс. чел. Это дало возможность широко использовать труд военнопленных не только в аграрном секторе страны. Использование труда военнопленных носило

массовый характер (до 1 млн. по России, из них 60 тыс. на Урале, в том числе около 22 тыс. на Южном Урале)¹¹ и продолжалось два-три года.

Значительные группы военнопленных – от 1000 до 10000 чел. находились в распоряжении губернских и уездных земств Южного Урала для их последующего распределения по помещичьим и крестьянским хозяйствам. Труд большого количества военнопленных широко использовался в помещичьих хозяйствах. Помещики края выписывали иностранных подданных из военных лагерей, расположенных вблизи от места их имений.

В годы войны в Оренбургскую губернию были высланы немецкие и австро-венгерские подданные. В 1915 г. число военнопленных в Оренбуржье достигло 13725 человек, а к весне 1916 г. их количество значительно увеличилось. В отчете за 1916 г. Оренбургский губернатор констатировал, что труд военнопленных есть «хорошее подспорье при недостатке рабочих рук в деревне»¹². Аналогичное мнение на этот счет высказывал и начальник Уфимского жандармского управления генерал-майор Устинов. В своем докладе «О настроениях населения Уфимской губернии в связи с войной» он свидетельствовал о том, что с помощью военнопленных «удалось благополучно закончить все сельскохозяйственные работы», местное население осознавало необходимость их труда и не проявляло по отношению к ним агрессии. В докладе также указывалось, что к военнопленным крестьяне и рабочие «относились с жалостью, причем крестьяне вполне довольны принудительными работами военнопленных»¹³.

Прибытие военнопленных в Оренбургскую губернию потребовало со стороны администрации и полиции крайне напряженной деятельности по их размещению, надзору, рассмотрению множества ходатайств о выезде на жительство в другие места и за границу. Вся эта работа осложнялась еще тем, что многие вели себя некорректно по отношению к местным жителям. Опасаясь недовольства со стороны местного населения, губернские власти вынуждены были применить меры административного воздействия, разработанные на основе Особого положения о чрезвычайной охране военнопленных. Они заключались в следующем. Военнопленным строго воспрещалось:

- а) собираться на улицах и площадях группами более трех человек;
- б) разговаривать в публичных местах на немецком языке;
- в) посещать рестораны, театры и другие увеселительные места;
- г) выходить из квартир после 6 часов вечера¹⁴.

Применение таких мер имело желаемые результаты. Со стороны местных жителей стало поступать меньше жалоб на поведение военнопленных.

Однако не обошлось и без эксцессов. Так, крестьяне с. Марьевки Имангуловской волости Оренбургского уезда ходатайствовали о выселении немцев из своего села. Причины были изложены в письменном обращении к властям. В частности, в нем говорилось, что «...военнопленные немцы устраивают вечеринки, на которые приглашают женщин-солдаток, и вообще, ведут веселую жизнь, что, несомненно, портит общественные нравы»¹⁵. Кроме того, в обращении было указано на случаи

пропажи домашней птицы и других продовольственных припасов. Виновниками своих бед они считали военнопленных.

Такие инциденты были не единичны. Об этом свидетельствует множество обращений местного населения к властным органам. Как правило, последние старались выносить решения, которые должны были способствовать снятию напряженности в отношениях местного населения и военнопленных. Так, в отношении иностранных поданных, размещенных в селе Марьевка, было предписано «выселить (их) в башкирскую деревню Бикуловку»¹⁶.

Впрочем, несмотря на такие конфликты, нехватка рабочих рук в деревне вынуждала товаропроизводителей прибегать к широкому использованию труда военнопленных.

Все чаще уездные земские управы направляли просьбы местному губернатору выделить им новые партии военнопленных для их последующего использования на сельскохозяйственных работах. Так обстояло дело в 1916 г. в Челябинском уезде Оренбургской губернии.

В ноябре 1916 г. состоялось уездное земское собрание, которое поручило управе ходатайствовать о выделении в распоряжение земства 10 тыс. военнопленных¹⁷. Волостные правления из-за своего недоброжелательного отношения к немцам и австрийцам первоначально довольствовались лишь использованием труда военнопленных преимущественно славянского происхождения (хорватов, сербов, словаков, словенцев). Однако это не снимало проблемы нехватки рабочих рук в деревне.

Правда, из переписки со штабом Казанского военного округа и губернатором

управа установила, что Оренбургская губерния может получить 3 тыс. военнопленных, а Челябинский уезд – не более 2480 чел.¹⁸. С первых чисел апреля 1916 г. в данный уезд начали прибывать новые партии военнопленных. Преимущественно это были австрийцы, немцы, мадьяры, сербы, итальянцы, хорваты, словенцы, словаки и турки¹⁹.

Уезды Уфимской губернии весной 1916 г. потребовали для использования на сельскохозяйственных работах 20 тыс. военнопленных, в то время как по разнарядке Уфимской губернии полагалось лишь 2 тыс. человек²⁰.

Активно использовали дополнительные рабочие руки Белебеевское, Мензелинское, Стерлитамакское, Челябинское земства. В Челябинском уезде на дорожных и мелиоративных работах было занято до 5 тыс. пленных²¹.

Военнопленных размещали в специально приспособленных для этого помещениях, а затем, по мере необходимости, их направляли к местам работ. Хотя сельские общества и отдельные хозяйства заранее извещались о прибытии рабочей силы, тем не менее многие из числа военнопленных оставались невостребованными. Они в течение неопределенного времени вынуждены были находиться на распределительных пунктах. Причины были самые разные. Чаще всего это случалось из-за сбоев в работе почты, погодных условий и недоверчивого отношения местного населения к военнопленным неславянского происхождения. Так, в период весенне-летних полевых работ труд военнопленных был востребован в 42-х волостях уезда, за исключением Карасинской, Мавлютинской, Рижской

и Черлинской, из-за отрицательного отношения местных жителей к пленным вообще²².

Впоследствии в целях оперативного распределения рабочей силы военнопленные были переданы в распоряжение волостных правлений.

Труд военнопленных оплачивался согласно инструкции. Месячное вознаграждение каждого из них, участвовавшего в работах, составляло 8 руб. Этот размер был установлен по решению уездного земского собрания²³. Причем половина денежного вознаграждения выдавалась на руки, а вторая половина поступала в пользу управы на возмещение расходов по доставке военнопленных в уезд и на их лечение. Что же касается сроков использования иностранных подданных на сельскохозяйственных работах, то они были самые разные (от одного до шести месяцев и более).

В первое время наблюдались случаи побега военнопленных. Нередко сами владельцы хозяйств еще до окончания сельскохозяйственных работ возвращали пленных Военному ведомству.

Жизнь военнопленных была нелегкой. Очень часто они жаловались на жестокое обращение со стороны представителей власти и местных жителей. Плохое питание, особенно в период религиозных постов, являлось сложным вопросом во взаимоотношениях иностранных подданных и местной власти. Весной 1916 г. среди пленных были зарегистрированы случаи эпидемии тифа, дифтерии, оспы.

В связи с этим небезынтересно сравнить условия пребывания российских солдат и офицеров во вражеском плену

с положением бывших военнослужащих неприятельских армий в России. Любопытные на этот счет факты приводит С.А. Солнцева в своей статье «Военный плен в годы Первой мировой войны». Так, в 1917 г. в Австро-Венгрии военнопленным в день выдавали 1 кг хлеба на четверых, в связи с чем многие гибли от истощения. Не лучше было положение русских пленных в Германии. Они терпели сильный голод. В 1917 г. бывшие военнослужащие российской армии получали 200 г хлеба на человека в сутки. Да и его трудно было назвать хлебом: на 85% он состоял из сосновых опилок, лишь 15% – из муки. Труд наших соотечественников широко использовался на тяжелых физических работах. Немцы разработали и широко применяли систему издевательств и наказаний, пленных часто подвергали пыткам и истязаниям. В стране широко поощрялось формирование общественного мнения в духе презрения к военнопленным²⁴.

Землевладельцы Южного Урала также выражали недовольство непригодностью некоторых военнопленных к сельскохозяйственному труду, отказом их от работы, отсутствием элементарных навыков крестьянского труда. В этих случаях уездная управа проводила разъяснительную работу, которая давала определенные положительные результаты. Нередки были случаи, когда военнопленные возвращались к прежним владельцам.

Однако очень часто уездная управа на основании Правил содержания пленных передавала беглых и недисциплинированных военнопленных в распоряжение местной полиции для применения к ним мер воздействия. Так, в п. 4 Правил говорилось

о том, что «в случае непослушания или грубости пленные подвергаются аресту на хлебе и воде до 7 суток, который может быть заменен принудительной сверхурочной работой в праздничные дни, из расчета 2-х часов за каждые сутки ареста»²⁵. После освобождения из-под ареста их вновь привлекали к сельскохозяйственным работам. В случае категоричного отказа от выполнения трудовой повинности уездные власти иностранных подданных возвращали в распоряжение Военного ведомства. Таких только в Челябинском уезде было 37 человек²⁶.

В целом труд военнопленных в аграрном секторе Оренбургской и Уфимской губерний оказался достаточно эффективным.

В годы Первой мировой войны широкое применение труда военнопленных нашло и в промышленном секторе Южного Урала. Военные мобилизации привели к вынужденной замене квалифицированных рабочих неквалифицированными кадрами, а именно: военнопленными, китайскими рабочими, женщинами и детьми.

19 декабря 1915 г. в г. Перми состоялось совещание под председательством министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского, на котором достаточно серьезно был поставлен вопрос о применении труда военнопленных не только на куренных, рудничных и других подсобных работах, но и конкретно в производстве военной продукции. Согласно распоряжению министра юстиции от 29 мая 1915 г., военнопленные могли быть задействованы во всех видах военного производства на казенных и частных предприятиях Южного Урала²⁷. В целом удельный вес военнопленных по всем

уральским заводам составил 25-30%, по южно-уральским соответственно – 13-17%²⁸.

Использование труда военнопленных носило массовый характер (до 1 млн. по России, 60 тыс. на Урале, около 22 тыс. на Южном Урале)²⁹. Если в первые месяцы войны ряд казенных горнозаводских округов отказывался от дешевого труда пленных, то начиная с 1915 г. ситуация стала меняться. Руководители частновладельческих и казенных заводов включались в централизованную систему сбора заявок на военнопленных и последующей доставки рабочей силы. Аппетит горнозаводских округов рос из месяца в месяц; составители заявок оперировали тысячами пленных.

Доставка, содержание и охрана военнопленных производились за счет владельца предприятия, потом эти расходы вычитались из заработанной платы пленных. 1/3 зарплаты отчислялась в особый фонд, а остатки могли выдать военнопленным на руки, но не более 20-30 копеек в день. Так, в 1916 г. на заводах Симского горного округа работало 330 военнопленных, их заработная плата составляла в среднем 34 копейки в день³⁰. Владелец предприятий было выгодно использовать труд военнопленных. Это привело к увеличению количества предприятий, использовавших труд этой категории населения: 4% всех занятых на Симском заводе, 19,2% – на Аша-Балашовском заводе, 5% – на Миньярском заводе³¹.

Так, в годы I мировой войны значительным по своей весомости в наращивании военно-экономического потенциала страны явилось использование военнопленных. Это была попытка хоть частично

ликвидировать дефицит рабочих рук, который возник в связи с усилением военных мобилизаций мужского трудоспособного населения. На территории Южного Урала, который являлся одним из ведущих производящих регионов страны, использование труда военнопленных нашло широкое применение (около 22 тыс.)³². Так край во многом продолжал вносить заметный вклад в обеспечение фронта людскими и материальными ресурсами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). – М.: Отдел военной статистики, 1925. – С. 18.

2. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.). – Уфа, 1916. – С. 26.

3. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. – Уфа: Башкиргоиздат, 1959. – С. 415.

4. ГАРФ. Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

5. ГАРФ. Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.

6. ЦГИАРБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 361. Л. 35.

7. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции. – Свердловск: Кн. изд-во, 1961. – С. 60; Очерки истории Челябинской области. Ч. 1. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. – С. 170; Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка. Вып. 2. – Пг., 1917. – С. 25.

8. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). – М.: Отдел военной статистики, 1925. – С. 21.

9. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 454.

10. Там же. С. 458.

11. Рабочий класс в России в 1907–1917 гг. – М.: Наука, – С. 254.

12. Сафонов Д.А. Немцы военнопленные

в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 26.

13. ЦГИАРБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 76-77.

14. Сафонов Д.А. Немцы военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край. – Оренбург, 1994. – С. 26.

15. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 5.

16. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 243.

17. Там же. Л. 243.

18. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 243.

19. Там же. Л. 243.

20. Журналы Уфимского ГЗС 51-й чрезвычайной сессии 10 марта 1916 г. – Уфа, 1916. – С. 43.

21. Журналы 4-й очередной сессии Челябинского УЗС. – Челябинск, 1916. – С. 104.

22. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 244.

23. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 244.

24. Солнцева С.А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. – 2000. – № 4-5. – С. 100-101.

25. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 86.

26. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 289. Л. 244.

27. Собрание узаконений и распоряжений правительства. – Пг., 1915. – Собр. № 150. Отд. I. – С. 1162; С. 1571-1575.

28. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. – Свердловск: Обл. изд-во, 1936. – С. 270.

29. Рабочий класс в России в 1907-1917 гг. – М.: Наука, – С. 254

30. ЦГИАРБ. Ф. И-162. Оп. 1. Д. 362. Л. 375.

31. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 248.

32. Рабочий класс в России в 1907-1917 гг. – М.: Наука. – С. 254.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Обращение к обозначенной теме в рамках Уральского региона страны несомненно заслуживает высокой оценки. Дело в том, что появляется возможность для всестороннего анализа формировавшейся в этот сложный период этнополитической ситуации на обширных пространствах. Они отличались своей спецификой, обусловленной не только необходимостью решения задач по развитию промышленного комплекса страны в экстремальных условиях военного времени, но и строгим регулированием национальных процессов, обусловленных также обстановкой военного времени, требующей оперативных решений и действий.

Изучение событий в регионе в этот период позволяет проследить эволюцию человеческого фактора в условиях войны. Решение этой задачи в значительной мере содействует анализу тех мер, которые предпринимались партией и правительством в плане стабилизации обстановки в сфере межэтнических отношений. Не-

сомненно, военная атмосфера в государстве оказывала заметное воздействие на самую тонкую сферу человеческих отношений – межэтнические отношения.

Надо признать, что в годы войны заметно изменялся этнический состав населения, в том числе и в Уральском регионе, что объяснялось обстановкой на военном театре действий, формированием массового потока беженцев. В дополнение к этому сказывалось и влияние проводимой государственной национальной политики, связанной с принудительными переселениями по разным причинам этнических общностей в годы войны. Только в ходе войны были переселены около двух млн. граждан, принадлежавших к разным национальностям.

Фактически получалось так, что в этот водоворот были вовлечены не только периферийные районы страны, но и прибрежные к центру республики, области и края, к которым в полной мере относятся и регионы Южного Урала. Конечно, пере-

* Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – член.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

броской населения предусматривались разные цели – обеспечение регионов производственными ресурсами, трудовой занятости, «наказание» народов и др.

Поэтому не случайно Южный Урал становится регионом Советского Союза на территории Российской Федерации, в первую очередь принимающим беженцев и представителей принудительно переселявшихся граждан разных национальностей. Эта мера требовала от партийных организаций и органов государственной власти огромных усилий. Они-то как раз и проводили эти меры на разных уровнях, зачастую без какого бы то ни было учета интересов самих граждан.

Рассматриваемая проблема объемна по своему содержанию. Период Великой Отечественной войны тесно увязан с послевоенным временем, так как последствия проводимой национальной политики имели свое продолжение.

Для конца 1930-х гг. и первой половины 1940-х гг. для сферы межнациональных отношений в регионе были характерными прием новых контингентов беженцев и спецпереселенцев, их обустройство, организация трудовой деятельности, быта.

Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов осенью 1937 г. направляет И. Сталину спецсообщение «О ходе польской операции («национальной». – Н.Б.)», хотя еще и не было принято специального постановления по «польским шпионам». И тут же Н.И. Ежов доносил секретарю ЦК ВКП(б), что в результате дальнейшего хода операции по ликвидации кадров польской разведки на 10 сентября 1937 г. из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных, консульских связей и других контингентов, подозрительных по

польскому шпионажу арестовано по СССР 23 216 человек. В это количество входили по УССР – 7651 человек (из них сознались 1 138 человек), Ленинграду – 1832 (637), Московской области – 1070 (216), БССР – 4124, Западной области – 837, Западной Сибири – 1235, железнодорожному транспорту – 2943 человек¹.

Судя по всему, это был и ответ на недавнее обращение И. Сталина к Н.И. Ежову с предложением об усилении контроля над Оренбургской областью, где, по имевшимся данным, имели место проникновение в мобилизационное управление округа все тех же шпионов, в райвоенкоматы и Оренбургскую авиационную школу. Н.И. Ежову Сталин тут же предложил: «Завербовать поляка (одного или нескольких) из Оренбурга для выявления польских шпионов во всех остальных областях (СССР. – Н.Б.), проверить весь мобилизационный аппарат на месте и в центре»².

Военные власти в соответствии с директивным письмом от 4 июля 1941 г. и указом НКВД СССР от 22 июня 1941 г. наделялись правом на территориях, объявленных на военном положении, принимать решение о выселении лиц, признанных социально опасными³. Этой категории граждан запрещалось проживание во всех городах, расположенных в пограничной полосе. Это правило распространялось также и на граждан территории краев и областей, объявлявшихся на военном положении. Они выселялись в Союзе ССР в первую очередь с пограничных регионов на западе.

Причины принудительного переселения этого контингента населения в официальных документах назывались разные: контрреволюционные выступления, хищения социалистической собствен-

ности, бандитизм, разбой, умышленные убийства, подделка денежных знаков, воровство, контрабанда, хранение огнестрельного оружия и другие.

Среди расселявшихся 132458 «осадников» и лесников из Западных областей Украины и Белоруссии значились на спецпоселении: в Башкирской АССР – 64 семьи – 279 человек, в Алтайском крае – 1286 семей – 5774 чел., в Челябинской области – 1646 чел., Чкаловской области – 614 человек⁴.

Затем численность переселившихся в названные области была скорректирована. Переселение поляков – «осадников» и беженцев в районы Сибири, по уточненным данным А.В. Федоровой, составило на Южном Урале 2278 «осадников», из них в Челябинской области – 1653 человека, в Чкаловской области – 625 человек. Специальным постановлением Чкаловского облисполкома от 21 декабря 1939 г. были определены совхозы для размещения бывших польских граждан. В Чкаловском строительном-монтажном управлении №25 летом 1943 г. работали 53 польских рабочих⁵.

Одним словом, разные отрасли народного хозяйства на Южном Урале получали пополнение рабочей силы. Новые эшелоны с переселенцами прибывали также в Свердловскую (13732 чел.), Пермскую, Иркутскую, Омскую (всего 7312 человек), Павлодарскую, Челябинскую области, Красноярский край и Коми АССР. 42000 бывших польских граждан – «осадников» приняли Архангельская, Вологодская (219 семей – 1130 чел.), Горьковская (242 семьи – 1164 человека).

Переселение «осадников» и беженцев⁶ протекало в тяжелой форме. Высокой

была смертность. С момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 г. родилось 4211 и умерло 12313 человек, в том числе у «осадников»: 2694 и соответственно 10557 человек.

Новый приток поляков в Оренбургскую область приходился на 1939 год. Это было связано с размещением семей – беженцев с территории бывшей Польши. Расселение поляков-беженцев в количественном отношении выглядело следующим образом: в Соль-Илецком районе – 830 чел., в Бузулукском – 529, в Акбулакском – 483 чел., в Сорочинском – 477 чел., в Оренбургском районе – 433 человека. К середине 1943 г. в области проживало 5999 поляков. Наибольшее количество в Бузулукском районе – 529 человек. Наряду с этим в г. Чкалове оставались на проживании 53 поляка, в Гавриловском районе – 44, в Сорочинском – 43, остальные – дисперсно в других районах области. Поляки активно участвовали в общественной жизни области. В рядах коммунистов состояли 124 поляка⁷.

По имеющимся документам в областном Оренбургском архиве значатся в списках проживавших поляков 4418 человек. И сообщалось также, что уже в январе 1946 г. были готовы к реэвакуации в Польшу 13 поляков. Велась подготовка к отправке остальных 4287 граждан польской национальности⁸. На июль 1946 г. из Чкаловской области были отправлены 4250 поляков, в числе их 1220 детей⁹.

Как отмечалось, в сложной обстановке проходил процесс адаптации поляков в местный социум. «Они прожили трудную жизнь, деля с русским и голод, и холод, и редкие радости. Поэтому российская земля стала их второй родиной. Они только

мечтали иногда посетить Польшу, но жить – в России», – отмечала ветеран труда г. Бузулука Эмилия Маевская¹⁰.

По данным Н.Ю. Дьяконова, в Оренбургской области были расселены на начало 1944 г. – 24723 поляка, в начале 1945 г. их насчитывалось 21080 человек, в 1946 г. – 13993 человека. Уменьшение численности поляков было связано с реализацией Советско-Польского соглашения от 6 июля 1945 года¹¹.

Знакомству с поляками на Оренбургской земле содействует и сложившаяся за эти годы историография проблемы, внимание к которой не прерывается. В разработку темы вносят вклад как ученые, так и публицисты, практики сферы национальных отношений, благодаря которым сохранились в народной памяти многие интересные стороны жизни польского сообщества в Оренбуржье¹².

Обстановка как в период войны, так и в послевоенное время оставалась сложной. Был нанесен существенный ущерб сформированному самосознанию и национальному сознанию. Подорвана вера в государственность, ее лидеров, дружбу народов, нанесен удар по патриотизму как основной составляющей консолидации советских людей и особенно в период войны.

Судя по всему, в это время закладывались и основы отношений представителей этих народов на названных территориях. Они заложили прочный фундамент для последующих контактов.

По данным НКВД СССР на 17 января 1939 г. на территории СССР проживали 1427232 немца¹³. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. из районов Поволжья,

Московской, Ленинградской области, Украины, Северного Кавказа, Крымской АССР и других регионов было выселено 856637 немцев. По распоряжению СНК СССР после войны направлялись на спецпоселение 208462 репатриированных немца и в 1948 г. МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159906 немцев местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других регионов. Таким образом, всего находилось на поселении немцев в 1940-1950-е гг. вместе с детьми 1225005 человек¹⁴.

Преобладающее большинство немцев – уроженцев местностей, откуда выселение не производилось, на учете спецпоселений не состояли. Так, в Алтайском крае из 17567 немцев на учет было взято 1130, в Башкирской АССР – около 13 тыс. чел. (в качестве трудмобилизованных), в Чкаловской области из 14300 – всего 399 человек¹⁵. На спецпоселении лиц немецкой национальности на территории Челябинской области в 1948 г. было 29023 человека. Из всех переселенцев на июль 1954 г. числились на учете только немцев 25177 человек¹⁶.

Основная масса крымских татар была выселена в Узбекистан, остальные в Казахстан, Таджикистан, Киргизию, РСФСР (Урал, Север, Поволжье, Сибирь). Из них в Башкирскую АССР – 284 (208 – взрослых). Наряду с крымскими татарами в столь отдаленные места последовали летом 1944 г. и учетные накануне войны 1941-1945 гг. 14300 граждан болгарской национальности. В мае 1945 г. были депортированы также болгары (граждане Союза ССР), проживавшие ранее в Днепропетровском ПФЛ НКВД СССР. Всего были выселены в этот период с территории Крыма

41854 человека, из них болгар – 12422 человека.

Они направлялись на станцию Сталинабад Ашхабадской железной дороги (Туркменская ССР). Начальник Отдела спецпоселений НКВД Чкаловской области Дмитренко докладывал зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышову в июле 1944 г. о том, что к 21 июля 1944 г. прибыло болгар, греков и армян в Башкирскую АССР – 5727 человек (здесь же были расселены: 2927 греков, 757 болгар, 896 армян), в Свердловскую обл. – 10348 человек. Всего на 1953 г. значились в СССР на учете 12465 граждан болгарской национальности, которые проживали в Казахской ССР.

Такой была обстановка на территории Южного Урала и в прилегающих к нему регионах Союза СССР. Что касается межэтнических отношений, то они характеризовались с учетом той обстановки и той политики, которая проводилась партией в отношении этнических меньшинств. По причине принимавшихся мер принудительного переселения она, конечно же, принимала негативный характер. Поэтому партийным органам на местах, в том числе и на Южном Урале, приходилось проводить большую просветительскую работу. Решать вопросы взаимоотношений переселенцев и спецпереселенцев с местным населением, заниматься их обустройством, управлением национальными процессами. Анализ архивных документов второй половины 1940-х гг. и почти до середины 1960-х гг. также свидетельствует о том, что этой работе уделялось первостепенное внимание.

Местное население, общаясь с представителями контингентов переселенцев,

несомненно, давало оценку этой политике и высказывало свое видение этих процессов. Таких примеров более чем достаточно. Все они свидетельствуют и о сопереживании и стремлении разрешения создававшейся ситуации с подвергшимися деструктивному воздействию со стороны государства этническими общностями. Так, Б.М. Шафиев – башкир по национальности (Башкирская АССР, г. Нефтеюганск, ул. Социалистическая, 76а, кв. 25) заявлял: «Если восстановят автономии крымским татарам, это будет правильно. Нельзя делить народы на «плохие» и «хорошие». В любом народе есть плохие и хорошие люди...»¹⁷.

Спустя длительное время в своей записке в ЦК КПСС с предложениями о мерах по улучшению массово-политической и культурно-воспитательной работы среди немецкого населения главный редактор газеты «Нейес Лебен» т. Пшеницина писала: «Еще и теперь партийным организациям приходится разъяснять местному населению, что немцы являются равноправными гражданами Советского Союза. В связи с ликвидацией республики Немцев Поволжья сложилось определенное мнение по отношению к немцам.»

И далее констатировалось, «в некоторых местах наблюдаются случаи создания религиозных воскресных школ и даже молодежных полулегальных организаций (Оренбургская область)»¹⁸.

Несмотря на трудности, судьба названных этнических общностей на территории Южного Урала в годы войны складывалась по-разному, однако, в конечном итоге, ими была достигнута свобода. Они ковали победу над фашизмом на трудно-

вом фронте в глубоком тылу. С них было снято ограничение по спецпоселению. Многие из бывших спецпереселенцев остались на жительство в регионах Южного Урала, другие возвращались к месту своего прежнего жительства. Несомненно, общество на основе событий периода Великой Отечественной войны должно вынести для себя урок. Виновных этнических общностей не бывает. Многие определяется тем, какие политические лозунги выдвигаются перед обществом и служат ли они на благо этому обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938. /Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотников. М.: «Материк», 2004. С. 352. Всего к 10 сентября 1937 г. был осужден и расстрелян 1251 польский агент (Там же. С. 359). Сведения о действиях карательных органов власти в этот период, системе их работы, выстроенном процессуальном порядке, введении так называемого «альбомного» порядка, организации «особых троек», работавших по национальным линиям, итогах этих мер были ошеломляющими. По данным Н.В. Петрова, А.Б. Рогинского, процент расстрелянных по «национальной линии», в частности, «польскому приказу», имел следующие показатели: были рассмотрены дела на 143 810 человек, из которых было осуждено 139 835 человек, что составляло 77,25% от числа рассмотренных дел и 79,44% – от числа осужденных (См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: «Звенья», 1997. С. 33).

2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938. /Сост.

В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотников. М.: «Материк», 2004. С. 650.

3. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы... С. 168.

4. Там же. С. 209 – 214.

5. Федорова А.В. Вклад южноуральцев в формирование польских войсковых соединений (1943-1945 гг.) // Адам Мицкевич: «Поиски живой истины». С. 85 – 89.

6. Депортация беженцев – это самостоятельная проблема. Однако существует мнение, что она по внешним признакам как бы «подпадает под депортацию по национальному признаку, так как по своему составу эта категория граждан была чисто еврейской».

7. Хвостова Г.И. Поляки в Оренбуржье: обзор документов // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 68 – 69.

8. Госархив Оренбургской области. Ф. 1014, оп. 3, д. 175, л. 15, 35, 116.

9. Там же. Л. 253.

10. Цитир.: по: Селивановская В.Я. Жизнь поляков в 30-40-е годы (по личным воспоминаниям) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 89.

11. Дьяконов Н.Ю. Поляки в Чкаловской области (1939-1946 гг.) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 62.

12. Зобов Ю.С. Оренбургская политическая ссылка. Оренбург – Челябинск, 1993; Усенко П.Г. Неизвестный автограф польского революционера З. Сераковского // Советские архивы. 1980, №2; Большаков Н. Дело Мигурских: Повесть в документах. // Прометей. М., 1977; Нечуговская Л.Р. Поляки в Оренбуржье // Южный Урал: историко-культурные проблемы. Сборн. научн. трудов, Оренбург, 1995; Ананьев В.И. Поляки-интернационалисты в Оренбуржье // Блокнот агитатора, 1973, № 3; Федорова А.В. Место

Футорянский Л.И.

эвакуации – Чкалов // Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995 и др.

13. ГАРФ. Ф. Р. – 9479, оп. 1, д. 83, л. 1-3.

Подлинник

14. РГАНИ. Ф. 3, оп. 58, д. 182, л. 17-24.

Подлинник.

15. Там же. Ф. 3, оп. 8, д. 136, л. 2-3. Копия.

16. ГАРФ. Ф. – Р. 9479, оп. 1, д. 435, л. 54-56; л. 75-76 и др.

17. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 101, Д. 218, Л. 5-11. Обзор писем читателей газеты «Труд», направленный в отдел пропаганды ЦК КПСС по вопросу создания Татарской автономии в Крыму. 21 августа 1987 г.

18. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 37, Д. 95, Л. 33-36.

ФУТОРЯНСКИЙ Л.И.

(г. Оренбург)

13-Я ГВАРДЕЙСКАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

На усиление 62-й армии первой прибыла 13 гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза, гвардии генерал-майора А.И. Родимцева (комиссар дивизии – старший батальонный комиссар М.М. Вавилов, начальник штаба – подполковник Т.В. Бельский). В ночь с 10 на 11 сентября дивизия совершила стремительный марш по заволжской степи из района Камышина в район Старой Ахтубы. Здесь она была доукомплектована оружием и боеприпасами. Распоряжением командующего фронтом 13-я гвардейская стрелковая дивизия была включена в состав войск 62-й армии. Это было 14 сентября. Генерал-майор Чуйков приказал в этот же день к 19 часам скрытно сосредоточить дивизию в поселке Красная Слобода напротив центральной части Сталинграда для переправы ее на правый берег.

Преодоление реки войсками и техникой днем, когда противник контролировал

прицельным огнем переправу через Волгу, являлось делом крайне рискованным. Было очевидно, что дивизия могла бы переправиться лишь ночью. В боевом распоряжении №72 от 14 сентября 1942 г. командующий 62-й армией приказал:

«2. К 03.00 15.9.42 г. 13-ю гвардейскую переправить в город Сталинград.

3. Командиру со штабными командирами, имея с собой сведения о боевом и численном составе, 14.9 явиться ко мне за получением боевой задачи».

Генерал Родимцев сразу же переправился через Волгу и явился к командующему 62-й армией, с точностью выполнив приказ. Приведем об этом рассказ В.И. Чуйкова: «В 14 часов ко мне явился командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза генерал-майор Александр Ильич Родимцев. Был он весь в пыли и грязи, чтобы добраться от Волги до нашего командного пункта, ему не раз пришлось

«приземляться» в воронках, прятаться в развалинах, укрываться от пикирующих самолетов противника.

Генерал-майор Родимцев доложил мне, что дивизия укомплектована хорошо, в ней около 10 тысяч человек. Но с оружием и боеприпасами плохо. Я тут же приказал своему заместителю по тылу Лобову, находившемуся на левом берегу Волги, мобилизовать всех своих работников, забрать оружие в частях тыла армии и передать в распоряжение гвардейцев.

Обстановку на фронте армии уже знал начальник штаба армии, на ходу информировал людей, таким же образом ввел в курс дела и генерала Родимцева».

Далее следует изложение задачи, поставленной В.И. Чуйковым перед Родимцевым:

1. Переправить 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию на правый берег Волги в ночь на 15 сентября.

2. Артиллерию дивизии, кроме противотанковой, направить на огневые точки на левом берегу и оттуда вести действия. Противотанковые пушки и минометы переправить вечером со стрелковыми частями и подразделениями.

3. Двумя стрелковыми полками очистить от фашистов центр города, дома специалистов и вокзал. Один полк оставить в резерве оборонять Мамаев курган. Один стрелковый батальон оставить в резерве у командного пункта армии.

4. Границы участка обороны дивизии: справа – Мамаев курган и железнодорожная колея, слева – р. Царица.

В конце беседы командующий поинтересовался, какое у Родимцева настроение. Тот ответил: «Я коммунист, уходить отсюда не собираюсь и не уйду».

В боевом распоряжении штаба армии 20 сентября отмечалось, что 18 сентября на берегу были подорваны боеприпасы 13-й гвардейской стрелковой дивизии. В связи с этим командующий армией приказал всем частям и соединениям переправленные на западный берег Волги из районов переправы убрать и укладывать в землю, отрывая щели с ними.

После переправы враг потеснил левый фланг 13-й гвардейской и 95-й стрелковых дивизий. Командир 13-й дивизии генерал-майор А.И. Родимцев принял решение одновременными ударами по вражеской группировке разгромить их. В 6 часов утра гвардейцы перешли в решительную атаку, и через полтора часа в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии положение было восстановлено. В эти дни 21-23 сентября, вспоминает Еременко, в ожесточенных боях 13-я гвардейская и 95-я стрелковые дивизии при поддержке фронтовой артиллерийской группы выдержали самый яростный натиск противника и не допустили его выхода к Волге и центральной части города, воспрепятствовав ему также в овладении Мамаевым курганом. И гитлеровцы уже были не в состоянии что-либо отвоевать. «Там умирали, но народ не отходил!» – рассказывал об этих боях генерал Родимцев.

В первых числах октября 13-я гвардейская стрелковая дивизия перешла к жесткой обороне на занимаемых рубежах в центральной части города. Перед ней была поставлена задача прочно удерживать занятую часть города, укреплять и совершенствовать оборону в противотанковом и противопехотном отношении. Штурмовые и блокированные группы должны были последовательно уничтожать про-

тивника в захваченных им зданиях, освободить новые кварталы. Наиболее важные пункты – Г-образный дом, здание Госбанка и дома специалистов.

Передний край дивизии протяженностью 6-7 км проходил по железной дороге: 20 м севернее полотна по северному склону оврага Долгий и далее на юг через нефтекомбинат по ул. Пензенской, восточной части площади 9 Января, ул. Республиканской и ул. Киевской; затем на восток до берега Волги у городской переправы. Глубина обороняемой полосы составляла от берега реки от 500 м (на участке 39-го гвардейского стрелкового полка) до 300 м (на участке 34-го гвардейского стрелкового полка). Площадь заграждений составляла около 800 противотанковых и 650 противопехотных мин и 900 погонных метров проволочных заграждений. Наибольшая плотность минирования была достигнута в полосе обороны 13-й гвардейской стрелковой дивизии, где было создано 91 минное поле.

В документе, обобщающем опыт оборонительных боев 13-й гвардейской стрелковой дивизии, говорится, что в ходе боевых действий все опорные пункты подвергались интенсивному обстрелу артиллерии и минометов противника: от минометного попадания снарядов подразделения и части несли потери, а иногда от попадания в стены здания рушились и заваливали огневую точку с прислужгой. Во избежание этого огневые точки в отдельных опорных пунктах стали выноситься, были связаны между собой и командными пунктами командиров частей и подразделений ходами сообщения.

При сильном артиллерийском обстреле и налетах вражеской авиации

гарнизоны опорных пунктов укрывались в щелях, оборудованных вокруг зданий, а в домах на это время оставались лишь наблюдатели.

В истории 13-й гвардейской дивизии отмечено, что очень часто, проводя беседу с бойцами, политруки и агитаторы шли вместе с ними в атаку. Именно в боевых порядках штурмующих подразделений были тяжело ранены коммунисты, старший батальонный комиссар Григорий Яковлевич Марченко и комиссар 84-го гвардейского стрелкового полка Петр Васильевич Данилов. Многие коммунисты отдали в этих боях жизнь за Родину, место выбывших тут же занимали их боевые товарищи.

Ветераны Гражданской войны послали защитникам Сталинграда письмо: «Не сдавайте врагу наш любимый город. Любой ценой защитите город-герой. Бейтесь так, чтобы слава о вас звенела в веках». На это послание первыми откликнулись гвардейцы 13-й дивизии, обратившиеся ко всем защитникам Сталинграда. Итогом обсуждения послания ветеранов Царицынской обороны стало письмо воинов Сталинградского фронта Верховному Главнокомандующему, в котором говорилось, что они выполнят свой долг перед Родиной и отстают Сталинград.

В ходе оборонительных сражений под Сталинградом советские войска повышали свое боевое мастерство. Этому во многом способствовал общий процесс роста могущества Красной Армии. «Мы сознательно шли на самый близкий бой, – вспоминал В.И. Чуйков. – Гитлеровцы не любили, вернее, не знали ближнего боя. Они не выдерживали его морально,

у них не хватало духу смотреть в глаза вооруженному человеку в форме воина Советской Армии».

В период Великой Отечественной войны Сталинград приобрел всемирную славу легендарной борьбой против фашистских агрессоров.

Битва на Волге началась упорной обороной советских войск на дальних подступах к городу. Постепенно в сражение вступали все новые силы и средства, оно развертывалось на огромном пространстве при участии сотен дивизий и отдельных частей, тысяч самолетов, танков и орудий. Используя свое численное превосходство, враг прорывался к Волге, ожесточенные бои развернулись на территории города, но овладеть им враг не смог. Его наступательный порыв был сломлен.

Президент США Рузвельт писал в те дни: «Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против немецкой агрессии».

Генерал З. Вестфаль пишет: «Поражение под Сталинградом было великим поворотом не только во внутривнутриполитическом отношении, но также и во внешнеполитическом смысле. Оно имело своим следствием тяжелое потрясение всей сферы германского владычества в мире...».

В таком же духе генерал З. Вестфаль пишет: «Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь стремительной гибели такого количества войск».

Сталинградская битва, как и предше-

ствующая ей битва под Москвой, начинались в исключительно трудных условиях, когда превосходящие силы противника вели усиленное наступление. Советская страна стояла тогда перед лицом смертельной опасности.

Великая Сталинградская битва завершилась блестящей победой Советского Союза и его Вооруженных Сил. Красная армия разгромила пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-ю и 4-ю танковую), две румынские (3-ю и 4-ю) и одну итальянскую (8-ю).

За период контрнаступления полностью уничтожены 32 дивизии и 3 бригады, 116 дивизий врага понесли серьезное поражение. Он лишился около 35 тысяч танков и штурмовых орудий, свыше 3 тысяч самолетов, более 122 тысяч орудий и минометов. Такого количества людей и боевой техники было достаточно для 75-80 дивизий. Противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн. человек.

Численность Красной армии по сравнению с концом 1941 г. увеличилась более чем в два раза.

Разгром вражеских войск под Сталинградом вызвал подъем антифашистской и национально-освободительной борьбы поработанных оккупантами государств. В Польше, Чехословакии, Албании, Норвегии, Бельгии и других странах росло движение Сопротивления.

183 части были преобразованы в гвардейские. 125 участников удостоены высокого звания Героев Советского Союза.

Красная армия в результате битвы на Волге овладела на весь дальнейший период войны стратегической инициативой.

О НАСТРОЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГБУ «ЦДНПО»)

О начале Великой Отечественной войны население Чкаловской области узнало исключительно из сообщения В.М. Молотова, переданного в 12 часов дня по радио. Никаких шифрограмм, как, например, в прифронтовых областях СССР, здесь не было. Следует отметить, что и местные органы власти, начиная от работников районных комитетов ВКП(б) и заканчивая первым секретарем областного комитета партии, заранее не были предупреждены, а следовательно, и не подготовлены. Буквально в течение 10-15 минут после выступления по радио В.М. Молотова аппарат Чкаловского городского комитета ВКП(б) был собран на экстренное совещание. Кстати, об определенной неподготовленности говорит тот факт, что не все партийные работники горкома явились на свои места. Так, уже зная об объявлении войны, инструктор отдела кадров М¹. остался дома; инструктор Оргинструкторского отдела Р. зашел в горком мимоходом и тут же, ни с кем не поговорив, – вышел; консультант горкома ВКП(б) С. до 5 часов вечера пробыл дома,

ожидая приглашения на совещание, а потом ушел по своим делам. Секретарь Чкаловского городского комитета ВЛКСМ С. не смог выполнить распоряжения городского комитета партии о предоставлении в его распоряжение 10-15 человек активных комсомольцев, при этом он не смог найти не только комсомольцев, но и даже секретарей районных комитетов ВЛКСМ². Объяснить такую ситуацию можно, во-первых, элементарной растерянностью, и потом не стоит забывать, что 22 июня было воскресенье, выходной день, соответственно, многие могли просто не знать о случившемся. Несмотря на то, что Вторая мировая война шла уже почти 2 года и успешное наступление Гитлера в Европе не могло не беспокоить население Советского Союза, все же сообщение В.М. Молотова оказалось неожиданностью.

На совещании Чкаловского областного комитета партии было принято решение немедленно включиться в выполнение мобилизационных планов. Уже вечером 22 июня практически во всех городах и районных центрах Чкаловской области

были проведены митинги. Так, в драматическом театре им. М. Горького на митинге присутствовало 750 человек, в парке им. В.И. Ленина – 300, в саду имени Октябрьской революции – 400, в кинотеатре «Молот» – 1500³.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении архивным документам, все выступления были «... насыщены непримиримой ненавистью к врагу, уверенностью в своих силах и правоте, полны решимостью бить врага до полного уничтожения». Это был единый патриотический порыв. Люди собирались около репродукторов, слушая передачи о немецкой агрессии. Так, на улице Советской у репродуктора около клуба им. В.И. Ленина один из слушателей при передаче сообщения В.М. Молотова плакал, периодически вскрикивая: «Правильно, вот это правильно». В цирке мужчина пенсионного возраста говорил молодежи: «... пойду добровольно на фронт, у меня 4 сына в Красной Армии и у меня есть опыт, я могу вас, молодежь, научить, как надо по-сталински драться. Вообще-то настроение боевое». Были и такие диалоги: «... двое граждан разговаривали между собой: – Как ты думаешь, Москве угрожает опасность? Другой ответил: – Скорее от Берлина останутся одни развалины, чем допустим до Москвы»⁴.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. с 23 июня была объявлена мобилизация военнообязанных 14-ти возрастов (1905-1918 гг. рождения), т.е. обязательно призыву подлежали мужчины от 23 до 36 лет. Первый день мобилизации людских ресурсов по г. Чкалову показал высокий идейно-политический уровень военнообязанных. В основном по городу явка призывников проходила

организованно, они являлись в военкоматы в точно установленный им предписанным срок, тогда как в районах Чкаловской области органами прокуратуры были выявлены нарушения в проведении призыва. Так, в первые дни мобилизации после вручения повесток в Спиридоновском, Даниловском, Ромашкинском, Домашкинском сельсоветах Курманаевского района колхозники в течение 2-х рабочих дней не выходили на работу. В Андреевском районе были случаи явки военнообязанных в военкомат в нетрезвом состоянии. Председатель колхоза «7 съезд Советов» Андреевского района, член партии К. для поставки лошадей в РККА привел негодных лошадей с плохой сбруей, при этом в первые 2 дня мобилизации он пьянствовал, приостановив все работы в колхозе, за что райкомом ВКП(б) был исключен из партии. В колхозе «Красная деревня» этого же района в связи с проводами уходящих в армию совершенно была прекращена сеноуборка⁵. В спецдонесениях областной прокуратуры были зафиксированы отдельные случаи уклонения граждан от мобилизации. Так, 24 июня 1941 г. призывник из Халиловского райвоенкомата А. был зачислен в команду №1900 и направлен к месту назначения. Во время остановки поезда на одной из станций он спрыгнул с поезда и тем самым отстал от эшелона. Следует отметить, что такие случаи были единичными.

С первых дней войны действительно массовым стало добровольческое движение. Уже на митингах, состоявшихся 22 июня 1941 г., подавались заявления о зачислении добровольцами в РККА. Рабочий Б., несмотря на свой пожилой возраст, писал: «Сил нет сидеть здесь, в далеком

тылу. Хочу пойти на передовую линию огня и показать, на что способны закаленные еще в годы гражданской войны бойцы»⁶. Старший кондуктор З. заявил: «Я на защиту Советской родины иду добровольцем»⁷. Интерес представляет сохранившийся в архиве оригинал заявления добровольца из г. Орска (к сожалению, установить его фамилию не представляется возможным) о желании пойти на фронт, датированный 13 сентября 1941 г., причем это заявление было уже второй его попыткой: «...Вторично убедительно прошу отпустить меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Я физически здоров. Бить фашистов буду так, что им тошно будет. Стрелять умею – охотник. Умею лазить попластунски. Могу хорошо маскироваться в воде. Могу Вас заверить, что хитрости и уловки у меня очень много. И сейчас, когда моя Родина попирается омерзительным фашистским сапогом, я считаю, что мое место в действующей Красной армии или в партизанском отряде. Я хочу, чтобы вы поняли – как тяжело мне переживать, когда чувствую, что на меня смотрят и думают – Вот! Смотрите! Здоровый мужчина, а не в армии. Поймите – я упрямый как хохол!»⁸.

Заявления о добровольном вступлении в ряды РККА поступали не только от мужчин, но и от женщин, причем в немалом количестве. В докладной записке Чкаловского областного комитета партии, отправленной в Москву в июне 1941 г., мы находим этому факту документальное подтверждение: «В первый же день войны в военные комиссариаты, районные и городские комитеты партии приходили сотни женщин и заявляли о своей готовности пойти на фронт»⁹. Так, домохозяйка П., присутствовавшая

22 июня на митинге в г. Чкалове, писала: «... я имею двоих детей, но если потребуется, то я не посчитаюсь с ними и пойду на защиту нашей Родины». В заявлении гражданки М. говорится: «Прошу принять меня в ряды РККА добровольцем. Мне 31 год, кончила я курсы первой помощи. Я одиночка, мне некого послать защищать родину и я решила себя посвятить на защиту нашей социалистической родины. Прошу не отказать в моей просьбе»¹⁰. Уборщица 7-го цеха шорно-седельной фабрики заявляла: «Прошу зачислить меня добровольцем на защиту родины. Клянусь, что доверие оправдаю»¹¹. Студентка пединститута им. В.П. Чкалова Д. в своем заявлении пишет: «Участвуя в боях с финской белогвардейщиной, погиб мой брат, и я поклялась отомстить кровожадным врагам своей родины. Хочу хоть сколько-нибудь быть полезной великой стране социализма в эти грозные дни». И таких заявлений, преисполненных духом патриотизма, было огромное множество. По данным Чкаловского областного военкомата, по состоянию на 5 июля 1941 г. поступило свыше 8 тысяч заявлений о добровольном вступлении в РККА¹².

Несмотря на то, что большинство населения страны в целом и Чкаловской области в частности встало на защиту своей Родины, однако были граждане, как на фронте, так и в тылу, которые давали волю своим эмоциям и позволяли себе довольно жестко критиковать власть. Конечно, первые испытания лета 1941 г. нанесли серьезную психологическую травму миллионам советских граждан. Враг захватил значительную часть нашей территории, все это вызывало чувства смутения, растерянности, неуверенности в завтрашнем дне, страха, причем как страха оказаться в

зоне боевых действий, так и страха голодной смерти в тылу. Ситуацию усугубляло и отсутствие достоверной информации.

Свое недовольство население Чкаловской области не проявляло так бурно и прилюдно, в основном это происходило исключительно в личных беседах с соседями, друзьями и т.д. На фоне всеобщего патриотизма это были единичные случаи, но все же они имели место. Следует отметить, что 9 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», согласно которому населению грозило тюремное заключение на срок от 2 до 5 лет в случае, если действие по своему характеру не влекло за собой по закону более тяжкого наказания¹³.

В первую очередь отсутствие достоверной информации порождало нелепые слухи, панику и «пораженческие настроения». Значительная часть слухов была посвящена предательству военачальников, командиров и бойцов, неверию в способности высшего партийного руководства. Так, на станции Саракташ призванный по мобилизации в РККА Е. 1905 года рождения говорил: «Маршал Советского Союза Тимошенко – предатель родины, из-за таких предателей много страдает народу, будем страдать и мы»¹⁴. Рабочий совхоза №4 Чкаловского района К., мать которого была осуждена на 5 лет лишения свободы за нелегальный переход границы, неоднократно утверждал, что «Красная армия сдала фашистам ряд городов, в том числе и Москву, а Правительство Советского Союза выехало из города Москвы»¹⁵. Гражданка П. в беседе с односельчанами заявляла: «Товарищ Молотов и товарищ

Ворошилов сняты с работы за несогласие со Сталиным». Все эти люди были арестованы органами государственной безопасности и привлечены к уголовной ответственности.

«Информационный голод» и растерянность порождали даже мистические слухи. Такой необычный случай был зафиксирован секретарем Адамовского райкома ВКП(б). В колхозе им. Молотова 15 июля 1941 г. весовщик Ш. в красном уголке в присутствии колхозниц рассказывал, что якобы слышал, «... как один мотоциклист ехал в г. Орск за запчастями, подъехал он к одному из кладбищ и остановился, из могилы кто-то крикнул, мотоциклист подошел. Голос спросил: – Что привезли? Мотоциклист ответил: привез 3 метра атласа. Тогда вышло туловище и голова женщины, которая сказала мотоциклисту, положи атлас на мое правое плечо и посмотри кругом вокруг себя. Мотоциклист посмотрел вокруг и увидел обильный урожай и кругом кровь. Женщина ответила, что обильный урожай значит, что ныне будет богатый урожай, а кровь означает, что будет такая война, что люди будут убитыми, земля будет целиком залита кровью, а богатый урожай некому будет убирать»¹⁶. Несмотря на очевидную нелепость этого повествования, рассказчик был арестован.

Но высказывались и серьезные недовольства, преимущественно антисоветские. Некоторые жители области с нетерпением ждали победы Гитлера. В основном это были люди, в прошлом обиженные советской властью – раскулаченные, офицеры царской армии и т.д. Так, бывший офицер белой армии, работавший плановиком на строительстве крекингового завода Л. восхвалял Гитлера

и высказывал убеждение, что фашисты все-таки победят Красную армию¹⁷. Колхозник Абдулинского района Г., в прошлом раскулаченный, около дома бригадира делился с односельчанами своими размышлениями: «Скорей бы забрал нас Гитлер, хоть пожили бы годов 10 хорошо»¹⁸. Гражданин П. 75-ти лет, проживающий в Державинском районе, ожидал: «Скоро ли победит Гитлер, скоро ли придет наш избавитель, конечно, при нем будет настоящая счастливая жизнь». Крестьянин колхоза им. Кирова Асекеевского района говорил: «Нам за советскую власть тужить нечего. Пускай приходит Гитлер. Для нас одинаково, какая бы власть не была». Колхозница Д. Бугурусланского района, в прошлом раскулаченная, заявляла: «Советская власть долго существовала, долго нас обдирали, теперь ей пришел конец»¹⁹. На станции Новосергиевка командир отделения, призванный из запаса М. 1914 года рождения среди личного состава команды вел антисоветские разговоры такого характера: «Я теперь ваш командир и Вы должны слушать только меня, не только будем бить фашистов, но я поведу Вас теперь бить коммунистов»²⁰.

Все эти люди не хотели мириться с новыми установившимися порядками и откровенно проявляли свое враждебное отношение к советской власти. Примечательно, что антисоветские высказывания преобладают среди всех недовольств в исследуемых нами документах. Как утверждает С.В. Точенов в статье о настроениях населения Ивановской области в первые месяцы войны, большинство «антисоветчиков» в начальный период войны были привлечены к уголовной ответственности, а в

1980-1990-е гг. полностью реабилитированы и признаны жертвами необоснованных репрессий по политическим мотивам²¹.

Следует сказать несколько слов и о немецком населении области, компактно проживавшем в селах Александровского, Переволоцкого, Новосергиевского и др. районах, ведь именно к нему в первые месяцы войны были обращены пристальные взгляды местных органов власти. Так, секретарь Белозерского райкома ВКП(б) М. в докладной записке на имя первого секретаря областного комитета партии писал: «...Узнав решение правительства о выселении немцев Поволжья, немцы, проживающие в нашем районе, стали особенно настороженные и внешне как будто больше проявляют лояльности к проводимым мероприятиям Советской власти, но на деле абсолютному большинству из них нельзя верить... Мы полагаем, что из числа немцев абсолютное большинство, если и не являются прямыми нацистами, то, во всяком случае, сочувствуют идеям нацизма»²². Из доклада в доклад штамповалось высказывание председателя одного из колхозов Переволоцкого района: «Скоро немцы будут поить коней в Урале». Однако мы не считаем, что чкаловские немцы в основной своей массе разделяли профашистские взгляды. Вероятнее всего, именно среди немецкого населения чувства растерянности, страха, паники преобладали более всего. Тем более данную фразу можно трактовать по-разному: и как проявление антисоветизма, и как элементарный приступ паники, и как чувство неуверенности в завтрашнем дне.

Таким образом, настроения жителей Чкаловской области в первые месяцы Великой Отечественной войны были различными.

Подъем патриотизма был массовым, но нельзя не отметить и проявления недовольства части населения советской властью. Поэтому сделать вывод о единстве общества в начальный период Великой Отечественной войны на основе имеющихся документов не представляется возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В соответствии с п. 3 ст. 25 закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. на срок до 75 лет ограничивается доступ к сведениям, содержащим информацию о частной жизни гражданина или создающим угрозу его безопасности. Поэтому фамилии в данной статье будут обозначаться начальной буквой.

2. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 157. Л. 9.

3. ЦДН ИОО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 31. Л. 3-5.

4. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 157. Л. 2об.-3.

5. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 8-9.

6. Безверхний А.З. В едином боевом лагере. – Челябинск, 1985. – С. 13.

7. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 157. Л. 2 об.

8. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 507. Л. 33.

9. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 157. Л. 7 об.

10. Там же. Л. 7.

11. Там же. Л. 8.

12. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 2.

13. Ведомости ВС СССР. – 1941. – № 32.

14. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 172. Л. 19.

15. Там же. Л. 9.

16. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 224. Л. 44.

17. Там же. Л. 12.

18. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 149. Л. 23.

19. Там же. Л. 59.

20. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 172. Л. 19.

21. Точёнов С.В. Настроения населения Ивановской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь – август 1941 года) // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 4. Иваново: ИвГУ, 2008. – С. 43-52.

22. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 4.

МОРГУНОВ К.А.

(г. Оренбург)

СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы войны сохранилась сложившаяся в 1930-е гг. система национального образования. Преподавание в школах по выбору родителей по-прежнему осуществлялось на родных языках.

В Челябинской области накануне войны нерусские школы, преподавание в которых велось на родном языке, располагались в 33 районах. Всего в 1940-1941 учебном году в области действовала

271 школа с преподаванием на татарском, башкирском и казахском языках, в том числе татарских – 80 школ (13858 учащихся), башкирских – 178 (9967 учащихся), казахских – 13 (488 учащихся). 193 национальные школы располагались в трех районах: Аргаяшском, Кунашарском и Нагайбакском. Помимо этого и в русских школах имелись классы с преподаванием родных языков¹. К этому времени все татарские классы были переведены на новый алфавит обучения. В башкирских школах новый алфавит был введен только в начальных классах, а в казахских обучение велось по-прежнему на латинизированном алфавите.

С началом войны, как и остальные, национальные школы лишились многих квалифицированных кадров. Так, из 148 учителей Аргаяшского района 68 человек имели неполное среднее образование, 5 учителей окончили среднюю школу и только 68 учителей имели среднее педагогическое образование. Высшее образование имели только 7 учителей. Аргаяшское педагогическое училище, выпускающее учителей для башкирских школ, в 1942-1943 учебном году выпустило всего 8 человек. Через курсы при этом училище прошли подготовку еще 23 человека².

На низком уровне сохранялась квалификация учителей национальных школ Чкаловской области. В 1941-1942 учебном году 41% учителей, работающих в 1-4 классах этих школ, не имели педагогического образования и 53% учителей старших классов не имели высшего образования. В казахских школах Домбаровского района не имелось ни одного учителя, имеющего необходимую для преподавания квалификацию. Имеющий только среднее

образование завуч Ак-Каргинской неполной средней школы Адамовского района Иржанов один вел географию, физику, алгебру, геометрию, историю, немецкий и казахский языки³.

В 1943-44 учебном году в Башкирской АССР обучение в 2058 школах велось на русском языке (что составляло 42,4% от общего количества школ в республике), в 1398 – татарском (28,8%), в 892 – башкирском (18,4%), 164 – марийском (3,4%), 127 – чувашском (2,6%), 39 – удмуртском (0,8%), в 26 – на эрзянском и мокшанском языках (0,5%). Кроме того, действовало 148 смешанных школ, в которых преподавание велось на нескольких языках (русский-башкирский, русский-татарский и т.д.)⁴. Преподавательский состав также был достаточно интернационален. В школах Башкирии в этот период трудились педагоги 26 национальностей, в том числе 7995 русских (43,7% от общей численности учителей), 5511 татар (30,1%), 2469 башкир (13,5%), 608 чувашей (3,3%), 432 марийца (2,4%), 412 украинцев (2,3%), 412 евреев (2,3%), 150 мордвы (0,8%), 107 белорусов (0,6%), 92 удмурта (0,5%) и еще 119 человек других национальностей⁵.

Несмотря на все имеющиеся объективные трудности организации процесса обучения, по-прежнему большое внимание уделялось осуществлению в национальных школах всеобщего. В 1943-1944 учебном году процент охвата обучением детей в национальных районах Челябинской области был следующим: в Аргаяшском районе – 97%, в Кунашарском – 94%, в Нагайбакском – 99% (См. Таблицу 1).

Основной причиной того, что ученики пропускали занятия, являлось отсутствие

Таблица 1.

**Сведения о состоянии всеобуча в национальных районах
Челябинской области в 1943-1944 учебном году⁶**

Район	План		Охвачено обучением		% охвата всеобучем
	1-4 классы	5-7 классы	1-4 классы	5-7 классы	
Аргаяшский	3222	838	3121	734	97%
Кунашакский	3033	1310	2948	601	94%
Нагайбакский	2098	810	2090	396	99%

одежды и обуви. Также достаточно часто ученики не посещали школу, так как были заняты на работах в колхозах (этим объясняется большой процент неохваченных всеобучем среди учеников 5-7 классов), или школы были слишком отдалены от места проживания.

Количество учеников 5-7 классов в национальных школах составляло от 5 до 15 человек. Например, в трех классах Аминовской НСШ Кунашакского района обучалось всего 26 учащихся. В трех пятых классах Асановской НСШ Аргаяшского района учился 31 школьник.

Местные власти старались оказать посильную помощь. Так, в Нагайбакском районе в 1943-1944 учебном году учащимся, в первую очередь детям фронтовиков, было выдано в качестве материальной помощи 17 пальто, 15 шапок, 18 пар белья, 403 пары валенок, 1057 м мануфактуры и 23 пары кожаной обуви. Кроме того, был организован ремонт кожаной обуви (было отремонтировано 108 пар обуви). Во многом благодаря этому в Нагайбакском районе оказался наивысшим процент охвата обучением детей школьного возраста.

Программный материал за первое полугодие 1943-1944 учебного года был выполнен практически всеми школами. Лишь в 9 школах не освоили весь

программный материал по причине отсутствия преподавателей иностранного языка и еще в 2-х школах – по причине отсутствия учителей русского языка. Показатели успеваемости школ в национальных районах Челябинской области выглядели следующим образом: Аргаяшский район – 78,6%, Кунашакский – 86,0%, Нагайбакский – 72,7%. Среди предметов, по которым была наибольшая неуспеваемость, чаще всего фигурировали русский язык и математика. Среди лучших национальных школ в 1943-1944 учебном году выделялись Метелевская (100% всеобуча, 92% успеваемости при 60% хороших и отличных оценок) и Чишменская (100% всеобуча, 95% успеваемости при 70% хороших и отличных оценок), начальные школы Аргаяшского района и Варненская татарская школа, полностью выполнившая всеобуч и добивающаяся хороших знаний учащихся.

Обеспечение национальных школ, особенно казахских и татарских, учебниками оставалось неудовлетворительным. Казахские школы совсем не имели учебники на родном языке. В татарских школах не было учебников 2 класса и книг для чтения. Программы обучения национальными издательствами также не высылались. В Аргаяшском районе только 8 из 62 школ имели программы по родному языку. В

начальных школах ощущалась и острая нехватка учебных пособий по русскому и родному языку.

С 27 по 29 октября 1943 г. облоно был проведен семинар директоров национальных школ, итоги которого обсуждались на совещаниях заведующих начальными школами по всем национальным районам Челябинской области⁷.

Особого внимания требовало создание системы образовательных учреждений для детей, эвакуированных из западных районов страны. Так, в Далматовском, Варненском, Верхнеуральском, Макушинском и Чесменском районах Челябинской области были созданы школы для эстонских детей, преподавание в которых велось на родном языке.

В послевоенные годы система народного образования испытывала огромные трудности, связанные с проблемами материально-технического обеспечения, острой нехваткой квалифицированных педагогических кадров, учебной и методической литературы. Все эти трудности в полной мере переживала и национальная школа. Данные факторы, безусловно, сказывались на постепенном сокращении количества нерусских (как они официально тогда назывались) школ, на достаточно низком качестве образования, неудовлетворительной квалификации преподавательских кадров. Однако, несмотря на многочисленные трудности, в послевоенные годы удалось не только сохранить систему национального образования, но и приступить к выполнению программы всеобщего семилетнего образования. Был значительно усилен контроль со стороны областных и районных отделов народного образования за работой учителей, препо-

дающих как родной, так и русский языки, постепенно стал повышаться уровень квалификации учителей, работающих в национальных школах. Система национального образования, сложившаяся в 20-30-е годы XX века, после войны продолжала функционировать и развиваться.

На начало 1944-45 учебного года, по данным Чкаловского облоно, в области действовало 429 нерусских школ, в том числе 321 начальная школа, 87 неполных средних и 21 средняя школа. В этих школах обучались 24634 ученика. По национальному языку преподавания эти школы распределялись следующим образом: татарских школ – 138 (86 начальных, 38 – н/с, 14 – с/ш); казахских – 103 (88 – начальных, 14 – н/с, 1 – с/ш); мордовских – 87 (69 – начальных, 14 – н/с, 4 – с/ш); башкирских – 82 (67 – начальных, 13 – н/с, 2 – с/ш); чувашских – 17 (10 – начальных, 7 – н/с) и эстонских – 2 (по одной начальной и неполной средней).

В татарских школах обучались в этот период 10775 детей, в мордовских – 5834, в казахских – 3468, в башкирских – 3000, в чувашских – 1442 и в эстонских – 115 учеников. Подробные данные о количестве учащихся в нерусских школах с распределением по классам приведены в Таблице 2.

Преподавательский состав в нерусских школах в 1944-45 учебном году составлял 1615 человек, что составляло 16,6% от общего количества учителей в области (9730 человек). Однако образовательный уровень учителей оставался крайне низким. По сведениям облоно высшее образование имели всего 116 учителей. При этом в начальных школах работали 312 учителей, имеющих только семилетнее образование,

Таблица 2.

**Сведения о количестве нерусских школ
в Чкаловской области на 1 октября 1944 г.⁸**

Национальность	Тип школы			Количество учащихся										Всего
	нач.	н/с	с/ш	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	VII кл.	VIII кл.	IX кл.	X кл.	
татарские	86	38	14	2430	1385	1535	1810	1220	1006	848	305	189	54	10775
чувашские	10	7	-	329	204	204	251	214	133	107	-	-	-	1442
мордовские	69	14	4	1639	947	981	1094	524	299	240	63	27	20	5834
башкирские	67	13	2	840	390	400	600	300	190	150	100	30	-	3000
казахские	88	14	1	910	580	555	615	315	280	140	40	22	11	3468
эстонские	1	1	-	70	10	12	10	5	8	-	-	-	-	115
Итого	321	87	21	6248	3489	3707	4380	2578	1916	1485	508	268	85	24634

и 160 учителей, не имеющих законченного среднего образования. Из 850 учителей, работавших в начальных нерусских школах, не было ни одного с высшим или хотя бы незаконченным высшим образованием. Недостаток высококвалифицированных кадров для национальных школ привел к постановке вопроса о возобновлении работы татаро-башкирского отделения при Чкаловском госпединституте, закрытого еще в 1938 г. Однако проверка, проведенная в институте, показала, что большая часть преподавательских кадров, работавших ранее на этом отделении, из города к этому моменту уже выехала, а фонд учебной и художественной литературы был передан различным учреждениям и не мог быть восстановлен. Для возобновления работы татаро-башкирского отделения института требовалась определенная помощь по созданию необходимой материальной базы⁹.

Основные учительские кадры в области по-прежнему готовили педагогические училища. В годы войны в Чкаловской области работало семь педучилищ, из них два училища готовили учительские кадры для национальных школ: Желтинское татаро-башкирское и Домбаровское казахское. В 1943-44 учебном году в Желтинском педучилище обучались 96 студентов (из них

24 были выпущены) и в Домбаровском училище обучались 69 учащихся (выпуск составил 13 человек). В 1944-45 учебном году набор в Желтинское училище составил 90 человек (общее количество студентов составило 156 человек). В Домбаровском училище при аналогичном плане было принято только 57 человек (общее количество обучающихся составило 93 человека)¹⁰.

Татаро-башкирское педучилище было еще в 1935 г. переведено из г. Чкалова в г. Бугуруслан. С началом войны областным советом депутатов было принято решение о переводе училища из Бугуруслана в село Желтое Зиянчуринского района. Под учебный корпус было отведено бывшее помещение казармы. В качестве общежития был предоставлен пустующий «кулацкий» дом, состоящий из трех комнат. Все студенты, нуждающиеся в общежитии, там разместиться были просто не в состоянии. Кроме того, в селе отсутствовали не только клуб, столовая, баня, прачечная и хлебопекарня, но не было и электрического освещения, что создавало дополнительные сложности для организации учебного процесса и самостоятельной работы студентов, которые вынуждены были выполнять задания при керосиновом освещении. Директор Желтинского педучилища А.М. Мусин в своей

докладной записке от 20 февраля 1946 г. просил перевести педучилище снова в г. Чкалов, предлагая разместить его в бывшем здании татарской школы №28 по адресу: ул. Орджоникидзе, 222, которая в свою очередь в годы войны была перемещена в другое помещение¹¹. Но положительного ответа на эту просьбу не было получено.

Решением Чкаловского областного исполнительного комитета от 29 сентября 1945 г. казахское педагогическое училище было возвращено из Домбаровского района в Акбулак, где для размещения учебного корпуса училища было освобождено помещение средней школы. Общежитие учащихся, столовая и кухня были временно размещены в здании татарской начальной школы. Бывшее здание училища было занято под спецгоспиталь, а в бывшем общежитии размещалась начальная школа. После переезда в Акбулак и учащиеся, и преподаватели были поставлены в очень трудное положение. Из оборудования имелось только девять парт, а также 7 скамеек, 15 шкафов, 2 дивана и 20 столов. Вместо кроватей в общежитии были поставлены столы, на каждом из которых спали по два человека. Кухня и столовая временно были вынуждены расположиться в подвальном помещении, где были земляные полы. При этом в столовой совершенно отсутствовала посуда.

В Акбулакском педучилище велась подготовка учителей как для казахских школ, так и для школ с преподаванием на русском языке. Учитывая слабый уровень подготовки абитуриентов, поступающих на казахское отделение, был создан специальный подготовительный класс. По данным на 1 января 1946 г. в казахских классах училища занимались 47 учеников (в первом – 26,

втором – 10 и подготовительном – 11) и в русских классах – 67 учеников (в первом классе – 29, во втором – 23 и в третьем – 15). Материальная необеспеченность учеников казахских классов являлась основной причиной отсева учащихся в казахских классах. Так, к концу 1945-46 учебного года в казахских классах продолжали обучаться уже только 38 человек. Отсев только за второе полугодие 1945-46 учебного года составил девять человек (в русских классах за этот же период – 4 человека).

Руководство и контроль за работой национальных школ в Чкаловской области осуществлялись инспекторами отдела народного образования по нерусским школам (Б.Г. Юсупова, Х.А. Самалаева, Х.Г. Тазитдинова). Кроме того, в 8 из 48 районов области также имелись инспекторы по нерусским школам (из них по национальности: татар – 4, казахов – 3, башкир – 1). При 20 районных кустовых и семилетних школах действовали также общественные инспекторы (всего – 25 человек). Систематический контроль осуществлялся путем фронтальных и тематических проверок работы школ с последующим анализом на педсоветах, совещаниях КМО и предметных комиссиях.

После принятия 10 сентября 1945 г. постановления бюро обкома ВКП(б) «Об улучшении дела подготовки учителей в области» инструкторами отдела школ обкома в течение всего 1945-46 учебного года проводились проверки работы районных комитетов ВКП(б) по выполнению данного постановления по отношению и к национальным педучилищам. В отчете о проверке состояния Акбулакского педучилища, проведенной инструктором отдела школ Юсуповой, отмечались тяжелые бытовые

условия проживания как учащихся, так и преподавателей училища. Все учителя, приехавшие в Акбулак из Домбаровского района, проживали в частных квартирах, где зачастую отсутствовали самые элементарные условия для работы. Так, например, преподаватель училища Газизова жила на квартире с земляным полом, где вместе с хозяевами помещались и домашние животные. Преподавание казахского языка и литературы велось по программам средней школы, так как других программ облоно предоставлено не было.

Делая выводы о результатах обследования работы Акбулакского педучилища, инструктор обкома рекомендовала обязать райисполком возратить педучилищу ранее принадлежащее ему здание и разместить там квартиры учителей, а облоно рекомендовалось обеспечить училище программами и учебниками казахского языка и литературы для всех классов казахского отделения¹². На основании этих рекомендаций чкаловский облисполком обратился с просьбой в Совет Министров СССР обязать Министерство здравоохранения СССР сформировать Акбулакский спецгоспиталь №3926, размещенный в здании средней школы и казахского педучилища¹³.

Аналогичная проверка, проведенная в Желтинском татаро-башкирском училище, также выявила серьезные недостатки как организации учебного процесса, так и бытовых условий проживания учащихся и преподавателей училища. Здание барака, переоборудованного под учебный корпус, с высокими потолками и большими, обращенными на север окнами, не протапливалось, и учащиеся вместе с преподавателями были вынуждены заниматься в верхней одежде. Парты и классные доски

не были даже покрашены. В общежитии учащихся в каждой из комнат располагалось по 15-20 человек, спать приходилось по два человека на одной постели.

К началу 1945-46 учебного года в училище обучалось 135 человек. К концу полугодия их численность сократилась до 123 человек (86 человек по национальности татар и 37 – башкир).

В результате проведения проверки было выявлено, что все занятия в училище ведутся исключительно на татарском языке. Башкирский язык и литература вследствие отсутствия преподавателей и учебных пособий не преподавались вовсе, и учителя для башкирских школ готовились исключительно на татарском языке. Естественно, это очень сильно сказывалось на качестве их профессиональной подготовки. В связи с этим группа учащихся-башкир (в документе – «коллекция башкирских студентов») обратилась к инструктору обкома с жалобой на отсутствие преподавания на башкирском языке. В результате проверки облоно было рекомендовано с 1946-47 учебного года обеспечить преподавание башкирского языка¹⁴.

Но если, несмотря на трудности, педагогические училища все-таки обеспечивали минимальные потребности области в учителях для татарских, башкирских и казахских школ, то подготовка квалифицированных преподавательских кадров для мордовских и чувашских школ практически не велась. Это приводило к тому, что абсолютное большинство преподавателей родного языка и литературы работали не по специальности. Это обстоятельство являлось одной из основных причин постепенного сокращения количества школ для детей этих этнических групп населения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ОГАЧО. Ф. 288. Оп.4. Д.252. Л.1.
2. Конев Л.М. Народное образование Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы научно-практической конференции. – Челябинск: ИП Данилов, 2003. – С. 252. (382 с.)
3. Дорошева О.А. Казахские школы Чкаловской области в 1930-е годы и в условиях Великой Отечественной войны // Казахи Оренбуржья: история и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. – С. 181-182. (204с.)
4. Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернациональ-

ного сплочения трудящихся / Ю.П. Кизин, Ф.Л. Саяхов, Г.Р. Мухаметдинов и др.: Редкол.: Т.Х. Ахмадиев (отв. ред. и др.). – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. – С. 146.

5. Там же. С. 147.
6. ОГАЧО. Ф.1000. Оп. 1. Д.1107. Л. 3.
7. ОГАЧО. Ф.1000. Оп. 1. Д.1107. Л. 4.
8. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 679. Л. 18
9. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 679. Л. 18, 18 об, 19, 19 об.
10. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 135. Л. 102-107.
11. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 56
12. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 79-80.
13. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 97. Л. 49.
14. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 89, 100, 102, 109а, 118.

ЛЮКШИНА И.В.

(г. Оренбург)

ОРЕНБУРЖЦЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ ДОКУМЕНТОВ ГБУ «ЦДНИОО» «СТАЛИНГРАД – СИМВОЛ СЛАВЫ И ПАМЯТИ»)

В феврале 2013 г. Россия отметила 70-летие разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск под Сталинградом¹. Победа Красной армии² в Сталинградской битве является крупнейшим

военно-политическим событием. Великая битва, закончившаяся окружением, разгромом и пленением вражеской группировки, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Вели-

кой Отечественной войны 1941-1945 гг. и предопределила дальнейший ход всей Второй мировой войны.

К юбилейной дате отделом использования и публикации документов государственного бюджетного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ГБУ «ЦДНННО») подготовлена выставка архивных документов и печатных изданий «Сталинград – символ Славы и Памяти», где представлено более 40 единиц хранения за 1942-2011 гг. из 9 архивных фондов (архивные документы, фотографии, печатные издания). В них содержатся воспоминания оренбуржцев, ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., участников Сталинградского сражения, сведения о помощи г. Сталинграду и в ходе сражения, и в период восстановления разрушенного города. Выставка состоит из 3-х разделов: 1. «За Волгой для нас земли нет!»; 2. «Тыл работал на Победу»; 3. «Помощь в восстановлении г. Сталинграда». При выявлении архивных документов и фотографий, составлении тематического плана выставки была проделана большая работа: восстановлены инициалы и фамилии ответственных работников партийных и комсомольских органов, рядовых граждан, определена принадлежность бойцов к воинской части, установлены воинские звания, уточнены даты документов, проаннотированы фотографии.

Чем дальше в историю уходят годы войны, тем все более ценными становятся документы военных лет, свидетельствующие о том, как все, от идеологии до производства, было подчинено одной цели – разгрому врага. В первом разделе выставки «За Волгой для нас земли нет!»

представлены документы и фотографии об участии оренбуржцев в битве за Волгу, среди которых: список комсомолок Кировского района г. Чкалова, зачисленных по партийно-комсомольской мобилизации в специальные команды для отправки в Сталинградский район ПВО (1942 г.); копия боевой характеристики В.П. Махалова, старшего механика, гвардии техника-лейтенанта 14-го отдельного гвардейского танкового полка 65-й армии (1943 г.); фотография А. Вороновой и Л.М. Старцевой, ефрейторов-наблюдателей 70 отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) 62-й армии (1943 г.); медаль «За оборону Сталинграда» и удостоверение к ней М.В. Елисеевой, ефрейтора-наблюдателя 70 отдельного батальона ВНОС 62-й армии (1944 г.); книга А.И. Родимцева «Твои, Родина, сыновья!» с автографом автора и ряд других³.

В списке комсомолок Кировского района г. Чкалова есть имя Старцевой (Голенищенко) Людмилы Михайловны. Впоследствии она более 30 лет проработала хранителем фондов партийного архива Оренбургского обкома КПСС (ныне ГБУ «ЦДНННО»). Людмила Михайловна прошла боевой путь от Сталинграда до победного мая 1945 г. в составе 70 отдельного батальона ВНОС. Помимо рукописных воспоминаний, представленных на выставке, в архиве есть фонозапись беседы с ней, где она поделилась своим первым впечатлением о войне: «...Нас привезли в Сталинград, там рассортировали, кого в зенитку, кто в ПВО попал, а мы попали в 70 отдельной батальон воздушного наблюдения и связи. Сюда отбирали девушек, у кого уже было среднее образование и

которые могли быстро освоить технику, с которой предстояло работать, в медицинские сестры мы не попали. Сталинград, когда мы прибыли, представлял собой госпиталь, из каждого окна выглядывали головы раненых. Люди эвакуировались, и дома были пустые. В этих домах размещали раненых. Нас расформировали по ротам, затем в ротам по постам, и мы получили каждый свое назначение... Когда мы только ехали в Сталинград, уже с Саратова нас начали бомбить, тогда только мы поняли, куда мы идем – на фронт. А в Сталинграде мы первый раз увидели, как отступала наша армия, сколько было раненых... Из обкома партии со мной вместе на фронт ушли Тарасова Наташа, Рожнова Валя, Вера Кривоногова. И все мы остались в одном батальоне, но по разным постам. Мы попали в самое пекло Сталинграда. Нас бомбили ежедневно по 500-700 самолетов. Такие были военные условия. Жили в землянках, которые рыли сами, рыли нары, делали из земли столик, чтобы ставить на него телефон, натаскивали из полей сено – это были у нас кровати, под голову клали мешок и противогаз, никаких одеял⁴.

В обороне г. Сталинграда (17 июля – 18 ноября 1942 г.) особо отличилась и прославилась 13-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием нашего земляка, уроженца с. Шарлык Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Родимцева. Дивизия вступила в ряды защитников города в сентябре 1942 г., когда враг начал штурм Сталинграда. Основной удар наносился в направлении Мамаева кургана и вокзала. В первый день врагу удалось лишь несколько потеснить части Красной армии. Но 14 сентября его

натиск значительно усилился. Кисходудня враг захватил Сталинградский вокзал №1 и Мамаев курган, а в районе п. Купоросного вышел к Волге. 62-я армия оказалась отрезанной от 64-й. В самые тяжелые дни середины сентября 13-я гвардейская дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Красной Слободы и переправиться в Сталинград, в центр города. Причем дивизия переправлялась в том месте, откуда гитлеровцы намеревались войти в Сталинград. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал, что «перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А.И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага»⁵. С ходу вступив в бой, дивизия выбила врага из центра города: 16 сентября гитлеровцы были отброшены и с Мамаева кургана, который являлся господствующей высотой (102 м), и в зависимости от того, в чьих руках он находился, можно было держать город под артиллерийским обстрелом. Упорные бои за Мамаев курган продолжались 135 суток. После битвы, по свидетельству защитников города, на Мамаевом кургане металла казалось больше, чем земли. До 27 сентября 1942 г. яростная борьба продолжалась за вокзал. 13 раз он переходил из рук в руки. Сохранилась надпись на стене вокзала «Здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева». Попытки исследователей после войны найти живых защитников вокзала не увенчались успехом. Здесь действительно гвардейцы стояли насмерть. «Дом Павлова» – тоже подвиг гвардейцев А.И. Родимцева. Солдаты в течение 2 месяцев удерживали в своих

руках этот стратегически важный объект. На подступах к «Дому Павлова» враг потерял больше солдат и офицеров, чем при взятии столицы Франции Парижа⁶.

Не менее жесткие бои шли за тракторный завод. Участник Сталинградской битвы, заместитель председателя Совета ветеранов производственного объединения «Оренбурггазпром» Николай Владимирович Копытов так рассказывал о защите Сталинградского тракторного завода: «В конце сентября прибыла наша родная 37 дивизия. Через Волгу уже нельзя было переправиться – моста не было, мы переправлялись на паромках. А немцы у северной окраины города вышли к Волге, поэтому нам пришлось переправляться выше, по левому берегу к Ленинградскому тракторному заводу. Таким образом, мы оказались перед тракторным заводом. Было там трудно и больно, я сошлюсь на хронику «Огненных дней» – это приложение к 3-томнику книги «Память Сталинграда», к каждой книге приложена такая хроника. От 6 июля в этой хронике написано: «Вступила в бой 37 гвардейская дивизия. Она держала натиск противника со стороны завода «Баррикады» на тракторный завод. А 16 июля написано – с легендарным мужеством сражалась 37 дивизия. Она нанесла значительный ущерб противнику и практически вся погибла». Таким образом, 37 дивизии хватило всего лишь на 10 дней. Наш полк еще хоть и нес потери, но сохранял боеготовность. Командиры дивизии вынуждены были подчинить вооруженный рабочий отряд тракторного завода. Потом их переправили на Волжские острова, с тем чтобы укрепить острова и не допустить случайной переправы немцев на них. 19 ноября воевал всего лишь один наш полк,

так как дивизия была на формировке. Мы принимали участие в артиллерийской подготовке, в день начала окружения армии Паулюса...»⁷.

Что значила оборона города, какие военные операции и хитрости освоили бойцы Красной армии, мы узнаем из автобиографического очерка А.И. Родимцева, генерал-лейтенанта, командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса от 14 августа 1947 г.: «Сталинградская битва научила меня вести уличные бои в большом городе с неравными силами. В условиях уличного боя, с каменными и кирпичными постройками надо было буквально переучивать людей наступательным действиям, приходилось действовать мелкими штурмующими группами, усиливая их ПТР (противотанковыми ружьями), ранцевыми огнеметами и т.д. ...Сталинградская битва научила меня в условиях города удерживать плацдарм в течение долгого времени против превосходящего в силах и средствах противника. Оборона была построена не только противопехотной, но она была противотанковой, противоартиллерийской, противовоздушной. Частым способом отражения атак противника был вызов артиллерии на себя. Оборона Сталинграда дала большой опыт войскам – стойко, мужественно и упорно отражать натиск врага...»⁸. После Сталинграда А.И. Родимцев был назначен командиром корпуса, в состав которого вошла 13-я гвардейская. Дивизии корпуса, громившие врага и гнавшие его все дальше на запад, получили наименования Полтавских и Кременчугских, командиру было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Несколько слов о приказе №227 от 28 июля 1942 г., широко известном как

приказ «Ни шагу назад!». В нем прямо говорилось, что страна оказалась в отчаянном положении, что дальше отступать нельзя, что все, кто без приказа отойдет со своих позиций (хотя бы и в безвыходных обстоятельствах), будут преданы суду военного трибунала. По свидетельству В.Р. Мединского, доктора исторических наук, профессора МГИМО, министра культуры Российской Федерации, литератора описывалась целая штрафная дивизия А.И. Родимцева. Однако таковой никогда не существовало. При этом он отметил, что за всю войну на всех фронтах было всего 65 штрафных батальонов (для офицеров) и 1037 штрафных рот (для солдат). И только один – 9-й отдельный штрафной просуществовал с 1942 г. по 1945 г. Обычно подобные подразделения расформировывались через несколько месяцев⁹.

Контрнаступление Красной армии началось 19 ноября 1942 г. После ожесточенных боев немецко-фашистские войска оказались зажаты в кольцо. Ликвидация окруженной группировки противника была поручена Донскому фронту под командованием К.К. Рокоссовского (Операция «Кольцо». 10 января – 2 февраля 1943 г.). В газете «Чкаловская коммуна» от 2 февраля 1943 г. под заголовком «Наши войска закончили ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных западнее центральной части Сталинграда» было опубликовано сообщение Совинформбюро: «Сегодня нашими войсками взят в плен вместе со своим штабом командующий группой немецких войск под Сталинградом, состоящей из 6-й армии и 4-й танковой армии, – генерал-фельдмаршал Паулюс и его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт. Фельдмаршальское

звание Паулюс получил несколько дней назад...». Кроме того, были указаны потери (более 100 тысяч немецких солдат и офицеров), а также военные трофеи (самолеты, танки, орудия и другое военное имущество)¹⁰.

Многие дивизии, части и соединения покрыли себя неувядаемой славой. Сотни тысяч бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии проявили беспримерный героизм и высокое воинское мастерство. Достойное место среди них занимают чкаловцы, более 3,5 тысяч которых были награждены медалью «За оборону Сталинграда»¹¹.

Еще больше людей держали бесменную трудовую вахту. Во втором разделе выставки «Тыл работал на Победу» представлены документы и фотографии, характеризующие производственную и хозяйственную деятельность тружеников Чкаловской области в дни ожесточенных боев под Сталинградом. Среди них такие примечательные документы, как обращение секретаря Чкаловского горкома ВКП(б) И.А. Безрукова к рабочим завода №545 г. Чкалова об усилении помощи фронту (1942 г.); постановление бюро Чкаловского обкома ВКП(б) №212 об отгрузке картофеля Сталинградскому фронту (1942 г.); письма фронтовиков-защитников г. Сталинграда в Чкаловский горком ВЛКСМ с просьбой оказать помощь родственникам, эвакуированным в Чкаловскую область (1942-1943 гг.); письмо бойцов и командиров Н-ской гвардейской части, сражавшейся под г. Сталинградом, колхозникам Чкаловской области с благодарностью за фронтовые подарки (1943 г.) и др.¹²

Каждый день войны был суровым испытанием для тех, кто на заводах и

фабриках, в колхозах и совхозах почти без сна, без отдыха работал под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!». П.Д. Данилин, секретарь партийной организации цеха №2 завода №314 г. Медногорска, в своем выступлении на совещании работников промышленности и транспорта Чкаловской области рассказал о выполнении ответственных заданий правительства и призвал к оказанию самой активной помощи защитникам г. Сталинграда: «...во второй половине 1942 г. коллектив завода получил личное задание товарища Сталина – освоить и начать выпуск новых видов вооружения для Красной армии. Я работаю в цехе, на долю которого выпала значительная часть задач для освоения самых ответственных деталей и узлов, которые должны быть изготовлены нашим цехом. Коллектив цеха и партийная организация цеха знали, что именно в этот период беспримерная борьба за город Сталина – Сталинград достигла наивысшего напряжения и поэтому всю работу построила именно под лозунгом «Оказание быстрейшей помощи героическим защитникам Сталинграда». Мы организовали ежедневную дачу каждому рабочему специального фронтового задания, на котором было написано «В помощь героическим защитникам Сталинграда». И уже в первые месяцы начатой работы выявилось большое количество передовых людей цеха, которые работали честно, не покладая рук, не уходя из цеха, над выполнением этих фронтовых заданий. Именно в этот период по выполнению сталинского задания выявились рабочие, которые были в цехе по 3-4 суток, добивались освоения этих переходов и выполнения норм»¹³.

Посильное участие в помощи фронту приняли все районы и города, заводы и фабрики, колхозы и совхозы области в сборе средств на вооружение Красной армии. В январе 1943 г. в колхозе «18 лет Октября» Чкаловского района побывал экипаж самолета 22-го гвардейского авиационного полка, прилетевший из г. Сталинграда на боевом самолете, купленном на личные сбережения председателя колхоза Н.П. Ваулина. В марте 1943 г. колхозники сельхозартели «Ударник второй пятилетки» Чкаловского района передали представителям 13-й гвардейской стрелковой дивизии самолет, купленный на собственные средства. В архивных фондах сохранилась фотография передачи представителям Красной армии эскадрильи боевых самолетов, купленных на средства колхозников колхоза «Свободная жизнь» Тоцкого района Чкаловской области. Кроме того, молодежь было собрано более 10 миллионов рублей на строительство второй танковой колонны им. В.П. Чкалова, о чем свидетельствует информация военного отдела Чкаловского обкома ВКП(б) в оргинструкторский отдел обкома ВКП(б) о ходе сбора средств по районам области от 13 января 1943 г.¹⁴.

После окончания Сталинградской битвы чкаловцы оказывали помощь Сталинграду и Сталинградской области. Об этом рассказывают документы третьего раздела выставки «Помощь в восстановлении г. Сталинграда». Среди особо интересных документов: список вещей (одежды, обуви, посуды и др.), отправленных коллективами организаций и заводов Чкаловской области для обеспечения детских садов г. Сталинграда (1943 г.); информация А.Ф. Степанова, секретаря Бугурусланского горкома ВКП(б) по промышленности

в оргинструкторский отдел Чкаловского обкома ВКП(б) об оказании помощи г. Сталинграду (1943 г.); постановление бюро Чкаловского обкома ВЛКСМ №72 о мобилизации комсомольцев и молодежи на строительство Сталинградского тракторного завода (1944 г.); заявление М.Ф. Чибиряковой, машинистки Ново-троицкого райкома ВЛКСМ, в ЦК ВЛКСМ с просьбой о направлении ее на восстановление г. Сталинграда (1945 г.) и т.д. Из Чкаловской области на восстановление разрушенного хозяйства города отправлялись целые эшелоны различного имущества и инвентаря: свыше 23 тысяч голов крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей, более 700 тракторов, 293 комбайна, запасные части к ним, инструменты, продовольствие, семена и многое другое. Более 800 квалифицированных кадров выехало в освобожденные районы¹⁵.

Для населения г. Сталинграда и Сталинградской области необходимо было буквально все, даже вещи домашнего обихода, образно говоря, «от трактора до ложки». Например, в одном из документов, в информации А.С. Тимонина, второго секретаря Чкаловского обкома ВЛКСМ, в отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ об оказании материальной помощи комсомольскими организациями Чкаловской области г. Сталинграду за январь 1943 г. записано: «Комсомольцы, молодежь области собрали, изготовили и отправили в г. Сталинград для заводов 2154 комплекта инструмента (зубила, метчики, кранциркули, ножовочные полотна и т.д.). Для населения г. Сталинграда изготовлено, собрано и отправлено 9240 предметов домашнего обихода и одежды, в т.ч. 127 пальто, 1112 пар ниж-

него белья, 90 корыт, 120 тазов, 960 пар детской обуви. Пионеры и школьники области собрали и отправили 3942 учебника для детей г. Сталинграда. Молодые железнодорожники Орского, Бузулукского, Оренбургского узлов изготовили, часть собрали и отправили для Сталинградской дороги 240 аппаратов связи, 70 фонарей, 20 сигнальных фуляров. Комсомольцы депо Орск отремонтировали и передали Сталинградской железной дороге 2 паровоза, 4 цистерны. Сейчас комсомольские организации г. Чкалова, Орска, Медногорска реставрируют 15 металлообрабатывающих станков для Сталинградского тракторного завода и завода «Красный Октябрь»¹⁶.

В заключение хотелось бы привести слова Героя Советского Союза, ветерана Великой Отечественной войны, нашего земляка В.В. Карпова из книги-альбома «День Победы приближали как могли... (оренбуржцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.): «Для тех, кто сражался на фронтах, кто на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах ковал победу, каждый день войны был суровым испытанием. Победа досталась нам дорогой ценой. В каждой второй оренбургской семье есть погибшие в боях. Вечная им Слава! Мы выстояли и победили! Не забывайте, мои дорогие земляки, о тех, кто добыл эту трудную Победу ценой своего здоровья, ценой собственной жизни».

С выставкой, размещенной в читальном зале ГБУ «ЦДНПО», познакомились учащиеся гимназий и лицеев, студенты вузов г. Оренбурга. Наибольший интерес вызвали документы об участии чкаловцев в сражении, ведь подвиги всегда непо-

вторимы и удивительны, они поражают воображение. Проведение экскурсий и лекций с использованием подлинных архивных документов и фотографий, несомненно, будет способствовать борьбе с фальсификацией исторических событий, воспитывать чувство патриотизма в молодом поколении.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2012 г. № 1305 «О праздновании 70-летия разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве».

2. Рабоче-крестьянская Красная армия, Красная армия – название сухопутных сил РСФСР в 1918-1922 гг. и сухопутных сил Союза Советских Социалистических Республик в 1922-1946 гг. (позднее – Советская армия).

3. ПВО – противовоздушная оборона. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 358. Л. 2; Ф. 544. Оп. 1. Д. 1080. Л. 1-7; Ф. 6002. Оп. 2. Д. 27. Л. 1; Ф. 7931. Оп. 1. Д. 127. Л. 32. Родимцев А.И. Твои, Родина, сыновья! – Киев: Госполитиздат УССР, 1962. – 276 с. (Автограф: «Дорогим землякам. Мои военные записи рассказывают о самых трудных днях для нашей Родины в годы Великой Отечественной войны. От вашего земляка и автора Александра Родимцева. 2.11.62»).

4. ЦДНИОО. Ф. 1 Фонодокументы. Дело фонда. Л. 10-13.

5. Жуков Г.К. Приступить к подготовке

контрнаступления / 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной / сост. Е.Н. Цветаев, В.С. Яровиков. – М.: Политиздат, 1990. – С. 240.

6. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии (1941-1945 гг.). – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2007. – С. 211-212.

7. ЦДНИОО. Ф. 1 Фонодокументы. Дело фонда. Л. 2-7.

8. ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 2. Д. 6. Л. 19-23.

9. Южный Урал. – 2013. – 30 января. – № 6. – С. 20-21.

10. ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 432. Л. 1.

11. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 683.

12. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 25. Л. 32; Ф. 267. Оп. 14. Д. 134. Л. 75-77; Ф. 210. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 47; Ф. 371. Оп. 7. Д. 639. Л. 29-32.

13. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 40. Л. 27об.-28.

14. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 70. Л. 6. Оп. 7. Д. 635. Л. 9-10. Д. 637. Л. 2; Ф. 7931. Оп. 2. Д. 51. Л. 2.

15. ЦДНИОО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 703. Л. 12-17; Ф. 371. Оп. 7. Д. 79. Л. 5; Ф. 1697. Оп. 1. Д. 829. Л. 31. Д. 816. Л. 1; Сайгин Н.И. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. – Челябинск: Юж.-Ур. кн. изд-во, 1973. – С. 332.

16. ЦДНИОО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 703. Л. 12-17; Ф. 371. Оп. 7. Д. 79. Л. 5; Ф. 1697. Оп. 1. Д. 829. Л. 31. Д. 816. Л. 1.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИО И ПРЕССЫ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Периодическая печать и радио сыграли большую роль в деле перестройки народного хозяйства на военный лад, а также мобилизации жителей Тувинской Народной Республики (далее – ТНР)¹ на участие в Великой Отечественной войне. В данной статье мы рассмотрим их деятельность в годы Великой Отечественной войны, опираясь на документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Республики Тыва (ГА РТ), а также воспоминания непосредственных участников событий и периодическую печать.

22 июня 1941 г. на заседании X Великого Хурала (парламента) была принята Декларация трудящихся ТНР, в которой тувинский народ провозгласил солидарность «в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним...»².

25 августа 1941 г. Центральный комитет Тувинской Народной Революционной партии (ЦК ТНРП) принял постановление «О перестройке работы газет на военный

лад»³, положившее начало реорганизации системы устной и печатной пропаганды в республике.

В связи с введенным режимом экономии бумаги выпуск газет «Шын» («Правда»), «Аревэ шыны» («Правда Тувинского революционного союза молодежи»), «Хостуг арат» («Свободный арат»)⁴ и «Вперед» продолжился в сокращенном формате. Выпуск остальных периодических изданий был приостановлен, а затем полностью прекращен. В 1942 г. в связи с ликвидацией в Туве комитетов советских граждан газета «Вперед» была передана в ведение ЦК ТНРП и переименована в «Тувинскую правду». Редколлегия газеты в составе А.А. Пальмбаха, С. Пюрбю, М.И. Пахомова, Теплякова, Н. Богатырева и В.А. Ананьина (редактор) была назначена ЦК ТНРП⁵.

Идеологические задачи, вставшие перед руководством ТНР в годы войны, потребовали выпуска новых изданий. С целью более оперативного информирования сельского населения и мобилизации его на активную помощь фронту в апреле 1942 г. была организована типография, а в мае вышел первый

номер газеты «Лениннин оруу» («Путь Ленина») в Дзун-Хемчикском районе⁶.

Подписка на газеты в 1944 г. составила 17136 экземпляров⁷. Бесперебойный выход газет в трудных условиях войны обеспечивался напряженной работой коллектива Государственной типографии, которая в числе первых предприятий ТНР включилась в социалистическое соревнование⁸.

В годы войны происходит дальнейшее усиление идеологического контроля партии над деятельностью прессы. В октябре 1941 г. с целью «политического и технического надзора за всеми печатными изданиями...» при Президиуме Малого Хурала ТНР был создан Главлит⁹. ЦК ТНРП был назначен специальный литературный консультант, проверявший идейно-политическое содержание и техническое оформление газет¹⁰. С 1942 г. газетам запретили печатать постановления ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР без разрешения одного из секретарей ЦК ТНРП¹¹.

В годы войны была значительно усилена устная пропаганда и выпуск литературы: плакатов, лозунгов и воззваний. При первичных партийных организациях были созданы агитгруппы по 3-5 человек, а при каждом хошке¹² партии – лекторские группы в составе 10-15 человек¹³. В районных центрах были организованы библиотеки, в тожземах¹⁴ – специальные читальни, где собиралась литература для партийного просвещения, местная периодика. Здесь организовывались индивидуальные и коллективные чтения газет и постановлений Совинформбюро. Только с 1 января по 1 октября 1942 г. пропагандистами и агитаторами партии было проведено 12300 бесед и читок газет, на которых присутствовало 28647 человек¹⁵.

Для повышения их идейно-теоретического и политического уровня в 1942 г. были организованы блокнот «В помощь агитатору» и ежемесячный политико-экономический журнал ЦК ТНРП «Под знаменем Ленина-Сталина» на тувинском и русском языках.

В обстановке военного времени более активной и востребованной стала радио-пропаганда. Если в 1939 г. в эфир передали 251 материал, в основном концерты и разъяснения материалов газет, то с 1 по 31 января 1942 г. – 3566 материалов: сообщения Советского информбюро – 313 раз, краткие сведения о положении за рубежом – 290, эпизоды войны – 300, литературные произведения – 234, различные лекции – 24, беседы – 36, доклады – 5, Указы Президиума Малого Хурала ТНР – 69, Постановления ЦК ТНРП – 51, Постановления Совета Министров ТНР – 42, постановления и рекомендации государственных и общественных организаций – 47, требования социалистического соревнования – 8, телеграммы – 21, приказы – 6, материалы из советских газет и журналов – 365, материалы из газет и журналов ТНР – 864, материалы радиокорреспондентов – 794, информационные сообщения – 97¹⁶. Об увеличении спроса населения можно судить по радиодоходам, план которых был перевыполнен в 1942 г. на 39,1%¹⁷. Аппараты, принимающие радиосигнал, были во многих районах, кроме Бай-Тайгинского, Сут-Хольского, Чаа-Хольского и Эрзинского.

Вопросам развития радио стало уделяться повышенное внимание. Об этом говорит создание 28 августа 1942 г. первого специального органа – Радиокomiteта при Совете Министров ТНР.

Структура комитета была дифференцирована тематически и по возрастному

принципу. Она состояла из редакции «Последних известий», секторов общеполитических радиопередач, литературно-художественных радиопередач, молодежного и детского вещания¹⁸.

На работу в комитет были приглашены советские специалисты: Л.И. Израйлевич, М.В. Черницина, М. Попкова, Богатырев. Председателем некоторое время был О. Шырап, в 1942-1943 гг. О. Сундуй. Членами комитета были также Чадамба, Тажи, Шырап, Лаптан, Гуркова, Миронова, а также первая тувинская женщина-диктор Салзынмаа Оюн¹⁹.

Анализ регулярных отчетов Радиокomiteта Совету Министров ТНР позволяет зафиксировать линию на усиление плановости и системности в его работе. В 1942 г. было проведено два собрания, на которых обсудили сетку радиовещания и план работы. В IV квартале 1942 г. была установлена сетка радиовещания: утром и вечером на тувинском и русском языках²⁰. Положительным итогом деятельности комитета стало развитие профессионализма, начало оформления радиожурналистики в самостоятельный социальный институт.

Улучшению информационного обеспечения радио и печати в январе 1942 г. способствовала организация Тувинского Телеграфного Агентства (ТУВТА). Кроме этого – привлечение в штаты редакций корреспондентов из числа активистов партии и постоянных аратских (крестьянских) корреспондентов. В радиокomiteт, к примеру, было принято 35 человек²¹. Лучшими радиокорреспондентами были признаны: из Пий-Хема Дилгижек, Дамдын-оол, Монге, из Улуг-Хема Дыртык-оол, Дагбажык, из Барун-Хемчика – Ендан, Канчыыр-оол,

Найдын, из Эрзинского кожууна – Минчеймаа. Они работали на общественных началах.

Набор постоянного штата специалистов, в первую очередь радиокорреспондентов, позволил увеличить объем вещания и сделать его разнообразным по содержанию.

Главным направлением работы радио и печати в годы войны было освещение военной тематики – героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Регулярно передавались новости с фронта, постановления, резолюции партии и правительства ТНР, материалы о жизни и трудовой деятельности народа.

28 июня 1941 г. в газетах появилась рубрика «От Советского информбюро», в которой размещалась текущая информация о боевых действиях Красной армии. Основной идеологической установкой, внедряемой местной прессой в сознание жителей Тувы, являлось воспитание чувства советского патриотизма и непоколебимой веры в победу СССР над Германией. Из газеты «Правда» республиканские газеты регулярно перепечатывали передовые статьи, такие как «Наше дело правое, и враг будет разбит», «Слава героям Отечественной войны».

Печатались литературные произведения: стихи-письма, стихи-песни, стихи-лозунги, стихи-посвящения и стихи-послания молодых тувинских писателей – С. Пюрбю, С. Сарыг-оола, О. Саган-оола, Л. Чадамба, С. Тамба, С. Самба-Людупа, К. Идам-Сюрюна, в которых воспевалось мужество, героизм и доблесть советского воина. В годы войны появился новый для тувинской прессы жанр политической

сатиры, основоположником которого стал тувинский журналист и писатель Б.Д. Ховенмей.

Писатели принимали также активное участие в работе радиокомитета. Популярными среди населения последние известия передавались в эфир каждый день. Регулярно транслировались газетные материалы, что усиливало печатную пропаганду.

Деятельность периодики и радио стала фактором всесторонней помощи советскому фронту. Под призывами «Все для фронта, все для Победы!» были проведены кампании по сбору средств на постройку самолетов для Красной армии и по оказанию помощи освобожденным от фашистов советским районам. Материалы под такими названиями, как «Сев – это тот же фронт!», «Каждый пуд хлеба – удар по врагу!», «Сделаем все, чтобы завоевать победу на наших полях!», убеждали жителей и слушателей, что в тылу можно совершить такие же героические подвиги, как и на фронте²².

В качестве образца для примера другим указывались фамилии и имена людей, принимавших активное участие в отчислении денежных средств и сдаче скота на экспорт. Работники предприятий и организаций ТНР, следуя этим призывам, подписывались на внутренние займы ТНР, отдавали всю заработную плату в фонд Победы, включались в социалистические соревнования. Общая сумма материальной помощи тувинского народа Советскому Союзу за 1941-1944 гг. составила свыше 19 млн. акша, или 66,5 млн. руб.²³.

В первые дни войны жители Тувы выражали горячее желание встать на защиту СССР от фашистских агрессоров. После

проводов на фронт в 1942 г. русских граждан, а в 1943 г. тувинских добровольцев газеты начали публиковать корреспонденции, очерки и письма. Как верно отметил Д.С. Куулар, они «отразили живую связь между тылом и фронтом»²⁴. Из рассказов командиров Красной армии люди узнали о военной службе и героических подвигах братьев Шумовых и Кудрявцевых, Х. Чургуй-оола и Т. Кечил-оола – Героев Советского Союза, Т. Нюрсата, Х. Уйнук-оола, В. Пахорукова, К. Идама, Б. Биче-оола и других тувинских воинов, имена которых вписаны в Книгу памяти Великой Отечественной войны.

В сентябре 1943 г. тувинская национальная письменность «в целях дальнейшего развития национальной культуры и приближения ее к социалистической культуре народов СССР...»²⁵ была переведена на русскую графическую основу. Уже в 1941 г. в газетах «Шын» и «Аревэ шыны» появились небольшие заметки на тувинском языке русским алфавитом, написанные собственными корреспондентами и араткорами газет.

В 1942-1943 гг. материалы передовой рубрики «Приказ Верховного Главнокомандующего» и постоянных рубрик «Письма с фронта», «С фронта Отечественной войны» в газете «Шын» стали выходить на родном языке. Однако вследствие необеспеченности типографии в достаточном количестве новым шрифтом перевод на русский алфавит продолжался до конца 1944 г.²⁶.

Интересы быстрого и качественного обучения тувинцев новому алфавиту потребовали выпуска специального издания для работников народного образования. Для них в 1944 г. был издан методический журнал «В помощь учителю» на тувинском языке²⁷.

В условиях военного времени и жесткой экономии средств решение проблем, препятствующих бесперебойному радиовещанию, было затруднительным. В 1942-1943 гг. отмечались следующие: несвоевременная передача ТУВТА и некоторыми организациями материалов, из-за чего отдельные радиопередачи не выходили в эфир в положенное время; внутренние новости давались ТУВТА в небольшом количестве и низкого качества; недостаточное число работников радиокomiteта и вытекающая из этого практика совместительства; низкий уровень квалификации корреспондентов и отсутствие специальных гонораров за передаваемые доклады, материалы, лекции, беседы и номера художественной самодеятельности²⁸.

Достаточно сложными были условия работы сотрудников, так как радиокomiteт размещался в небольшом здании, в первые годы не было даже письменных столов.

Плохим было качество передаваемой информации из-за перебоев с электричеством, нехватки напряжения, малой мощности радиоприемников. Вместо необходимых 220В напряжение было 160-180²⁹. В районах имелись аппараты, принимавшие радиосигнал, но некоторые из них не работали из-за отсутствия электричества и такого материала, как кислота.

Эти проблемы доставляли радиослушателям огромное огорчение. К примеру, из-за того, что в 1942 г. не работали приемники в Тес-Хемском, Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах, новости туда передавали только по телефону³⁰. К 1944 г. в Туве насчитывалось 7 радиоузлов общей мощностью 120 киловатт, которых хватало только для обслуживания райцентров³¹.

В 1944 г. с целью улучшения деятельности радиокomiteта встал вопрос о его объединении с Тувинским телеграфным агентством. На заседании ЦК ТНРП 7 марта заслушали доклад А.М. Чымба и постановили: «ТУВТА и радиокomiteт объединить и назвать Радио-Телеграфным агентством ТНР»³².

Таким образом, в сложных условиях военного времени развитие периодики и радио не остановилось: были организованы первое информационное агентство и Радиокomiteт, упорядочена и укреплена структура редакций, подобран постоянный штат сотрудников редакций и корреспондентов, введена постоянная сетка радиовещания.

Пресса Тувы была изменена в соответствии с текущими идеологическими задачами. Отрицательным фактом явилось то, что в связи с введенным режимом экономии бумаги было временно приостановлено, но позже так и не возобновлено издание ряда периодических изданий на тувинском языке, в более полном объеме удовлетворявших культурные потребности отдельных групп населения (национальная творческая и научная интеллигенция, русские специалисты). С другой стороны, начала выпускаться первая районная газета на тувинском языке, что сделало печать ближе и доступнее потребностям сельских жителей.

Серьезными сдерживающими факторами для радиофикации республики стали неразвитость транспортной инфраструктуры, проблемы с электричеством, отсутствие необходимых материалов. По этой причине к середине 1940-х гг. радио не стало общедоступным.

В годы Великой Отечественной войны деятельность прессы и радио стала

фактором дальнейшего сближения СССР и ТНР. Основной идеологической установкой в сознании жителей Тувы являлось воспитание чувства интернационального долга и советского патриотизма.

При участии средств массовой информации в сжатые сроки была осуществлена перестройка народного хозяйства на военный лад, организованы кампании по сбору средств и социалистические соревнования. Значительный размер материальной помощи и моральная поддержка, оказанная малочисленным народом Тувы советскому народу в годы войны, явились в немалой степени результатом агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности СМИ.

Укрепление всестороннего советско-тувинского сотрудничества в годы Великой Отечественной войны стало фактором и одной из предпосылок политической интеграции двух государств – СССР и ТНР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тувинская Народная Республика была создана в 1921 г. при поддержке и покровительстве СССР (во внешних делах), в состав СССР вступила в 1944 г.

2. Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР. – Кызыл, 1944. – С. 5.

3. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 76. Л. 65.

4. ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2499. Л. 144-145.

5. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 79. Л. 46.

6. ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2648. Л. 4.

7. ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2875. Л. 60.

8. ГА РТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

9. Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР. – Кызыл, 1944. – С. 66-67.

10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 78. Л. 30-31.

11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 80. Л. 113.

12. Хошком – хошуунный (районный) комитет партии.

13. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 78. Л. 30-32.

14. Тождем – товарищество по развитию животноводства и земледелия.

15. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 78. Л. 17.

16. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1-5.

17. ГА РТ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 56.

18. Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР. – Кызыл, 1944. – С. 67-68.

19. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1180. Л. 3.

20. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1180. Л. 4.

21. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1-5.

22. Тувинская правда, 1944, 15 апреля, 18 ноября.

23. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. – Новосибирск, 1982. – С. 259.

24. Куулар Д.С. Тувинская поэзия: Очерк истории. – Кызыл, 1970. – С. 63.

25. Постановление Совета Министров ТНР и ЦК ТНРП о переводе тувинской письменности с латинизированного на русский алфавит // Под знаменем Ленина-Сталина. 1943. ноябрь. – С. 108.

26. ГА РТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

27. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1098. Л. 62.

28. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1-5; Д. 1180. Л. 15-17.

29. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1180. Л. 15-17.

30. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1-5.

31. Костякова Ю.Б. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928-1961 гг.). Дисс...канд. ист. наук. Абакан. 2007. – С. 76.

32. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 786. Л. 1; ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2928. Л. 22.

ЖИЗНЬ В ТЫЛУ: ПИСЬМА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Превращение СССР с началом Великой Отечественной войны в военно-трудовой лагерь, живший под лозунгом «Все для фронта, все для победы!», – неоспоримый факт. За годы войны в армию были призваны свыше 31 млн. человек. Оставшиеся в тылу заменили во всех отраслях промышленности ушедших на фронт, вводили в строй эвакуированные предприятия и выпускали необходимую военную продукцию, принимали и восстанавливали раненных бойцов в развернутых за линией фронта эвакуогоспиталях, снабжали продовольствием всю страну, но главное – воюющую армию. Тяжелый труд, продолжительный рабочий день, хроническое недоедание, недостаточность медицинского обслуживания, отсутствие теплой одежды в холодное время года – вот далеко не полный перечень проблем, вставших перед гражданским населением страны в этот сложнейший в истории страны период XX века.

Статистика, определяющая хотя бы приблизительные потери советского гражданского населения в 1941-1945 гг., в настоящее время отсутствует. Для выяснения общих советских людских потерь в годы войны необходимо сравнить численность населения СССР накануне и после войны, а затем вычесть из разницы безвозвратные потери Советской Армии.

Даже самые примерные расчеты дают цифру примерно 16 млн. человек¹.

Как же жил советский тыл в эти суровые годы? Многие из тех, кто ценой своей жизни приблизил Великую Победу, не дожили до праздничных салютов, не смогли осуществить свою мечту – радоваться, учиться, растить детей в свободной от врага стране. В комплексе источников о Великой Отечественной войне как официального, так и личного происхождения этим неучтенным, незримым участникам, пожалуй, самого масштабного по трагизму события XX века отводится совсем немного места. Их имен нет на многочисленных стелах в честь Победы, не записаны они поименно в архивах, о них редко вспоминают даже близкие. С каждым годом те горькие и грозные годы становятся дальше, меньше остается людей, кто помнил их живыми, молодыми, полными самых смелых планов. Но разве меньшим может стать нравственный долг Памяти?

В нашем семейном архиве сохранились письма той поры, ставшие теперь трагическими свидетельствами времени. В военное лихолетье две моих тети потеряли малолетних детей, сгинула в оккупированном Ростове-на-Дону двоюродная бабушка с внуком-подростком. Но самой пронзительной семейной историей стала судьба младшей сестры моей мамы – Нины Новиковой.

Из семерых детей моих бабушки и бабушки она была самой одаренной, самой одержимой в постижении знаний, твердо определившей свое призвание и упорно шедшей к поставленной цели – стать врачом. В сохранившейся ведомости успеваемости (табеле) за 9 класс средней школы 1941-1942 учебного года только отличные оценки. В старших классах Нина училась в Свердловской области, уехав еще до войны к старшей сестре с целью поступить в мединститут.

Первое из сохранившихся писем датировано 15 мая (скорее всего 1942 г.). В августе 1941 года враг был уже там, где жили бабушка, мама с двумя сестрами, другие родственники. По содержанию письма видно: Нине известно, что поселок Дудоровского стекольного завода, где все жили до войны, разбит в постоянных боях, что мама получила в одной из бомбежек серьезное осколочное ранение, едва не стоившее ей жизни, что семье пришлось искать новое пристанище, что ко всем бедам добавился тиф у бабушки... Здесь же – первые тревожные ноты о военной жизни на Среднем Урале: *«Жизнь здесь дорогая и трудная. Продукты очень дорогие, цены растут с каждым днем. Да и вряд ли купить что-либо на деньги, продают все на обмен. Много вещей мы променяли ... Огород нам дают вместе с эвакуированными, семян тоже обещали дать за наличный расчет... Надо сажать картофель...»*. Тревога за родных, сожаление, что семья так разбросана, совет эвакуироваться, чтобы выжить, делают почти неприметной строчку о неважном самочувствии самой Нины. Как оказалось – это первый сигнал грядущей трагедии.

Продовольственный вопрос стал

самым насущным для гражданского населения страны, определявшим реальную возможность выживания. Так, 15 августа 1941 г. во всех городах Урала были введены карточки на хлеб, а с 1 ноября – на сахар, крупы, мясо, рыбу, жиры. Работающим выдавали карточки по месту работы, иждивенцам – в домоуправлениях. Нормы питания зависели от категории получавшего. По I категории снабжались рабочие и инженерно-технические работники (ИТР), занятые в оборонной, химической, металлургической и в ряде других отраслей, а также на важнейших стройках. Хлебная пайка I категории равнялась 800-1000 г в день, II категории – 500-600 г, детям и иждивенцам полагалось только по 400 г.²

Для гражданского населения были определены самые низкие нормы питания. Картошка стала главным продуктом питания. Ее потребление увеличилось более чем в два раза. Пищевой рацион городских жителей претерпел настолько сильное сокращение, что составлял едва половину предвоенного.

Снабжение в годы войны не соответствовало нормам, выжить, питаясь только по карточкам, было очень сложно. Только хлебные карточки отоваривались полностью, по остальным выдача зависела от поступления продуктов. В конце 1943 г. нормы на хлеб были уменьшены, во-первых, в связи с неурожаем, во-вторых, из-за увеличения числа находившихся на нормированном снабжении за счет освобожденных территорий³.

Резкая инфляция, стремительно обесценивающая деньги, приводила к невиданному росту цен. Стоимость продуктов питания и промышленных товаров

Ким Г.П.

на рынках Урала в годы войны сильно колебалась и достигла максимума в 1943-1944 гг.

К концу войны цены стали постепенно снижаться, но все-таки оставались существенно выше, чем довоенные.

Голод становился основой всех бед: ухудшающегося здоровья, постоянной тревоги за детей, за то, что не будет сил работать, получать продуктовые карточки и помогать выживать близким. Хотя централизованное распределение продовольственных и промышленных товаров не распространялось на сельскую местность, но деревня выживала за счет хозяйства и огородов. Рынок не всегда мог обеспечить продуктами, а деревня предлагала натуральный обмен: продукты менялись на продукты, вещи – на продовольствие. Но нельзя сказать, что эта форма обеспечения действовала без сбоев.

Письма Нины 1943 года выражают всю безысходность ситуации.

15 февраля 1943 г.: « ...ходили с Маней в деревню, думали достать картофеля хотя бы немного, но исходив всю деревню из дома в дом, ни на деньги, ни на вещи ничего не достали, пришли с пустыми руками к голодным ребятам. Завтра опять пойду в деревню километров за 20, понесу менять Манино зимнее пальто,

может быть, удастся достать пудов 7-8 картофеля, хотя бы на первое время. О жирах и хлебе кроме 400 гр. и мечтать не приходится. Молока литр стоит 50 р., да и достать его невозможно...» Нина в такой критической ситуации думает не о себе, а о сестре с маленькими детьми и просит о вызове для них в Казахстан, куда была эвакуирована мама с семьей.

10 мая 1943 г.: « ...положение еще усложняется болезнью Верочки. Маня пошла с ней в больницу, врач сказала, что похоже на туберкулез кости. Я предполагала об этом давно, но как-то успокаивала и себя, и Маню, думала, что все пройдет. Неужели и она (Верочка) должна погибнуть, как и Вовочка, но тот хоть сразу, а она медленно, точно свечка гаснет...».

Что можно было пережить, если скорая смерть маленького племянника кажется лучшим выходом из положения?! Опять в письме отчаянная просьба и надежда, что все-таки удастся выехать в Казахстан.

11 августа 1943 г.: Нина жалуется на мучительный кашель, жар, поднимающийся к вечеру, на отсутствие продуктов и соли. Картошку с поля пришлось убирать в холодную дождливую погоду, сушить ее негде. «Ноги все время мокрые, ботинки окончательно разбились, ходить не в чем...»

Средние цены на продукты в крупных городах Урала в годы Великой Отечественной войны, руб/кг ⁴

Продукты	Годы				
	1941	1942	1943	1944	1945
Мука ржаная	3,5	20,2	114,1	158,0	49,5
Картофель	2,3	8,9	44,7	46,8	11,3
Капуста	2,5	11,0	43,5	42,8	11,8
Говядина	20,5	72,4	314,3	280,6	112,5
Молоко	4,2	21,3	87,8	72,5	32,7
Масло сливочное	45	182	793,7	700,0	296,3

5 октября 1943 г.: Нина поступила в мединститут, живет в общежитии, где холодно и голодно. Мечтает, что будут кормить в столовой 2 раза. Надвигающаяся суровая зима ее страшит: нет пальто, валенок, истрепанная жакетка сестры не выход из положения. Просит о помощи хотя бы в первый год учебы. Но даже для того, чтобы послать посылку, требуется специальное разрешение. Кроме того, на попечении мамы в это время были больная бабушка, две сестры, да и жизнь в глухой казахстанской глубинке могла только по незнанию показаться лучшей долей.

7 декабря 1943 г.: Нина, находящаяся в туберкулезной больнице, утешает маму, получившую похоронку на мужа. Осознает свое состояние: даже в случае выздоровления она будет инвалидом. Но надеется попасть в санаторий, получить какую-нибудь работу, приобрести одежду, т. к. совсем обносилась.

1 января 1944 г.: *«Мне ведь еще 17 лет, так хочется жить, учиться, работать... Мне хочется, чтобы вы все, кто из нас переживет войну, жили долго-долго... Я согласилась бы на холод, голод, чтобы только учиться и добиться своей цели, но все планы рухнули, если выживу, то пойду снова туда же».*

19 февраля 1944 г. Нина написала маме последнее письмо: *«Страшно хочется жить, хочется как никогда, поэтому еще больше думаешь о будущем...»*⁶.

Этой же датой помечена справка, выданная клиническим стационаром Уральского туберкулезного института, о тяжелом состоянии Новиковой Н. З., болеющей открытым активным туберкулезом легких

и нуждающейся в уходе близких.

16 мая 1944 г. Нина умерла от туберкулеза легких, горла и кишечника. Эти органы при вскрытии оказались сильно пораженными при очень здоровом мозге. Нине было только 18 лет. В этом же месяце умерла и маленькая племянница Нины – Верочка. Их и в тылу, где не было бомбежек и артобстрелов, убила война. Убила голодом и холодом, страшной болезнью, невозможностью вовремя получить лечение, в котором они нуждались. Убила юных, еще не раскрывших своего человеческого и творческого потенциала, радостного познания жизни, грядущего материнства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Поляков Л.Е. Цена войны. М., 1985. С. 87; Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник: М., 1981. С. 198.

2. Ермаков А. Обеспечение тагильчан продовольствием в годы Великой Отечественной войны / http://history.ntagil.ru/11_17_vesi_05.htm

3. Рогожникова Н.Е. Продовольственный вопрос и товарно-денежные отношения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти. 1999. Вып. 1

4. Ермаков А. Обеспечение тагильчан продовольствием в годы Великой Отечественной войны / http://history.ntagil.ru/11_17_vesi_05.htm

5. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.). Екатеринбург, 1991. – С. 179-181.

6. Письма военного времени из личного архива автора.

ЛИЧНЫЙ ФОНД Н.В. КОПЫТОВА, УЧАСТНИКА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ, В ГБУ «ЦДННАО». ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ

Государственное бюджетное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (далее – ГБУ «ЦДННАО») с 2009 г. сотрудничает с Николаем Владимировичем Копытовым, ветераном Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2010 г. документы Н.В. Копытова были упорядочены и переданы на хранение в ГБУ «ЦДННАО».

Николай Владимирович Копытов родился 28 февраля 1924 г. в с. Верхний Авзян Белорецкого района Башкирской АССР. В 1931 г. семья Н.В. Копытова переехала в пос. Тузан Белорецкого района Башкирской АССР, где Николай Владимирович окончил среднюю школу. В 1941 г. добровольно вступил в РККА, окончил ускоренный курс 2-го Ленинградского артиллерийского училища. С июня 1942 г. по май 1945 г. сражался на Сталинградском, Центральном, 1-м Украинском, 2-м Белорусском фронтах: участвовал в обороне Сталинграда, в Курской битве, освобождал Украину, Польшу. В 1946 г. Н.В. Копытов был демобилизован из РККА. В 1946-1970 гг. работал в системе министерства геологии на поисках и разведке твердых полезных ископаемых, нефти, газа, с июля 1963 г. по июль 1970 г. возглавлял плановый отдел Оренбургского геологического управления.

В 1956 г. поступил в Киевский геолого-разведочный техникум по специальности «Планирование на предприятиях горной промышленности», который окончил с отличием в 1959 г.

В 1970-1975 гг. Н.В. Копытов являлся начальником планово-договорного отдела, главным экономистом Оренбургского газоперерабатывающего завода, начальником отдела организации труда и заработной платы Всесоюзного производственного объединения «Оренбурггазпром» (ВПО «Оренбурггазпром»), в 1975-1984 гг. – главный экономист ВПО «Оренбурггазпром». С 1986 г. находится на заслуженном отдыхе. С того же года и по настоящее время возглавляет Совет ветеранов Общества с ограниченной ответственностью «Газпром добыча Оренбург» (ООО «Газпром добыча Оренбург»).

За боевые и трудовые заслуги Н.В. Копытов награжден правительственными наградами, среди них ордена «Александра Невского», «Отечественной войны II степени», Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета»; медали: «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Кенигсберга», «Ветеран труда», «За доблестный труд» и др.

Документы личного фонда Н.В. Копытова систематизированы по следующим разделам: личные документы, документы творческой деятельности, документы общественной деятельности, образительные документы.

В первый раздел включены автобиография, воспоминания о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., копии удостоверений к наградам («За оборону Сталинграда», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» «За строительство магистрального газопровода «Союз», к ордену Отечественной войны II степени и др.), поздравительные письма Президента Российской Федерации (Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева), руководителей Оренбургской области с днями Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., документы Сергея Копытова (правнук Н.В. Копытова), посвященные Н.В. Копытову (стихи, исследовательская работа), статьи о Н.В. Копытове, опубликованные в средствах массовой информации, письма однополчан, почетные грамоты, благодарности руководителей г. Оренбурга, ООО «Газпром добыча Оренбург» Н.В. Копытову за многолетний и безупречный труд, за большой вклад в дело патриотического воспитания, поздравительные письма коллег, друзей.

Раздел «Документы творческой деятельности» представлен рукописью и книгой «XX век. О пережитом. Воспоминания», рецензии на книгу, опубликованные в газетах «За Оренбургский газ», «Оренбургское время», статьями Н.В. Копытова, опубликованными в журнале «Газовая промышленность», в

газетах «Комсомольское племя», «Оренбургские ведомости», «За Оренбургский газ», «Оренбургское время», «Братство», «Красная звезда», в художественно-публицистическом альманахе «Литературный факел».

В следующий раздел включены документы о работе в Совете ветеранов ООО «Газпром добыча Оренбург».

На фотодокументах Николай Владимирович изображен среди участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., во время поездки в г. Волгоград на празднование 65-летия Сталинградской битвы.

В 2011 г. на хранение в ГБУ «ЦДНННО» поступила фонозапись воспоминаний Николая Владимировича об участии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и его трудовой деятельности в ВПО «Оренбурггазпром».

Среди документов Н.В. Копытова о его участии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. особое внимание заслуживает книга «XX век. О пережитом. Воспоминания» (2-е издание, 2009 г.) и статьи, в которых Николай Владимирович делится своими воспоминаниями.

О начале войны Николай Владимирович вспоминает: «22 июня стоял погожий летний день. Когда Молотов по радио выступил, молодые, помню, особенно не переживали. Ну, война и война. На чужой ведь территории воевать будем, «малой кровью». И победим быстро. Но те, кто «финскую» прошел, мрачно молчали. А мой дядя, участник Первой мировой, сказал, что с немцами воевать трудно, большая война будет»¹.

Николай Владимирович подал заявление в артиллерийское училище, по-

сле окончания которого сразу попал под Сталинград. В первом же бою 5 августа 1942 г. у станции Качалинской недалеко от Сталинграда его ранило осколком в ногу. В госпиталь не взяли, т.к. «тогда столько было тяжело раненых, что тех, кто мог передвигаться, даже в госпиталь не брали»².

В конце сентября 1942 г. 37-я гвардейская дивизия, в которой воевал Николай Владимирович, двигалась к Сталинграду, через Волгу переправлялись на паромках, т.к. железнодорожный мост уже был взорван. После переправы войска заняли огневые позиции напротив тракторного завода, в створе с островом Зайцевским, и до 19 ноября 1942 г. обороняли тракторный завод.

Во время оборонительных боев Н.В. Копытов наблюдал за действиями авиации – штурмовые эскадрильи состояли из самолетов Ил, у которых в то время не было стрелков-радистов, хвост не защищен. Чтобы защитить впереди идущего самолеты строились «кольцом». Однажды Николай Владимирович стал свидетелем того, как немецкий мессершмитт зашел в хвост звена и сбил всех одного за другим. По ночам же бомбардировку немецких позиций осуществляли У-2.

Николай Владимирович вспоминает, что после 18 октября, когда они практически оставили тракторный завод, наступило относительное затишье. В то время началась подготовка к контрнаступлению, о чем не все знали, расход боеприпасов был лимитирован. К Сталинграду двигалось пополнение, задачей которого было окружение 6-й немецкой армии. Полк Н.В. Копытова 19 ноября принял участие в артподготовке: «Главное – не дать гитлеровцам возможности перебросить резервы и снять какую-то часть войск с

нашего участка фронта. Стоял сплошной гром в течение полутора часов, снарядов не жалели»³. После Сталинградской битвы Николай Владимирович принял участие в Курской битве, освобождал Европу, штурмовал Кенигсберг, война для него закончилась у немецкого города Грейсвальд.

Николай Владимирович в своей книге «XX век. О пережитом. Воспоминания» пишет не только об участии в боевых действиях, но и о бытовых условиях, различных ситуациях, произошедших с ним.

В период, когда батарея Н.В. Копытова направлялась к Сталинграду, они расположились на берегу реки Дон, а на противоположном берегу – немцы. Позиции батареи были на виду, начался обстрел. Вот как вспоминает этот обстрел Николай Владимирович: «К нашему счастью, и немцы допускают брак в производстве, а может быть, это была помощь наших военнопленных, делавших взрыватели для этих снарядов на заводах Германии. Снаряды ложились удивительно точно, почти прямо под орудие. Сидишь в окопе, от удара снаряда земля ходуном ходит, а взрыва нет. Примерно из полутора десятков выпущенных немцами снарядов взрывались два. Вреда нам они не причинили. Вскоре обстрел прекратился. Ночью огневую позицию сменили»⁴.

Во время обороны тракторного завода г. Сталинграда, когда немцы вели постоянный обстрел территории, имели место случаи, когда смерть граничила с повседневными потребностями людей. Вот какой случай описывает Николай Владимирович: «Обстановку этих дней может характеризовать и такой случай: бомбят нас фашисты, а есть хочется. Сели мы втроем в блиндаже,

на середину положили чемодан. Разложили хлеб, сало, суп едим из котелков. Вдруг по ступенькам в блиндаж на чемодан что-то скатывается. Осколок от бомбы граммов на сто пятьдесят. Я за него рукой – жжет. Плеснули ложку супа – кипит. Вот такую закуску нам к столу подавали фашисты в середине октября 1942 года»⁵.

Документы личного фонда Николая Владимировича Копытова представляют историческую ценность как для исследователей, изучающих вклад отдельной личности в историю области, страны, так и для исследователей, изучающих

историю Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Сотрудничество ГБУ «ЦДНИОО» с Николаем Владимировичем продолжается, личный фонд будет пополняться новыми документами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦДНИОО. Ф. 8145. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
2. Там же.
3. Копытов Н.В. XX век. О пережитом. Воспоминания. – Оренбург, 2009. – С. 29.
4. Там же. – С. 23.
5. Там же. – С. 28.

КОКШАРОВ А.Д.

(г. Оренбург)

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ЦЕННОСТИ БОЕВЫХ НАГРАД В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Вспоминая Сталинградскую, Курскую и другие битвы Великой Отечественной войны, представляется уместным обратить внимание на памятники материальной культуры – боевые награды, трофеи, элементы обмундирования, снаряжения и других «свидетелей» героических событий истории, делающих прошлое более реальным и осязаемым. В данном случае нас интересуют не предметы как таковые, а отношение к ним людей. Отношение к реликвиям обусловлено восприятием истории Отечества, славных деяний предков. Уважение истории своей страны создает нравственную основу для правильной оценки происходящего

ныне, а значит, дает возможность принимать правильные решения. Наполеон полагал, что успех на войне зависит на три четверти от нравственного элемента и лишь на одну четверть от материального. Существенное соотношение выделяет известный полководец. Можно предположить, что успех не только в войне зависит в большей степени именно от нравственной составляющей. Особенно актуально это указание Наполеона в настоящее время, когда значительное число сограждан ошибочно видят именно материальную мощь, богатство решающим фактором в жизни и общества, и отдельного человека.

Какова шкала оценки того или иного предмета, напоминающего о славных страницах истории?

При ближайшем рассмотрении этих шкал, по крайней мере, две: духовная и рыночная.

Начнем с духовной. Такой подход свойственен людям, прославившим Родину героическими подвигами («рыночники» – все в жизни меряющие на деньги, комфорт и удовольствия – среди них практически не встречаются). Исторические эпохи меняются, а мировосприятие героев-защитников Отечества неизменно. Один из многочисленных примеров – воспоминания Петра Архиповича Дукмасова. В период войны за освобождение болгарского народа 1877-1878 гг. ординарец «белого генерала» М.Д. Скобелева, храбрец, выполнявший все (подчас не дающие надежды остаться в живых) приказания, П.А. Дукмасов оставил интереснейшие воспоминания о войне в восприятии молодого казачьего офицера. Людям подобного склада не свойственно приукрашивать действительность – в таком случае рассказ для них теряет ценность. Из воспоминаний Дукмасова:

«Кажется, что тут особенного – надеть на грудь этот маленький белый крестик! Прав особенных он не дает, материальных выгод тоже. И как много мы видим людей, украшенных этою высшей воинской наградой, в самой ужасной жизненной обстановке, в нужде, в лишениях... И все-таки как гордятся они этим крестиком, который составляет для них почти единственное утешение в их тяжелой жизни и который они не уступают ни за какие сокровища, как бы ни было безвыходно их положение! И чем тяжелее достается эта

награда, чем более потеряно здоровье, более потрясена нервная система, более пережито страшных, роковых минут, тем дороже и милее становится для него этот крестик...»¹. Прошло время. Награждение утверждено императором. М.Д. Скобелев устраивает праздник для новоиспеченных георгиевских кавалеров. У Дукмасова креста нет – Скобелев снимает со своей груди и вручает ординарцу. Это тот самый крест, который когда-то молодому Скобелеву надел на грудь прямо на поле боя генерал К.П. фон Кауфман, сняв его со своего мундира! М.Д. Скобелев: «И пожалуйста, не поправляйте его – пусть так и останется с выкрошенною эмалью!»². Так относились к своим орденам герои в XIX веке и, думается, в период Великой Отечественной войны (и после нее) – подлинные воины. Награда, несмотря на массовость наградного знака, сугубо индивидуальна, как индивидуален каждый подвиг.

Сходно восприятие ценности памятных предметов. Немецкий штык, привезенный дедом (теперь уже прадедом) с войны, гильза с поля боя, пуля или осколок, вынутые хирургом из тела бойца, имеют ценность духовную. Если способность воспринимать духовные ценности не сформирована – тогда ценность реликвии для ущербного субъекта равна нулю.

Подобная ситуация с некоторыми музыкальными произведениями – без привычки они могут показаться бессмысленным набором звуков. Способность воспринимать, осознавать духовные ценности формируется с детства, постепенно. Если ребенок лишен человеческого общения – вырастает Маугли (помните – у Джозефа Редьярда Киплинга). Если не

разъяснять детям духовную составляющую важнейших событий истории – получается Маугли-потребитель, для которого духовные ценности – лишь набор звуков. Для такого достаточно «корыта»: деньги → «шопинг» → потребление (и так до бесконечности, как у наркомана, все время хочется больше денег → обильнее и роскошнее процесс покупки и т.д.). Такого рода люди руководствуются правилом: родина там, где платят больше. От многократного повторения подобные сентенции в головах людей незрелых, несамостоятельных постепенно приобретают видимость истины. Мы начинаем с важным видом кивать и рассуждать об «утечке умов за границу» (например): «Конечно, платите им достаточно (достойно), и тогда вернутся на Родину». Родина должна купить себе у этих «умов» («мозгов») любовь и верность. Недостаточно средств – ну извини, нет любви и верности – рынок. Как можно назвать такой подход одним словом? – Продажность.

Превращение народа со славной историей, добрыми традициями, обычаями и т.п. в однородную массу Маугли-потребителей – процесс сложный, развиваемый по многим направлениям одновременно. Одно из них – коллекционирование наград. С точки зрения здравого смысла – странное занятие, все равно, что коллекционировать совершенно индивидуальные документы (например, чужие паспорта). Я узнавал у весьма уважаемого коллекционера (и человека достойного), что уже в 80-е годы XX века в нашей стране существовал определенный слой коллекционеров наград. То есть людей, сознательно отделяющих в своих «коллекциях» знаки доблести от награжденных и их

подвигов. Представим себе классического колонизатора, завоевателя и эксплуататора (его не интересует судьба аборигенов – только ресурсы и эффективность извлечения прибыли). Где-нибудь в Азии (Вьетнам) или Африке: «А вот посмотрите, эти странные металлические фигурки. Туземцы придают им удивительно большое значение. Одно слово – дикари! У меня таких штук один целый ящик – приобрел за сущие гроши. Забавно наблюдать, как эти недочеловеки таращатся на мое собрание – некоторые бормочут, что их предки кровь проливали, страдания принимали, и прочую ахинею несут, ха-ха-ха!». Таковы же и коллекционирующие награды своей Родины. Среди собирателей есть достойные люди – просто многие не давали себе труда подумать, что приобретают, раскладывают, классифицируют, меняются, продают. Коллекционеры наград, не имея возможности оценить духовную сторону, будучи глухи (или слепы?) к высшим ценностям, говорят: «Это не котируется – их 140 тысяч выпустили, а это другое дело, их отчеканили около 400 штук». Какая жалкая судьба орденского знака – он «котируется» или «не котируется» у духовных слепцов. Интересный аргумент используют сторонники коллекционирования наград: «Во всем мире это делают». Разумеется, не все в мире думают, что можно торговать орденами, а если бы и все считали так – зачем нам в России сломя голову кидаться догонять духовно невосприимчивых индивидуумов – не берем ведь пример с дальтоникиков.

Люди в той или иной степени склонны к подражанию. Особенно охотно стараются походить на преуспевающих. Раз солидные, вызывающие почтение члены

общества коллекционируют символы мужества, верности, стойкости, доблести, то это занятие достойное. Будем такими же знатоками рыночной стоимости, сравнительных достоинств годов выпуска, тиражей, состояния (отличное, очень хорошее, хорошее, среднее и посредственное). Представим себе обсуждение «ценности» наград по состоянию их поверхности с А.В. Суворовым, М.Д. Скобелевым, А.И. Покрышкиным, И.Н. Кожедубом и огромным числом защитников Родины. Скорее всего, герои даже не поняли бы, о чем толкуют их духовно невосприимчивые потомки-знатоки, а если бы поняли – вряд ли поддержали бы беседу с несмышленишами, почему-то придающими решающее значение наличию или отсутствию на ордене царапин, сколов, потертостей (так мы относимся к маленьким детям: подрастешь – поймешь). Но герои молчат. Знатоки награды покупают, продают, меняются. А духовные ценности? Может быть, их никогда не было, если орден Красной Звезды стоит столько-то, а медаль «За отвагу» столько-то? Или была верность Родине, а теперь ее заменила более современная «свободная рыночная стоимость»?

Широко известный и авторитетный политолог побывал в Азербайджане. Торговля советскими наградами (в том числе и довольно редкими) весьма широка. Разве это не оскорбительно для памяти таких людей, как командир дивизиона подводных лодок капитан второго ранга Герой Советского Союза Магомед Гаджиев (погиб в бою)? Подобная торговля зачеркивает не только индивидуальные подвиги воинов, но историю их общей Родины, которую защищали даже ценой жизни. Или надо было сдать на милость Гитлера? Но

ему нужно было жизненное пространство (земля нашей Родины) и небольшое количество рабов для обслуживания экономики рейха. Славные предки не сдали Родину у мелому и рационально организующему разработку наших природных богатств врагу (немцы умеют работать!), а разгромили его. На Гитлера трудилась почти вся Европа. «Случайно» разгромить такого противника невозможно. Тут необходимо напряжение всех сил и всех граждан великой державы. Так и происходило.

Спросим себя, когда награды, получить которые люди полагали для себя великой честью, начинают продаваться? В побежденной стране. Кто возьмет себе сувениры из орденов и медалей? Победитель, оккупант. Следовательно, тот, кто торгует наградами своей Родины, ведет себя как оккупант или прихвостень оккупантов. Но СССР (так раньше называлась Россия) победил! Следовательно, мы, торгуя, унижаем победившую Родину, героев-победителей. Осознав все это, видимо, следует пересмотреть отношение к некоторым «невинным» хобби. Коллега, историк, авторитетный, талантливый и любящий Родину, в частной беседе обратил внимание на то, что в глазах владельцев различные памятные предметы имеют преувеличенную денежную стоимость. Работая в прошлом в музее, я также обращал внимание на эту особенность восприятия. Дело тут, видимо, в неосознанном смешении двух шкал ценностей – духовной (более благородной и достойной) и денежной (в приложении к мемориальным объектам примитивной и жалкой). Денежную стоимость определяют чаще всего люди, глухие к пониманию ценностей духовных (что является признаком

деградации, одичания). Люди чувствуют, что трофеев прадедушки, взятый в бою, не может стоить предлагаемые торговцем 500 (или тысячу) рублей. Это память о верной службе Родине, о боях, о ранах, о любимом родственнике. Их убеждают: «Есть спрос, предложение, устоявшиеся цены на рынке антиквариата в Европе (в самой Европе!)». Душа чувствует, что торговля и память о подвиге несовместимы, и противится. Происходит, как говорят психологи, «сшибка». Когда «сшибки» и

неприятия торговли наградами и памятными предметами возникать не будет – беда: воспоминания о героях станут карнавально-торговым бессодержательным кривлянием, поводом для потребления выпивки и «шопинга».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Скобелев М.Д. Стою за правду и за Армию. – М.: Эксмо, 2012. – (Великие полководцы). – С. 295.

2. Там же. – С. 348.

БАЛЫКОВА А.М.

(г. Уральск, Казахстан)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (1941–1945 гг.)

Огромный след в этнодемографической истории Казахстана оставила Великая Отечественная война. Из 7,6 млн. человек населения, включая спецпереселенцев и эвакуированных, на защиту Отечества встали 1200 тыс. человек. Из них погибли в годы войны 410 тыс. и пропали без вести 125 тыс. человек. За годы войны в Казахстан было также эвакуировано свыше 1 млн. человек из

района военных действий и прифронтовых регионов[1].

Начало Великой Отечественной войны и изменения Западно-Казахстанской области, вызванные переселением людей в республику, сказались кардинально на цифровых показателях.

По подсчету от 1 января 1941 г. население Западно-Казахстанской области составляло 395631 человек. Из-за снижения

численности населения на 274284 человек в годы войны по 1945 г. численность основного населения уменьшается до 121347 человек, в том числе 36548 погибших и без вести пропавших на войне[2].

Так как основное население области представляли казахи и русские, как раз они утратили основную часть своего состава. Так как 22105 казахов из 37678 мобилизованных на фронт считались погибшими на фронте или пропавшими без вести. Если по подсчету на 1 января 1941 г. в области зарегистрировано 206546 казахов, в том числе 10,7% пропало на фронте из 18,5% мобилизованных на фронт[3].

Казахи составили 49,2% от общего количества людей, призванных на военную службу. Но наиболее высокие потери в армии среди казахов были вызваны не только этим обстоятельством, но и рядом других причин. Среди них необходимо отметить более трудную адаптацию в боевых условиях, вызванную слабым знанием русского языка. Из общего призыва только 15% казахов знали русский язык в достаточной степени, более половины совершенно им не владели, а остальные понимали лишь элементарные предложения. Поэтому должного взаимопонимания между ними и офицерами, среди которых практически не было казахов, в боевых условиях не было. Кроме того, значительная часть призывников из числа казахов, а это более 90%, была призвана из сельской местности. Суровая школа войны показала, что различные курсы начальной военной подготовки, школы всеобщего обучения, военизированные кружки и другие виды обучения проводились по старинке, без учета характера современной войны – войны моторов и машин. Результатом

чего стали неоправданно высокие потери слабо подготовленного и зачастую необученного молодого пополнения как в целом в Советской армии, так и особенно в национальных формированиях.

В 1941 г. из 138709 русских, зарегистрированных по области, 29629 человек мобилизовано на фронт (21,6%), 10945 (7,8%) погибли на войне или пропали без вести.

Потери понесли все национальные группы. Погибли на фронте и в плену 2425 украинцев, или 8,7% от их общей численности в области, 602 татарина, или 6,4%, 242 еврея, или 7%, 110 белорусов, или 23,8%, а также представители других национальностей[4].

Основной поток эвакуированных в Западный Казахстан пришелся на август 1941 г. – ноябрь 1942 г. В 1941 г. в Западный Казахстан эвакуировано 16704 человек. Число эвакуированных людей по месяцам: в августе – 2561, в сентябре – 2616, в октябре – 3100, в ноябре – 2385 и в декабре – 4671 человек[5].

Подавляющее большинство прибывших в Западный Казахстан были из Украины и Белоруссии. Если из Украинской ССР переселено 8149 человек, то из Белоруссии – 3960 и Молдавии – 684 человека.

Для расселения эвакуированных были выделены г. Уральск и районы – Приуральский, Каменский, Зеленовский, Бурлинский, Теректинский, Чингирлауский и Чапаевский, в которых к началу 1943 г. было поселено 54518 человек, прибывших в организованном порядке, и около 7,5 тысячи индивидуальных беженцев.

Одной из проблем стало трудоустройство эвакуированных. Сложность заключалась в том, что около 80% были

женщины, более 60% не имели специальности и не могли полноценно работать по возрасту или по состоянию здоровья. Среди эвакуированных более 11 тысяч человек относились к семьям начсостава действующей армии, в основном жены и дети. Большой частью женщины имели гуманитарные специальности и не могли найти применение своим профессиям в условиях войны, поэтому в целом было трудоустроено только около 40% эвакуированных[6].

Материальное положение беженцев было крайне тяжелым, неработающие и иждивенцы, оторванные от родных мест и не имевшие источников существования, испытывали крайнюю нужду и лишения. Они переселялись в ходе войны в более богатые в продовольственном отношении южные районы Казахстана и Средней Азии или возвращались обратно домой сразу же по мере освобождения родных мест.

На 1 января 1942 г. в республику эвакуировано 386492 человек (в том числе более 136,5 тысячи детей), переселено 102533 поляка и 361244 немца вместо запланированных 722 тысяч, подлежащих эвакуации, и до 479 тысяч переселенцев-немцев. Таким образом, республика приняла 850273 человека. Эти переселенцы были размещены во всех областях Казахстана. В том числе в Западно-Казахстанскую область – 37182 человек (4,4%); Актюбинск – 34115 (4,0%); Гурьев – 9278 (1,1%)[7].

Среди насильственно переселенных были и местные немцы. В 1941 г. немецким жителям Уральска было приказано в течение 3 дней покинуть город и собраться в селе Подстепное. Таким образом, 18

ноября в городе не осталось ни одного немца. В 1942 г. их насильственно переселяют из Теректинского, Каменского, Зеленовского и Приурального районов. Переселенцы бросали свое жилье, скот, работу, брали с собой кое-какие необходимые вещи и обосновывались на новом месте. Они начинали новую жизнь в новых местах в тяжелых условиях. Зимой немцам приходилось жить в землянках, сараях и амбарах[8]. Из них некоторые ушли на фронт, были призваны в трудовые армии, погибли от тяжелых бытовых условий, в целом сложно определить потери немецкого народа.

Немцев-переселенцев и местных немцев размещали в основном в совхозах Таскудук, Жанатан, Жана-Турмыс, Джамбейты, Оралтобе, Булдуурты.

Среди факторов, оказавших влияние на формирование и развитие этнодемографического облика в военные годы, необходимо назвать и депортацию в Западный Казахстан ряда народов Северного Кавказа. К тому же в Западный Казахстан переселяют чеченцев, ингушев, калмыков и карачаевцев из Северного Кавказа. Из них 20309 человек распределяют в Актюбинскую область[9].

Преступное решение, принятое Государственным Комитетом обороны СССР во главе со Сталиным 31 января 1944 г., привело к выселению с родных мест около 3 млн. человек. Из них только в пути погибло до 1 млн. человек. Люди, прибывая на новые места поселения, несли лишения и тяготы, связанные с неустроенностью быта и отсутствием элементарных условий жизни. Помощь и поддержка простых жителей спасла многих из них, поэтому для тех, кто

остался жив, Казахстан стал вторым домом. Трагедия народов Северного Кавказа прямым образом затронула жителей Западного Казахстана, они приютили тысячи людей, делились в это тяжелое время хлебом и жильем, так как никакого строительства домов для депортированных людей не велось. Возвращение на родину началось лишь со второй половины 50-х годов.

По мере освобождения советской территории от фашистских захватчиков эвакуированные стали возвращаться в свои родные места. Эта реэвакуация началась в 1943 г.. Если 1 августа 1944 г. по Западному Казахстану оставалось 12152 эвакуированных, то к 1 августа 1946 г. их осталось 1416 человек[10].

Таким образом, в годы войны на территории региона проходили интенсивные миграционные перемещения населения. Коренное население несло большие потери в результате убыли на фронте и в тылу, снижения естественного прироста, переселения за пределы региона, что сказалось на общем уменьшении численности населения Западного Казахстана. Вместе с тем эвакуация и депортация в годы войны людей разных национальностей привела к изменению структуры населения. Более многонациональным стал этнический

состав населения, появились новые национальные группы. Война сблизила их судьбы. А Западный Казахстан в эти годы стал надежным домом для новых поселенцев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Козыбаев М.К. История Казахстана. Алматы. 1992. – С. 221.
2. История сталинского Гулага. Спецпереселенцы в СССР. Т. 5. М. 2004. С. 713.
3. Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. Алматы. 1993.-С.89.
4. Романов Ю. Депортация народов и проблема прав человека. Материалы семинара. Алматы. 12 июня 1997 г. – Алматы: Фонд «ХХI». 1998. С. 43.
5. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алматы. 2004. С. 242.
6. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане. (1917-1980 гг.). Алматы. 1989. С.44
7. Алдажуманов К.С. Депортация народов и проблема прав человека. Алматы. 1998. С.10.
8. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алматы. 2004. С. 244.
9. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов// Вопросы истории № 7. М. 1990.
10. Букаткин П.Р. Западно-казахстанцы в годы суровых испытаний (1941-1945 гг.). Уральск. 2005. С.128.

КОБДАБАЕВА А. Б.

(г. Уральск, Казахстан)

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война потребовала пересмотра системы подготовки военных кадров. Одной из возникших проблем стало создание и совершенствование системы восполнения офицерских кадров младшего и среднего звена, убывавшего в непропорциональном исчислении в первые годы оборонительных боев и отступлений. Безвозвратные потери офицеров, особенно в начальном периоде, были весьма значительными.

В этих условиях военно-политическое руководство страны вынуждено было спешно принять неотложные меры к обеспечению войск офицерами и созданию необходимого их резерва.

В октябре 1941 г. на фронтах и армиях создаются трехмесячные курсы младших лейтенантов, младших политруков, а затем и курсы усовершенствования начальствующего состава. Проведенные мероприятия способствовали значительному росту офицерского корпуса. В дальнейшем происходит реорганизация системы подготовки среднего состава путем создания более крупных военно-учебных центров и курсов. Еще одним шагом руководства страны в решении

данной проблемы стало введение военной подготовки студентов. Это позволило значительно увеличить корпус офицерского запаса.

К началу 1944 г. эту задачу выполняли уже 31 высшее учебное заведение, 220 военных училищ и 2000 различных курсов переподготовки. Ежегодный выпуск из военно-учебного заведения составлял 400-500 человек, а вся система за годы войны обеспечила подготовку 2 млн. офицеров. Задача восполнения офицерских кадров была успешно решена. Определенную лепту в решение этой задачи внес и Казахстан.

На территории Казахстана в годы войны работали многие военные учебные заведения. Всего в республике в 1941-1945 гг. действовали 27 военных учебных заведений, в которых обучалось более 16 тысяч офицеров, около 10,5 тысячи человек было отправлено на фронт до завершения учебы[1].

И тем не менее война требовала военной подготовки населения в более широких масштабах. Считая, что каждый гражданин СССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу,

чтобы быть подготовленным с оружием в руках защищать свою Родину, Государственный Комитет Обороны 17 сентября 1941 г. принял постановление о введении с 1 октября обязательного военного обучения для мужчин в возрасте от 16 до 50 лет[2].

Под руководством партийных комитетов созданные в облвоенкоматах отделы и выделенные в райвоенкоматах инструкторы Всеобуча приступили к организации военно-учебных пунктов и подразделений Всеобуча. На 25.XI.41 г. в них занималось уже 14648 человек[3]. Военные отделы обкома и райкомов партии проводили большую работу по подбору командного состава подразделений Всеобуча, утвердив 818 командиров батальонов, рот и взводов. Кроме того, из партийно-комсомольского актива в ротах были назначены политруки, помощники политруков по комсомолу, редакторы стенных газет, а во взводах и отделениях – выделены агитаторы. Особое внимание было обращено на изучение русского языка казахами, чтобы лучше понимать военную терминологию. Вторая трудность – недостаток учебных пособий, плакатов, макетов и главное – винтовок, пулеметов, особенно станковых, и минометов.

Еще в сентябре 1941 г. в соответствии с решением бюро Уральского горкома КП Казахстана от 13 сентября городской промышленный комбинат начал выпуск наглядных пособий – плакатов для пунктов Всеобуча, а в октябре месяце силами коллектива станции Уральск были изготовлены макеты двух танков, гранат, винтовок. На 1 декабря 1941 г. учебные пункты Всеобуча в Уральске имели 10 ручных и станковых пулеметов, 167 учебных вин-

товок и более 800 других видов учебного оружия, макетов и плакатов[4].

Стремление советских граждан подготовиться из себя знающего воина, большая политико-воспитательная работа в подразделениях Всеобуча способствовали улучшению боевой подготовки бойцов. За время учебы они изучили материальную часть винтовки, гранаты, пулеметов, миномета и научились метко стрелять. В лучших подразделениях Всеобуча под командованием лейтенантов Уронина, Калдыгарина, Никитина, Блинцева и других командиров и политработников бойцы научились оценивать местность для наступления и обороны, измерять расстояние до цели, знать действия одиночного бойца в дозоре, разведке, обороне и наступлении.

В письмах с фронта бывшие бойцы Всеобуча благодарили командование за обучение военному мастерству и делились своими боевыми успехами. Так, боец Соболев писал своему бывшему командиру Всеобуча А. Никитину: «В походах и боях я часто вспоминаю Вас и благодарю за первые военные знания и привычку переносить трудности, которые Вы привили мне и моим товарищам».

В подразделениях Всеобуча были проведены партийные и комсомольские собрания, где состоялся деловой разговор об авангардной роли коммунистов и комсомольцев-бойцов в боевой подготовке и воспитании воинской дисциплины. Организовано чтение цикла лекций квалифицированных преподавателей из Ленинградского и Одесского военных училищ. Начальник отдела Всеобуча областного военкомата майор Н. Волков, лучшие командиры и политработники, а также бойцы-отличники А. Савельев,

С. Брыжов выступали по радио и в областной печати, где рассказывали об успехах своих подразделений по военному обучению граждан и значении Всеобуча. По примеру 3-й роты были подготовлены витрины в помощь изучающим военное дело, регулярно пополнявшиеся вырезками из газет, и «Доски отличников».

С бойцами подразделений обсуждались важнейшие постановления ГКО, ЦК партии и советского правительства, а также статьи «Правды»: «Бойцы Всеобуча готовятся бить врага», «О производительности труда в военное время», «Опыт передовых частей Красной Армии» и другие. Для бойцов Всеобуча был организован просмотр кинокартин, встречи с участниками Великой Отечественной войны. 15 ноября 1941 г. в городском театре состоялось собрание подразделений Всеобуча с докладом «Итоги Великой Отечественной войны за 5 месяцев»[5].

Военно-организаторская работа осложнялась тем, что в область начинают прибывать эвакуированные Ворошиловоградская военная школа пилотов, Одесское Краснознаменное пехотное училище имени Ворошилова, Ленинградское училище связи им. Ленсовета, 22-я и 40-я военно-авиационные школы воздушных стрелков-радистов и младших авиаспециалистов, Московская школа радиоспециалистов, курсы младших лейтенантов и командиров рот Сталинградского фронта, 249-й полк 35-й дивизии НКВД, 1-й и 43-й отдельные ремонтно-восстановительные батальоны связи, 489-й линейный батальон связи, 106-я и 111-я отдельные телеграфно-строительные роты, военно-оперативный узел связи, 54-я база-резерв танков и самоходных установок, 8-й и

134-й автобатальоны, филиал Центрального химвоенного Красноармейского госпиталя, 5-й батальон химической обороны, Центральный химвоенный склад №3435 и хим. мастерская литер «М», 3-й фронтальной железнодорожный парк, 5-й и 71-й отдельные батальоны воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), авиасклад №19 и автотанкового имущества №2035, 10 фронтальных эвакуационных госпиталей (2343, 1806, 3261, 304, 2997, 3011, 3974, 3975, 4111 и сортировочный) и передвижной госпиталь №3261; 214-й, 213-й Центральный и окружной продсклады и 40-й полевой мясокombинат; 1622-й санитарный и 707-й ветеринарный фронтальные склады; 2122-й и 1048-й базисные склады ГСМ, этапно-заградительная комендатура, отдельная рота по охране архивов Великой Отечественной войны, 335-я и 399-я аэродромно-технические роты, 189-я аэродромно-техническая команда, 126-я комендатура промежуточного аэродрома; 16-я и 57-я отдельные радиостанции «РАФ»; 254-й авиасклад боеприпасов и отдельные подразделения[6].

Для их размещения и создания необходимых условий для подготовки командного и начальствующего состава, выполнения других неотложных заданий фронта и лечения раненых требовались лечебные, учебные, производственные и складские помещения и жилье для многочисленного, но необходимого обслуживающего персонала. Их решение требовало большого напряжения сил и средств, порою наталкивалось на неразрешимые проблемы на местах, вынуждало принимать в оперативном порядке неординарные решения и учитывать особенности при размещении эвакуационных госпиталей.

Приняты были все меры по мобилизации людских ресурсов в Красную армию. Но фронт требовал все новые и новые подготовленные резервы. Только в 1941 и 1942 гг. в оперативном порядке были направлены пополнения в 312-ю стрелковую дивизию, принявшую участие в тяжелых боях под Москвой; в 135-ю стрелковую дивизию под Тулу, в 18-й танковый корпус в Россось, на Волховский фронт под Тихвин и ст. Хвойную Октябрьской железной дороги, в 193-ю стрелковую дивизию на Брянский фронт и другие соединения и части, где складывалась особенно тяжелая обстановка, а также в 86-ю артиллерийскую бригаду на Дальний Восток, прошедшую позднее боевой путь до Берлина.

Работа по подготовке боевых резервов, начиная от подразделений Всеобща, отрядов народного ополчения и формирования воинских частей до маршевых пополнений и обучения курсантов в эвакуированных воинских училищах и школах, была не кратковременной кампанией, но продолжалась в ходе всей войны. Условия, созданные в области, дали возможность только Ворошиловоградской военной авиашколе подготовить 1539 летчиков. Б.А. Кочешков из Луганска пишет, что «... ее воспитанники прямо из Уральска шли на фронт. 190 Героев Советского Союза, 9 дважды Героев воспитала эта школа. Курсантом школы был капитан Гастелло»[7].

Все годы Великой Отечественной войны в Уральске действовал военный аэроклуб, который подготовил более 1500 летчиков, из них К.Я. Малин был удостоен звания Героя Советского Союза, а Л.И. Беда совершил 214 боевых вылета на штурмовку укреплений и войск противника, за героизм и мужество в боях

за освобождение Украины и Белоруссии бесстрашный летчик-штурмовик в октябре 1944 г. и в июне 1945 г. дважды был удостоен медалей «Золотая Звезда». Генерал-лейтенант авиации, заслуженный военный летчик СССР погиб в декабре 1976 г. при исполнении служебных обязанностей.

Бронзовый бюст установлен в родном Кустанае. Его именем названы улицы в городах Белоруссии, школа в Харькове. В военно-историческом музее ЗКГУ ему посвящен стенд фотодокументов с дарственными надписями прославленного советского аса Л.И. Беды.

Летом 1940 г. аэроклуб в Уральске окончила единственная летчица-казашка, штурман-стрелок Х. Доспанова. Хиуаз Каирмановна была зачислена штурманом-стрелком в 588-й ночной бомбардировочный авиаполк. Боевые задания выполняла на Южном фронте, Северном Кавказе, в Закавказье, Украине и Белоруссии. На легкомоторном самолете она совершила 300 боевых вылетов. За храбрость и отвагу в Великой Отечественной войне она награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Красного Знамени, медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и другими боевыми наградами. Дважды отважная летчица была тяжело ранена, но вновь возвращалась в строй и встретила Победу под Берлином. 7 декабря 2004 г. Указом Президента Республики Казахстан Хиуаз Доспановой было присвоено звание «Халық қаһарманы» с вручением знака особого отличия – Золотой Звезды и ордена «Отан». В родном Атырау открыли памятник в ее честь и присвоили имя легендарной летчицы Дворцу спорта, в городе Алматы в ее

честь названа улица, а в Уральске в 2010 г. решением ономастической комиссии имя Х. Доспановой было присвоено уральской средней школе №30.

После окончания Московской школы радиоспециалистов были переброшены во вражеский тыл в леса Белоруссии и Карелии Н. Байсеитова, З.Д. Дрейчук и М. Макатова, мужественно переносившие все тяготы и опасности партизанской жизни. Были удостоены боевых наград, Нурганым, кроме того, Почетного знака «Партизану Белоруссии».

Из стен главного корпуса Уральского пединститута, в котором размещалось Ленинградское училище связи им. Ленсовета, получавшее всестороннюю помощь города, вышли тысячи высококвалифицированных офицеров-радивов. И до сих пор они ежегодно проводят встречи выпускников-ветеранов войны в актовом зале института, где тогда стояли их двухрусные курсантские койки и примитивные печки из железных бочек. Одесское военное пехотное училище за хорошую подготовку офицеров, младшего командного состава и курсантских подразделений для фронта было награждено орденом Красного Знамени.

Таким образом, Великая Отечественная война показала всему миру профессиональные знания и умения вести боевые

действия, высокое чувство патриотизма командиров Красной армии. Советский Союз сумел за короткое время перевезти все учебные заведения вглубь страны и подготовить командиров, необходимых для Победы. А офицерские кадры, прошедшие подготовку в военно-учебных заведениях Казахстана, являлись костяком военных кадров в сформированных воинских частях 1941-1945 гг. Они оправдали доверие своего народа на полях сражений, своим тактическим и военным искусством превзошли во многом офицеров фашистской Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Козыбаев М.К. История Казахстана. Алматы: Казахстан-Атамұра. 1992. – С. 221.

2. Сборник документов и материалов по истории СССР (1917-1958 гг.). МГУ, 1966. – С. 408.

3. Казахстан в первый год Великой Отечественной войны. Алматы. 1993. – С.378.

4. ГА ЗКО, ф.4, оп.10, ед.хр.67, л.223.

5. ГА ЗКО, ф.4, оп.10, ед.хр.677, л.3.

6. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг., т. 1. – С.511-512.

7. Букаткин П.Р. Казахстан – арсенал фронта. «Приуралье», 26 июня 1971 г.

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ (1946–1953 гг.)

Окончание Великой Отечественной войны поставило ряд новых задач перед Советским государством. Необходимо было восстановить промышленное производство в западных областях, удовлетворить нужды населения в социально-бытовой сфере. Не стала исключением и аграрная отрасль.

В военное время важную роль в налаживании работы сельского хозяйства играли местные органы государственной власти. Существенно возросла роль сельских Советов¹. Именно они стали организаторами агротехнических мероприятий на селе. Выполняя указания центральных органов власти по обеспечению успешного проведения сельскохозяйственных кампаний, Советы депутатов трудящихся и их исполкомы регулярно рассматривали вопросы аграрного развития Южноуральского региона².

Важным участком в деятельности местных Советов в послевоенные годы продолжали оставаться организация и проведение весеннего сева. В областной и районной печати отражалось проведение смотров готовности к севу³. Например, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане

развития сельского хозяйства на 1946 год» и в целях скорейшего завершения подготовки к весеннему севу Чкаловский облисполком и бюро обкома ВКП(б) постановили провести в период с 20 по 30 марта 1946 г. смотр готовности колхозов, МТС и совхозов области к весенне-полевым работам. По результатам организованной проверки выполнения взятых районами обязательств областной исполком поставил задачу перед райисполкомами, райкомами ВКП(б), директорами МТС и совхозов, председателями сельских Советов и колхозов «вовлечь в проведение смотра всех колхозников, работников МТС и совхозов»⁴. Кроме того, райкомами ВКП(б) и райисполкомами создавались комиссии по проведению смотра готовности каждого колхоза, МТС и совхоза. Итоги смотра предполагалось обсудить на собраниях колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов⁵.

Подобные меры предпринимались и в дальнейшем. К примеру, Чкаловский облисполком и бюро обкома партии постановили провести в период с 15 по 25 марта 1947 г. смотр готовности колхозов, МТС и совхозов к севу. Для проведения смотра предлагалось привлечь работников

совхозов, колхозников, трактористов и др. Как сообщалось в местной газете, в «районах создаются комиссии по проведению смотра в составе» членов бюро райкома партии, райисполкома, ответственных работников районного партийного и советского актива, специалистов сельского хозяйства, руководящих работников и стахановцев соревнующихся совхозов, МТС и колхозов»⁶.

Итоги смотра также освещались в печати. К примеру, рассмотрев итоги смотра готовности колхозов, совхозов и МТС Кваркенского района в начале апреля 1947 г. райисполком и райком ВКП(б) признали, что «наиболее хорошо подготовились к весеннему севу колхозы «Красный Урал», «Крестьянский труд» и им. Шевченко»⁷. Рассмотрев итоги социалистического соревнования колхозов района на весеннем севе 1948 г., Адамовский райисполком и бюро райкома ВКП(б) постановили признать победителями в соревновании колхоз «Новый быт», выполнивший план сева яровых культур за девять рабочих дней на 114%, план посева пшеницы – на 125%; колхоз им. В.И. Ленина, выполнивший план сева яровых культур на 123,3% за 14 рабочих дней, план пшеницы – на 112%. Хороших показателей также добились колхозы им. Чапаева, «Энбекши», им. Сталина, «Победа»⁸. Итоги весеннего сева по Адамовскому району были подведены на третьей сессии райсовета⁹.

Стремясь обеспечить скорейшее проведение весенне-посевной кампании, местные органы власти принимали различные решения и постановления. Указанные шаги широко освещались в печати¹⁰. К примеру, в 1950 г. в газете «Сталинский путь» были опубликованы

условия занесения на областную Доску Почета в газете «Чкаловская коммуна» и вручения переходящих Красных знамен облисполкома и обкома ВКП(б) за успешное проведение весенних полевых работ и подъема паров в 1950 г.¹¹. Аналогичные решения нашли отражение в деятельности районного руководства. Так, 10 апреля 1950 г. исполком Кувандыжского райсовета и бюро райкома ВКП(б) издали постановление «Об условиях занесения на районную Доску Почета в газете «Сталинский путь» и вручения переходящих Красных знамен райисполкома и райкома ВКП(б) за успешное проведение весенних полевых работ в 1950 году»¹².

Неудовлетворительная работа по проведению сельскохозяйственных кампаний становилась объектом пристального внимания печати. К примеру, 28 февраля 1949 г. сессия Тепловского райсовета в своем решении отметила плохую организацию массово-политической работы Усовского сельсовета среди населения. Однако за прошедшие пять месяцев работа сельсовета не улучшилась. «За все время с начала года председатель Усовского сельсовета провел только одну сессию и 8 исполкомов, но такой важный вопрос, как постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июня 1949 г. об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1949 г., не обсуждался ни на заседании исполкома, ни на сессии»¹³.

Районное руководство регулярно сообщало о проведении посевных работ. К примеру, в Чкаловской области первыми об окончании весеннего сева 1949 г. рапортовали колхозы Буранного и Домбаровского районов. По сообщению секретаря райисполкома Кириллова,

«сельские советы Буранного района развернули широкое соревнование за успешную подготовку и проведение весеннего сева среди колхозов, бригад и звеньев и отдельных колхозников. 68 депутатов сельских Советов работали непосредственно в поле – в колхозах и МТС. ... 8 мая доложил о выполнении плана сева председатель колхоза им. Персиянова Арапов – депутат Изобильного сельсовета, 9 мая – председатель колхоза «Илек-Хобда» Шмаргилов»¹⁴.

Не менее результативной стала деятельность Федоровского сельсовета Сорочинского района, колхозы которого первыми в районе завершили весенний сев 1949 г. «Основную роль в хорошей организации весенне-полевых работ сыграл как весь состав Федоровского сельсовета, так и отдельные его депутаты. Перед началом сева сельсовет во главе с председателем Демьяненко составил твердый план своей работы в дни сева. Через постоянную сельскохозяйственную комиссию сельсовет организовал тщательную проверку готовности колхозов к севу»¹⁵.

Большое внимание уделялось работе агротехнических кружков. Так, в газете «Ударники полей» сообщалось: «Регулярно проводятся занятия в колхозе им. Сталина, где агротехническим кружком руководит т. Гилязов, в зоотехническом кружке бригады №3 колхоза им. Чапаева – руководитель т. Дорошенко, и некоторых других колхозах». Вместе с тем некоторые правления колхозов срывали проведение этих занятий. Поэтому председателям колхозов, руководителям курсов предлагалось «немедленно наладить регулярную учебу колхозников»¹⁶.

На страницах местных газет печатались обращения колхозников, колхозниц, работников МТС и совхозов по подъему сельского хозяйства¹⁷, сводки о ходе сева, уборки хлебов, подъеме зяби и севе озимых¹⁸.

В конце февраля – начале марта 1949 г. райисполкомы провели инструктивные совещания. По Чкаловской области в помощь сельсоветам направили 887 человек из числа депутатов, членов исполкомов и районного советского актива. В Краснохолмском и Кувандыкском районах обязательства председателей сельсоветов обсуждались на районных совещаниях председателей сельских Советов совместно с активом, а затем на общих собраниях колхозников и сходах граждан, в Андреевском и Бузулукском районах – на районных совещаниях передовиков сельского хозяйства¹⁹. Активное участие в организации взаимопроверок приняли постоянные сельскохозяйственные комиссии Советов. Итоги их работы подвели общие собрания колхозников.

Важным участком работы местных Советов стала организация и проведение социалистических соревнований, которые затрагивали как отдельные колхозы, совхозы и МТС, так и целые районы²⁰. К примеру, в 1949 г. было организовано соревнование Андреевского и Тепловского районов по выполнению плана подъема паров, заготовке кормов, прополке хлебов²¹. В 1951 г. проведено соревнование за высокий урожай между колхозами, совхозами района²².

Под руководством местных органов власти колхозники, работники МТС и совхозов брали на себя обязательства²³. В частности, колхозники, рабочие МТС Асе-

кеевского района в соревновании с хлеборобами Краснопартизанского района взяли обязательства провести сев ранних зерновых культур за 5-7 рабочих дней, а сев всех культур – за 8-10 рабочих дней, вырастить в 1951 г. высокий урожай всех сельскохозяйственных культур²⁴.

Результаты выполнения обязательств и проводимых соревнований обсуждались как на заседаниях районных исполкомов, так и печатались в местной печати. В частности, по сообщению районной газеты «Точкая правда», «обсудив итоги соцсоревнования колхозов, бригад и звеньев на подъеме паров, прополке, сенокосе и заготовке кормов по состоянию на 1 июля 1946 г., Тощкий райисполком и бюро райкома партии постановили вручить переходящие Красные знамена колхозу им. Коминтерна, тракторной бригаде Ф. Сальцева из Тощкой МТС, звену лобогрейщика М.П. Подольских из колхоза им. Куйбышева. Отметить хорошую работу колхозов «Землероб», им. Стерелюхина, «Образцовый», им. Чапаева и «Красная заря»; машиниста сенокосилки Н. Рюмшина из колхоза «Искра» Тощкого сельсовета; лобогрейщиков П.М. Корчагина, В.К. Черникова из колхоза им. К. Маркса, колхозника-опытника М.Д. Карпова из колхоза «Новая жизнь», тракторные бригады Е.П. Карпова, П.А. Воронова, Ф.Н. Душкина. Выделить фонд промтоваров для премирования руководителей колхоза и колхозников сельхозартели им. Коминтерна на сумму 1500 руб., трактористов бригады Ф. Сальцева на сумму 500 руб., лобогрейщика Подольских – 250 руб., машиниста сенокосилки Рюмнина – 200 руб., звена М.Д. Карпова – 150 руб.»²⁵.

Во многих районах вопрос о со-

циалистическом соревновании сельских Советов обсуждался на заседаниях райисполкомов. Новые обязательства соцсоревнования в Чкаловской области приняли в 1949 г. сессии 789 сельсоветов, 311 сходов граждан и 1137 колхозных собраний²⁶. Они касались всех отраслей работы сельсоветов: сельского хозяйства, культуры, здравоохранения и др.

Особое значение местные органы власти Южного Урала уделяли недооценке райисполкомами роли соцсоревнования сельских и поселковых Советов. К примеру, в 1948 г. не осуществлял руководство соревнованием сельских Советов исполком Секретарского райсовета Чкаловской области. Подобная ситуация повторилась и в 1949 г. При обсуждении обязательств на 1949 г. Секретарский райисполком не послал в сельсоветы ни одного представителя и самоустранился от организации соревнования²⁷.

Важную роль в организации соцсоревнования играли постоянно-действующие комиссии. Их значимость не раз подчеркивалась советским руководством. За достигнутые в 1948 г. успехи в хозяйственном и культурном строительстве Хабарненскому сельсовету Халиловского района Чкаловской области присудили первую премию, вручили переходящее Красное знамя облизполкома. Отмечая его успехи в бюллетене облизполкома, секретарь Халиловского райисполкома Н. Усачев сообщал: «Сельский Совет добился успехов потому, что он крепко связан с широким активом, опираясь на который проводил свою организационно-массовую работу». К примеру, И.Н. Кузьмищев, будучи бригадиром полеводческой бригады,

одновременно работал в постоянной сельскохозяйственной комиссии и оказывал сельсовету большую помощь как агитатор. Всего насчитывалось около 30 активистов сельского Совета, 18-ти из них исполком сельсовета выдал премии из средств, предназначенных облисполкомом для премирования актива²⁸.

Таким образом, местные органы государственной власти Южного Урала уделяли пристальное внимание аграрной сфере в условиях мирного строительства. Несмотря на возникавшие трудности, отрасль обеспечивалась необходимыми техникой, инвентарем, рабочей силой, что нашло отражение в официальных печатных изданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Устинова, О.Ю. Участие местных органов власти в продовольственном снабжении колхозами и совхозами населения Чкаловской области в 1941-1942 гг. / О.Ю. Устинова // Управление экономическим ростом в АПК: методология, теория и практика хозяйствования : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.А. Соловьева, Г.В. Петровой, Н.Н. Дубачинской. Оренбург, 2006. С. 158 – 162; Она же. Из опыта работы местных Советов депутатов трудящихся по решению вопросов сельскохозяйственного производства в 1941-1945 гг. / О.Ю. Устинова // Великие реформы 1860-1870-х гг. и аграрная Россия : сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2011. С. 326 – 329; Федорова, А.В. В тылу как на фронте (Оренбургская деревня в годы Великой Отечественной войны) / А.В. Федорова // Великая Отечественная война и Южный Урал 1941-1945 гг. : сб. ст. и материалов / под ред. А.В. Федоровой. Оренбург, 1995. С. 23; и др.

2. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 704. Л. 43.

3. Михайлов, К.К. Севу готовы / К. Михайлов // Белозерский колхозник. 1950. 12 марта. С. 1; О ходе подготовки колхозников, МТС и совхозов к весеннему севу // Там же. 24 марта. С. 1; Отлично подготовить к севу семена // Сталинский путь. 1950. 9 апр. С. 1; и др.

4. О проведении смотра готовности колхозов, МТС и совхозов к весеннему севу 1946 года // Точка правда. 1946. 22 марта. С. 1.

5. Там же.

6. О проведении смотра готовности колхозов, МТС и совхозов к весеннему севу // Соль-Илецкая коммуна. 1947. 7 марта. С. 2.

7. Об итогах социалистического соревнования колхозов, МТС и совхозов в подготовке к севу // Советская степь. 1947. 6 апр. С. 1.

8. В райисполкоме и райкоме ВКП(б). Об итогах социалистического соревнования колхозов на весеннем севе 1948 года // Социалистический труд. 1948. 1 июля. С. 1.

9. 3-я сессия районного Совета депутатов трудящихся // Социалистический труд. 1948. 1 июля. С. 1.

10. Так готовиться к весне! // Советская степь. 1947. 30 марта. С. 1; Отлично подготовиться и провести весенний сев // Там же. 6 апр. С. 1; О ходе подготовки колхозов, МТС и совхозов к весеннему севу // Сталинский путь. 1950. 10 марта. С. 1; Ход подготовки к весеннему севу в колхозах района на 1 марта 1951 года // Знамя Сталина. 1951. 1 марта. С. 1; Важные задачи подготовки к севу // Там же. 22 марта. С. 1; Доска почета передовиков весеннего сева // Там же. 24 мая. С. 1; и др.

11. Условия занесения на областную Доску Почета в газете «Чкаловская коммуна» и вручения переходящих Красных знамен облисполкома и обкома ВКП(б) за успешное проведение ве-

- сенних полевых работ и подъема паров в 1950 г. // Сталинский путь. 1950. 9 апр. С. 1.
12. Об условиях занесения на районную Доску Почета в газете «Сталинский путь» и вручения переходящих Красных знамен райисполкома и райкома ВКП(б) за успешное проведение весенних полевых работ в 1950 году // Сталинский путь. 1950. 13 апр. С. 1.
13. Байков, П. Усовский сельский Совет на уборке урожая / П. Байков // Стахановский труд. 1949. 18 авг. С. 1.
14. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДН ИОО). Ф. 371. Оп. 13. Д. 181. Л. 12д об.
15. Там же. Л. 12е об.
16. Шарифуллин. Работа агротехнических курсов и кружков в колхозах района / Шарифуллин // Ударники полей. 1951. 1 февр. С. 2.
17. Ко всем колхозникам и колхозницам, рабочим МТС и совхозов, специалистам сельского хозяйства Чкаловской области // Социалистический труд. 1948. 19 авг. С. 1; Об обращении работников сельского хозяйства Курманаевского района о перевыполнении плана подъема зяби под урожай 1949 года. Постановление бюро Чкаловского обкома ВКП(б) от 16 августа 1948 г. // Там же.
18. Кто впереди? // Тоцкая правда. 1946. 9 мая. С. 1; Кто впереди // Там же. 17 мая. С. 1; Отлично подготовимся и в сжатые сроки проведем хлебоуборку! // Советская степь. 1947. 14 июля. С. 1; Сводка // Социалистический труд. 1948. 9 сент. С. 1; Сводка // Там же. 23 сент. С. 1; Соревнование совхозов. Сводка // Стахановский труд. 1949. 18 авг. С. 1; Сводка // Сталинский путь. 1950. 10 июня. С. 1.
19. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 13. Д. 181. Л. 12а об.
20. Соревнование колхозов // Советская степь. 1947. 14 июля. С. 1; Обязательства наших бригад в совместном социалистическом соревновании за проведение сельскохозяйственных работ с отличным качеством в лучшие агротехнические сроки // Белозерский колхозник. 1950. 17 марта. С. 2.
21. Соревнование Тепловского и Андреевского районов // Стахановский труд. 1949. 25 июня. С. 1.
22. Шире размах социалистического соревнования за высокий урожай // Ударники полей. 1951. 1 марта. С. 1.
23. Обязательство лобогрейщиков, сенокосильщиков, кузнецов и бригадиров полеводческих бригад Тоцкого района // Тоцкая правда. 1946. 15 июня. С. 1; Чуб. Перевыполним план подъема зяби. Обязательство тракторных бригад и полеводческой бригады колхоза имени Сталина / Чуб, Кашин, Савченко // Социалистический труд. 1948. 26 авг. С. 1.
24. За первенство в соревновании с краснопартизанами // Ударники полей. 1951. 19 апр. С. 1.
25. О вручении переходящих Красных Знамен и премировании передовиков паропропалочной, сенокоса и силосования кормов // Тоцкая правда. 1946. 4 июля. С. 2.
26. ЦДН ИОО. Ф. 371. Оп. 13. Д. 181. Л. 12а об.
27. Там же. Л. 12а об.
28. Там же. Л. 12б.

НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ ОРЕНБУРГСКОГО КОМСОМОЛА ПО ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЕЖИ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В 50–60-е гг. XX в.

В «Толковом словаре» В. Даля слово «патриот» объясняется как «Любитель Отечества, ревнитель о благе его»¹. Это объяснение особо актуально в современных условиях, когда необходимо не только быть преданным своему Отечеству, но и делать все возможное для его возрождения, построения экономически мощной, политически стабильной державы.

Патриотизм на протяжении всей истории России выступал в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее служению своему Отечеству.

Патриотическое воспитание понимается как скоординированный совместный процесс деятельности государственных и общественных организаций по формированию у граждан патриотического долга и понимания необходимости выполнения конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Военно-патриотическое воспитание всегда являлось базовой составляющей патриотического воспитания граждан. Кроме гражданской обязанности служить Отечеству было и есть еще одно обстоя-

тельство: история России большей частью не история мирного развития культуры, общественных и государственных структур, а история войн и вооруженных конфликтов. При этом основой содержания военно-патриотического воспитания является формирование и развитие у подрастающего поколения важнейших духовно-нравственных качеств – любовь к Родине, уважение к законности и правопорядку, ответственность за выполнение конституционного долга и обязанности по защите Отечества.

Таким образом, военно-патриотическое воспитание – это составная часть патриотического воспитания учащихся, представляющая собой целенаправленный управляемый процесс их личностного развития на основе боевых традиций своего народа, формирования их готовности к выполнению задач по обеспечению защиты Отечества и овладению необходимыми для этого знаниями, навыками и умениями.

Этим же смыслом было наполнено понимание патриотического воспитания и в советский период, в том числе в 1950–1960-е гг., когда комсомол являлся одним

из главных проводников этого направления в воспитании.

Само понятие «патриотизм» достаточно широкое. В обыденном понимании – это любовь к Родине, но это и традиции, и ценности, и чувства, и нормы поведения. Следует отметить, что патриотизм всегда был наполнен практическим содержанием. В исследуемый период партия и государство давали четкий заказ: формировать в советских людях, молодежи сознательный патриотизм как понимание коренного превосходства социализма над капитализмом: «Советский патриотизм – это горячая любовь к социалистическому Отечеству, гордость за принадлежность к советскому народу, твердая коммунистическая убежденность, верность идеям марксизма-ленинизма, приверженность принципам интернационализма»².

Указывалось, что в советском патриотизме соединены мораль и политика. Служение Родине для советского человека трактовалось и как нравственный принцип, и как политическое требование.

Патриотизм помещался в большей степени в контекст защитительных, военных отношений. Задача населения с точки зрения государственных, в первую очередь силовых структур, – определить врага, готовиться к отражению атаки врага на нашу родину.

Что касается системы патриотического воспитания, то оно на многие годы приобрело приставку «военно-патриотическое».

50-е-60-е гг. XX в. характеризуются определенной двойственностью по отношению к военно-патриотическому воспитанию. Так, в 1962 г. вместе с целым рядом мероприятий по военной подготов-

ке молодежи была фактически отменена система начальной военной подготовки, массово закрывались военные кабинеты, разрушалась созданная за многие годы учебно-материальная база. Возможно, причиной этих решений был тот демографический кризис, который привел к отсутствию необходимого количества призывников, «детей войны». Сказались на позиции руководства СССР и всеобщая разоруженческая волна начала 1960-х гг.

С другой стороны, в партийных документах прямо указывалось на то, что полностью опасность новой войны не устранена, так как пока существует империализм, существует почва для возникновения войны³.

На региональном уровне в речах партийных и комсомольских лидеров, военных, отвечающих за подготовку армейского контингента, атмосфера нагнеталась еще сильнее. Так, например, выступая перед комсомольским активом, заместитель секретаря комсомольской организации Оренбургского зенитного училища заявлял: «... Партия всегда подчеркивала, что пока существует империализм, существуют безумцы, бряцающие оружием, остается почва для агрессивной войны. Но войну в современных условиях можно и необходимо предотвращать. Мы войну ненавидим. Наша молодежь любит свою социалистическую Родину, и поэтому сейчас сделаем все, чтобы выполнить решения партии и правительства и слова, сказанные Никитой Сергеевичем Хрущевым: «Мир нельзя вымолить у империалистов, его можно завоевать»⁴.

Военно-патриотическая работа, проводимая комсомолом Оренбуржья в

исследуемый период, имела целый ряд направлений:

1. работа по физической подготовке молодежи к военной службе (сдача норм ГТО, получение спортивных разрядов);

2. образовательная и профессиональная подготовка допризывников (общеобразовательный уровень, учеба в системе ДОСААФ);

3. организационная работа в деле военно-патриотического воспитания: пропагандистская и идеологическая составляющая; предоставление возможности заниматься в кружках, на стадионах, организация секций, военно-спортивных лагерей и т.д.;

4. работа с детьми, школьниками, пионерами, воспитанниками школ-интернатов в ракурсе спортивного, военного, патриотического воспитания;

5. укрепление связи с воинскими подразделениями, курсантами, офицерами.

Особое внимание уделялось физической подготовке. Физическое воспитание – один из важнейших составных элементов программы подготовки молодежи к военной службе. Состояние здоровья будущих воинов, уровень их физической подготовки имеют важное значение для выполнения трудовых и многосложных обязанностей защитников Родины. Роль физической подготовки стала возрастать в связи с принятием Закона СССР (1967 г.) «О всеобщей воинской обязанности». Усилилось внимание к физической закалке детей и юношей в школах, военно-патриотических объединениях, подростковых клубах, организациях оборонного общества, при этом использовались плановые занятия, военизированные игры «Зарница», «Орленок», оборонно-спортивные оздоровительные

лагеря, подготовка и сдача нормативов по комплексу ГТО, военно-техническим и военно-прикладным видам спорта.

В ходе физических занятий и спортивно-массовых состязаний у будущих воинов одновременно с физической закалкой формировалась и психологическая устойчивость к преодолению трудностей службы. Физическая подготовка допризывной и призывной молодежи привлекала особое внимание государственных органов и общественных институтов Оренбургской области.

Работа по подготовке к призыву комсомольцев и молодежи допризывного возраста непосредственно входила в компетенцию комсомольских органов. Оренбургский обком ВЛКСМ отвечал за подготовку к призыву в Оренбургской области. Так, бюро обкома было обеспокоено тем, что по данным на 1 июля 1958 г. комсомольская прослойка среди призывников составляла 53,3%; значкистов ГТО – 33,5%, спортсменов-разрядников только 1914 человек, в основном 3-го разряда. Среди призывников – 2463 человека были непригодны к воинской службе по состоянию здоровья, неграмотных оказалось 14 человек, малограмотных – 185⁵. Призыв 1961 г. был отмечен большим числом малограмотных, в частности, 280 человек имели образование 2-3 класса. Таких новобранцев было много из Бугурусланского, Пономаревского, Бузулукского, Краснохолмского, Новосергиевского районов⁶.

Оренбургская областная комсомольская организация неоднократно принимала решения по устранению серьезных недостатков в работе комсомольских органов по подготовке допризывников к службе в Советской армии. Так, в 1961

г. было принято решение начинать работу с юношами не с момента приписки к призывным участкам, а готовить их с 15-летнего возраста, поддерживать связь с воинами-земляками⁷.

Отмечая важность физической закалки подрастающего поколения, Оренбургский областной комитет комсомола обратил внимание на то, что значительная часть юношей не занимается физкультурой и спортом, как следствие – остается большое число призывников, негодных по состоянию здоровья к воинской службе. Особо тревожной была ситуация в сельской местности. В связи с этим на VII пленуме Оренбургского обкома ВЛКСМ в октябре 1961 г. областная организация обязала городские, районные комитеты, первичные комсомольские организации «мобилизовать силы комсомольцев и молодежи на дальнейшее развитие физической культуры и спорта не селе, организовать строительство простейших спортивных сооружений в каждом колхозе, совхозе, каждом населенном пункте. Подготовить инструкторов-общественников и судей по разным видам спорта, чтобы проводить массовые спортивные соревнования, праздники, добиваться того, чтобы каждый юноша и девушка систематически занимались физической культурой и спортом»⁸.

Следует отметить, что пропаганде физкультуры и спорта среди населения всегда уделялось немало внимания. Спорт по праву считался одним из участков идеологической работы. В 1956 г. была проведена спартакиада народов РСФСР, а в 1962 г. зимняя спартакиада народов СССР. Начиная с 1956 г., как правило, спартакиады проходили в год, предшествующий Олимпийским играм. Они

начинались в физкультурных коллективах на предприятиях, стройках, в колхозах, учебных заведениях; а затем проводились районные, городские, областные, краевые, республиканские и всесоюзные спартакиады. Спартакиаде народов СССР обычно предшествовали всесоюзные спартакиады добровольных спортивных обществ (ДСО), спартакиады профсоюзов СССР, Вооруженных сил СССР, ДОСААФ СССР. Кроме того, в СССР на регулярной основе проводились спартакиады школьников, сельских спортсменов, всероссийские юношеские, молодежные и студенческие игры⁹.

Стройная система соревнований для всех возрастных и квалификационных групп позволяла не только открывать новые таланты и будущих призеров Олимпийских игр, но и привлекать молодежь к занятию физкультурой и спортом, заботиться о здоровье населения. Так, в год зимней спартакиады народов СССР (1962 г.) в Медногорске насчитывалось 45 тыс. спортсменов¹⁰. Результативно спартакиады прошли на Оренбургском регенератном заводе, Медногорском «Уралэлектромоторе», Южноуральском машиностроительном заводе¹¹. Хорошие результаты и массовость участников, как отмечали организаторы, были именно там, где сложились деловые, прочные контакты между комсомольской и спортивной общественностью. Хорошо была поставлена физкультурная работа в ОХМК г. Новотроицка. Крупные промышленные предприятия являлись маяками физкультурного движения области.

Всероссийский Совет высоко оценил достижения физкультурных организаций области. По итогам работы за 1962 г.

Оренбургской области было присуждено первое место среди областей и краев и переходящее Знамя Всесоюзного Совета за достигнутые успехи в физкультурной сфере¹². В 1963 г. в городах области работало 33 спортивно-оздоровительных лагеря, 170 детских площадок, 35 оздоровительных лагерей¹³.

С целью усиления работы по массовому привлечению молодежи к регулярным занятиям физкультурой и спортом Оренбургский обком ВЛКСМ ставил задачу строительства и реконструкции спортивных сооружений. Так, в Новотроицке в 1963 г. строился на общественных началах стадион. Молодежь «Новотроицкметаллургстроя» отработала на стадионе 1060 человеко-часов¹⁴.

Однако данные показатели не означали, что в области спортивная и физкультурная работа была на высоте: значительная часть существовавших физкультурных коллективов работала неудовлетворительно. На низком уровне велась данная работа в Абдулино, Новотроицке, Светлом. В Оренбурге плохо обстояло дело со спортом в вагонном депо, локомотивном депо, в школе №1¹⁵.

Для организации физкультурно-спортивной и оборонно-массовой работы плохо использовались спортивные сооружения, клубы ДОСААФ, дворцы культуры. При них не было детских технических кружков, секций по военно-прикладным видам спорта. Отмечалось, что в вечернее время и выходные дни спортивные залы в большинстве своем закрыты. Только 20% общеобразовательных школ имели комплексные спортивные площадки. Из г. Светлого шли просьбы в обком комсомола: «Наша молодежь любит заниматься

спортом, но у нас нет даже простейшего спортивного зала и стадиона, где бы молодежь могла заниматься спортом. Необходимо поставить вопрос перед совнархозом о выделении средств для строительства спортивных сооружений, а за комсомольцами дела не встанет, своими руками возведем эти сооружения»¹⁶.

Тревожила постановка спортивной работы на комсомольских стройках. Так, в коллективе физкультуры треста «Южуралжилтрест» не готовились значкисты ГТО, не проводились спортивные соревнования, не была организована массовая физкультурно-оздоровительная работа¹⁷.

В связи с этим руководящие комсомольские органы призывали первичные комсомольские организации уделять серьезное внимание физкультурно-спортивной работе. Так, в Постановлении XII Оренбургской областной комсомольской конференции (1962 г.) отмечалось: «Обком, горкомы, райкомы ВЛКСМ еще недостаточно вникают в физкультурно-спортивную работу, слабо привлекают молодежь к систематическим занятиям физической культурой и спортом, к работе организации ДОСААФ, недостаточно активно участвуют в подготовке молодежи к службе в рядах Советской Армии»¹⁸.

Для исправления ситуации комсомольским организациям предписывалось обратить особо серьезное внимание на развитие спортивно-массовой работы по месту жительства, в молодежных общежитиях, в микрорайонах. Организовать строительство силами комсомольцев и молодежи простейших спортивных сооружений при домоуправлениях. Направить для работы по месту жительства комсомольский актив

из числа лучших спортсменов, тренеров, инструкторов-общественников, вовлечь в занятия физической культурой новые тысячи молодежи и особенно школьников¹⁹. Подобные предписания в комсомольские организации разных уровней направлялись регулярно.

Однако уровень развития физкультуры и спорта в городах и селах области оставался низким. Так, в 1963 г. организованными занятиями физкультуры и спорта было охвачено 145 тыс. человек, что составляло 17,3% городского населения области.

Организация военно-патриотической работы в области была на контроле у центра. Так, в мае 1965 г. было принято специальное постановление ЦК ВЛКСМ «О состоянии физкультурно-спортивной и оборонно-массовой работы среди детей и подростков в Оренбургской области»²⁰. В документе отмечались как положительные результаты работы, так и серьезные недостатки в данном направлении. Среди недочетов ЦК ВЛКСМ назвал следующие: «недооценка райкомами, горкомами и первичными комсомольскими организациями всей важности физического и военно-патриотического воспитания, они не были организаторами спортивных соревнований, праздников, вечеров, показательных выступлений, туристических походов».

Для организации физкультурно-спортивной и оборонно-массовой работы плохо использовались спортивные сооружения, технические клубы ДОСААФ, дворцы культуры. При них не было технических кружков и секций по военно-прикладным видам спорта, не работали группы общей физической подготовки. Только 20% обще-

образовательных школ области по данным на 1964 г. имели комплексные спортивные площадки, в некоторых городах не было стрелковых тиров.

В постановке физического и военно-патриотического воспитания детей и подростков отмечалось отсутствие глубоко продуманных совместных действий комсомольских, физкультурных организаций и комитетов ДОСААФ.

Вскоре до комсомольского актива области была доведена выписка из протокола №50 заседания секретариата ЦК ВЛКСМ от 17 июля 1965 г., имевшая гриф «секретно» за подписью секретаря ЦК ВЛКСМ Б. Пастухова. Областная комсомольская организация была ознакомлена с тенденциями, тревожившими Центр. В частности, ситуация, сложившаяся в ряде регионов страны, где не велась систематическая работа с юношами-допризывниками. Отмечена сложившаяся тенденция, когда задолго до призыва парни бросали учебу и работу, беспокойство вызывал низкий уровень физической и общеобразовательной подготовки, а также случаи, когда непосредственно перед отправкой в армию без соответствующей подготовки прямо на призывных пунктах производился формальный прием молодежи в комсомол и сдача нормативов ГТО, спортивных разрядов²¹.

Таким образом, в целях улучшения физической подготовки юношей к военной службе комсомольские организации вели работу по нескольким направлениям, придавая многим мероприятиям комплексный характер. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, реального улучшения физической подготовки юношей к военной службе не наступило. Негативно сказыва-

лась на всей работе по физическому воспитанию допризывной молодежи практика ее проведения в виде заорганизованных кампаний, приуроченных к праздникам и юбилейным датам. В то же время отсутствовала конкретная, индивидуальная профилактическая работа с каждым молодым человеком. Широко была распространена практика приписок при оценке физической подготовленности молодежи и будущих воинов.

Тем не менее важность военно-патриотического воспитания была актуальна на всех этапах существования Советского государства. Комсомол области в своей военно-патриотической работе исходил из того, что обеспечение готовности к защите Отечества и военной службе начинается и осуществляется задолго до призыва в армию. Советская система военно-патриотического воспитания обеспечивала формирование основ этой готовности, где весьма успешно использовался идеологически-нравственный компонент. Идеологический крен компенсировался эффективной реализацией таких направлений, как физическая подготовка, психологическая и военно-прикладная и др. Это обеспечивалось многоплановой и целенаправленной военно-патриотической работой комсомола, партийных и государственных органов, основных министерств, общественных и ветеранских организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2010.
2. О закономерностях строительства социализма. М., 1959. С. 6.
3. XX съезд КПСС. Стенографический отчет (14-25 февраля 1956 г.). Т. 1. М., 1956. С. 35.
4. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДННОО). Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 128.
5. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1571. Л. 10.
6. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 135.
7. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 32.
8. ЦДННОО. Ф. 10. Оп. 10. Д. 365. Л. 8.
9. БСЭ. 3 изд., 1978. Т. 24. С. 286 – 287.
10. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 105.
11. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 162.
12. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 114.
13. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 114.
14. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 33.
15. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 4. Л. 114.
16. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 33.
17. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 33.
18. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 175.
19. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 447. Л. 33.
20. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 1. Л. 70.
21. ЦДННОО. Ф. 1697. Оп. 12. Д. 1. Л. 70.

Студенческая секция
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ.
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, СУДЬБЫ

ТУГАЙ Т.И.
(г. Оренбург)

ОБРАЗ МОЛОДОГО БОЙЦА
КОНЦА 1930 – НАЧАЛА
1940-Х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ
СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Борис Александрович Шульчев (1921-1987) – мой родной дядя. Человек честный, принципиальный и добрый, порой до самоотверженности. В семейную притчу превратился случай, когда вскоре после женитьбы они с женой возвращались поздним холодным вечером из гостей и встретили замерзшего человека без верхней одежды. Не раздумывая, дядя снял с себя недавно купленное пальто и отдал незнакомцу. Когда умерла его первая школьная учительница, одинокая и всеми забытая, он, будучи уже тяжело больным, собрал одноклассников и организовал ее похороны.

Учась в институте, Борис чуть было не превратился во «врага народа». Это было в конце 40-х гг., в период апогея сталинизма. Выступая на комсомольском собрании, он допустил выражение

«пресловутое высказывание Ленина», за что его чуть было не исключили из комсомола. Борис Шульчев стремился дойти до всего сам, найти правду в истории, современной жизни и политике. Его всегда отличала твердая гражданская позиция. Если без иронии, то действительно – «мой дядя самых честных правил»...

Страстный книголюб – он и мне на дни рождения и праздники дарил всегда только книги. Помечал их специально придуманным логотипом, составленным из моих инициалов, а вложенную открытку неизменно подписывал своим черком: «твой дядько Борис». Он был человеком ярким и талантливым. Прекрасно рисовал, сам научился играть на... балалайке и удивлял всех мастерством исполнения. Меня развлекал

в детстве даже игрой на расческе и художественным свистом различных мелодий – на отгадывание. Разыгрывание разных сценок, веселые импровизации, прогулки по городу во время его приездов к нам из Орска, где они проживали тогда с семьей, умение войти в контакт с любым человеком и даже посещение цыганского табора в Кушкулях – всё это доставляло мне незабываемые детские впечатления, учило интересоваться жизнью, литературой и искусством, общаться с людьми.

Я до сих пор убеждена, что лучше его не декламировал Маяковского ни один именитый артист. Не случайно и сейчас Бориса Александровича вспоминают бывшие студенты, ныне работающие в педуниверситете, – он преподавал у них художественное чтение. Лучшие уроки литературы, чтения стихов, их понимания, чувства ритма я получила именно от него. Маяковский стал нашим общим кумиром. После войны Борис учился в театральном институте в Ленинграде. Но ранение в ногу, полученное на фронте, и долгое лечение незаживающей раны в госпитале заставили его отказаться от профессии актера, о чем и он, и все мы, его родные, всегда сожалели.

Рассказы его о войне я помню с детства. Это были отдельные эпизоды – яркие и образные. Как он поднимался в атаку и чувствовал, что под каской волосы «встают дыбом», видимо, одновременно и от страха, и от отваги – такое сочетание эмоций возможно только на войне. Как он убил своего первого «фрица» саперной лопаткой – неожиданно для самого себя. Сработала мгновенная реакция на вылезшего внезапно немца – или он тебя,

или ты его. Борис рыл окоп, и в руке была эта самая лопатка – она и выручила его. Или как при форсировании реки (название я, конечно, не запомнила) он спас своего друга Яшу Певзнера. Голос Яши с чуть заметным еврейским акцентом – как передавал его мой артистичный дядя – до сих пор стоит у меня в ушах: «Бгатцы, помогите! Помогите, бгатцы...», – и я видела эту темную реку, плывущих солдат, вспышки от ружейных залпов, слышала звуки рвущихся снарядов, и сквозь этот шум и плеск воды доносился до меня тихий голос тонущего раненого Яши... Их дружба продолжалась много лет, в переписке. Яша Певзнер с каждым праздником поздравлял и маму Бориса – мою бабушку.

Фронтные фотографии, несколько писем, кисет с вышитой надписью «Будь счастлив в бою», присланный ему на фронт неизвестной девушкой, алюминиевая ложка с выцарапанными буквами «Б. Шульчев – Н.Ржев» – все это бережно сохранено моей бабушкой в память о самом тяжелом и героическом периоде жизни ее сына, а его фронтная ложка стала ее обеденной...

Особенно забавлял нас с мамой повторяющийся из раза в раз спор дяди и бабушки по поводу памятного для них обоих эпизода его возвращения с фронта. Окна дома на переулке Фабричном, в котором они жили тогда, находились на уровне земли. Бабушка стирала белье (или мыла пол?) и увидела в окно «солдатика» – нижнюю часть шинели и костыли, как он похромал мимо окна. Подумала, вот еще один раненый вернулся, хорошо, что живой... И вдруг поняла – Борька! Выскочила на

лицу, кинулась к нему, стала обнимать, а в руках мокрое полотенце – и им по плечам, по лицу... Тут дядя вступал в трогательный рассказ бабушки с уточнением: не полотенце это было, а половая тряпка... Начинаясь бесконечный спор, бабушка сердилась, а мы все смеялись. Он подтрунивал над ней, но был очень заботлив и нежно любил ее... Я помню, как он стоял на краю бабушкиной могилы, и мне стало понятным тогда выражение – из глаз брызнули слезы, я это увидела и узнала, что именно так плачут мужчины...

И вот, когда прошло уже столько лет после смерти и бабушки, и самого дяди, я обнаружила рассказанные им когда-то эпизоды на сайте «Подвиг народа» и отчетливо вспомнила этот орден на лацкане его «парадного» пиджака – Красной Звезды. Награждение орденом Красной Звезды производилось: за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями, способствовавшими успеху советских войск; за успешные боевые действия воинских частей и соединений, в результате которых противнику был нанесен значительный урон; за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского или служебного долга, в условиях, сопряженных с риском для жизни...

Сухим армейским языком излагалось все то, что я слышала от него в далеком детстве:

«Т. Шульчев участвовал на Калининском фронте с 23 июня 1941 г. по 15 сентября 1943 г. в составе 185 стрелковой дивизии 660 полка в должности командира отделения. За

время пребывания на фронтах Великой Отечественной войны т. Шульчев участвовал в оборонительном бою за г. Двинск, где в должности ручного пулеметчика уничтожил до 30 немецких солдат и офицеров и ручной гранатой РГД – двух офицеров.

В рукопашной схватке при очистке домов г. Новоржев от засевших немецких автоматчиков уничтожил 3 немцев, в том числе немецкого офицера-мотоциклиста и спас из-под огня противника тяжело-раненых красноармейцев.

Являясь старшим в группе, обеспечил ружейно-пулеметным огнем форсирование взвода через р. Великая, спас раненого командира взвода, который погибал от ран при форсировании.

После этого был назначен командиром взвода, и под его руководством бутылкой с горючей смесью «КС» был подожжен броневик, а экипаж в количестве 4 солдат взят в плен в районе г. Олечне.

Тов. Шульчев за мужество и героизм на фронтах имеет грамоту от командования 185 стр. дивизии.

До армии тов. Шульчев учился в средней школе». (<http://podvignaroda.mil.ru/>)

По прошествии времени многое понимается и видится по-другому. Детские впечатления о дяде – герое войны сменились стремлением понять, что чувствовал, чем жил, как переживал происходящее с ним и страной мальчик, вчерашний школьник? Из интеллигентной семьи, романтичный, безоговорочно веривший в идеалы советской эпохи, – каково ему было столкнуться с жестокой правдой войны, со смертью,

с необходимостью убивать? Думается, что многое из того, что довелось ему испытать и пережить, так и осталось для нас, его близких, «за кадром»... Когда я проецирую его образ – 18-20-летнего – на своего сына и своих студентов, представляю их на его месте, на том трагическом этапе нашей истории – у меня сжимается сердце...

Каким он был накануне войны, что его интересовало, с каким внутренним багажом жизненных ценностей и убеждений он ушел на фронт, лучше всего говорят его письма. Передо мной – одно из них, написанное родителям накануне войны из армии. Дата – 20.12.1939 г. Место службы – г. Бобров, Воронежская обл., 1/500, 1 стрелковая рота, Шульчев Б.А. Пожелтевшие листочки, исписанные простым карандашом, но почерк уже узнаваем – он практически установился, как и его характер. Борису 18 лет...

«Дорогая мама! Дорогой папа! Пишу второе письмо, как я обещал вам. Итак, я нахожусь в г. Бобров. Это обыкновенный городок, похожий на большое село, вроде Ст. Юрьева (родина Бориса), с десятком-полтора тысяч гражданского населения. Имеется несколько «универмагов», маленькая электростанция, дом культуры, библиотека, радиоузел, несколько замощенных улиц. Расположен он на отрогах Среднерусской возвышенности, внизу протекает небольшая река Батюг. Летом город весь в зелени. Говорят, здесь бывает много яблок, продаваемых по дешевой цене. И еще. Можно про него сказать, что Бобров – город непролазной грязи. Когда мы прибыли сюда, мы были прямо поражены этим.

Лишь недавно, числа 18-го, выпал снег; чувствуется, что зима вступила в свои права; много снега. Все мы очень рады наступлению зимы. (Ой, как надоела такая долгая в этих местах противная дождливая осень!) У меня прибавляется еще особая, лыжная радость. Здесь есть где покататься!

Доехали мы до места назначения благополучно. Приехали рано утром 28-го. Встретили нас приветливо. Был митинг. Первые 2-3 дня жили бивуачной жизнью. За эти дни нас вымыли, обмундировали, разбили по большим и малым подразделениям, уточнили различные сведения о нас. После этого был двухдневный карантин, во время которого был тщательный осмотр, где у меня признали слабое зрение, однако признали, что к службе годен. После карантина началась учеба, а позднее – служба.

Расскажу подробнее о нашей жизни. Живем мы в помещениях, каждое из которых представляет большой серый клубный зал. Спим на двухъярусных нарах. Я сплю наверху. В каждой зале – рота. В общежитии тепло, топят сами бойцы. В общежитии тесно, неудобно и грязновато, хотя мы за всем этим следим. Тесно потому, что помещения не соответствуют количеству людей, находящихся в них. Спим на соломенных матрацах и подушках, укрываемся не... льными одеялами. Каждую десятидневку, когда ходим в баню, меняют у бойца наволочку, две простыни, одна из которых служит пододеяльником, полотенец.

Кормят нас три раза в день. Кормят удовлетворительно. Завтрак и ужин состоят всегда из одного блюда. Обед из двух блюд. На завтрак и ужин дают

по 300 г хлеба, всегда черный, в обед – 400 грамм. На завтрак, например, дают какую-нибудь кашу или суп, или горох да еще чай с сахаром. На ужин – как и в завтрак. Обед. Первое блюдо – суп, щи, второе блюдо – как в завтрак. Масло в блюдах всегда бывает, мясо тоже. Одним словом, сытыми бываем всегда.

По выходным дням играет оркестр. При столовой имеется буфет, но съестное бывает там редко, а продают разные безделушки, необходимые бойцу: иголки, зеркала, карандаши и пр. Поэтому приходится за лакомствами вроде пирожков, печенья, колбасы, булочек, ситро – ходить в город. Замечательное здесь ситро и пиво (здесь есть пивоваренный завод).

Как нас обмундировали. Дали гимнастерку, брюки, фланель. Из нижнего белья, кроме основного, дали теплую фланелевую нижнюю рубашу. Дали теплые перчатки. На ноги дали пару портянок – бумажных и байковых, для одновременного ношения, ботинки и двухметровые обмотки. Ой, эти обмотки! В первые дни, при одевании утром, они нам казались бесконечными: мотаешь, мотаешь их; вдруг на половине моток разматывается (а ведь ты спешишь), снова сматываешь обмотку и наматываешь и так – несколько раз! От портянок тоже доставалось! Да еще утром свет ламповый тусклый. Теперь-то я натренировался и одеваюсь в 4-5 минут. Бывает ночами холодновато, особенно в зимнее время сейчас, хотя наматываешь все эти причиндалы. Но только побегаешь – снова тепло.

Почти с самых первых дней началась учеба. Изучаем устройство винтовки,

изучаем различные уставы. Занимаемся политучебой, изучаемый «Красноармейский политучебник», рассчитанный на 5-7 классы. Поэтому он нас не удовлетворяет, о чем мы заявляли начальству. Нам надо больше: изучение «Краткого к. ВКПб» с первоисточниками. Но нам это обещают.

Всем нам достается от строевой подготовки – ведь каждый день на нее тратится по четыре часа. Но зато после нее – волчий аппетит, едим досыта, до дна. Занимаемся стрельбой из боевых винтовок. Командиров у нас не хватает. Поэтому боевая и политическая подготовка идет пока плохо. На одну роту, например, 3 командира – отделенного до ротного – и один младший политрук. Остальные – из старых кр-цев и бывших инструкторов Осовиахима, политгрупповоды – из учителей, гл. образом, преподавателей истории, кандидатов и членов партии, также и младшие политруки. Дело в том, что кое-кого отправили, куда это нужно, кое-кто – в отпуск. Благодаря этой нехватке командиров и политработников (даже, например, нашим полком командует капитан, который должен командовать батальоном, и так же в других полках) среди бойцов чувствуется еще некоторая гражданская расхлябанность, недисциплинированность.

Кроме этого другие недостатки, как: нехватка учебников, классных комнат, пособий, плохой электросвет – мешают хорошей учебе. К этому надо прибавить плохое водоснабжение: нет водопровода, и вода привозится нерегулярно – из ключа, так что умываемся мы, в большинстве случаев, один раз в день – утром. До нас во всех этих помещениях

был расположен один батальон, а теперь в несколько раз больше. Отсюда – вот эти недостатки.

Досуг организован удовлетворительно, хотя здесь есть тоже недостатки, зависящие и от начальства, и от бойцов. Для проведения досуга есть хорошо оборудованный клуб, сличимый с Чкаловской ДКА. Есть все кружки, нередко показывающие свое искусство. Я состою в кр-ке художественного чтения и струнном. Каждый выходной и подвыходной бывает кино, бывают лекции (хороших лекторов все же нет, но есть удовлетворительные). Обо мне и еще двух других бойцах был хороший отзыв в местной газете: нас назвали настоящими мастерами художественного слова. А за один концерт, который дала наша концертная бригада и в состав которой я вхожу избирателем, окружная избирательная комиссия объявила благодарность. Потом я получил благодарность от командования за стрельбу (29 очков из 30 возможных) и за знание винтовки.

Еще о досуге. Плохо, что нет спортзала. Вернее, он есть, но занят под общежитие. Заниматься физкультурой нельзя. Одно только: утренняя гимнастика. Но она проводится бессистемно, неправильно, потому что нет физруков. Я, правда, занимаюсь по Мюллеру, не распространенную в армии. А ты, папа, занимаешься ли утром гимнастикой? – напиши. Ее значение, действительное значение я узнал здесь, в армии. Она, действительно, дает силы и бодрость, что важно для бойца и командира.

Мы, бойцы, живем дружно, весело. Мне уже почти любой боец кажется дав-

но знакомым. Часто в свободное время слышится смех, песни, танцы. В нашей роте 11 национальностей: русские, немцы, украинцы, один венгр, азербайджанцы, узбеки, татары, казахи, армяне, мордва и все мы дружны.

Вместе с учебой несем и службу: караулы (это боевая задача), дневальство. Мне уже пришлось быть дежурным по роте. В моем подчинении было даже десяток дневальных бойцов – трудная, колготная работа, но я с ней справился. Ночью пришел сам командир нашего полка с проверкой (дежурство – круглые сутки). Конечно, поругал кое-за-что, но никакого взыскания не удостоился. Приходят с проверкой и более высшие командиры.

В первые дни нас вооружили... ложкой. Каждый должен иметь ложку всегда при себе. Недавно вооружили винтовкой, как говорят в армии – поженили. Действительно, за ней ухаживаешь, как за самым близким человеком. Скоро и я пойду в караул. Сейчас крепко изучаю караульный устав.

Весь день (будничный) занят учебой, службой. Только к 23 часам остается 1-30-2 часа свободного времени, а кто несет службу, так и того нет. Но выходные бывают. Все бойцы, кроме караульных и дневальных, проводят его по своему усмотрению. Встаем в 6 часов, ложимся спать в 23 часа, еще час отдыха после обеда – высыпаемся вполне. Подъемы строго по сигналу: ни минутой раньше и позднее. Служба мне дается ни легко, ни трудно (мое «очкачество» не особенно мешает. Нас таких здесь порядочно – в очках).

Я нахожусь в одной роте вместе с Володей Петраковым и другими чка-

ловцами. Нет-нет вспоминаем свой Чкалов. По-детски спорим, отстаивая свой город с другими. Вспоминаю о вас, о всем том, что было хорошего у нас дома, в семье. Хорошо бы опять нам, так сказать, воссоединиться. Но... пока что это невозможно. Достаточно того, чтобы помнить друг друга, переписываться – что возможно.

Теперь о главном. О моей перспективе. Как нам сообщило начальство, из нас в течение двух лет службы должны сделать средними командирами – лейтенантами, старшими лейтенантами. После окончания службы, если, конечно, во вне и внутри страны все будет спокойно, – должны пойти в запас первой очереди. Это будет организовано таким образом: после первых двух-трех месяцев нас выпустят младшими командирами – командирами отделений – и сразу же переведут на годичные курсы младших лейтенантов. После этого нам дадут несколько месяцев практики – командовать подразделением. Пройдя практику, будем учиться на лейтенантов. В конце срока службы будем сдавать экзамен. Если кто сдаст примерно, на “отлично”, будет старшим лейтенантом, кто же не сдаст, остается в части еще один год в должности младшего лейтенанта или командира отделения. Сейчас все бойцы охвачены одним желанием хорошо учиться и служить, несмотря на разные неурядицы, недостатки.

Мама! Все те вещи, не нужные в армии, я сложил в чемодан и отдал на хранение, через некоторое время я их пришлю.

Только очень жалею, что я попал в пехоту, а не в связь, и в эту Заурядную

часть. 2 года в зауряднейшем городке Боброве!! Чувствую, что в связи и интереснее, и практичнее, и силы бы мои там большегодились. Но – закон, и я беспрекословно ему подчиняюсь. Также жалеет и В. Петраков и другие.

Мама! У меня к тебе просьба: пришли, пожалуйста, небольшую мне посылку. Вот что мне необходимо:

1. “Краткий курс истории партии”.
 2. Уставы – внутренней службы, караульной, курс боевой подготовки (о винтовке), строевой подготовки.
 3. Конверты (хоть на 2 года, хорошо бы без марок).
 4. Открытки 20 шт.
 5. Теплые чулки или пару-тройку холодных.
 6. Ножницы для ногтей.
 7. Безопасная бритва с прибором.
 8. Столовая металлическая ложка.
 9. Пара носовых платков.
 10. Тетради с десятков.
 11. Пара флаконов тройного одеколona.
 12. 600 г любого сахара.
 13. Несколько коробочек кальцекаса (здесь часто приходится простужаться).
 14. Борной или еще что для полоскания горла.
 15. Небольшой чемодан, который точно подошел бы для этой посылки, ключи к нему.
- Если нет чемодана, ящичек. И обязательно, нашу общую открытку. Вот примерно, все. Еще чистую тряпку. Пиши поскорей. Ваше письмо буду ждать с нетерпением. Обо мне не беспокойтесь, особенно ты, мама. Я жив-здоров, бодр. Прошу тебя, Наташа, будь послушной,

выдержанной, не волновать маму и папу. Ведь ты теперь почти взрослая, скоро в комсомол вступать. 20.12.39. Ваш Борис».

Я привела это обстоятельное письмо полностью, без каких-либо купюр, по двум причинам. Во-первых, оно именно в своем целостном виде отражает уже состоявшийся характер молодого бойца, которому в самом скором времени предстояло защищать Родину. Перед нами предстает юноша, правильно воспитанный и направленный - как семьей, так и самой эпохой. Он целеустремлен, политически подкован, стремится принести максимальную пользу. Даже его критика условий службы – лишь досада на то, что ему не дают возможности полностью реализовать себя. Несмотря на это, письмо наполнено общим позитивом, осознанием полезности и необходимости для него лично и для страны службы в армии. Он полон планов и надежд... Борис принадлежал к тому «золотому фонду» советской молодежи, который составил главную силу в грядущей войне – не только боевую, но и моральную. Сколько таких бойцов – близких ему по духу и осознанию своего воинского долга – будет безжалостно брошено полководцами на решение тактических задач по взятию сел, высоток, вражеских дотов. Их телами будет устлан путь к Великой победе... Через несколько недель Борис

попадет на Финскую войну, а затем и на Отечественную. Семья увидит его только в 1943 г., когда он будет комиссован после тяжелого ранения. Ему повезло выжить на той войне в отличие от миллионов своих сверстников...

Во-вторых, письмо Бориса Шульчева родителям столь обстоятельно, что может служить источником изучения условий службы бойцов Красной армии накануне войны. Историк увидит в нем и отзвук репрессий командного состава, и проблему нехватки офицерских кадров, и решение задачи ускоренной подготовки новых командиров Красной армии. Перед нами раскрывается картина не только не соответствующего задачам времени уровня подготовки бойцов, но и устаревшего вооружения, обмундирования (обмотки, к примеру, сохранялись еще с гражданской войны), нехватки лекарств и предметов первой необходимости. Даже «Краткий курс» и воинские уставы Борис просит прислать из дома... Представляет интерес и повседневная жизнь красноармейцев, формы боевой и политической подготовки, распорядок дня, описание досуга. Можно обратить внимание и на интернациональный принцип комплектования воинских частей.

Подобные источники из семейных архивов нуждаются в сохранении и изучении.

КУРАМШИНА Д.Ф.

(г. Оренбург)

СУДЬБА ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ

22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны внезапно напала на нашу страну. Весь народ поднялся на священную войну против немецко-фашистских захватчиков. Основной костяк – трудоспособные, здоровые мужчины – были мобилизованы на защиту Родины. Началась Великая Отечественная война.

Среди ушедших на фронт оказался и первый муж моей бабушки – Ахун Мубарякович Курамшин. Он был первым ребенком в многодетной семье, родился 21 сентября 1909 г. в деревне Зирган (ныне Мелеузовского района Республики Башкортостан). После брака с моей бабушкой Курамшиной Бибинур Халяфовой в 1930 г. переехал в соседнее село Аллагуват. Ездил работать в город Ишимбай. В 1932 г. у него родилась первая дочь Махинур Ахуновна Курамшина, а в 1938 г. – сын Марат Ахунович Курамшин.

После начала войны Ахун Мубарякович был призван в армию Стерлитамакским райвоенкоматом Башкирской АССР 26 августа 1941 г.¹. Его отправили в город Петрозаводск (ныне Республика Карелия, Россия) и зачислили рядовым в 1-ю роту 15-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД СССР. 1 сентября 1941 г. финская армия, воевавшая на стороне фашистской Германии, начала большое наступление в Карелии, южнее

Сямозера. 20-километровый рубеж обороны здесь как раз и держали малочисленный 15-й полк НКВД и 1063-й стрелковый полк. Но под натиском гораздо более крупной 11-й пехотной дивизии финнов они были вынуждены отступить на юго-восток к районному центру Пряжа, который после упорных боев 19 сентября все-таки был занят противником. 21 сентября 1941 г. из района села Пряжа 7-й финский армейский корпус предпринял новое наступление в направлении столицы Карелии – города Петрозаводска. Два полка 313-й советской дивизии не смогли сдержать значительно превосходящего их противника и оставили поселок Матросы и деревню Половина. На помощь им были срочно переброшены 15-й и 24-й полки войск НКВД². Во время этого ожесточенного сражения, 21 сентября 1941 г., А.М. Курамшин раненым попал в финский плен.

Первоначально он был помещен в 63-й военный госпиталь в деревне Утти (муниципалитет Коуволла, область Кюменлааксо, Финляндия, в 134 километрах к северо-востоку от Хельсинки), где ему присвоили лагерный номер 1489. Здесь А.М. Курамшин находился с 29 сентября по 23 ноября 1941 г. Из больницы направлен в фильтрационный лагерь №1 в поселке Настола (область Пяйят-Хямэ, Южная Финляндия), за-

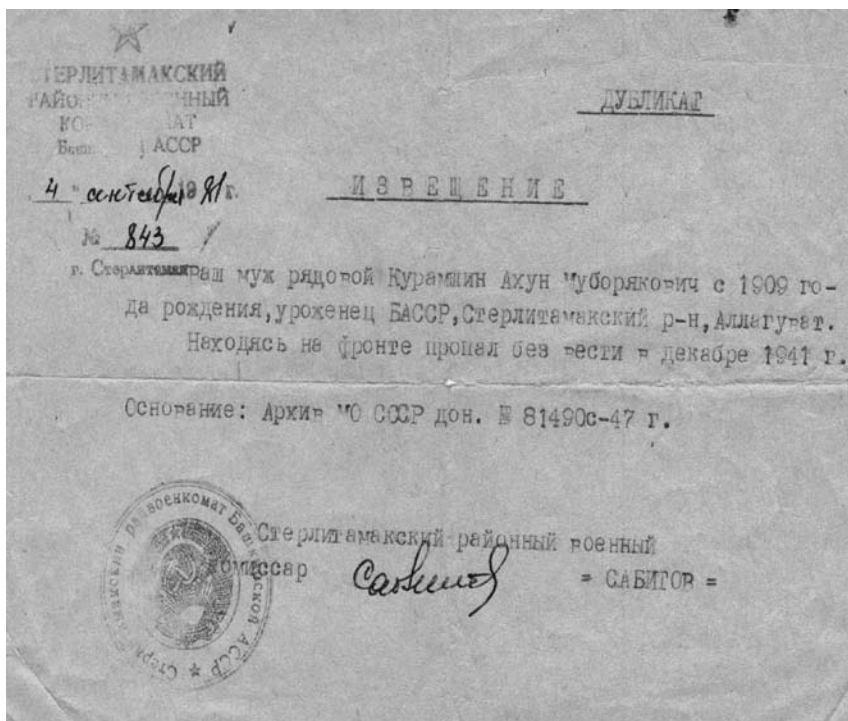
Курамшина Д. Ф.

тем – в лагерь военнопленных №2 в деревне Карвиа (область Сатакунта, Юго-Западная Финляндия) и снова возвращен в фильтрационный лагерь №1³. Там он и скончался 16 марта 1942 г. Похоронен в поселке Настола⁴.

Так случилось, что за день до гибели, 15 марта, родилась его вторая дочь, Флюра Ахуновна Курамшина. Она никогда не видела отца, но пыталась его найти. В 1981 г. обращалась в военкомат г. Стерлитамака, писала в Москву. Ей выдали справку о том, что ее отец пропал «без вести».

До января 2013 г. мы ничего не знали о судьбе Ахуна Мубаряковича. И только участие в конкурсе студенческих

сочинений «Моя семья в истории Великой Отечественной войне», помощь преподавателей в поиске архивной информации позволили восстановить его биографию до гибели в финском плену. Моя бабушка Бибинур Халыфовна умерла в 1998 г. Она до конца своей жизни ждала весточку от Ахуна. В 1957 г. родился мой отец от второго брака бабушки. Так получилось, что по воле судьбы мы носим фамилию погибшего защитника Родины Ахуна Курамшина. В настоящее время жива его последняя дочь. По прошествии семидесяти лет она наконец узнала о судьбе своего отца. Моя тетя очень рада этой новости и благодарна всем тем людям, которые

посодействовали в поиске ее отца. К сожалению, не сохранилось ни одной его фотографии.

В заключение хотелось бы добавить, что для меня Великая Отечественная война – это история судеб тех людей, которые прошли всю войну, вернулись домой героями, и тех, кто отдал жизнь на полях сражения. Пусть мужество героев и их любовь к Родине служат примером для грядущих поколений. Мы не должны забывать о той тяжелой кровопролитной войне, о тех, кто отстоял свободу для нас ценой собственной жизни...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Курамшин Ахун Муборьякович // Обобщённый банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=65217941> (дата обращения: 15.01.2013); Центральный архив

Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 977520. Д. 947. Л. 101.

2. Фёдоров А.Ф. В Карелии. На Свири. В Померании: Записки ветерана 272-й стрелковой дивизии. – Петрозаводск: Карелия, 1984. – 144 с.; Широкоград А.Б. Северные войны России. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. – С. 117.

3. Kuramšin Ahum Mabaragus // Военнопленные, погибшие на войне между Финляндией и Советским Союзом в 1941-1944 годах [Электронный ресурс]. URL: http://kronos.narc.fi/henk_tiedot.php?id=8432&lang=fi_Fl&tbl=jatkosota (дата обращения: 15.01.2013).

4. Курамшин Ахун Мабарагус // Обобщённый банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78751589> (дата обращения: 15.01.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-64238. Д. 24. Л. 79.

РАЩУПКИНА А.Ю.

(г. Оренбург)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для истории России XX в. важнейшим событием является Великая Отечественная война. В ней решался вопрос не о том, как будет происходить дальнейшее развитие страны: в каком направлении и при каких политической и социально-экономической системах, а вопрос о том, будет ли вообще существовать наше госу-

дарство с его многонациональным народом. Именно поэтому все советское общество сплотилось в борьбе с беспощадным врагом, цинично уничтожавшим и армию, и мирное население, ставившим перед собой четкую цель освоения «жизненного пространства». Поэтому все вопросы, связанные с Великой Отечественной войной,

сохраняли и будут сохранять актуальность и остроту. Это подтверждается дискуссиями, которые обострились в наше время, практически после почти 70 лет с момента победного завершения войны. Тема этой великой войны становится объектом столкновений идеологий, попыток фальсификации и нравственных спекуляций. При этом именно эта тема в большей степени способствует формированию именно гражданских и патриотических качеств у молодого поколения. Изучение Великой Отечественной войны, начавшееся после ее завершения, еще не закончено. Слишком масштабным событием стала война, отразившаяся на всех сторонах жизни нашего государства и общества. В течение долгого периода многие факты о причинах и событиях войны сознательно умалчивались. Историкам (прежде всего) и представителям других гуманитарных наук не разрешалось изучать проблемные вопросы. Это было выгодно правящей элите, не желавшей признавать свои ошибки и просчеты.

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута величайшим самопожертвованием, бесспорным подвигом нашего народа, заплатившего большую цену (и прежде всего своими жизнями) за нее. Но наряду с победными сражениями были и неудачи, ведь против советского государства сражалась самая боеспособная, подготовленная во всех отношениях армия, которой управляли военачальники, сумевшие за считанные месяцы завоевать европейские государства.

Одним из таких сложных и трагичных примеров стали военные действия под Ржевом. Ржевская битва очень долго оставалась «белым пятном» в истории

Великой Отечественной войны, о которой знали участники войны, писали в мемуарах, в своих произведениях, но которая стала обсуждаться только в последние годы, при этом многое в ней еще остается неясным. В немногочисленных книгах и статьях, вышедших в России, показаны лишь отдельные эпизоды этого сражения. Лишь скупые строки о Ржеве помещены в многотомных историях Второй мировой и Великой Отечественной войн. Когда в славном старинном русском городе Ржеве отмечали 55-летие со дня окончания битвы, никто ни в средствах массовой информации, ни на телевидении не упомянул об этом. Такое же невежество повторилось и на 60-летие окончания битвы.

Битва под Ржевом ознаменовала собой очень важный этап Великой Отечественной войны, она имела большое значение для обеих сторон. [8. С. 352] Немецкое командование планировало прорваться к столице России – городу Москве [4. С. 58], но по дороге к ней встретило ожесточенное сопротивление со стороны простого русского города Ржева, неоднократные попытки прорвать оборону Красной армии были неудачными. В ответ здесь советские войска в течение 15 месяцев одну за другой провели три крупные наступательные операции для захвата стратегически важного плацдарма в центре Восточного фронта.

В целом Ржевская битва делится на 3 этапа.

1) Ржевско-Вяземская наступательная операция 8.01.1942 – 20.04.1942

2) Ржевско-Сычевская наступательная операция 30.07.1942 – 23.08.1942

3) Ржевско-Вяземская наступательная операция 2.03.1943 – 31.03.1943

Имеющаяся информация позволяет сделать вывод, что Сталин придавал огромное значение разгрому немцев на Ржевско-Вяземском плацдарме и лично принимал участие в разработке военных действий на данном участке фронта. [3. С. 256] Здесь советское командование ставило перед собой следующие цели:

- 1) Нанести поражение основным силам немецкой группы армий «Центр»;
- 2) Освободить города Ржев, Сычевку, Вязьму;
- 3) Ликвидировать Ржевский выступ. [6. С. 450]

Ржевско-Вяземская наступательная операция 1942 г. является частью Московской битвы. Она осуществлялась с 8 января по 20 апреля 1942 г. войсками Калининского и Западных фронтов при содействии войск Северо-Западного и Брянского фронтов с целью разгромить главные силы немецко-фашистской группы армии «Центр». В этой операции советскому командованию не удалось полностью осуществить свой замысел, что в значительной степени обуславливалось недостатком сил, особенно танковых и механизированных соединений. В целом же ее результатом стало отбрасывание противника на западном направлении на 80-250 км, завершение освобождения Московской и Тульской областей, освобождение многих районов Калининской и Смоленской областей, тяжелое поражение группы армий «Центр». [9. С. 180]

Ржевско-Сычевская наступательная операция проводилась 30 июля – 23 августа 1942 г. войсками левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронта с целью овладения городами Ржев и Зубцов и выхода на рубеж рек Волга и Ва-

зуза (где предполагалось прочное закрепление). Организуя эту операцию, Ставка ВГК рассчитывала сковать на московском направлении группу армий «Центр», лишить гитлеровское командование возможности перебрасывать ее соединения на юг, где в это время разворачивалось наступление противника в сторону Сталинграда, и вынудить его перегруппировать на центральный участок фронта часть своих стратегических резервов. [2. С. 14-24] В результате этой операции советские войска продвинулись на 30-45 км, ликвидировали плацдарм противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковали крупные силы группы армий «Центр» и вынудили противника перебросить в район операции 12 вражеских дивизий, в том числе готовившиеся к переброске на Сталинградское направление; 3 танковые и несколько пехотных дивизий из состава группы армии «Центр» были обескровлены в боях [12. С. 256]

В Ржевско-Вяземской наступательной операции 1943 г. принимали участие войска Калининского и Западного фронтов. Проводилась она 2-31 марта с целью уничтожения группировки противника на Ржевско-Вяземском плацдарме. В результате ликвидации Ржевско-Вяземского выступа линия фронта была отодвинута от Москвы еще на 130-160 км, освобождены города Ржев, Гжатск, Сычевка, Белый, Вязьма. [11. С. 560]

В целом бои под Ржевом стали одним из самых кровавых эпизодов Великой Отечественной войны. Неоднозначны данные о потерях, приведенные в различных источниках. Согласно исследованию историка А.В. Исаева, проведенного на основе архива Министерства обороны, по-

тери в операциях на дуге протяженностью 200-250 км, опоясывающей Ржев, с января 1942 г. по март 1943 г. составили: безвозвратные – 392554 чел.; санитарные – 768233 чел. В число безвозвратных потерь входят пленные, часть которых после войны вернулась домой. 50000 человек были взяты в плен из состава 39-й, 22-й, 41-й армий и 11-го кавалерийского корпуса. 13700 чел. пленены во время Ржевско-Гжатской наступательной операции 30 июля – 30 сентября 1942 г. [6. С. 150]

Согласно статистическому исследованию историка Г.Ф. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX века», безвозвратные потери (убитые, умершие от ран и пропавшие без вести, в том числе попавшие в плен) в 1942-1943 гг. в операциях на западном направлении составили 433037 чел., из них: Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция (8 января – 20 апреля 1942 г.) – 272320 чел.; первая Ржевско-Сычевская наступательная операция (30 июля – 23 августа 1942 г.) – 51482 чел.; вторая Ржевско-Сычевская наступательная операция (25 ноября – 20 декабря 1942 г.) – 70373 чел.; Ржевско-Вяземская наступательная операция (2 – 31 марта 1943 г.) – 38862 чел. В 1942 г. общие потери на Западном и Калининском фронтах (включая Ржевскую дугу) составили: Западный фронт – 244574 чел. убитых и умерших от ран и 44996 чел. пропавших без вести; Калининский фронт – 221726 чел. убитых и умерших от ран и 55826 человек пропавших без вести. Итого безвозвратные потери советской армии, включая пленных, в ходе Ржевской битвы 1942-1943 гг. составили 605984 человека.

В результате боевых действий и оккупации Ржев, а также соседние города

и деревни были практически полностью разрушены, в основном артиллерией и авиацией Красной армии при попытках их освобождения. Из 20 тысяч чел., оказавшихся в оккупации, в день освобождения, 3 марта 1943 г., осталось 150 чел., вместе с районом – 362 чел. Из 5443 жилых домов Ржева уцелело лишь 297. [13. С. 177] Общий материальный ущерб, нанесенный городу и району в ходе боевых действий, по определению Чрезвычайной Государственной комиссии составил полтора млрд. рублей. [11. С. 58]

Так в чем же коренится причина неудач советских войск под Ржевом? Конечно, говоря о Ржевской битве, нельзя забывать о том, что данный период Великой Отечественной войны характеризуется крайне тяжелым положением советской армии в плане материальной обеспеченности, согласованности действий командования. Страх захвата сердца Родины охватил весь народ. Требовалась разработка стратегических манипуляций, которые позволили бы перехитрить немецкое командование и одержать долгожданную победу. По мнению некоторых историков, такие разработки были. Но также существовали и причины, помешавшие их осуществлению. Основная версия исследователей – радиоигра «Монастырь».

Ржевско-Сычевская наступательная операция, закончившаяся полной неудачей из-за неожиданно упорного сопротивления немецких войск и повлекшая почти 300-тысячные потери у войск советских, стала несмываемым пятном на блистательной военной карьере маршала Г.К. Жукова. Все его расчеты не оправдались, немцы как будто бы заранее знали все планы советского командования до

мельчайших подробностей, и подготовили нашим войскам такую встречу, что возглавляемое маршалом Жуковым наступление сорвалось (и это была единственная проваленная им наступательная операция), а среди советских войск было потеряно 60% личного состава. [7. С. 368] Позднее Ржевская битва получила другое, народное название – «Ржевская мясорубка».

Причиной неудачи советских войск в Ржевско-Сычевской стратегической наступательной операции могли быть и действия советской разведки, о которых стало известно только спустя более чем полвека после этих событий из воспоминаний одного из высших руководителей советской разведки в 1930-1950-е гг., генерал-лейтенанта государственной безопасности Павла Анатольевича Судоплатова. Один эпизод, вошедший в анналы истории советской разведки, не укладывается не только в рамки морали и нравственности, но даже не соответствует знаменитой иезуитской формулировке «Цель оправдывает средства» – здесь настолько увлеклись средствами, что напрочь забыли про цель. Речь идет о знаменитой стратегической радиоигре «Монастырь» (1941-1943 гг.).

Суть радиоигры «Монастырь» заключалась в следующем: по личному указанию Лаврентия Берия НКВД из числа своей агентуры создало «липовую» подпольную антисоветскую монархическую организацию «Престол», действующую на базе Новодевичьего монастыря (отсюда и название всей операции – «Монастырь»). Большинство служителей Новодевичьего монастыря были тайными осведомителями НКВД.

От имени организации «Престол» агент НКВД Александр Демьянов (агентурный псевдоним Гейне) в 1941 г. перешел линию фронта и вошел в контакт с немецкой военной разведкой Абвер, прошел курс обучения в немецкой разведшколе, получил еще и немецкий агентурный псевдоним – Макс и вернулся на советскую территорию, пообещав немцам создать агентурную сеть для проникновения в штабы Красной армии. Кстати, кураторы от советской разведки действительно устроили Демьянова в генштаб Красной армии офицером связи. А. Демьянов и его кураторы из НКВД, имитируя перед немцами бурную деятельность, якобы производимую организацией «Престол», стали передавать немцам по радиосвязи различную информацию. Чтобы немцы не утратили доверия к А. Демьянову, от его имени в Абвер передавали реальную информацию о многих готовившихся войсковых операциях – «важные операции Красной армии» действительно осуществлялись там, где их предсказывал Гейне – Макс, но они имели отвлекающее, вспомогательное значение. Как следует из мемуаров самого Судоплатова, а также из воспоминаний других разведчиков, и советских, и немецких, никакой реальной агентуры в нашем Генштабе у немцев не было, если не считать липового агента Гейне – Макса. То есть ни из какого другого источника, кроме как от нашей же разведки, о готовящихся операциях Красной армии немцы узнать не могли. Среди такой информации была и информация о Ржевско-Сычевской наступательной операции. 4 ноября 1942 г. Гейне – Макс сообщил, что Красная армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом,

а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью. Г.К. Жуков не знал о радиоигре, в результате в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на Ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск. Мы можем предположить, что нашего поражения могло бы и не быть, если бы не «гениальная» радиоигра бериевского НКВД.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1978 г. город Ржев за мужество, проявленное трудящимися города в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве награжден орденом Отечественной войны I степени. За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом Президента Российской Федерации №1345 от 8 октября 2007 г. городу Ржеву присвоено почетное звание «Город воинской славы».

Больше о трагедии Ржева сохранилось в народной памяти, неофициальных источниках. «Ржевской мясорубке» посвящено известное стихотворение А.Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом», малоизвестная песня М. Ножкина «Под городом Ржевом», в которой воевал его отец.

Достоверным источником информа-

ции являются воспоминания участников сражения. Приведем некоторые из них. Из воспоминаний П.А. Михина, бывшего командира взвода 1028 арtpолка 52 стрелковой дивизии: *«Справедливее было бы сказать, что на ржевской земле мы учились воевать, а наши великие полководцы на нас учились совершать свои грядущие победы. 15 месяцев бились за Ржев и почти ничего не смогли сделать, пока немцы сами не ушли оттуда. Пусть это были победы противника, но это же были и наши страшнейшие трагедии. Не из одних же успехов складывалась война. А история должна быть полной и достоверной, как бы ни была она горька. Она ведь, эта горечь, дорога многим, кто прошел через «Ржевскую мясорубку». Немцы ее крутили, а мы сыпали и сыпали в нее тысячи и тысячи солдат...»* [1. С. 52]

Из воспоминаний П. Гасникова: *«...Я считаю, что руководство войсками под Ржевом со стороны высшего и среднего командования 29-й армии было очень плохое... Результат оказался трагическим. Мы понесли большие потери, наступление захлебнулось... Это наступление было организовано в спешке, без соответствующей подготовки, без поддержки артиллерии. Ведь снарядов-то у нас почти не было... Мы устлали трупами все наши дороги, залили своей кровью и утопили в ней захватчиков. Так прими мои воспоминания, дорогой читатель, как исповедь старого солдата.»* [1. С. 52]

23 февраля 2009 г. на телеканале НТВ состоялась премьера документального фильма Алексея Пивоварова «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова». Фильм вызвал широкий отклик зрительской аудитории и обсуждение в прессе. О битве

под Ржевом сейчас идут споры между историками. В последнее время дискуссия о Ржевской битве развернулась между пользователями Интернета.

Проанализировав научные публикации, воспоминания участников сражения, мы пришли к выводу, что в поражении нельзя винить кого-то одного, как это принято делать в современном обществе. На исход битвы повлияло множество факторов, которые в совокупности предрекли результат сражений. Это и тяжелое экономическое положение в этот период Великой Отечественной войны, соответственно – недостаточность оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования для солдат. Это и неопытность полководцев, которые еще не могли довести военные операции до победного конца, потеряв как можно меньше людей, и многие другие причины, о которых мы говорили выше. Нельзя ни в коем случае умалять авторитет великого полководца Г.К. Жукова и обвинять его в неудаче советских войск, он сделал очень многое для победы советского народа. Мы надеемся на обнаружение архивных материалов и продолжение исследования. Битва, длившаяся 15 месяцев, понесла за собой сотни тысяч человеческих жизней. То, что перенесли наши деды и прадеды, было ради одной единственной цели – Победы. Нельзя умалять память людей, пожертвовавших своей жизнью, какая бы причина умалчивания ни стояла за этим. Герои Ржевской битвы заслуживают, чтобы их знали, помнили и почитали.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Баймухаметов С. Убит под Ржевом // Исто-

рия далекая и близкая. – 2009 – №10 – С.52

2. Грантц Д.М. Операция «Марс» (ноябрь-декабрь 1942 г.) // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С. 14-24.

3. Гречко А.А. История второй мировой войны 1939-1945 гг. в 12 т. Т.5. – М.: Воениздат, 1973 – 1982. – 512 с.

4. Гроссманн Х. Ржев – краеугольный камень Восточного фронта. – Ржев: «Ржевская правда», 1996. – 155 с.

5. Исаев А.В. Краткий курс истории Великой Отечественной войны. – М.: Яуза, 2005. ISBN 1-699-43532-0 – 332 с.

6. Козлов М.М. «Великая Отечественная война» в 2 т. Т.2. – М., 1981. – 819 с.

7. Миркина А.Д., В.С. Яровиков. Маршал Жуков: полководец и человек. Т.1 – М.: Новости, 1988. – 465 с.

8. Поспелов П.Н. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. – М.: Воениздат, 1965. – 622 с.

9. Ржевско-Вяземская операция // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1975. Т.22. ISBN 978-5-458-36913-8. – 434 с.

10. Ржевско-Вяземская операция 1942 г.; Ржевско-Вяземская операция 1943г.; Ржевско-Сычевская операция 1942 г. // Великая Отечественная война. 1941-1945: Энцикл. – М., 1985. – 833 с.

11. Ржевско-Вяземская операция 1942 г.; Ржевско-Вяземская операция 1943 г.; Ржевско-Вяземский плацдарм // Великая Отечественная война: Словарь-справочник. – М., 1988. ISBN 5-250-00107-6. – 528 с.

12. Ржевско-Сычевская наступательная операция // Советская историческая энциклопедия. – М., 1963. Т.3. – 516 с.

13. Федоров Е.С. Правда о военном Ржеве: Документы и факты. – Ржев: Ржевское производственно-полиграфическое предприятие, 1995. – 220 с.

ДОРОГОЙ ЖИЗНИ

Мой прадед Яков Николаевич Македонский родился в 1905 г. в селе Жилинка ныне Бузулукского района Оренбургской области. К сожалению, сохранилось очень мало сведений о периоде его жизни до войны. Известно только, что он работал в колхозе, был мастером по пошиву сапог. Там же женился. Его жена – Мария Агеевна Македонская, 1911 г.р. (умерла в феврале 2001 г.). Его дети: сын Борис Яковлевич Македонский (1934-2004), дочь Лидия Яковлевна Македонская (1940-1993). По воспоминаниям племянницы прадеда Зинаиды Федотовны Макаренко, 1932 г.р., Яков для своего времени был грамотным, трудолюбивым, всегда готовым помочь в беде своим родственникам. Незадолго до начала войны прадед вместе со своей семьей переехал в г. Бузулук.

На следующий день после начала Великой Отечественной войны, 23 июня 1941 г. он был призван на фронт Бузулукским райвоенкоматом Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Первоначально служил старшиной полевого подвижного госпиталя №2234 в звании старшего сержанта. Отвечал за эвакуацию раненых и больных воинов из блокадного Ленинграда по знаменитой Дороге жизни – единственной транспортной магистрали, которая связывала окруженный фашистами город с остальной страной. Госпиталь прадедушки постоянно менял свою дислокацию в зависимости от боевой обстановки: с 17 сентября по 20 декабря 1941 г. располагался на станции Мельничный Ручей (ныне

микрорайон г. Всеволожск Ленинградской области), с 20 декабря 1941 г. по 10 мая 1942 г. базировался в деревне Ваганово (ныне Всеволожского района Ленинградской области) и т.д.¹.

За свою самоотверженность в апреле 1942 г. Яков Николаевич был представлен к награде. Начальник полевого госпиталя писал, что «тов. Македонский в огромной работе по эвакуации 19 тыс. тяжелых ранбольных проявил исключительную трудолюбивость и героизм. Тов. Македонский организовывал бойцов для быстрой выгрузки их из ВСП (военно-санитарных поездов). Он сам носил их на себе и возил на санях, показывая пример рядовым бойцам. Тов. Македонский выполнял большую работу в ППГ (полевом подвижном госпитале) по созданию лучших условий обслуживания эвакуируемых ранбольных. Он организовывал ежедневно подвозки воды и снабжение ею тысячи ранбольных, проводил большую работу по предупреждению пожара в брезентовых палатках, где зимой размещались ранбольные, и с успехом справился с этой работой. Тов. Македонский трудился, не покладая рук, днем и ночью для лучшего выполнения боевой задачи эвакуации раненых и больных из Ленинграда в тыл». Приказом войскам Ленинградского фронта от 18 июля 1942 г. №01623 прадедушка был награжден медалью «За боевые заслуги»². В эти тяжелые для страны дни он вступил в ряды ВКП (б).

Затем прадедушка был переведен на должность помощника командира взвода 3-й пулеметной роты 864-го стрелкового полка 189-й стрелковой дивизии. После прорыва блокады Ленинграда его дивизия в марте 1943 г. была переброшена под город Колпино и приняла участие в Красноборской наступательной операции советских войск. Фланговыми ударами Ленинградского фронта из района Колпино и Волховского фронта из района Смердыни планировалось взять в кольцо мгинско-сенявинскую группировку 18-й немецкой армии, замкнув окружение у города Тосно. При этом 189-й стрелковой дивизии, в которой служил прадедушка, была поставлена задача наступать в направлении деревни Войтолово Кировского района Ленинградской области. В этих тяжелых боях 28 марта 1943 г. Яков Николаевич Македонский пропал без вести³. Несмотря на это, его жена Мария Агеевна много лет надеялась, что найдутся хоть какие-то сведения о муже и месте его захоронения. В послевоенные тяжелые годы она смогла одна вырастить и воспитать двоих детей, помогала в воспитании внука – моего отца Александра Борисовича и даже меня.

Пройдя все трудности и невзгоды жизни, оставалась энергичной, трудолюбивой, любящей мать и бабушкой.

Завершая свой рассказ о прадеде, могу сказать, что горжусь им и его подвигами на войне. Отдав жизнь за Родину, он защищал свою семью, свой город, свой дом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дорога жизни. Ириновка // Город дождей [Электронный ресурс]. URL: http://aroundpiter.ucoz.net/news/doroga_zhizni_irinovka/2013-01-05-27 (дата обращения: 07.02.2013).

2. Македонский Яков Николаевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10455844> (дата обращения: 07.02.2013); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 105. Л. 357-358.

3. Македонский Яков Николаевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52795949> (дата обращения: 07.02.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 188. Л. 114 об.

ВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ НАШИХ БАБУШЕК

Великая Отечественная война глубоко повлияла на все стороны жизни советских граждан. Мужчины, способные держать в руках оружие, призывались на фронт, добровольцами уходили на передовую, стремясь защитить свое Отечество. Только за первую неделю войны было мобилизовано 5,3 млн. человек. Для своевременной квалифицированной помощи раненым бойцам создавались санитарные батальоны, готовились эвакуогоспитали.

Но война велась не только на фронте. Не меньший вклад в Победу внесли и труженики тыла, ежедневно подтверждая лозунг: «Все

для фронта! Все для Победы!». Громадная работа была проделана по эвакуации предприятий и населения с запада на восток. Женщины, трудоспособные пенсионеры, подростки заменили у станков призванных в Красную армию квалифицированных рабочих. Именно на жителей тыла легла непростая задача по полному обеспечению нашей армии¹.

Нелегко приходилось и территориям, оккупированным фашистами, но и там продолжалась борьба, создавались партизанские отряды, наносившие чувствительный урон врагу. Великая Отечественная объединила

Полеводческая бригада

*Прасковья Трофимовна Калиниченко
с внуками, 1952 г.*

весь советский народ. Сейчас в России и других странах бывшего СССР наверняка нет ни одной семьи, где бы не вспоминали героев, сражавшихся на фронте или работающих в тылу. Не все из них дожили до Победы, но все приближали ее как могли.

С течением времени изменились формы передачи памяти об этом знаменательном историческом событии. Кроме обширного комплекса официальных источников еще есть возможность обращения к источникам личного происхождения, благодаря которым можно расширить сформированное представление о войне, погрузиться в далекую от наших дней военную повседневность².

Рассказы наших бабушек о пережитой ими в пору детства и юности Великой Отечественной очень интересно слушать. Когда им удастся оторваться от повседневных трудов, то в воспоминаниях возникают яркие картины давно ушедшего времени.

Анна Николаевна Ефименко (в девичестве Калиниченко) – лучшая подруга моей бабушки Надежды Алексеевны Смелянец (в девичестве Пелих), а также бабушка моего одноклассника. Ее, потомственную кубанскую казачку, привела в Оренбург любовь. Здесь она вышла замуж за потомка уральских казаков Владимира Михайловича Ефименко. В частности, казаками были его дедушки – Петр Тишнатий и Архип Ефименко. «Со своим будущим мужем, – вспоминает А.Н. Ефименко, – я познакомилась заочно. Мы с ним писали друг другу письма. Он служил в Карсакове, а я тогда жила в станице Отважной. Дело было через несколько лет после войны. Мы с ним переписывались, когда я училась в восьмом и девятом классе, а потом он приехал – и моя учеба закончилась, – смеется Анна Николаевна. – Вот так я попала в Оренбург»³.

Кирыкмасова А.А.

Июнь же 1941 г. совсем маленькая тогда Нюся встретила на своей родине – в попавшей в немецкую оккупацию станице с гордым названием Отважная, которая в настоящее время относится к Лабинскому району Краснодарского края. Станица была основана в 1859 г. и в 1888-1924 гг. входила в Лабинский отдел Кубанской облсти.

Начало войны с Германией для всех советских людей было неожиданностью. Кубань не являлась исключением. В далеком июне 1941 г.а кубанцам «казалось, что она (война) идет где-то далеко, и станичники узнавали о ней только по сводкам Информбюро. Репродукторы – черные картонные тарелки в домах не выключались ни днем, ни ночью»⁴.

Но, несмотря на жестокие бои, немцы прорывались к Москве. На Кубань, ставшую в то время тылом, хлынул поток беженцев с оккупированных врагом территорий. К примеру, Лабинск принял детей, вывезенных из блокадного Ленинграда, для которых срочно оборудовали детский дом.

Местные заводы осваивали производство новой продукции. На Кубани началась подготовка к возможному вторжению врага: организовывались военные учения, формировались народные ополчения, казачий эскадрон, рылись противотанковые траншеи. К весне 1942 г. тревожные ожидания кубанцами неизбежной опасности усилились. Не добавляли спокойствия и рассказы беженцев с Украины. Линия фронта стремительно приближалась...

«В конце весны 1942 г. гитлеровское верховное командование сосредоточило основные усилия на южном крыле советско-германского фронта, делая ставку на захват нефтяных районов Кавказа и плодородных областей Дона, Кубани, Ставрополя. Под

*Калиниченко Николай Васильевич,
1981 г.*

*Ефименко Владимир Михайлович
и Ефименко Анна Николаевна, 1956 г.*

*Калиниченко Анна Николаевна,
март 1954 г.*

*Калиниченко Николай Васильевич
в молодости, 1952 г.*

ударами вермахта наши войска вынуждены были отступить, и к середине июля вражеские соединения вышли в большую излучину Дона, создав угрозу прорыва к Волге и на Кавказ. 17 июля 1942 г. начался оборонительный период Сталинградской битвы, продолжавшийся до 18 ноября 1942 года»⁵.

24 июля немцы захватили Ростов-на-Дону – «ворота Кавказа». Это позволило им стремительно развивать наступление на Сталинградском направлении. А уже 9 августа фашистскими войсками был завоеван Краснодар. Враги чувствовали себя полными хозяевами на кубанской земле. Освобождена она была только через год, в 1943-м. Этому во многом способствовала победа в Сталинградской битве. 11 января наши войска начали Краснодарскую наступательную операцию. Краснодар был освобожден 12 февраля. Свой вклад в борьбу с фашистами внесли и партизанские отряды.

Вот что вспоминает о том страшном военном времени Анна Николаевна: «Станицы Засовская, Ахметовская, Вознесенская, Упорная, хутор Гафицкий... Они все были в оккупации. Все эти географические объекты находятся рядом, разница между ними совсем небольшая – 5-7 км. Мы у мамы совсем маленькие были, когда оккупация началась.

Вошли в станицу немцы, забрали всех мужчин, молодых парней, увезли всех в одну ночь. Остались одни старики, женщины и дети. Был страшный голод. Немцы забрали все: масло, куриц... В школе почти не учились, сидели закрытые под замками, чтобы не поубивали. Хорошо это помню. Когда разбомбили детские дома в Краснодаре, то детей оттуда распределили по семьям. У нас было четверо малолетних племянников, двое с папиной стороны и четверо детдо-

мовцев. Всего двенадцать человек в семье. Мне было шесть лет во время оккупации. Мы жили весь день в кукурузе, дом закрывали на замок, а ночью возвращались. Если дом закрыт, немцы замок не ломали и внутрь не лезли. Не знаю, почему так было. Мама моя, Калиниченко Марфа Ивановна, в окно залазила, печку топила.

Когда немецкие войска в станицу вошли, они расквартировались по домам. У нас десять человек поселились. А в доме три комнаты: сени, кухня и большая жилая. В ней стояли две кровати, на которых поперек спали все немцы. И только кричали оттуда по-русски: «Мама, компот! Мама, компот!». Моя старенькая бабушка Калиниченко Прасковья Трофимовна, которой тогда уже было приблизительно за семьдесят лет, не понимала про компот и говорила: «Всем вам будет капут!». Немцы хотели ее за это расстрелять, но мама объясняла им, что старый больной человек просто не понимает разницы между похожими по звучанию словами «компот» и «капут».

Маму нашу несколько раз ставили к расстрелу, потому что она говорила немцам: «Ваши пьют, а наши воюют!». Мама смелая была. Она с ними не церемонилась, совсем нисколько. Из-за этого дело несколько раз до винтовки доходило. Но, к счастью, обошлось. Марфа Ивановна до войны была звеньевой, потом бригадиром в полеводческой бригаде, на животноводческой ферме. Она была на слете в Краснодаре награждена медалью как лучшая доярка Краснодарского края, надаивала по три тысячи литров молока. Каждый вечер, когда мама ходила доить коров, я ей помогала.

Немцы, которых я видела, пили очень много водки и вообще вели очень разгульный образ жизни. Только водку пили и

наших станичников вешали, ничего больше не делали. Какая уж там война?! Я помню, что когда немцы у нас в станице расквартировались, они не у всех ели. Боялись, что их отравят. Но у нас они всегда ели. Когда немцы у нас жили, то один постовой из их числа всегда в коридоре стоял. Все спят, а он караулит. Мало спали командиры. Когда у нас немцы квартировали, то сени никогда не закрывались, все время открытые, и часовой там.

Один из тех немецких солдат разговаривал с мамой. Он ей говорил: «Вот твой воюет, а у меня тоже трое. Нас тоже воевать послали». Мы, дети, сидели на печке. Немцы, жившие в нашем доме, кидали нам свою странную, непривычную для нас, советских ребятишек, еду. Они кидали нам печенье, консервы... Но мама не разрешала нам есть эти фашистские подачки, и мы ее слушались: не ели. Кормились же в основном кукурузой. Мы хлеб в колхозе воровали. Да, было такое, было. Имелось в станице много фруктов. Сухофрукты никогда не вывозились.

Всю молодежь немцы хотели истребить. Это им нужно было для того, чтобы наш народ постепенно сам по себе выродился. Ведь если некому будет детей рожать – люди все умрут. Не будет тогда никого. Как пришли захватчики, сразу виселицу соорудили. Многих повесили, фамилий уже не помню...

Как-то маму предупредили, что утром хотят повесить папину сестру, Калиниченко Марию Васильевну. Ей тогда, вроде, всего восемнадцать лет было. Было решено сплавлять ее по реке. В ночь сопроводили тетю до станицы Упорной, там тогда формировали отряды добровольцев, и ее отправили на Краснодар. С санитарным батальоном Мария Васильевна дошла до Чехословакии. Там тетя и встретила Победу.

Как пленных гнали, я хоть и маленькая была, хорошо запомнила. Колонна шла от Невинномысска. Грохот слышно было, запомнила. Гнали пешком до Лабинска 60 км, как собак. В Лабинске у нас железная дорога была, там их в вагоны сажали и увозили.

Когда гнали пленных, и из других станиц тоже, колонна была полтора км. Вокруг колонны ехали немцы на мотоциклах. Из домов выходили старушки, подходили и хотели давать пленным хлеб, но кидать внутрь колонны нельзя было, потому что люди стали бы останавливаться, нагибаться, они могли друг друга затоптать, а марш колонны сбиться. Так они и шли по станице: колонна пленных, а вокруг нее еще две колонны из немцев-надсмотрщиков. У всех немцев были собаки.

Наконец, в 1943 году, из станицы Упорной загрохотали наши самолеты, и немцы убежали. Они бросали мотоциклы, бросали одежду, даже боеприпасы... Все бросали! Немцы бежали на хутор Гафицкий, потом на Лабинский. Им очень мешали наши грязные

дороги. От Краснодара после оккупации осталось всего 4% населявших его ранее жителей.

До самого конца войны мы голодали. Немцы все с собой забрали: яйца, масло... Сады фашисты не разрушали. Где бомбежек не было, там они сохранились. У нас же почва южная, хорошая: один раз копнешь – и растет! Само по себе растет, и поливать много не надо!

Мама подняла всех двенадцать человек. Одежду с одного перешивала на другого. Вши были, да. Чтобы избавиться от них, мама выпаривала всю нашу одежду. Для этого она делала щелок из отстоянной золы, полученной из сгоревшей подсолнечной ботвы. Детдомовцы все выросли у нас, ушли в армию.

Папа мой, Николай Васильевич, попал на фронте в плен. Он был на фронте с самого начала, когда у нас стали формировать военные части. Папа несколько раз бежал с плена, но его ловили и возвращали. Один раз, когда отец бежал от немцев, его спасла

Калиниченко Мария Васильевна, 1943 г.

полячка. Она его спрятала: засунула в печьку и дровами заложила. Потом он опять убежал к своим.

После войны отца отправили в Новокузнецк как врага народа, хотя он им не был. Тогда всех, кто был в плену, подготавливали в измене Родине. Кто-то из наших станичников был тогда в Новокузнецке. Он написал нам, что если Николай Васильевич хороший, его отпустят. Из нашей станицы дали ему хорошую характеристику, и папу отпустили. Вернулся он в Отважную осенью 1947 года.

Мы тогда пасли коров за станицей, и пришел мой дядя, пастух. Мама нас пугала: «Не будете слушаться – продам корову, куплю нового отца!». Мальчик из нашей станицы увидел, что идет какой-то солдат, и сказал об этом пастуху дяде Саше. Дядя пошел с ним и узнал моего отца. Потом прибежал к маме и радостно сообщил «Братуха идет!». А я иду – смотрю, коров нет. А какой-то незнакомый мужчина есть. Я сначала боялась к отцу подойти, потому что его не помнила. Я ведь совсем маленькая была, когда он ушел. Вот и смотрю: коров нет. Думаю: «Наверно, мама свою угрозу выполнила!». А он подошел и на руки меня взял.

Вся станица сбежалась: нечасто бойцы с войны возвращаются. А к нам вернулся! Послевоенное время было очень холодное и голодное. Мы ходили в немецких опорах. Мальчишки ходили собирать колоски. Мы работали все лето на токах. В основном нас отправляли на прополку свеклы, кукурузы и подсолнечника. Еще продергивали сорняки в пшенице. Дергали кукольник, это же отравы. И хлеб после него горький. На току тогда были ручные триера, мы крутили их рукой, и пшеница очищалась. Мы маленькие были, нам бочки, ящики ставили, мы на них стано-

вились и крутили. Никто нас не спрашивал, устали, не устали... Все работали.

Со временем восстанавливалась и школа. Сложно было, но я закончила все десять классов. Это было в 1955 г. После этого я сразу уехала в Оренбургскую область и вышла замуж.

Во время войны моя мама спасла югослава. Она держала его около печки, в конопле, а летом в кукурузе. Когда наши полки подошли, югослав присоединился к войскам. После войны приглашал маму в гости. Она к нему ездила. А один из наших детдомовцев служил в Венгрии, да так и остался жить там. Тоже звал маму в гости, но она не смогла съездить»⁶.

Вот так воспоминания одного человека о пережитом могут показать различные стороны войны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) // Отечественная история: Элементарный курс: Учебное пособие / Под ред. проф. И.М. Узнардова, Я.А. Перехова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 312.

2. Реброва И.В. Устные воспоминания о Второй мировой войне: обзор некоторых новейших отечественных публикаций // Устная история: теория и практика: Материалы всероссийского научного семинара / Сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2007. – С. 87.

3. Воспоминания А.Н. Ефименко записаны А. Кирьямасовой (29.01.2013, г. Оренбург).

4. Брославская А. Корни. – М.: Воскресенье, 2006. – С. 131.

5. Кубань – ты наша Родина [Электронный ресурс]. URL: <http://kuban2.16mb.com/economy-6.htm> (дата обращения: 10.02.2013).

6. Воспоминания А.Н. Ефименко записаны А. Кирьямасовой (29.01.2013, г. Оренбург).

СПИРИНА О.С.

(г. Оренбург)

НА РЖЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

27 миллионов жизней... Столько мы потеряли в Великой Отечественной войне. Погиб каждый четвертый житель страны. Война не оставила в покое ни один дом, ни одну семью, – горе коснулось всех. Говоря о войне, мы вспоминаем, наверно, не только великие подвиги, но и подвиги тех людей, которые живут сейчас только в воспоминаниях близких людей и в строках писем с фронта... Одним из таких людей был мой прадедушка. Его звали Максим Яковлевич Малоносков. Он родился в 1904 г. в селе Новая Тепловка Бузулукского района Оренбургской области. Его детство было тяжелое: пришлось пережить революцию, гражданскую войну, раскулачивание, голод. Я думаю, нужно быть человеком с сильным характером, чтобы это перенести в своей жизни.

Но судьба – штука интересная и весьма загадочная. Так случилось, что на жизненном пути ему встречается женщина – Евдокия Андреевна из села Ларионовка. Спустя некоторое время он женится на ней, и они переезжают в село Завраженка Бузулукского района, которое и стало родным селом их семи детей. Самая старшая дочь, Екатерина, родилась в 1925 г., младшая, Галина (единственная из тех, кто дожил до сегодняшнего дня), – в феврале 1941 г.

До войны прадедушка работал в колхозе за трудодни: приходилось пахать, сеять, убирать урожай, – работа была не из легких. Прабабушке приходилось растить детей дома, вязать снопы сена на работе.

У прадедушки было два родных брата – Дмитрий и Самсон, о судьбе которых нам, к сожалению, ничего не известно. Семья прадедушки была очень дружная, все друг друга уважали, старшие помогали младшим, но жили бедно, в военные и послевоенные годы приходилось кушать даже траву, было нечего обуть, не говоря уже о красивой одежде.

28 августа 1941 г. прадедушка был призван на фронт Бузулукским райвоенкоматом Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Его зачислили рядовым в пулеметную роту 1170-го стрелкового полка 348-й стрелковой дивизии, которая с августа формировалась в знаменитых Тоцких лагерях из числа мирных тружеников: крестьян, рабочих, интеллигенции Оренбуржья. На хорошую боевую подготовку не было достаточно времени, так как немецкие войска уже подходили к Москве. Поэтому к концу ноября 1941 г. формирование дивизии закончилось, и она выехала на фронт. В первых числах декабря части дивизии выгрузились из железнодорожных составов на станции Загорск (ныне город Сергиев Посад Московской области). Пешим порядком через поселок Вербилки они вышли на линию фронта и 5 декабря 1941 г. вступили в первый бой. В этот день Красная армия перешла в наступление под Москвой, в котором дивизия прадедушки принимала самое активное участие. 8 декабря она разбила обороняющегося противника и заняла село Рогачево ныне Дмитровского района Московской области, захватив большие трофеи. После этого не-

мецкие войска начали общий отход на запад в направлении г. Клин. Части 348-й дивизии продолжали успешно преследовать врага и после ряда упорных боев под Русино, Спас-Коркодино, Вороново выбили противника и заняли г. Клин. Переброшенная в район Завидово дивизия 20 декабря 1941 г. перешла в общее наступление на Лапино, Большие Горки, Большое Феряськино, Ульяново. Утром 23 декабря 1170-й полк прадедушки внезапной атакой освободил деревню Судниково, потеряв при этом 20 человек. Немцы так быстро отступали, что не смогли вывезти своих раненых из этой деревни и пристрелили их. Из-за стремительного бегства фашисты не успели сжечь Судниково и Савостино. Развивая удачную атаку, 348-я стрелковая дивизия преследовала отходящего противника в течение всего дня и освободила Савостино, Киево, Мазлово, Введенское. 24 декабря к исходу дня она заняла Курятниково, Шелгуново, Перекнязево, Сельменево, Ильинское, Вяхирево, Канищево, Могильцы, Рамежье и Поляны. Всего в ходе Московской наступательной операции дивизия прадедушки освободила более 40 населенных пунктов, в том числе город Клин, часть Лотошинского района Московской области и в конце января 1942 г. вышла к городу Ржеву Калининской (ныне Тверской) области.

Выполняя приказ Штаба 30-й армии, части дивизии после ожесточенных боев под Погорелое Городище, Коршиково, Новое Коблево, Ощурково, Коськово, Лещихино, Леоново 20 января 1942 г. овладели селом Ульяново ныне Зубцовского района Тверской области. В этих операциях они взяли большие трофеи. Только за 5 дней боев с 15 по 20 января 1942 г. дивизия прадедушки захватила 130 грузовых ав-

томашин, 67 легковых, 10 специальных машин, 30 мотоциклов, 1 150 мм орудие, 10 тракторов, 130000 патронов, 7500 снарядов. Освободила несколько десятков населенных пунктов.

В этих боях мой прадедушка отличился мужеством и был представлен к награде. Командир его 1170-го полка писал, что «первый номер станкового пулемета Малоносов ... отразил контратаку противника 26.1.1942 г. За это время враг потерял 11 убитыми и 5 тяжелоранеными. Когда подошла повозка подобрать раненых, т. Малоносов открыл огонь, убил лошадь и еще 2-х повозочных немцев. В этот же день подавил огневую точку противника после отражения контратаки». Приказом войскам Калининского фронта от 16 февраля 1942 г. №045 красноармеец Малоносов Максим Яковлевич был награжден орденом Красной Звезды.

Вслед за этим с 27 января по 2 февраля 1942 г. его дивизия вела наступательные бои в районе села Погорелое Городище ныне Зубцовского района Тверской области, севернее его прорвала укрепленную полосу противника на р. Бержа и освободила 9 населенных пунктов, но, понеся большие потери, была отрезана и окружена прорвавшимся противником. В ходе упорных боев только мелкие группы смогли вырваться из немецкого кольца. В этих боях дивизия прадедушки понесла тяжелые потери – до 1200 человек убитыми и пропавшими без вести, из них 45% среднего и старшего командного состава.

2 февраля 1942 г. она была переведена на Ржевское направление в район сел Воскресенское и Ширянки. С 7 по 18 февраля дивизия вела упорные бои на р. Кокша в районе Старое и Новое

Коростылево, Кокош, Тимонцево, Петелено, а затем обороняла до 25 апреля 1942 г. полосу с передним краем по южному берегу р. Кокша. В этих оборонительных сражениях в марте 1942 г. мой прадедушка Максим Яковлевич Малюнов пропал без вести. Последнее письмо жене Евдокии Андреевне пришло еще 9 января 1942 г. через г. Горький (ныне Нижний Новгород). В сердцах близких людей была надежда на то, что он еще вернется, но время шло, а оповещений больше не было, он так и остался без вести пропавшим. И на его могилу, местонахождение которой я знаю лишь со слов родственников, я мысленно кладу свой скромный «веночек памяти».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Малюнов Максим Яковлевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=6029049> (дата обращения: 07.02.2013); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 167. Л. 8-11, 109-110.

2. Малюнов Максим Яковлевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=64706427> (дата обращения: 07.02.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 330. Л. 68 об. – 69.

МОСОЛОВА Е. В.

(г. Оренбург)

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО МОЕГО ДЕДА

*Идут года, немного вас осталось,
И Родина уже не та,
Да и в глазах то слезы, то усталость,
А на душе то грусть, то пустота.
А жизнь крута, как мартовская вьюга,
Не холодно, да солнца не видеть.
И нет уж рядом фронтового друга,
А одному никак не устоять.
Грустит солдат, кончается дорога,
Что в рай ведет, а может быть, и в ад,
И ничего не просит он у бога,
Все потому, что Русский он солдат.*

В. И. Дорошенко

Война – это самое страшное, что может пережить человек. Своей актуальности тема войны не утратила до настоящего

времени у всех народов мира. Войны уносят миллионы жизней людей: кто-то теряет родителей, кто-то – детей. Во время войны

человек проверяет стойкость своего духа, твердость характера, отвагу, способность к героизму в большом и малом.

Каждый год мы вспоминаем тех, кто защищал нашу Родину от фашистских захватчиков, так как не было в нашей стране ни одной семьи, которая бы ни проводила на фронт близкого человека. Ушел на войну и Иван Афанасьевич Дорошенко, мой прадед, оставив жену и двух сыновей.

Родился Иван Афанасьевич в 1910 г. в поселке Новосергиевка в бедной крестьянской семье. Был мобилизован в июле 1941 г., участвовал в боях против немецких захватчиков за города Калинин, Торжок, Старицу и многие другие. Был назначен командиром отделения 199-го стрелкового полка. Во время защиты одной из деревень взял в плен немецкого офицера, который сообщил ценные данные о расположении своих войск. При наступлении на город Погорело-Городище в январе 1942 г. был ранен, но с поля боя не ушел и продолжал командовать своим отрядом. В августе в боях за город Зубцов проявил храбрость в отражении контратаки противника, был вторично ранен, но продолжал громить врага. 15 июля 1943 г. награжден медалью «За боевые заслуги».

Что делали в войну взрослые, понятно: воевали, освобождая Родину от фашистских захватчиков, те, кто остались в тылу, работали на заводах и на полях, чтобы помочь фронту. А дети? Было ли у них детство в те суровые годы? Воспоминаниями о том нелегком времени со мной поделился мой дедушка Владимир Иванович Дорошенко. На первый взгляд, он обычный пенсионер, который любит ходить на рыбалку, играть в шахматы, а также умеет интересно рассказывать о своей жизни.

Владимир Иванович родился 18 сентября 1936 г. в селе Грязно-Иртек Мустаевского (ныне Ташлинского) района Оренбургской области. Пошел в школу в 1944 г. в селе Варшавка. Как и все дети того времени, был октябренок, пионером. В 1949 г. семья переехала на постоянное место жительства в Новосергиевку, где Володя окончил в 1954 г. школу. В этом же году поступил в Омское военно-медицинское училище, там вступил в комсомол. В 1957 г. окончил училище с отличием и был направлен для прохождения службы в город Выборг Ленинградской области. В следующем году был переведен в город Анива на остров Сахалин, где прослужил до демобилизации из рядов Советской Армии в 1961 г. В дальнейшем он успешно работал в Новосергиевской СЭС, откуда и ушел на пенсию в 1996 г. Мой дедушка является ветераном труда, награжден Почетной грамотой Российской Федерации.

Военное детство Владимир Иванович помнит отрывочно. Когда началась война, он был пятилетним ребенком, которому казалось, что жизнь не изменилась, и все идет своим чередом. Когда же Володя пошел в школу, то понял, как трудно жить в военное время. Семилетнему мальчишке приходилось много работать по дому, помогать маме, присматривать за младшим братишкой, поливать и полоть огород, добывать себе еду. Летом было проще: дикий лук, чеснок, щавель, крапива – все шло в пищу. Главной едой для детей войны было мясо сусликов. Их шкурки сдавали старьевщикам, они давали за них детям свистульки, резинки для рогаток. Счастьем было получить взамен шкурки халву.

Школа в селе была только до четвертого класса. Ребятишки ходили на занятия с

холщовыми сумками, чернила делали из сажи или сережек ольхи, вместо тетрадей были старые газеты. Не разрешалось писать на газете, если в ней был помещен портрет Сталина. Чтобы топить школу зимой, каждый ученик носил топливо: кто дрова, кто кизяк. Без этого в школу не пускали. Уроки учили при самодельных лампах. Сделаны они были из баночки с керосином, фитилек делали из ваты и металлической трубочки, а чтобы фитиль не проваливался, его вставляли в пластинку из сырой картошки.

Когда стал старше, приходилось работать не только по дому. У родного деда, который во время войны трудился в колхозе, он был подпаском. Но так как Афанасий Степанович был занят еще и другой работой – ремонтировал обувь, занимался кузнечным делом, – моему дедушке приходилось пасти скот одному с утра до вечера. У Володи было две пары лаптей: одни он надевал утром, когда идти приходилось по мокрой от росы траве, и лапти быстро промокали, когда же трава от летнего солнца высыхала, надевал сухую пару.

Дедушка пас коров, овец, лошадей. Труднее всего было пасти овец, потому что на них часто нападали волки, особенно в начале сентября. Хищники в это время учили своих волчат добывать себе пищу. Все сельские ребята хорошо умели ездить на лошадях и больше всего любили пасти именно их. Очень помогал в этом пасечный жеребец, особенно когда хотелось спать. Когда пригревало солнце и спадала роса, Володя ложился отдохнуть и доверял табун жеребцу. Обученный жеребец не позволял ни одной лошади отходить далеко. Если же он не мог удержать табун, то подбегал к деду, брал его за рубашку и дергал. Жеребец охранял табун и от волков, при при-

ближении которых он маленьких жеребят загонял в середину круга. Волки знали, что удар задним копытом смертелен, и они боялись подойти к табуну близко.

Особенно ярко дедушке запомнилось окончание войны. Он узнал об этом одним из первых в деревне. Была ранняя и очень теплая весна. В тот день стадо паслось на месте, где росло очень много красных тюльпанов: «Я прилег отдохнуть и заснул. Через некоторое время проснулся и не поверил своим глазам. Красные тюльпаны будто двигались. Когда я встал, оказалось, что это всадник скачет на лошади с развевающимся красным флагом. А так как я слышал от взрослых, что война скоро закончится, я понял, что это Победа».

Война закончилась в мае, уже многие вернулись с фронта домой, а отец Володи – Иван Афанасьевич еще лежал в госпитале. Его ранили при взятии города Кенигсберг (ныне Калининград). И домой он приехал только в декабре 1945 г. Встретить его ездили на лошади, запряженной в сани, на станцию Новосергиевская, а жила семья Дорошенко в Варшавке.

Хорошо дедушка запомнил подарки отца: электрический фонарик, ручка, заправленная чернилами, и батон белого хлеба. Все это мальчик увидел первый раз в жизни. У фонарика быстро села батарейка, а у ручки кончились чернила. «И хлеб мне показался безвкусным. Он был белый, как снег, сделан из одной муки. Для меня это было непривычно. Хлеб, который приходилось есть всю войну, состоял из отрубей, муки и даже добавлялась трава – лебеда, крапива. Мука, которая иногда появлялась в доме, расходовалась только по праздникам».

Закончилась война, но жизнь еще долго оставалась трудной. Но все равно это была

Салманова В.Д.

уже другая жизнь. Теперь Владимир Иванович давно на пенсии, но часто вспоминает свое далекое военное детство. Ведь во время войны тяжело было не только взрослым, которые воевали на фронтах и защищали Родину, самоотверженным трудом в тылу помогали стране выстоять, но и детям, на плечи которых легли нелегкие, совсем взрослые обязанности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

2. Дорошенко Иван Афанасьевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=16215953> (дата обращения: 09.02.2013); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 624. Л. 192-192 об., 212.

САЛМАНОВА В.Д.

(г. Оренбург)

ЕСТЬ ЛЮДИ ВЕЧНЫЕ ГОРЕНЬЕМ...

*...Есть люди вечные гореньем
Их жизнь – эпохи нашей цвет.
У них есть только день рожденья,
А даты смерти у них нет...*

Что может быть страшнее, чем слово война? Да наверное, ничего. Сложившаяся в Европе обстановка не оставляла сомнений в том, что гитлеровская Германия, усилившаяся в результате завоеваний, попытается напасть на СССР.

С 22 июня начались 4 долгих года войны, которые принесли миллионы смертей, тысячи битв, сотни побед и поражений. Но русский народ сумел защитить свою страну и освободить Европу от фашизма. 9 мая 1945 г. победа досталась СССР.

В каждой семье найдется человек, который знает эти страшные слова – Вторая мировая война. И в моей семье есть такие люди.

Мой прадед Михаил Игнатович Салма-

нов был участником Великой Отечественной войны.

Прадедущка родился в деревне Париново Рамонского района Воронежской губернии 10 октября 1910 г. в семье крестьян Игната Исаевича и Устиньи Филипповны Салмановых. Село Париново тогда состояло всего из одной улицы в непосредственной близости от поселка Рамонь. В настоящее время село Париново стало частью Рамони и превратилось в улицу Степана Паринаова.

Отец прадеда, Игнат Исаевич – полный Георгиевский кавалер, вернулся домой с Первой мировой войны тяжело раненый в позвоночник. Устинья Филипповна привезла его на телеге из Воронежа и целый

год выхаживала. Игнат Исаевич смог подняться, потому что смолоду отличался недюжинной силой и здоровьем.

Маленький Миша был единственным ребенком в семье, что было редкостью в то время. Родители горячо любили его, но не баловали. Поэтому Миша был обыкновенным деревенским мальчишкой: помогал по хозяйству, ездил в ночное, любил лошадей и уже подростком работал помощником сельского кузнеца.

В годы, когда владельцами рамонского имения были принцы Ольденбургские, жизнь местного населения во многом изменилась.

Новые хозяева поместья дали работу тысячам людей и привнесли сюда существенный прогресс, связанный прежде всего с развитием сахарного завода, а затем конфетной фабрики. Стараниями принцессы Ольденбургской открываются

начальная и рисовальная школы, устраивается лечебница...

Конечно, все эти нововведения не могли пройти мимо деревенских мальчишек. Они многое замечали сами, многое слышали из разговоров взрослых о царских особах. Ведь члены императорской семьи, несмотря на свое высокое положение, были достаточно доступны для простого народа. Например, великая княжна Ольга Александровна неоднократно навещала Георгиевского кавалера Игната Исаевича в его доме.

Возможно, все это оказало влияние на маленького Мишу и открыло в нем желание учиться. Почувствовав вкус к знаниям в Париновской школе, он в дальнейшем учился всю жизнь. С 1927-го по 1931-й г. Михаил – студент отделения механизации Воронежского сельскохозяйственного института. В стране полным ходом идет

индустриализация, требуются специалисты. Михаил получает диплом инженера-механика.

Его трудовая деятельность начинается с должности разъездного механика Солнце-Дубровской МТС, а заканчивается должностью помощника директора по механизации в селе Винники Курского района.

Но у молодой советской страны много врагов, надо укреплять армию. В стране объявляется комсомольский призыв. И в мае 1932 г. по специальному набору прадед уезжает учиться в Высшую школу танковых специалистов в Ленинград. В танковой школе он познакомился с Иваном Игнатьевичем Якубовским, будущим маршалом Советского Союза. Они жили вместе в одной комнате, на каникулы ездили вместе в Белоруссию к маме Якубовского.

После окончания танковой школы Михаил Игнатович служил в Бобруйске старшим танковым техником батальона. В 1935 г. получил назначение на Дальний Восток. По пути заехал в Воронеж к другу Василию Нечаеву и там встретил свою будущую жену Нину. На Дальний Восток они уехали вместе.

В 1938 г. японские военные части перешли границу у озера Хасан. Наши пограничные войска приняли бой. В этом сражении принимал участие и Михаил Игнатович. Много лет спустя, уже будучи дедом, он рассказывал внукам, как они «утожили японцев». За это сражение он получил редкий знак «Участнику Хасанских боев».

В 1940 г. тревожно стало на западной границе, укрепляются рубежи нашей страны. Прадедущка получает назначение

в город Тернополь Киевского военного округа в качестве инженера 1-го механизированного батальона. Перед началом войны ему 30 лет, у него четверо детей (три сына и дочь), семья проживает также в Тернополе.

В первые дни войны с большим трудом семье удалось эвакуироваться, поезда бомбили постоянно. Всю войну семья прожила в селе Александровка-Донская неподалеку от Павловска у родителей Нины Васильевны. По ее воспоминаниям, их спасло то, что у родителей была корова.

Первые бои – на западной границе. Красная армия отступала с тяжелыми потерями. Прадедущка был ранен, лечился в госпитале в Донбассе. А уже в августе 1941-го он в качестве командира танкового батальона воевал на Южном фронте, затем – в 3-й Ударной армии на Калининском фронте. Награжден медалью «За оборону Москвы» на Волоколамском направлении, в районе деревни Крюково.

В 1942 г. Михаил Игнатович уже был командиром полка. Во время советского наступления на Курской дуге с ним произошел такой случай. Нашим войскам надо было выдвигаться на исходные позиции, шла переправа через реку. Вдруг на мосту заглох трактор-тягач. Переправа остановилась, возникла пробка. В это время мимо проезжала кавалькада штабных машин. Оказалось, что там был Г.К. Жуков. Он вышел, спросил о причине задержки, вызвали Салманова как ответственного за состояние техники. Момент был напряженный, так как всем был известен крутой нрав Жукова. Был дан приказ немедленно наладить переправу. Прадед приказал сбросить тягач в реку (потом его вытащили). Впоследствии произошла еще

одна встреча с Жуковым в Прикарпатье. Лицо Салманова показалось знакомым Георгию Константиновичу. Вместе вспомнили случай на переправе и в этот раз уже посмеялись.

В 1943 г. прадед был начальником автоторожной службы на Брянском, 1-м, 2-м и 3-м Украинском фронтах, а с 1943-го по 1945 г. – начальником автомобильного отдела Управления тыла 46-й армии в звании гвардии подполковника. С августа 1943 г. его армия участвовала в освобождении Донбасса, городов Днепрпетровска и Днепродзержинска, форсировании Днепра. В феврале 1944 г. продолжила очищать от фашистских оккупантов Правобережную Украину, города Апостолово и Кривой Рог. В августе – сентябре 1944 г. 46-я армия была задействована в Яссо-Кишиневской наступательной операции, с октября 1944 г. по февраль 1945 г. освобождала Румынию, Болгарию и Венгрию, а в апреле – мае 1945 г. – Австрию. Прадедушка закончил войну в Вене, в Берлин войти не довелось.

По окончании войны, 17 мая 1945 г. Михаил Игнатович был представлен к высокой правительственной награде. Заместитель командующего 46-й армии по тылу генерал-майор Смокачев отмечал, что «в наступательных операциях по ликвидации Будапештской группировки и дальнейшему продвижению войск армии по территории Австрии и взятии Вены Автоотдел и автомобильные части Армии под ... руководством» прадедушки «работали четко, имея коэффициент готовности автотарка от 93-98%, благодаря чему своевременно обеспечивался подвоз в боевые части боеприпасов, продовольствия и других видов средств материального обе-

спечения, что позволяло успешно громить врага. За время наступательных операций, январь – апрель 1945 года автотарками взято трофейных машин 1039 шт. и при разоружении немецких капитулировавших войск до 15 мая 1945 года – 1000 автомашин». Приказом войскам 2-го Украинского фронта от 8 июня 1945 г. №0275/н «за четкую работу автослужбы Армии в подвозе материально-технических средств для ведения боя, способствовавшего успешному разгрому немецко-фашистских войск», гвардии подполковник Салманов Михаил Игнатович был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Помимо этого прадедушка имел ордена Красной Звезды, Красного Знамени, медали «За оборону Москвы», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Михаилу Игнатовичу посчастливилось уцелеть в этой войне, хотя смерть была рядом. Он не любил вспоминать войну, но несколько эпизодов из его военной биографии известны.

Это было в Западной Украине во время наступления наших войск. Михаил Игнатович не спал несколько ночей, участвуя в подготовке наступления. Ночью уснул как убитый в избе и даже не слышал ночной бомбежки. А когда утром проснулся, то увидел, что половину избы снесло взрывом. Еще такой случай: танк, в котором он ехал, был подбит, Михаил Игнатович был ранен и сам выбраться из горящей машины уже не мог. Вытащил его механик-водитель. Потом Михаил Игнатович разыскивал этого человека, но не нашел.

После войны прадедущка служит в городе Станиславе Прикарпатского военного округа (ныне г. Ивано-Франковск) в качестве начальника автотракторного управления 38-й армии под началом ее командующего Якова Григорьевича Крейзера, своего земляка и первого Героя Советского Союза, получившего эту высокую награду в военное время, через месяц после начала Великой Отечественной.

В это время семья уже воссоединилась, жена и дети вернулись из эвакуации к отцу. Два сына стали курсантами военного училища, дочь – студенткой медицинского института, младший сын – школьником.

Служба в Западной Украине мало отличалась от войны. В лесах орудовали банды бендеровцев, в любое время могли выстрелить в спину из-за угла. Проводились многочисленные военные операции, опять приходилось рисковать жизнью. Дочь вынуждена была ходить в институт в сопровождении двух часовых. Но несмотря на это, в Станиславе Михаил Игнатович прожил, пожалуй, лучшие годы жизни. Ведь война закончилась, семья вокруг него, он сам – молодой, красивый, успешный.

В 1955 г. Якова Крейзера переводят в город Оренбург командующим Южно-Уральским военным округом. Он берет с собой нескольких своих заместителей, в том числе прадедущку.

С 1953 по 1956 г. Михаил Игнатович – слушатель Военно-транспортной академии в Ленинграде. В этот период в Станиславе остаются дети, они заканчивают учебу, а жена Нина Васильевна живет на два города: в Станиславе и Ленинграде, где они снимают квартиру. После окончания академии Михаил Игнатович служит в Оренбурге. Туда же переезжает семья.

Но долго служить там ему не пришлось. В 1956 г. возникла очередная горячая точка, но уже за пределами нашей страны – в Будапеште. Срочно, по тревоге прадед был отправлен в Венгрию исполнять интернациональный долг. Он был солдат и должен был выполнить любой приказ, но никогда впоследствии не рассказывал о тех событиях.

Кажется, судьба гвардии полковника Михаила Игнатовича Салманова накрепко сплелась с судьбой страны. Любое поли-

тическое событие, каждый поворот курса Компартии влияет и на его жизнь. В это время политика партии направляется на подъем сельского хозяйства и целины. В Венгрию приезжает Хрущев и на банкете, в присутствии высших военных чинов, объявляет, что стране нужны руководители целинных совхозов, и генералы вполне подходят для этого.

Поскольку прадедушка окончил когда-то сельскохозяйственный институт, то был подходящей кандидатурой. Пришлось уйти в отставку, которая стала для него сильнейшим ударом, после которого он так и не смог оправиться. Как сильный, волевой человек он не подавал вида, как ему больно и обидно, что его военная карьера была прервана таким образом на самом подъеме.

Михаилу Игнатовичу было в то время 47 лет. Он пришел в армию в 1932 г. как технический специалист, имея высшее техническое образование, опыт работы инженера-механика. Он принимал участие в строительстве новой армии «не на конной тяге». Стране нужна была новая армия с новой техникой. Прадедушка испытывал и ремонтировал новые танки, тягачи, автомобили. Воевал на них, получал боевые награды. Постоянно учился и передавал свой опыт подчиненным. Последние 10 лет в армии занимал генеральские должности. Все это по-своему «оценил» Хрущев, отправив его в отставку.

Став гражданским человеком, Михаил Игнатович работал на автотранспортных предприятиях Воронежа главным инженером. В 60-е гг. работал в Дорстройтресте, строил дороги Воронеж-Саратов, Воронеж-Курск. Работал на заводе «Метиз». В 70-е годы руководил СТК

ДОСААФ Левобережного района, передавая свой опыт молодому поколению, и не забывал учиться сам. Появлялась новая современная техника, которую нужно было изучить самому, прежде чем учить других. Помогала фронтовая привычка работать по ночам. В домашней библиотеке постоянно появлялись новые книги о современных автомобилях, тракторах, даже башенных кранах. Ответственное отношение к делу было его характерной чертой.

В этот период у прадедушки был автомобиль ГАЗ 67Б. Спустя много лет внук Михаил, мой дядя, купил себе такой же ГАЗ-67Б, и в семье появилась традиция: каждый год 9 мая все садятся в этот автомобиль, Михаил надевает дедову парадную фуражку и совершается парадный выезд в память деда и всех, кто участвовал в Великой Отечественной войне.

Мурзакаева Д.И.

Умер прадедушка 4 декабря 1977 г. В 2010 г. ему исполнилось бы 100 лет, и мой дядя Сергей ездил в Воронеж, где собирались родственники, чтобы почтить память Михаила Игнатовича.

Кроме того, другой мой прадед, Дмитрий Дмитриевич Агафонов также был участником Великой Отечественной войны.

Первоначально он служил на Балтийском флоте, имел звание мичмана. С началом войны сам он был переброшен на Черноморский флот, а семья эвакуирована из Ленинграда в Оренбург. В 1941 г. при обороне Севастополя Дмитрий Дмитриевич получил ранение в легкое. К сожалению, на фронте не хватало медикаментов, и прадед погиб.

На дворе 2013 год. Мы живем в Рос-

сии, сумевшей отстоять свои границы и спасшей всю Европу от фашистов. Я не видела своих прадедов, но мне хочется сказать им спасибо, ведь если бы не они и не весь русский народ, то неизвестно, что было бы сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Салманов Михаил Игнатьевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=43149910> (дата обращения: 10.01.2013); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1362. Л. 249-249 об.

2. Денисов В.К годовщине Великой Победы. Судьба страны – судьба солдата // Труд-Черноземье. – 2011. – 12 мая. – № 80-81.

МУРЗАКАЕВА Д.И.

(г. Оренбург)

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ, МОЖЕТ БЫТЬ, НАПИШУТ НАШИ ПОТОМКИ

Великая Отечественная война пробудила высокие патриотические чувства советских людей, в том числе и верующих, что стало одним из решающих условий изменения некоторых нюансов жесткой антирелигиозной политики в СССР. Но, к сожалению, в истории религии нагромождено столько фантазий, домыслов и вымыслов, спекуляций и откровенной лжи,

что требовать безусловного доверия к официальной отечественной историографии на сегодняшний день невозможно.

При всей очевидной уязвимости новой гипотезы последних лет о патриотическом служении религиозных организаций в период Великой Отечественной войны бесспорно одно. Сомнениями – иногда плодотворными, иногда надуманно-

праздными, окружены абсолютно все официальные версии государственной религиозной политики времен Великой Отечественной войны и особенно о восстановлении в 1943 г. патриаршества и Священного синода.

Тем не менее ровно семьдесят лет назад кремлевским небожителям пришла в голову идея обратить весь мир в новую, советскую веру. Эти планы о создании церкви нового типа «с легкой руки» Иосифа Виссарионовича Сталина получили название «Православный Ватикан» или «Церковный Коминтерн». Следует отметить, что даже сегодня большая часть относящихся к нему материалов находится в архивах спецслужб под грифом «Совершенно секретно».

К концу 1941 г. в стране наиболее острой проблемой стал религиозный вопрос, отчетливо проявилась его политическая значимость – отношения немецких оккупационных властей и советского государства – как для разрешения ситуации на оккупированной немцами территории, так и для внутривнутриполитической обстановки. В борьбе за политическую поддержку со стороны верующего населения советское государство все же в большей мере выделило из общего числа религиозных объединений именно Русскую церковь, предоставляя ей временную степень свободы и разнообразия культовой и внекультовой деятельности. Потому что от политической позиции самой крупной религиозной организации – Русской православной церкви во многом зависел исход войны.

Из истории известно, что идеологами Третьего рейха еще с середины 20-х гг. планировалось уничтожение Русской

православной церкви как исторического и национально-культурного феномена русского и других православных народов СССР. Ее место должна была занять «новая религия» и «новая» государственная церковь. Но официально оккупационными властями подчеркивалось, что немецкий вермахт несет на «освобожденную от большевиков» советскую территорию свободу для всех религий и прежде всего для крупнейшей церкви – Русской православной. Одним из стратегических планов фашистской Германии было внесение раскола среди населения по национальному и конфессиональному принципу. Например, предпринимались попытки создания «чистокровных» русских военных подразделений из числа военнопленных с целью их дальнейшего использования на Восточном фронте против Красной армии¹.

Трудно сказать, насколько серьезно пробудились религиозные чувства в бывшем семинаристе – «отце народов» и чем именно он руководствовался на тот момент. Тем не менее политическое решение – «поощрять» патриотические чувства и Русской Православной церкви, и всех иных конфессий, собравших во время Великой Отечественной войны колоссальные средства на оборону, было принято. Однако при этом жестко пресекались любые попытки Русской церкви установить связь с госпиталями, больницами, детскими учреждениями. Изменились в годы войны и нюансы идеологии: жесткую антирелигиозную политику внутри страны сменила политика распространения советской «религии» на весь цивилизованный мир. Согласно официальной версии, Сталин принял ультиматум союзников по антигитлеровской коалиции: распустить Коминтерн и

изменить жесткую антирелигиозную политику в отношении священнослужителей и верующих. На самом деле, руководствуясь внутривнутриполитическими и внешнеполитическими соображениями, И.В. Сталин начал восстановление практически уничтоженной в СССР Русской православной церкви как полностью подконтрольной ЦК ВКП(б) структуры. Это делалось в первую очередь для того, чтобы советские разведчики в ходе решения поставленных задач могли использовать «втемную» выезжающих за рубеж представителей различных религиозных организаций, например, Московской патриархии. С 1944 г. и мусульманским религиозным организациям было разрешено организовывать выезд правоверных в паломничество к святым местам в Саудовскую Аравию. Священнослужители в качестве «народных дипломатов» в идеологической борьбе идеально подходили для роли посредников между СССР и всем остальным миром. И Русская православная церковь, и Мусульманское духовное управление были вынуждены принять «игру»: ведь впервые с 1917 г. на священнослужителей перестали смотреть как на классовых врагов существующего строя и идеологических противников. Патриотическая позиция руководителей религиозных организаций и верующих объясняет тот факт, почему постепенно снимались ограничения на религиозную деятельность: священнослужителям и верующим разрешались сборы средств и внекультовая деятельность; не чинились препятствия массовым богослужениям и церемониям; расширялась издательская деятельность; признавались де-факто религиозные центры, и им разрешалось

устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями, а на страницах официальной прессы появились публикации о патриотической деятельности православной и других церквей.

От партийно-государственного аппарата официально потребовалось лояльное отношение к правам верующих, запрещалось их преследование, насаждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями. А неофициально председателем Центрального Совета Воинствующих безбожников СССР Е.В. Ярославским во все обкомы ВКП(б) страны было разослано письмо, в котором говорилось: «Просим Вас восстановить деятельность областного Совета СВБ. Ни ЦК ВКП(б), ни СНК СССР не довели директив по ликвидации на местах организаций СВБ. Согласно указанию директивных органов, ЦС СВБ СССР своим постановлением президиума от 27 июня 1941 года дал местам директиву о перестройке работы организаций СВБ в условиях Великой Отечественной войны. В настоящее время на местах организации СВБ обязаны вести главным образом антифашистскую пропаганду по тематике, утвержденной ЦС СВБ СССР, и обязаны принимать самое активное участие в оказании конкретной помощи фронту (сбор подарков и теплых вещей бойцам Действующей Красной Армии, сбор средств в фонд обороны, участие в воскресниках, сборе металлолома и т.д.) Нет никакого основания для ликвидации одной из массовых организаций, хотя эта организация по политическим соображениям данного момента и свернула на время свою специфическую антирелигиозную деятельность»².

В это же время Политбюро ЦК ВКП(б) отменяет институт политкомиссаров,

существовавший в Красной армии с 1918 г., заменив их «замполитами». Учреждается аналог ордена Святого Георгия Победоносца – Орден Славы: по сути и внешнему виду все тот же царский «Георгий», только со звездой вместо креста. Выходит указ о раздельном обучении в средней школе, причем для девочек вводится униформа, в точности повторяющая форму гимназисток царских времен. В августе 1943 г. восстанавливаются по сути царские кадетские корпуса – суворовские училища, куда принимаются в основном сыновья погибших военных. Одновременно власти санкционировали в 1943 г. создание новых Духовных управлений: в Ташкенте – Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана; в Буйнакске – Духовное управление мусульман Северного Кавказа, в Баку – Духовное управление мусульман Закавказья. В Бухаре начало функционировать медресе «Мир-Араб». В городах и селах страны были открыты сотни мечетей, различных культовых зданий и учреждений. Например, толчком для обращения в 1943 г. оренбургских мусульман об открытии мечети в Чкалове к органам государственной власти стало выступление секретаря муфтия ЦДУМ Бикмухамета Тугузбаева на городском кладбище. Были обследованы все здания бывших мечетей, и лишь в начале февраля 1945 г. исполком областного совета депутатов трудящихся принял положительное решение: «Здание мечети на Сенной площади (Третья соборная мечеть) является единственным, сохранившим внешнюю и внутреннюю архитектуру молитвенного дома мусульман». Но так как на ее территории были размещены детский дом и школа ФЗО швейной фабрики, то возникли проблемы

с освобождением зданий. Только лишь в августе 1945 г. Третья соборная мечеть, ныне Центральная соборная мечеть приняла первых верующих³.

Но настоящей сенсацией становится восстановление в 1943 г. патриаршества, ликвидированного еще Петром I, и избрание митрополита Сергия патриархом Московским и Всея Руси. Заслуживает внимания беседа Сталина с митрополитом Сергием (в миру Иван Николаевич Страгородский) в присутствии министра иностранных дел В.М. Молотова и начальника церковного отдела НКВД Г.Г. Карпова накануне события. На встрече присутствовали также митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) и митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), представлявшие «староцерковное» крыло Российской Православной Церкви. На предложение Сталина о созыве Собора и выборах Патриарха митрополит Сергей замечает, что в стране не хватает священников, а необходимых для легитимности Собора архиереев придется не один год разыскивать по лагерям. «Отец народов» поинтересовался, куда же они пропали, на что митрополит Сергей ответил: «Их не хватает по разным причинам. Одна из них – мы готовим священников, а они становятся генеральными секретарями». Но и эта проблема нехватки архиереев решается большевистскими темпами, за три дня. Кроме того, Сталин рассчитывал на то, что именно митрополит Сергей, первый патриарх Московский и Всея Руси, обретший мировую славу, прославит «великого кормчего», ведущего державу к «сияющим вершинам коммунизма». Возможно, после всех этих событий вновь созданное Патриаршество в народе и

окрестили «Митрополитбюро». Исходя из всего перечисленного, невольно вспоминешь русскую народную поговорку «Чем ближе к храму – тем дальше от Бога». С конца 1943 г. начинают выпускать из тюрем и лагерей священников, возвращать церкви и храмы, разрешают вновь открывать духовные учебные заведения, а для Патриаршества предоставляют официальную резиденцию – бывший особняк немецкого посла Шуленбурга в Москве. И вместе с тем жестоко пресекались малейшие попытки духовенства привнести в жизнь общины элементы критического отношения к политической действительности в стране⁴.

Следует отметить, что и сотрудник НКВД Карпов, в прошлом тоже выпускник духовной семинарии, что, однако, не мешало ему возглавить Совет по делам Русской православной церкви при ЦК партии. Именно он после непродолжительной передышки выступил инициатором закрытия и взрывов церквей, стрельбы по людям, пытавшимся их отстоять, арестов и пыток священнослужителей. Именно по его указанию во время православных праздников дружинники отлавливали молодежь при входе в немногочисленные храмы, отправляя их затем в трудовые лагеря. Не легче было и мусульманам. Именно по его по указке обкомы и райкомы до конца 1969 г. запрещали отмечать какие бы то ни было мусульманские религиозные праздники⁵. По ночам в такие периоды по деревням ходили активисты, ложились на завалинки и слушали разговоры в избах. Вдруг кто-то отмечает «байрам»?

В годы войны академические институты под руководством члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, от-

вечавшего за идеологическую обработку страны, сочиняли псевдонаучные труды о мировом заговоре против народов СССР. Все это сопровождалось самовосхвалением, а в массовое сознание внедрялось недоверие ко всему чужому, ненависть к жителям иных стран. В аппарате ЦК даже был составлен «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». В нем говорилось: «Нужно вскрывать духовное обнищание людей буржуазного мира, их идейную опустошенность... Показывать растление нравов. В то же время подчеркивать моральное превосходство и духовную красоту советского человека»⁶. Пригодилась и стародавняя традиция презрения русских к иностранцам. Как же простому смертному было не поверить в собственное превосходство и высокую духовность, если об этом твердили на каждом шагу!⁷

Было издано специальное распоряжение о временном прекращении закрытия культовых заведений всех конфессий и уголовном преследовании священнослужителей на государственном уровне. В архивах за 20 лет после развала СССР не было обнаружено ни одного документа по этому поводу. Другое дело – произвол на местах, когда по инерции продолжали закрывать культовые учреждения. Количество случаев самосуда «тройкой» НКВД подсчитать невозможно, что, по сути, являлось местечковым сведением счетов. Так, в Зилаирском районе, по мнению органов внутренних дел, в годы войны была «вскрыта и ликвидирована контрреволюционно-повстанческая организация, ставящая целью свержение советской власти». Центр заговора якобы был в Чкалове. И это несмотря на то, что на

места была разослана депеша, в которой давалось указание временно прекратить аресты духовенства, но и не отклоняться от стратегического курса партии – искоренения религии в умах людей, ликвидации всех ее институтов.

Стоит отметить, что большинство приходского духовенства в годы войны действительно занимало патриотическую позицию. Произносили проповеди, зачитывали послания патриарха и правящего архиерея в поддержку страны, призывали верующих к добросовестному труду, быстрой ликвидации последствий войны, оказанию помощи семьям воинов, детям погибших красноармейцев. Общая сумма денежных средств, собранная верующими за годы войны, составила более 300 млн. рублей, а также значительное число драгоценностей, цветных металлов, облигаций и т.п., переданных в фонд обороны страны. Молитвенные обращения религиозных организаций, их практическая помощь фронту в какой-то степени способствовали укреплению чувства патриотизма у верующих, росту национального самосознания. С началом войны некоторым религиозным организациям был разрешен сбор средств в фонд обороны страны и внесение сумм только на расчетный счет, а также сбор теплых вещей и продуктов. Так, только ЦДУМ в городе Уфе собрало на строительство танковой колонны около 10 миллионов рублей. Верующие города Чкалова собрали в фонд обороны 5700 рублей и облигаций госзайма в размере 20460 рублей. А мусульмане села Верхние Чебенки Чкаловской области внесли в фонд обороны страны 1680 рублей и приобрели облигаций госзайма на сумму 22780 рублей⁹.

Некоторые из числа священнослужителей принимали непосредственно личное участие на полях сражений в Великой Отечественной войне.

Хотя из тюрем и лагерей были освобождены десятки священнослужителей, но основная их масса была отправлена все же в штрафные батальоны, а не в действующие части армии и не во вновь открываемые святые храмы. Искупить вину кровью и остаться в живых удавалось самым отчаянным и бесстрашным штрафникам. А еще, как говорил один мой родственник, бывший псаломщик Иван Прокофьевич Романов, тем, кого Бог хранил. Он любил повторять, что на войне атеистов нет. В трудные минуты жизни людям всегда помогала вера. А испытания, выпавшие на их долю в годы войны, только укрепляли религиозные чувства. По воспоминаниям, передающимся из поколения в поколение в нашем роду, Иван Прокофьевич первый раз был арестован в 1927 г. по доносу «бдительных» соседей. А его жена с детьми была вынуждена переселиться на Южный Урал, где они скитались из деревни в деревню. Незадолго до окончания войны Иван Прокофьевич, вернувшись из госпиталя со справкой, нашел свою единственную оставшуюся в живых дочь, которая к тому времени была уже вдовой и проживала в глухом башкирском ауле. Как он сумел ее найти среди совершенно чужих людей – для меня по сей день остается загадкой. Хотя, как мы знаем, история по определению не может быть объективной, любое описание событий доходит до нас в виде субъективного восприятия одной из сторон. По версии прабабушки, ему совершенно случайно попалась на глаза

газета с ее фотографией: Ольга Ивановна была местной активисткой, участвовала в художественной самодеятельности.

По воспоминаниям моего дедушки М.А. Мурзакаева, Иван Прокофьевич рассказывал, что их штрафную роту пригнали в чистое поле, где было поручено держать оборону на широком участке фронта до подхода основных частей армии. Первые моменты всего увиденного были для И.П. Романова удручающими, вернее, шокирующими: кругом как тени шныряли изможденные остатки роты – обессиленные, заросшие грязью, с повязками на головах и руках. При этом, несмотря на явную физическую слабость, все работали: кто укреплял окопы, кто рыл ямы в промерзшей земле. Фашисты стояли напротив, на позициях, укрепленных с немецкой педантичностью. А штрафникам пришлось прожить несколько недель в ледяных окопах, борясь с голодом и холодом. Кормили штрафников жидкой баландой один раз в сутки: так как позиции простреливались, то еду привозили в полной темноте. О том, что предстоит бой, ради которого мерзли в окопах, штрафники догадались, когда привезли нормальный суп вместо баланды. И через несколько часов последовал приказ о наступлении. Штрафники ждали этого боя: все понимали, что это их единственный шанс снять судимость.

Время часто меняет наши оценки людей и событий. Тайное становится явным, многое меняется местами. Так и мой дедушка Маркс Ахатович Мурзакаев до последнего скрывал факт родства с И.П. Романовым, но в 90-е гг. попытался установить, где непосредственно воевал Иван Прокофьевич. Он считал своим долгом сделать хоть что-нибудь

для невинно пострадавшего деда. Во время Великой Отечественной войны все старались скрывать свое «поповское» происхождение: уничтожались письма, фотографии, другие документы, которые напоминали о репрессированных. Поэтому и его мама Ольга Ивановна, чтобы выжить, была вынуждена внести изменения в свидетельство о рождении. А в период «оттепели» уже не смогла найти сведений о репрессированных родственниках. К великому сожалению, сведения, доступные нам, потомкам, самые-самые скудные: неизвестно ни отчество, ни год рождения, ни сан священнослужителя – практически ничего. Тем более что мы очень далеки от церковной жизни, не знаем историю того периода, не знаем, к каким из расколов (обновленчество, григорианство или иному) был приписан И.П. Романов, и многого другого... Так как военкоматом он не был призван, то куда бы ни направлялся запрос, ответ всегда был один и тот же: не числится. Кроме того, как известно, при реабилитации материалы уголовных дел уничтожались (в папке оставалось только само решение о реабилитации), так что – это вполне закономерно – разобратся в сути дела сегодня практически невозможно.

Но как оказывается, мой дедушка был не одинок. В 1989 г. в Священном синоде была создана комиссия для изучения материалов, относящихся к реабилитации необоснованно репрессированных представителей духовенства и мирян Русской православной церкви. О работе этой комиссии сообщалось средствами массовой информации. В частности – в газете «Известия» от 16.07.1989 года⁹.

Историографический обзор позволяет сделать вывод, что в настоящее время, несмотря на заполнение пробелов в исследовании религиозной политики в период Великой Отечественной войны, структурные и региональные составляющие проблемы остаются малоизученными. Вне поля зрения исследователей находятся многие ключевые проблемы исторического теоретического содержания, без осмысления которых невозможно понять феномен массового патриотизма религиозных организаций.

Но уже 27 октября 1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды», где слово «религия» было заменено на «суеверия и предрассудки», рекомендовалось в каждом населенном пункте проводить лекции о строении Вселенной, о возникновении и развитии жизни, о достижениях науки и техники и т.п.¹⁰.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны аппаратом ЦК был сделан лишь тактический шаг по либерализации антирелигиозной политики в стране, стратегическая цель оставалась прежней. Дружеские симпатии власти к религии на поверку оказались блефом, и с конца 1948 г. начинается очередной этап антирелигиозной кампании. Страну накрыла новая волна жестоких репрессий по отношению к священнослужителям и верующим. Вина Сталина и его непосредственного окружения за организацию и осуществление массовых репрессий, насаждение антирелигиозной догмы и иных противоправных

действий перед народом огромна и непростительна. И чем дальше, тем очевиднее становится, что вина эта носит не только моральный и политический, но и прямой юридический, уголовный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Игумен Дамаскин (Орловский) // История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации: тр. вып. Новомученики XX века. М., 2004. С. 5-15.

2. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. — М.: Политиздат, 1981. С. 95.

3. Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. Оренбург: Издательство «Орлит-А», 2007. С. 121.

4. О религии и церкви: сб. док. М., 1965. С. 69-71.

5. Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. Оренбург, 2007. С. 122.

6. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. — М.: Политиздат, 1981. С. 25-34.

7. Нуруллаев, А.А. Мусульмане Советского Союза в Великой Отечественной войне // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1995. С. 64.

8. Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. Оренбург: Издательство «Орлит-А», 2007. С. 121.

9. О религии и церкви: сб. док. М., 1965. С. 69-71.

10. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. — М.: Политиздат, 1981. С. 96.

«МЕНЯ ХРАНИЛА СУДЬБА»

Я хочу рассказать о своем дедушке Владимире Тимофеевиче Ковредове. Родился он в деревне Баньковщина Монастырщинского района Смоленской области 12 марта 1921 г. в семье крестьянина. Дедушка рано лишился отца – неожиданно его арестовали как «врага народа». Пришел из школы, папы нет: забрали. Даже проститься не смог. Через восемь дней без суда и следствия его расстреляли. В 1989 г. отца реабилитировали посмертно. Всю его семью признали пострадавшей от политических репрессий. В семье Ковредовых было трое детей. Дедушка был старшим, затем сестра и младший брат. Ему пришлось заменить отца, но работу сыну «врага народа» давали с неохотой, и семья перебивалась как могла. Несмотря на жизненные трудности, дедушка был в школе любознательным, учился на «отлично». Окончив 7 классов, он мечтает стать агрономом и поступает в Ленинградский сельскохозяйственный техникум без экзаменов, так как школу окончил с похвальной грамотой.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для нашей Родины. Она принесла нашей стране много горя, бед и несчастий. С началом войны у деда была попытка поступить в военное училище, но как только дело доходило до анкеты, особенно до графы «Родители», тут же отказывали. После окончания техникума он уехал на практику в Саратовскую область, оттуда призвали на фронт прямо с поля. Дедушке исполнилось 20 лет. По-

пал в автороту, затем перевели в учебный батальон. Занимались, тренировались, каждый солдат хотел быстрее попасть на фронт. Пока шло обучение, из винтовок ни разу не стреляли: экономили патроны.

После окончания учебного батальона их полк направили защищать Москву, где дедушка и получил свое первое боевое крещение. На семь человек – один пулемет «Максим», у каждого по винтовке и на всех 13 коробок патронов. Атаки фашистов с каждым днем становились все яростней, они рвались к Москве. Но героизм и самоотверженность наших бойцов не позволили захватить Москву.

Дедушка был дважды ранен. Фашисты вели прицельный огонь по нашим солдатам. Чтобы спасти своего товарища, дедушка упал на снег, прикрыв его, получил ранение в ногу, к счастью, кость осталась цела. Выйдя из госпиталя, он вернулся в свою часть. На позициях непрерывно рвались вражеские бомбы и снаряды, поднимая в воздух столбы земли, огня и дыма. Там впервые он увидел необыкновенные танки, которые называли «тиграми». Эти «тигры» шли на их позиции с оглушительным ревом, а землю поднимали чуть ли не на полметра. После того как отбили первую атаку «тигров», солдаты убедились, что слухи о неуязвимости этой техники сильно преувеличены. В конце 1942 г. дедушка получил второе ранение, тяжелое. Шел жестокий бой, кругом рвались мины и снаряды. Владимир Тимофеевич был командиром пулеметного расчета, начался

артиллерийский обстрел. Рядом рванул снаряд, и пробило навывлет руку. Товарищ начал перевязывать рану, но его тут же сняла «кукушка» (немецкий снайпер). Истекая кровью, дедушка полз из последних сил. Молоденькая медсестра подползла к нему навстречу и попыталась перевязать руку, но тоже погибла от пули немецкого снайпера. Стиснув зубы, дедушка двигался дальше. В нескольких местах ему пробило шинель, но он остался жив, какая-то сила свыше оберегала и защищала его от смерти. Очнулся в полевом госпитале. Руку сразу ампутировали. Хирург во время операции все время вспоминал о мирной жизни, отвлекая раненого: ампутировали без наркоза. До сих пор дедушка помнит звук пилы, дробившей его кость. Терпел. После лечения в 1943 г. Владимира Тимофеевича демобилизовали. А вот его младший брат Александр не вернулся с войны: сражался в 291-м стрелковом полку 63-й стрелковой дивизии, 15 декабря 1943 г. был убит и похоронен в братской могиле у деревни Ковшичи Краснинского района Смоленской области¹.

В госпитале дедушка познакомился с казахом Ахметпаем Жанатаевым. Именно он позвал его в Казахстан, который стал для деда второй родиной. Так дедушка попал в Алматинскую область. Позже переехал в Талды-Курганскую, стал работать на машинно-тракторной станции. Трудился агрономом, в его подчинении были 5 колхозов. За успехи в труде его направляют в Ленинградский институт защиты растений. По окончании он едет поднимать целину в Актюбинскую область. Ему дают два района – Мартукский и Родниковский. Нелегкая задача – поднимать сельское хозяйство. Дедушка делает

ставку на науку: приглашает профессоров, молодых ученых из Ленинграда, которые разрабатывают новые методики. Результатом работы стало участие в ВДНХ СССР, награждение бронзовой медалью ВДНХ и фотография на Доске Почета. Кроме того, за свою работу дедушка награжден медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда». Для того чтобы поднять два района, ему понадобилось 13 лет. Вместе с женой они вырастили двух сыновей. Старший сын Александр – военный офицер, а младший Виктор – подполковник полиции, оба – защитники Отечества. У дедушки два внука, две внучки и две правнучки. Мы часто приезжаем к нему в гости на каникулы. За военные заслуги он награжден правительственными наградами: орденом Отечественной войны I-й степени, медалями «За отвагу», «Маршала Жукова», юбилейными медалями. Дедушке 91 год, но он бодр духом. Он любит встречать гостей, вспоминать о своей судьбе, опаленной войной.

Великая Отечественная война – самое трагичное событие XX века. Я попытался представить ее глазами одного человека – своего деда Владимира Тимофеевича Ковредова. Во время войны не было отдельных людей, была одна страна, которая мечтала победить и жить в мире. И была одна победа, одна на всех. Но жизни и судьбы людей не похожи друг на друга. Каждая история достойна внимания и уважения. Такой и является история моего деда, воевавшего в годы Великой Отечественной войны. Для нашей семьи он является символом эпохи и просто настоящим человеком в высоком смысле этого слова. В нашей семье День Победы – самый святой праздник. В этот день собираются все, кто где бы ни был. И

Леонова Л.В.

дедушка рассказывает о войне: как было трудно, какой ценой досталась Победа, как люди верили в нее. Война – это самое страшное, что может быть на земле.

Что мы, современная молодежь, можем сделать, чтобы она никогда не повторилась? Помнить... Об уроках той страшной войны, о великом подвиге наших дедов и всего народа. Уважать и беречь их. Мы всегда должны помнить о той цене, которую заплатил наш народ за мирное небо над головой. Мы не имеем

права забывать... И мы не забудем... Мы в ответе за светлое будущее, за которое они сражались.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ковредов Александр Тимофеевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=54859121> (дата обращения: 08.02.2013); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 18002. Д. 52. Л. 155.

ЛЕОНОВА Л.В.

(г. Оренбург)

РАССКАЗ МОЕЙ БАБУШКИ

Утро обычного зимнего дня, снег нежно обволакивает землю, солнышко трепетно щекочет детские щечки. Все кажется таким привычным и спокойным, природа одаривает людей дарами, а вместе с тем вдохновляет их. Все решают собственные проблемы: взрослые идут на работу, детвора резвится на дворе, играет в снежки. Кажется, что череда повседневных будней никогда не исчерпает себя, а мимолетное ощущение праздника еще нескоро посетит души окружающих. Тем не менее для одной семьи этот день стал по-настоящему волшебным, озарил счастьем и восхищением всех ее членов. 26 января 1941 г. появилась на свет та, от чьего лица я буду вести дальнейший рассказ. Однако уточню, что недавно моей бабушке исполнилось 72 года. Разумеется, время оставило свои нестираемые следы на ее лице, наградив морщинами,

кожа рук стала суховатой, но лишь одно как-то не вяжется с внешностью типичной пенсионерки – ее глаза. Они наполнены жизнью и надеждой, взгляд загорается особенным озорным огнем, когда мысли о прошлом атакуют бабушку, а воспоминания тревожат душу...

«Я родилась в многодетной семье, была четвертым ребенком. Я многое не помню, так как была совсем малюткой в годы войны, но постараюсь поведать вам историю, которая бережно переходит из поколения в поколение в нашей семье. Первые месяцы моей жизни были, наверное, самыми счастливыми. Меня окружали полной заботой, трепетно ухаживали, так как особым здоровьем я не отличалась, наоборот, была слабой и хиленькой. Мама и папа старались компенсировать недостаток денег и продовольствия особой заботой и лаской, мои сестры тоже дарили

мне тепло и радость. Мы жили в селе Черновка Оренбургского района. Я никогда не подберу слов, чтобы описать родной край! Да и не буду пытаться, потому что все высокопарные эпитеты просто померкнут перед красотой и трогательностью моей родины. Широкие степи, величественные леса, земляничные поляны и особенный запах. Это был запах свободы, запах детства, запах счастья...

В общем, я была счастливым младенцем, любознательным и улыбчивым. Я не ощущала дурных предчувствий, не могла предположить, что случится буквально через полгода. Эта дата расколола мою жизнь, как и жизни многих других людей, на две части: такое светлое «до» и такое неоднозначное «после». Никто не сможет просто так выкинуть события войны из головы, они навечно высечены прямо на сердце, вместе со следами запекшейся крови и детским плачем.

Моя мама Анна Максимовна Рязанова была замечательной женщиной, радушной хозяйкой и удивительной женой. Густые черные волосы, карие глаза, гибкий стан, а вместе с тем крепкий характер, сильная воля и огромное жизнелюбие. Она дважды была замужем, имела 8 детей (младшая Наденька не прожила и месяца, скончавшись от страшной болезни). Жизнь больно била маму, кидая ее из стороны в сторону, но она вставала и шла дальше. Именно маме нужно сказать спасибо за то, что сейчас я живу и рассказываю вам эту историю.

Мой отец – высокий статный красавец Федор Рязанов. Он был председателем колхоза, очень четко и дисциплинированно выполнял свою работу, до безумия любил ее. Папа был мужественным,

справедливым человеком, стремящимся помочь всем нуждающимся. Иногда мне кажется, что помню его: его запах, черты лица. Разумеется, это только картины моего воображения, ведь отец ушел на фронт, когда я мирно посапывала в колыбельке. Но он до сих пор мне снится, такой сильный и родной.

Я росла, шли месяцы за месяцами. Жизнь в деревне не стояла на месте, все шло своим чередом. Закончилась весна, наступило лето – пора безудержного счастья, тепла и улыбок. Но кто знал, что лето 1941-го уничтожит всякую радость и безмятежность на долгие годы? Как хочется вернуть это время, эти шесть месяцев умиления и покоя, и как жаль, что я их совсем не помню...

22 июня 1941 г. жители всех городов СССР узнали о начале войны. Трудно сказать, что чувствуешь, когда осознаешь это. Страх, животный страх. Боязнь за детей, за себя, за семью. Паника. Ужас. Наверное, это испытал каждый человек, живущий в то время. И мне кажется, что я, шестимесячная малышка, тоже почувствовала гнетущую тревогу и опаску. Как хорошо, что мои проблемы решались лишь прикосновением мамы и нежными объятьями отца. Как чудовищно, что всеобъемлющую беду человечества нельзя было облегчить ничем.

Появлялись первые результаты начавшихся военных действий. Сразу стало ясно, что эта война будет эпидемией, чумой 20 века, кровопролитной и чудовищной. У отца была бронь, предоставленная ему в связи с учебой в академии, но он даже не думал о том, чтобы воспользоваться ей. Я представляю, что творилось в душе у папы... Сердце разрывалось, оно

болело от невозможности помочь, от ужаса за семью и державу. Он просто не мог остаться в стороне, он сказал: «С бабами, когда на фронте льется кровь, я работать не буду». Отец добровольцем ушел на войну 30 июня. Сколько раз я сожалела о том, что тогда была еще не в состоянии понять все это, запомнить отца, сказать ему что-либо. Я просто безмятежно посапывала у мамы на руках. Я не могу представить, как моя мать не побоялась остаться с четверыми детьми, с хозяйством, но другого выхода не было. Она проводила отца с тяжелым сердцем, неутолимой тоской и тревогой, но нам старалась казаться мудрой и непоколебимой.

Папа с детства обожал лошадей, и судьба забросила его на Калининский фронт в конную разведку. К сожалению, я ничего не знаю о точных событиях боевых действий, в которых участвовал мой отец. Но уверенно могу сказать, что он боролся до последнего, оберегая каждую песчинку и не позволяя проклятым фашистам порочить родную землю. Я горжусь своим отцом, ведь именно такие люди, как он, позволили СССР одержать победу в этой страшной войне. Вермахт рассчитывал на молниеносную победу, стремился захватить все земли, нанести большой урон, оскорбить и обесчестить нашу державу. Казалось бы, что Гитлер и его армия захватила уже полмира, и СССР будет логичным звеном в этой цепи. Однако ни один немец, японец и француз даже не представлял, насколько русский народ сплоченный и способный верить в лучшее. Нашу страну поднимали рядовые люди, воины, работники в тылу. Они стали рабами этого страшного времени, положили на алтарь войны свою жизнь.

Подлинный патриотизм и героизм наших соотечественников, ощущение единства и спаянности и помощь Всевышнего – вот эликсир победы. Однако в 1941 г. об этом нельзя было еще и мечтать...

Мама осталась в Черновке, пошла работать, мои сестры подрастали и приглядывали за мной. Наши односельчане, и стар и млад, помогали в тылу, стараясь снабдить бойцов на фронте всем необходимым. У каждой семьи была своя уникальная драма: кто-то ждал сына с фронта, кто-то уже получил похоронку, а мы с нетерпением ждали новостей от папы. Мама каждый день молилась об его здравии, одаривая его силой и лаской на расстоянии нескольких тысяч километров. Война сплотила людей, стерлись границы между семьями и кланами, мы все стали родными братьями. Вместе работали, плакали, дожидались новостей, надеялись и верили.

Но не один папа в нашей семье почувствовал всю горечь, ощутил вкус войны. Также хочется упомянуть и в который раз возгордиться своими дядюшками. У моей мамы было три брата, которые также рьяно бросились защищать державу от немецкой армии. Старший брат – Анисимов Матвей Максимович был полковником морской авиации, служил в городе Молотов (ныне Пермь), затем был переведен на Соловецкие острова, а в самый разгар боевых действий сопровождал самолеты в осажденный Ленинград через Ладогу. Среднего брата звали Николаем Максимовичем. Он был бортмехаником в войсках морской авиации, воевал на Черном море, а именно защищал Севастополь и Новороссийск, где познакомился со своей будущей супругой. Младший носил имя Петр Макси-

мович, он, как и отец, проходил службу на Калининском фронте, во время одной из операций под Ржевом был сильно ранен, но стойкость и героизм помогли ему выжить и победить недуг. С этими людьми я шла по жизни рука об руку. Я несказанно благодарна за то, что они научили меня ценить каждую минуту, не рассыпаться перед трудностями, улыбаться и верить в лучшее. Они помогали мне во всем, рассказывали о войне так, что всю спину осыпали коварные мурашки, они научили меня жить. Спасибо вам, дядюшки!

А война все шла и шла: матери все хоронили сыновей, жены оплакивали мужей... С каждым днем все сложнее становилось маме, и все реже приходили письма с фронта. Казалось, что каждая тропинка пропитана кровью невинных людей и устлана костями жертв террора. Страшно было узнавать сообщения с очагов военных действий, дети и женщины не вставали с колен, моля Бога о помощи. Душераздирающие детские крики, визг женщин, голос Левитана, свист орудий, шорох танков – вот она, трагическая симфония войны. И среди всех этих звуков выделялся мой робкий голосок. Я сказала первое слово: «Мама».

Как жаль, что мой отец не видел, как я расту, делаю первые шаги, тяну руки к солнцу. Я не могла прижаться к его груди, задиристо посмотреть в его мутные глаза и улыбнуться. Я страдала от того, что не могу чувствовать настоящей отцовской любви и заботы. Меня поймут только те, кто был в моей шкуре. Поверьте, это очень больно! Это рвет душу даже крохотному ребенку, живущему в мире ощущений и инстинктов. Однако надежда жила в моем хрупком сердечке, подсознательно я ждала тот

день, когда почувствую что-то особенное, родное, когда увижу папу. Только благодаря этой вере я росла и крепла. Но однажды мои мечтания лопнули, словно мыльный пузырь, принося лишь нестерпимое разочарование, а в ушах тревожно прозвенело такое жестокое слово – «безотцовщина», которое я еще не раз слышала в жизни.

Мой отец погиб на Центральном фронте в ходе одной из боевых операций. Трагедия произошла в январе 1942 г. Ровно через год после моего рождения. Я не помню, когда и как я узнала об этом, но я знаю, что моя мама была на грани жизни и смерти, с трудом пережив это известие. То ли неисчерпаемые силы Всевышнего помогли ей, то ли наша наивная детская поддержка, но мать стала еще более сильной, старалась защитить нас от жизни, такой опасной и непредсказуемой. Наша дальнейшая судьба сложилась непросто, но мы с сестрами воспринимали это как данность, как очередное испытание. Очень часто, слыша жестокие слова в свой адрес, испытывая материальную нужду, не доедая, я проклинала войну, уничтожившую мою жизнь и забравшую папу. Тем не менее я гордилась, горжусь и буду гордиться Федором Рязановым – храбрым кавалеристом, погибшим за Родину, подарившим чистое небо мне, моим детям и внукам. Я до сих пор плачу, вспоминая о нем, и я стараюсь жить так, чтобы папе не было стыдно за меня. Пусть сейчас я не слишком обеспеченный человек, не принадлежу какой-то элите, зато я каждый свой день проживала с любовью и благоговением, никого не обманывая и предавая. Я старалась сохранить мир и покой на земле, воцарившиеся после Великой Отечественной войны, и показать

Леонова Л.В.

всем людям, что любая проблема – сущий пустяк по сравнению с ней.

1942-1945 гг. прошли в страшном го-
лоде и нужде. Жители Черновка, как могли,
помогали друг другу, делились продоволь-
ствием, поддерживали морально. Маме
пришли на выручку бабушка с дедушкой,
взяв на себя многие заботы о нас. Все
вместе мы пережили это кровопролитное
время и вдохнули полной грудью после
окончания военного террора. Знали бы
вы, как приятно было выйти на улицу,
не бояться улыбнуться окружающим,
бродить по степям, вдыхая запах раз-
нотравий, собрать полевой букет и по-
чувствовать свободу и счастье. Это было
настоящее счастье, как бы ни спорили со
мною философы!

Сейчас я сама уже бабушка и уже часто
забываю то, что делала пять минут назад.
Однако меня никогда не покинут воспоми-
нания, связанные с детством, родителями
и военным временем. Сейчас я учу своих
внуков чтить и помнить историю России,
знать древо нашей семьи, с уважением от-
носиться к ветеранам и детям войны, быть
благодарными им. Я с детства не раз рас-
сказывала внукам эту историю, пытаюсь
разбудить милосердие и признательность
в детских душах. Однажды я поняла, что не
зря... Мы с внучкой шли мимо мемориала,
на котором написаны имена воинов-героев,
она долго изучала их, а потом с радостью
воскликнула: «Бабуля, это же твой папа». У
меня в глазах щипало от слез, пересохло
в горле, я с любовью смотрела на внуку
и молча кивала головой. В детских, пол-
ных надежд глазах, таких же, как у меня
несколько десятков лет назад, читалась
неподеленная любовь и радость. Тогда я
поняла, что не зря прожила жизнь.

*Слева направо: Рязанов Федор Ва-
сильевич – красноармеец.
К нему приехала жена Анна Макси-
мовна. Сослуживец (фамилия
не известна). Примерно 1935 год.*

*Мой прадед
Федор Васильевич Рязанов.*

Моя прабабушка Рязанова (Анисимова) Анна Максимовна с подругами (крайняя справа в нижнем ряду).

Анисимов Николай Максимович с супругой.

Родина Д.Е.

Федор Рязанов был похоронен в 1942 г. в деревне Красный Поселок, а затем перезахоронен в братскую могилу в деревне Алаево. Когда я выросла, то мы с сестрами посетили это священное место. Не передать словами то, что чувствуешь, ступая ногами на землю, некогда кишевшую убийствами и грехами, а теперь такую спокойную и безмолвную. Именно там мое сердце забилося с чудовищной скоростью, а дыхание так и учащалось. Я снова почувствовала нерушимую связь с отцом, на высшем уровне. Мне казалось, что он просто стоит рядом и держит меня за руку. А я пытаюсь сохранить этот момент в памяти и осознаю, что земные, условные узы не так прочны, как вечные, родительские. Я люблю тебя, папа».

Я очень боюсь того, что написанные

мной строки могут показаться излишне пафосными и банальными. Пожалуйста, не думайте, что я хотела поразить вас красноречием и эрудицией, я просто хотела рассказать о том, какой вклад моя семья внесла в великую победу. Моя бабушка, ее сестры, мой прадедушка и прабабушка и многие другие представители нашего клана – это и есть свидетели и участники эпохальных событий. Я горжусь, что родилась среди таких людей, настоящих людей. Я обещаю им, что буду жить достойно, и им никогда не будет стыдно за меня.

Когда-нибудь я расскажу историю своей жизни внукам, а пока я нежно улыбаюсь и обнимаю бабушку, которая, читая это, ласково смотрит на меня сквозь пелену холодных слез.

РОДИНА Д.Е.

(г. Оренбург)

КАВАЛЕРИЙСКИМ МАРШЕМ ПО ЕВРОПЕ

Одним из людей, олицетворяющих собой ту далекую, но такую дорогую и памятную для нас историю Великой Отечественной войны, является житель Александровки Петр Егорович Родин. В этом небольшом повествовании переданы воспоминания ветерана о годах войны, воспоминания, которые бесценны своей достоверностью и поучительны для потомков своей искренностью.

В тот воскресный солнечный день, 22 июня 1941 г., семнадцатилетний паренек Петр Родин работал вместе со своим

отцом, колхозным механизатором, в поле. Он только что окончил девять классов и осенью собирался продолжить учебу в 10-м классе Добринской средней школы. Ближе к обеду на полевой стан приехал бригадир и сообщил страшную весть – фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Люди вели себя без паники, сообщение о начале войны восприняли сурово, но спокойно. Во многом этому способствовало бытовавшее мнение о том, что врага разобьем быстро и на его

территории. А «от Москвы до Британских морей – Красная армия всех сильнее!». И в этот же день молодежь после рабочего дня обсуждала, как быстро враг будет разгромлен и какая жизнь наступит после молниеносной победы.

Но фашисты хорошо подготовились и были уверены в блицкриге. Уже потом, спустя время, всем стало ясно, что война затянется не на один год. Через неделю пришла повестка отцу, а 23 августа 1941 г. настала очередь сына. Вместо того чтобы идти в 10-й класс, Петр Егорович был призван в армию.

Начало своей службы ветеран по сей день считает неудачным. После долгих переездов в воинских эшелонах вначале в Казань, затем в Куйбышев, а оттуда под Москву, в Рязанскую область, где-то по дороге Петя подцепил тиф. Целый месяц провалялся в госпитале в бреду, исхудал до неузнаваемости, еле выкарабкался из цепких когтей страшной болезни. И отправили его обратно домой на долечивание и восстановление сил. Однако предоставленный отпуск вылился в целую дорожную эпопею.

Началось все с того, что солдат долго не мог сесть на поезд до Чкалова (Оренбурга) и в конце концов пришлось ему ехать, прицепившись за поручни на подножке вагона, несмотря на мороз и метели, до станции Рузаевка, что в Мордовии. Здесь кончился сухой паек, выданный на дорогу, пошел в военную комендатуру. Там покормили и посадили на проходящий до Чкалова состав. В Чкалове легче не стало, тогда автобусы до районов не ходили. Кое-как, на попутках, доехал до Майорского. Оттуда уже пешком до ближайшего села 15 км протопал. Кушать хотелось неимо-

верно, и на всю жизнь запомнилась Петру Егоровичу полная тарелка тушеной капусты и горбушка ржаного хлеба, которые ему выставили поварахи колхозной столовой. Голодному и изможденному болезнью солдату такое угощение показалось поистине царским. На постоялом дворе нашел земляка-александровца и с ним на подводе доехал до Дмитриевки. Здесь опять пешком, с ночевкой в поселке Курском, добрался все-таки до отчего дома, затратив на дорогу в общей сложности почти полмесяца. Побыл немного дома, и вновь пришла повестка из военкомата. Отпуск, отведенный на восстановление здоровья, быстро закончился, настала пора идти на фронт.

После отпуска, прибыв в военкомат, Петр Егорович был направлен на учебу в Чкаловское кавалерийское училище. И опять, как в школе, доучиться ему не довелось, закончилась учеба через два месяца практически не начавшись. На подступах к Сталинграду разгоралась ожесточенная битва, в которой решалась судьба дальнейшего хода всей войны. Курсантов и командиров училища в полном составе, с вооружением и лошадьми погрузили в эшелон и в спешном порядке начали переброску к театру боевых действий. Прибыв на станцию Хопер, разгрузились и тут же неподалеку, в лесу, прошли переформирование. Красноармеец П. Родин был определен на батарею 76-мм орудий, приданных 3-му кавалерийскому корпусу, в качестве заряжающего. Период с июля по сентябрь 1942 г. прошел относительно спокойно. Оборонительные рубежи, которые держал 3-й кавкорпус под Серафимовичами, были удалены от мест боев на несколько километров.

В октябре 42-го началась переброска корпуса к линии фронта. Направление было определено к городу Калач, где находилось соединение фронтов. Под станицей Клецкой, что в 70 километрах от Сталинграда, кавалеристам предстояло пересечь понтонную переправу через Дон. Когда первые эскадроны уже находились на середине могучей реки, налетели вражеские «Юнкерсы» – пикирующие бомбардировщики. И начался настоящий ад. Бомбы сыпались с неба как горох. Испуганные лошади стали метаться и прыгать с моста в ледяную воду. Солдаты погибали не только от осколков; смытые взрывной волной в холодную воду, они уже не могли выплыть в обмундировании и с вооружением. Артиллеристы на понтоны тогда войти еще не успели и спешно укрывали свои орудия в близлежащем лесу. Отбомбившись, «Юнкерсы» улетели, и переправа была завершена.

На противоположном берегу Дона необстрелянные солдаты воочию увидели, что представляет собой война. Повсюду стояла сгоревшая военная техника обеих армий, а в тыл передвигались обозы с ранеными бойцами.

Первый рубеж артиллеристам пришлось занимать прямо в открытом поле. Тут и накатила вторая волна фашистских бомбардировщиков. Батарейцы нашли небольшую яму, в которой укрыли свое орудие и схоронились сами. Разрывы авиабомб ложились кучно, одна из них упала в 10 метрах от места, где лежал Петр Егорович, но, к счастью, не разорвалась. Будь по-другому, он вряд ли сейчас мог рассказать об этом. А вот личному составу одной из конных тачанок не повезло, ее разворотило взрывом, и ошалевшие кони

понеслись в сторону артиллеристов. В поводах упряжи запутался раненный ездовой. Петр Егорович еще с одним бойцом остановили сорвавшихся в галоп лошадей и наскоро начали перевязывать руку ездowego, которая держалась на одних сухожилиях. Таковы были первые картины боевых действий для молодых солдат.

Ночью батарею перебросили к Калачу, задали цель и велели открыть огонь. Вероятно, это была артподготовка. В ночи вспышки орудийных стволов были хорошо видны, и фашисты вычислили местонахождение батареи. Наутро они провели ответный шквальный обстрел. Вновь были потери личного состава и орудий.

Но самый страшный бой в донских степях случился на марше. Боевая ситуация менялась ежедневно, и артполк перекидывали с места на место. При передвижении к станице Карповская наткнулись на 12 немецких танков. Едва успели развернуть орудия и сделать несколько выстрелов, подбив при этом два танка, как были накрыты ответным огнем. Батарея была полностью уничтожена, а Петра Егоровича контузило. Пришлось после этого немного полежать в медсанбате.

В непрерывных девятимесячных боях корпус был сильно потрепан. Поэтому бойцов вывели с фронта и в районе города Белая Церковь разместили на отдых. К этому времени артполк пополнили личным составом и перевооружили новыми длинноствольными пушками.

После разгрома фашистов под Сталинградом кавалерийский корпус с боями продвигался до Таганрога. В этих сражениях 16 марта 1943 г. Павел Егорович Родин получил медаль «За боевые заслуги». В приказе отмечалось, что, «выполняя

должность связного», он «четко и своевременно в любых условиях боя, под градом пуль обеспечивал связь» с полковой батареей¹. После освобождения Таганрога 32-я кавалерийская дивизия, в которой служил П.Е. Родин, была отведена в тыл на переформирование. Это длилось три месяца. А к августу 1943 г. снова на фронт – направление Орша – Ржев – Смоленск. Здесь, перерезав важную магистраль обеспечения контратаковавших гитлеровских войск, конники участвовали в их разгроме. Дивизии за успешные действия было присвоено наименование «Смоленская».

Когда освобождали в Белоруссии город Лида, Петру Егоровичу на всю жизнь запомнилась нелепая по сути своей гибель командира полка, боевого офицера, которого личный состав уважал за храбрость и отеческое отношение к солдатам. Командир первым решил въехать на боевом коне в опустевший, казалось, город. Однако фашисты оставили засаду, и пулеметчик с колокольни в упор расстрелял комполка. Гада, конечно, уничтожили, да только боль потери не стала от этого легче.

После боев в Белоруссии Петра Егоровича вызвали в штаб дивизии, где сообщили о решении направить его в кавалерийское училище в город Подольск, что под Москвой. Здесь воочию довелось увидеть прославленных героев гражданской войны С. Буденного и Ф. Городовикова, которые лично принимали экзамены у курсантов.

Пока П.Е. Родин учился, его дивизия с боями прошла Польшу и на Балтике вышла к Кенигсбергу. Здесь-то младший лейтенант П. Родин и догнал свою часть. Назначили его командиром сабельного взвода 86-го кавалерийского Лидского полка 32-й кавалерийской Смоленской

дивизии. Но к тому времени конные лавы в наступлениях участвовали мало, в основном кавалеристов бросали в прорыв в качестве десантников, на танковой броне. Именно так громили фашистов на Одере.

После того как был взят город Штетин, кавалерийский корпус начал с боями продвигаться вглубь Германии, к логову Гитлера – Берлину. В последние недели войны, преодолевая упорное сопротивление фашистов, Павел Егорович снова отличился мужеством. 29 апреля 1945 г. в боях за деревню Мариенталь он «стремительным броском своего взвода вперед обошел противника с фланга, перерезав ему пути отхода. Ударом во фланг взвод младшего лейтенанта Родина уничтожил 22 немецких солдата и 8 захватил в плен». Последний бой в конце апреля – начале мая 1945 г. его подразделение приняло за немецкий город Виттенберг, расположенный на Эльбе. На подступах к этому населенному пункту у реки немцы устроили завал из бревен, за которым укрылись солдаты с фаустпатронами. С ними и столкнулись в последнем сражении бойцы взвода, которым командовал лейтенант Родин. Только с помощью пушки удалось выкурить фаустников из-под укрытия и взять их в плен. «Взвод Родина, действуя отдельным разъездом, рассеял и частью уничтожил группу немцев до 30 человек, чем предотвратил внезапность нападения противника на головной отряд»². Взяв город Виттенберг, в тот же день, 2 мая 1945 г. кавалеристы вышли к Эльбе, где встретились с союзными войсками. Здесь же они получили и известие о капитуляции фашистской Германии. За свои последние бои приказом по 2-му Белорусскому фронту от 28 мая 1945 г. Павел Егорович Родин был награжден орденом Отечественной

Родина Д.Е.

войны 2-й степени⁹. Памятью о важнейших вехах его боевого пути остались также медали «За оборону Сталинграда» и «За взятие Кенигсберга».

После Победы кавалерийский корпус еще некоторое время находился на территории поверженного рейха. Его подразделения принимали участие в ликвидации отдельных групп немецких солдат, не сложивших оружие и после капитуляции, несли караульную службу. Потом своим ходом, на лошадях, через Германию и Польшу, двинулись в сторону дома. Расквартировались в городе Изяслав Хмельницкой области Украины. И только в августе 1946 г., ровно через 5 лет после призыва, Петр Егорович был демобилизован и вернулся в родную Александровку.

Здесь он экстерном сдал экзамены за 10-й класс средней школы и поступил в техникум. Молодого Петра Егоровича пригласили на работу в Александровский отдел культуры инспектором. Работал он и в райкоме комсомола, и в колхозе «Красная звезда» секретарем партийной организации.

Весной 1947 г. встретил свою будущую жену – Александру Пименовну. 23 мая 2007 г. супруги отпраздновали 60-летие совместной жизни.

После войны Павел Егорович не ездил вместе с женой на встречи со своими боевыми товарищами, в том числе и на 40-летие Сталинградской битвы в Волгоград, в Смоленск и другие города, которые когда-то освобождал.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Родин Павел Егорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=18840855> (дата обращения: 09.01.2013); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1662. Л. 62-62 об.

2. Родин Павел Егорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=26329377> (дата обращения: 09.01.2013); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4791. Л. 86-86 об.

3. Родин Павел Егорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=26329377> (дата обращения: 09.01.2013); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4791. Л. 1-7.

АЛЕКСЕНКО М.А.

(г. Оренбург)

СТАЛИН, РУЗВЕЛЬТ, ЧЕРЧИЛЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОЮЗНИКОВ В РЕШЕНИЯХ ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Московская конференция министров иностранных дел и последовавшая за ней Тегеранская конференция стали важнейшим этапом выработки единой политико-стратегической концепции лидеров трех великих держав И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. При полной противоположности политических взглядов представителей различных общественных систем их объединяла общая задача – разгром фашистской Германии и ее союзников.

Тегеранская конференция проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.

Впервые за два с половиной года Великой Отечественной войны и за все годы Второй мировой войны собрались руководители трех союзных держав: глава Советского правительства, президент США и премьер-министр Великобритании. На пленарном заседании первым выступил Ф. Рузвельт: «Я хочу заверить членов новой семьи – собравшихся за этим столом, что мы все собрались здесь с одной целью – с целью выиграть войну как можно скорее» [3].

В состав советской делегации входили председатель Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталин, народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов и маршал К.Е. Ворошилов. Делегацию

США возглавлял президент Ф. Рузвельт. В ее составе были специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник штаба президента адмирал У. Леги. Делегацию Великобритании возглавил премьер-министр У. Черчилль. В нее входили министр иностранных дел А. Иден, начальник имперского генерального штаба генерал А. Брук, посол в СССР А. Керр, первый морской лорд Э. Кеннингхем, фельдмаршал Д. Дилл, главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны Х. Исмей.

Главной темой обсуждения на конференции стал вопрос об открытии Великобританией и США Второго фронта в Северной Франции. Несмотря на дипломатические усилия СССР, в течение 1941-1942 гг. вопрос об открытии Второго фронта не был решен. Союзники Советского Союза предпочитали действовать на периферийных направлениях Второй мировой войны, укрепляя свои позиции на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Тихоокеанском регионе. Высадка англо-

американских войск в Северной Франции откладывалась на неопределенное время. Открытие Второго фронта означало бы сокращение сроков кровопролитной войны, спасение человеческих жизней, реальную помощь Красной армии.

Разногласия по вопросу об открытии Второго фронта были связаны с разным пониманием союзниками его стратегических задач. У. Черчилль и в Тегеране отстаивал свою «средиземноморско-балканскую стратегию», настойчиво добиваясь принятия плана вторжения англо-американских войск в Восточное Средиземноморье. До начала операций по форсированию Ла-Манша У. Черчилль убеждал провести операцию на итальянском фронте по занятию Рима [7]. Он предлагал оставить в Средиземном море 20–23 дивизии для Италии и других объектов, в частности для наступления в северной части Адриатического побережья в сторону Дуная. Нетрудно было понять, что стремление У. Черчилля атаковать Германию не с запада, а с юга или юго-востока, склонить союзников предпринять операции на Балканах или в восточной части Средиземного моря расплыло бы силы, повело к отсрочке или срыву операции «Оверлорд». Эти операции, как известно, не могли бы заменить Второй фронт во Франции и преследовали не столько военные, сколько политические цели. Ф. Рузвельт поддержал мнение британского премьера, более того, он предложил рассмотреть вариант высадки десанта в районе северной части Адриатического моря. 29 ноября был критическим днем Тегеранской конференции. Атмосфера стала предельно накаленной. Между И. Сталиным и У. Черчиллем возникла острая

дискуссия. Нежелание английской делегации назвать точную дату открытия Второго фронта вынудило главу советской делегации поставить перед англичанами вопрос: «Верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?» [1]. Ответ У. Черчилля был весьма уклончив: «Если изложенные выше условия осуществления операции «Оверлорд» будут созданы, когда наступит время, мы будем считать своим неуклонным долгом бросить через Ла-Манш против немцев все имеющиеся у нас силы» [7]. У. Черчилль продолжал упорно добиваться одобрения конференцией его средиземноморской стратегии. Судя по официальным протоколам, ситуация изменилась на следующий день. У. Черчилль снял свои возражения в отношении операции «Оверлорд» и сообщил И.В. Сталину, что он принял предложение Ф. Рузвельта больше не откладывать операцию.

Написанные мемуары Ч. Болена объясняют изменение позиции У. Черчилля. Г. Гопкинс встретился с У. Черчиллем в английском посольстве «...и сказал ему, что он вел бесполезную борьбу, стараясь отложить высадку во Франции. Мнение Соединенных Штатов относительно важности наступления через канал оставалось твердым вот уже многие месяцы, и советская точка зрения была столь же категоричной. Г. Гопкинс посоветовал премьер-министру почетно капитулировать» [8, с. 218]. Так как Ф. Рузвельт склонялся к поддержке советского варианта, верх взяла сталинская постановка вопроса, и на третьем пленарном заседании 30 ноября было достигнуто соглашение, что англичане и американцы высадятся в мае 1944 г. на севере Франции. И.В. Сталин пообещал,

что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт.

В Тегеране впервые в истории межсоюзнических отношений в период Второй мировой войны были согласованы совместные действия и операции армий СССР, Великобритании и США. В Декларации трех держав, опубликованной после окончания Тегеранской конференции, руководители СССР, США и Великобритании заявили: «Мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга» [2].

В Тегеране главы трех правительств обсудили не только военные, но и политические вопросы. Одной из таких проблем было будущее Германии. На заключительном заседании конференции, состоявшемся 1 декабря, Ф. Рузвельт изложил составленный им план расчленения Германии на пять автономных государств: Пруссию (в уменьшенных размерах); Ганновер и северо-западные районы; Саксонию и район Лейпцига; Гессенскую провинцию, Дармштадт, Кассель и районы к югу от Рейна; Баварию, Баден, Вюртемберг. Кильский канал, Гамбург, а также Рур и Саарская область должны быть поставлены под контроль Объединенных Наций. Таким образом, Ф.Д. Рузвельт предлагал расчленить Германию на пять государств и две территории под опекой ООН [4].

У. Черчилль выдвинул план расчленения Германии на три части: Пруссию, Южную Германию (Бавария, Баден, Вюртемберг, Палатинат – Рейнский Пфальц) и Рур. У. Черчилль считал возможным сохранить

Пруссию в качестве национального государства, а южно-германские государства включить в состав некой «Дунайской конфедерации» – воссоздать нечто подобное Австро-Венгерской империи [4].

Рассмотрев предложения союзников, И.В. Сталин дал понять, что считает их недостаточными, и потребовал более радикальных гарантий против возрождения германской агрессии.

Болезненным на конференции и спорным для советско-британских отношений был вопрос о Польше. Согласно советской точке зрения по вопросу будущих границ Польши украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии, то есть между СССР и Польшей должна существовать граница сентября 1939 г. Щекотливостью советской позиции заключалась в том, что границу эту СССР получил по соглашению с Гитлером; но был у советской стороны и весомый довод: предлагаемая ею пограничная линия совпадала с этническим водоразделом и в сущности повторяла очертания границы, рекомендованной в 1920 г. английским министром Д. Керзоном. Возник вариант с компенсацией Польше за счет Германии: Польша в этом случае получала Восточную Пруссию (кроме Кенигсберга) и расширяла свою территорию на западе вплоть до Одера. Москва заняла принципиальную позицию, так как положение Польши, непосредственно граничащей с СССР, имело важное стратегическое значение. У. Черчилль предпочел согласиться, заметив, что окончательное проведение границы требует тщательного изучения [4].

На конференции была принята Декларация трех держав об Иране. В ней говорилось: «...Правительства Соеди-

ненных Штатов, СССР и Соединенного Королевства едины с Правительством Ирана в своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства» [2].

Поздним вечером 1 декабря, после заключительного пленарного заседания, Декларация трех держав была согласована. Декларация гласила: «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время... Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели» [2].

Великие державы – СССР, США и Великобритания сделали еще один важный шаг на пути к победе над силами нацизма, в укреплении антифашистской коалиции.

Важнейшими итогами работы конференции стали: подписание Декларации о совместных действиях в войне против Германии; решение вопроса об открытии Второго фронта в Европе в течение мая 1944 г.; обсуждение вопросов о судьбе Германии и границах Польши; подписание Декларации, гарантировавшей Ирану, как стране-хозяйке конференции, независимость и экономическое содействие; заявление И.В. Сталина о готовности СССР вступить в войну с Японией после капитуляции Германии.

Таким образом, западные союзники подчинили свои средиземноморско-балканские замыслы неоспоримому приоритету открытия Второго фронта весной 1944 г. Решения Тегеранской конференции означали принятие И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем единой политико-стратегической концепции разгрома Германии.

Однако политические стратегии Запада и Кремля при всем их сближении оставались самостоятельными, и впоследствии им не раз придется преодолевать серьезные расхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. – М.: Мысль, 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/index.html (дата обращения: 23.01.2013)
2. Декларация трех держав // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Том II. – Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) – М.: Издательство политической литературы, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/War_Conf/tehran11.htm (дата обращения: 23.01.2013)
3. Запись первого заседания глав правительств // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Том II. – Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) – М.: Издательство политической литературы, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/War_Conf/tehran02.

htm (дата обращения: 23.01.2013)

4. Запись четвертого заседания глав правительств. Заседание за круглым столом // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) М.: Издательство политической литературы, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/tehran08.htm (дата обращения: 23.01.2013)

5. Плутенко Ю. Тегеран-43: «Мы были не такие!..». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/07/728/22>.

html (дата обращения: 03.02.2013)

6. Чевтаев А.Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль: политическая стратегия Большой тройки от «Барбароссы» до «Терминала» // Известия Уральского федерального университета. Серия I. Проблемы образования, науки и культуры, 2011. – Т. 86. - №1. – С. 135-143.

7. Черчилль У. Вторая мировая война. – М.: Воениздат, 1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/4er4ill_uinston/world_war_ii-1/1-world_war_ii-1.html (дата обращения: 08.02.2013)

8. Чуркина О.А. Тегеранская конференция и решение об открытии Второго фронта в Европе // Сибирский педагогический журнал, 2007. – № 12. – С.215-219.

ЛЕСИНА Е.А.

(г. Оренбург)

СЕМЬЯ ЛЕСИНЫХ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Моя бабушка Валентина Николаевна Лесина родилась 2 сентября 1923 г. в деревне Каран Благоварского района Башкирии и была восьмым ребенком в большой крестьянской семье. В 1937 г. отца уже 14 детей Николая Семеновича Лесина объявили «врагом народа» и посадили на 10 лет за то, что имел в хозяйстве лошадь, корову и небольшую семейную библиотеку¹. Несмотря на это, бабушка в 1940 г. окончила педагогическое училище и 3 года работала сельским учителем в деревне Иваненково Благоварского

района. В 1943 г. она добровольцем ушла на фронт. Служила в войсках противовоздушной обороны. Их рота состояла только из молодых девушек-добровольцев. Они обслуживали аэростатные заграждения. Аэростат – большой воздушный шар, наполненный водородом, устанавливали его в откопанный котлован на лебедке, создавая земляное убежище для бойцов. Нередко такие посты ощущали дефицит не только в водороде, но и в топливе для лебедок. За один боевой подъем всех аэростатов полка заграждения сжигалось

около 1,5 тонны бензина. Между собой аэростаты также крепились тонкими стальными тросами. Как правило, их использовали ночью, так как в темное время суток противнику было сложнее их обнаружить, и тогда самолеты не достигали своей цели. Бабушка участвовала в боях под Сталинградом, награждена медалью «За отвагу». В 1945 г. закончила войну в городе Рига. На себе испытала все тяготы и лишения войны, до самого конца дружила и тесно общалась со своими фронтовыми подругами. После войны Валентина Николаевна Лесина работала учителем в Первомайской средней школе. Была заслуженным учителем БАССР. Возглавляла совет ветеранов района. Умерла в 85 лет, оставив светлую память у своих родных, учеников и друзей.

За время войны в семье Лесиных из 14 детей в живых остались только трое, в том числе мой дед Виктор Николаевич Лесин. Известно, что одну девочку были вынуждены сдать в детский дом, а после войны найти ее уже не смогли. На фронтах Великой Отечественной войны погибли двое братьев.

Один из них, Владимир Николаевич Лесин, родился в 1925 г. Когда подошел возраст, 26 января 1943 г. был призван на фронт Благоварским райвоенкоматом Башкирской ССР. С 26 ноября 1943 г. служил связным штаба артиллерии от 1178-го стрелкового полка 350-й стрелковой дивизии на 1-м Украинском фронте.

С 24 декабря 1943 г. по 14 января 1944 г. его дивизия участвовала в Житомирско-Бердичевской операции, которая привела к освобождению советскими войсками Киевской и Житомирской областей, ряда районов Винницкой и Ровненской обла-

стей Украины. В сложных боевых условиях Владимиру Николаевичу приходилось доставлять приказы на передовую под обстрелами и бомбежками. В первый же день советского наступления, 24 декабря 1943 г., он получил легкое ранение, но продолжил службу.

В ходе Проскуровско-Черновицкой операции с 4 марта по 17 апреля 1944 г. его дивизия изгнала фашистов с территории Винницкой, Каменец-Подольской, Тернопольской и Черновицкой областей Украины, выйдя к государственной границе СССР в предгорьях Карпат. В этих боях 10 апреля 1944 г. В.Н. Лесин был снова легко ранен.

В рамках Львовско-Сандомирской операции (13 июля – 29 августа 1944 г.) 350-я стрелковая дивизия, где он служил, форсировала реки Западный Буг и Сан, а 29 июля переправилась через Вислу и захватила знаменитый Сандомирский плацдарм. Он положил начало освобождению Южной Польши. С 12 января по 3 февраля 1945 г. в рамках Сандомирско-Силезской операции части дивизии из района Копанина захватили плацдарм севернее Бреслау (ныне Вроцлав, Польша), а с 8 февраля в ходе Нижне-Силезской операции вели наступление в общем направлении на Шпроттау – Зорау – Форст и вступили на территорию самой фашистской Германии. В этих сражениях Владимир Николаевич Лесин отличился мужеством и героизмом, за что был представлен к награде. Командующий артиллерией 350-й дивизии писал, что «за время нашего наступления в январе – феврале сего года тов. Лесин в сложных условиях боевой обстановки передал более 80 пакетов с распоряжениями, приказами и приказаниями от

штаба артиллерии дивизии в арт. подразделении 1178-го стрелкового полка. Более половины этих пакетов было доставлено под сильным огнем противника, особенно в районе рек Квейс и Чирне. Несмотря на это, все они были доставлены в срок; благодаря мужеству, отваге, находчивости тов. Лесина и преданности делу Родины – на протяжении всего наступления связь с арт. мин. подразделениями 1178-го стрелкового полка поддерживалась регулярно, что обеспечивало лучшее выполнение важных артиллерийских задач. Особенно важный приказ был передан тов. Лесиным начальнику артиллерии 1178-го стрелкового полка 19.02.45 г. на р. Чирне под сильным прицельным, снайперским огнем противника». За выполнение этих заданий приказом от 11 апреля 1945 г. №3/н младший сержант Лесин Владимир Николаевич был награжден медалью «За отвагу»².

С 16 апреля 1945 г. его дивизия участвовала в Берлинской операции, в ходе которой В.Н. Лесин снова отличился при взятии города Потсдам в 20 км от немецкой столицы. «25 апреля 1945 г. прорвавшийся противник с острова Ванзее угрожал штабу артиллерии. Тов. Лесин с группой бойцов вступил в бой с превосходящим численностью противником. Попытка немцев пробиться в юго-западном направлении не увенчалась успехом. Тов. Лесин в этом бою лично убил 2-х немцев и взял в плен 5 человек». 350-я дивизия завершила свой боевой путь участием в Пражской наступательной операции и освобождением Чехословакии, выйдя к 8 мая 1945 г. в район города Карловы Вары. И буквально за день до окончания войны Владимир Николаевич благодаря своему мужеству и находчивости избежал гибели:

«08.05.45 г., двигаясь на мотоцикле лесной дорогой, тов. Лесин неожиданно был обстрелян из автомата; соскочив с мотоцикла, он замаскировался в кустах и выследил нахождение противника. Метко выпущенной очередью тов. Лесин убил 2-х немцев, после чего продолжил движение». За свою отвагу на заключительном этапе войны приказом от 28 мая 1945 г. №038/н он был награжден орденом Славы III-й степени³.

Владимир Николаевич Лесин прошел войну до победного конца, но по воле судьбы так и не смог вернуться на Родину. 19 июля 1945 г. он поступил в эвакогоспиталь №3614 с левосторонним искусственным пневмотораксом, а 6 августа скончался от туберкулеза легких и был похоронен в городе Глейвиц (ныне Гливице, Польша), на ул. Шверингштрассе, ряд 14, могила №37⁴.

Лесины, как и многие другие советские семьи, не щадили сил, здоровья и даже самой жизни ради Победы в Великой Отечественной войне, а потому память о них должна быть сохранена нынешним и всеми будущими поколениями сограждан.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лесин Николай Семёнович // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d20/f121.htm> (дата обращения: 09.02.2013).

2. Лесин Владимир Николаевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=41111863> (дата обращения: 09.02.2013); Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3600. Л. 437.

3. Лесин Владимир Николаевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=41109277> (дата обращения: 09.02.2013); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3513. Л. 137, 408-410.

4. Лесин Владимир Николаевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электрон-

ный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56656913> (дата обращения: 09.02.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1272. Л. 41 об.; Лесин Владимир Николаевич // Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=62535162> (дата обращения: 09.02.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 6020. Л. 29.

ЛАЗЕБНИК Ю.С.

(г. Оренбург)

ДЕТСТВО ВО ВРЕМЯ ОГНЯ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ, КАК И МНОГИХ ТЫСЯЧ

Теплой весной 1934 г., а точнее в апреле месяце, в одной из многих небольших деревушек Западной Украины, отняв дыхание у матери, глубоко желавшей подарить жизнь своему дитя, на свет появилась девочка с уже имевшимся редкими черными волосами. Девчущку одарили сильным именем Александра. Она является моей бабушкой по отцу. В один из моих ежедневных визитов к бабушке она поделилась воспоминаниями детства, а именно детства ребенка войны, мне становилось страшно и больно за нее... Она пережила то, что детям нельзя видеть. В это было трудно поверить, а еще сложнее прочувствовать, но просто невозможно оставаться равнодушным.

Как бы вы описали детство ребенка довоенного времени? Оно особо ничем не отличается от моего или вашего, такое же

беззаботное и яркое. Но именно эти дети, именно на их судьбе остался отпечаток войны, они быстро повзрослели, научились жить, иногда даже просто выживать.

В семье моей бабушки было трое детей: младшая – девочка Санька и двое ее любящих сводных братьев – Гичун Петро и Никанор. В связи с тем, что матери у них были разные, она имела отличную от братьев фамилию Миленчук, что в дальнейшем предвещало ей много проблем. Взрослела Санька в небогатой крестьянской семье. В хозяйстве было несколько кур и свиней, за которыми с ранних лет ухаживали дети. Люди деревни знали друг друга в лицо, работали усердно, на совесть, гуляли от души и горели желаньем жить и верить всем сердцем. В то время семья жила не то чтобы не богато, а едва сводила концы с концами,

после смерти отца весь груз ответственности свалился на старшего брата Петро (строгого по характеру, даже жестокого, но справедливого). Происходящие события до переломного момента бабушка помнит только некими картинками, такие как сбор урожая всей деревней в один день, ежедневная молитва в начале суток, самая вкусная тыквенная каша в большом чугушке, но которую ни в коем случае есть первой нельзя, нужно накормить родных, кто отработал эту кашу; большая теплая печка внутри дома и бочки вазелина в подполье.

Тот день не отличался от других обычных рабочих будней, вся деревня пошла в поле, а ребячьи резвилась рядом. Во время перерыва все прилегли на стога сена в круг и что-то бурно обсуждали, но вдруг всеобщее внимание привлек бежавший к ним дядя Митя (местный добряк деревни). Детвора, в том числе и бойкая Санька, подбежали ближе к старшим. Не успев перевести дыхания, он со слезами тихо вымолвил лишь слово «война...». Эта новость, конечно, дошла до сельчан с большим опозданием. Все замолчали, было сложно это принять, поверить, что вот-вот и немецкий батальон будет рядом, так как их деревня находилась не более 60 км от границы. И тот самый момент, который поразил мою на то время 7-летнюю бабушку, – никакой паники, криков и плача, а только мужественное желание биться за родину!

За всех ребятишек взялась молоденькая девчушка, она собрала их вместе и повела быстрым ходом обратно в деревню. Санька, прибежав в дом, увидела за столом старшего брата: строго сгустив брови и сосредоточив взгляд куда-то в глубину

стола, он сидел неподвижно и молча. Так продолжалось не больше десяти минут, потом резко встал, подошел к Санечке, поцеловав (что бывало очень редко), сказал, что вернется. Но на тот момент она не понимала, что это не тот случай, когда он прощается, уходя на поле, в этот раз он не вернулся. Никто не вернулся. Санька была одна до глубокой ночи, спряталась в уголок уже остывшей печи, заматавшись периной, пока взволнованная молодая девушка, проводившая их до деревни утром, не ввалилась в дверь и не начала искать девочку. С ней были все те же ребятишки и еще несколько с деревни. Все легко одетые, несмотря на холодные ночи, столпились в одной куче и молча, иногда похлопывая носами, смотрели заплаканными глазами на смелую молодую девушку. Санька сама вышла к ней. Ничего не объяснив, девушка протянула ей руку, улыбнулась, но даже ребенок увидел всю наигранность этой улыбки, и потянула за собой. Девушка собирала детей, чтобы вывести их в соседнюю деревню, отвести подальше от приближающихся войск. Быстрым шагом, почти бегом она тащила за собой ряд ребятишек. Их было шестеро и седьмая – моя бабушка, последняя, которую искали, детишки все разных возрастов: старшему 11, а самой младшей еще не было 2-х, ее несла молодая девушка, хотя самой ей было на вид 17. В эту ночь земля была необъяснимо холодная, влажная трава резала ноги, колючки цеплялись за одежду, но темп не замедлялся. Они шли без света, только слыша впереди знакомые голоса таких же маленьких группок. Позади, вдалеке, виднелся столб дыма и слышался режущий уши свист. Они шли долго, молча, без отдыха. Девушка уже

сама была не в силах идти, не говоря уже о маленьких детях. Дойдя до окопа, представилась возможность передохнуть, все настолько замерзло, что сложно было шевелить ногами, они прижались и согревали друг друга дыханием. Тогда она объяснила, что происходит, тихо, полупшепотом. Прошло не больше 20 минут, как они присели передохнуть, уже было пора идти дальше. Друг за другом, на ощупь двигались очень медленно и бесшумно, спотыкаясь и наступая на уже бездыханных людей, посмотреть вверх было страшно, чем дальше они шли, тем отчетливее был слышан топот ног. Вдруг кто-то перепрыгнул через окоп... еще раз и еще, это наши, бежавшие в сторону деревни. Окоп как большой лабиринт не давал сориентироваться, они столкнулись с еще одной небольшой группой детишек, с другой деревни, они бежали в противоположном направлении, сбивая всех. Через несколько минут услышали крик детей позади, они побежали, душа ушла в пятки, страх, ночь, крик... дальше моя бабушка не помнит, видимо, в связи с потрясением. Наутро все оказались на окраине небольшого леса, укрытые листьями и ветками. Кольнуло в животе, хотелось есть и пить, но нужно было идти дальше, что сложнее сделать днем. 17-летней девушки с ними не было, их было семеро с маленькой двухлетней девочкой. Самый старший, Павлуша взял ее к себе на руки. Он знал, в каком направлении идти, и все торопил остальных. За прошедшую ночь дети выросли, детство кончилось за одну ночь... За одну ночь они потеряли родное место, возможно, семью. Павлуша подгонял детвору, сам в одной руке держа девочку, другой – вытирая

слезы с глаз. Собравшись вместе, они чуть было начали идти, как их остановил жесткий мужской голос «Bleiben stehen!!! Der Fuße!!!». Это был немецкий солдат, видно, который осматривал территорию, и скорее всего, он был не один. Как только услышали этот голос, все дети побежали врассыпную. Удалось убежать только одному, и это была не Санька. Из леса подошли еще трое с таким же камуфляжем и жестким акцентом в голосе, один из них особо выделялся внешне, был пузатый и с неаккуратными редкими бакенбардами. Они четверо начали что-то бурно обсуждать, похрюкивая от смеха и силой удерживая пойманных детей, Саньку держал именно этот пузатый, его мокрые руки пахли железом, гнилью и потом, обхватив ими вокруг шеи и придавив своим весом, он не давал возможности не только убежать, а вообще двигаться. После нескольких споров пузатый немец, кажется, он главный, словно рявкнул на троих, как те подорвались и выстроили пойманных детей в ряд. Ребята просили их отпустить, захлебываясь в слезах, дрожа и жадно глотая воздух. Дети стояли лицом к солнцу, ободранные и грязные, им был виден только силуэт немецких солдат. Над ними стоял плач, рев. Не понимая, с какой целью их поставили в ряд, Павлуша, стоявший первым, начал просить отпустить их. Но на тот момент он не понимал всю возможную жестокость к его стороне. Как только он открыл рот, ему его заткнули выстрелом в голову. Выстрел свистнул в ушах. Плач прекратился, был шок, колени подкашивались, этот пронзительный крик и вопль... детский крик... вот тогда и произошел тот переломный момент, даже надежда о беззаботном детстве испарилась. Тело

Паши упало на мокрую траву, вместе с маленькой девочкой, которую он держал до самого конца. Солдат, довольный собой, начал пересчитывать ребятишек и стрелял через одного, играя в рулетку...

На этом моменте моя бабушка расплакалась и с полными слез глазами сказала: «Тогда пришла и моя очередь...». У меня пробежала дрожь по телу, и накатились слезы от очевидной несправедливости того времени.

Санька стояла последней, и когда подошла ее очередь, пузатый немец махнул рукой и опять бросил жесткое слово в сторону солдат, те опустили оружие и рвякнули на детей, чтоб те убежали....

Бежали долго... не зная направления, падая и спотыкаясь, бежали куда глаза глядят, не чувствуя ног, забывая дышать. Их осталось в живых всего трое, питались по дороге тем, что хоть как-то могло заполнить желудок, несмотря на холод и отсутствие обуви. Они держались за руки, поддерживая друг друга, если кто-то споткнется, упадет. У них не было ничего, только вера и надежда (у маленьких детей была вера, представляете, насколько они сильны были морально и духовно). Так прошло два дня до того времени, пока они, уже давно не детишки, не дошли до небольшой деревни. Не всем понять, как длительно тянулось это время, только тот, кто прошел это сам, может это прочувствовать. Все-таки добежав до деревни, они постучались в дом на окраине и просто рухнули на пороге.

Санька очнулась, как ей сказали, через два дня, в какой-то теплой, но темной комнате, на печи. Ее привлек запах тыквенной, только что приготовленной каши. Эта была самая вкусная каша, даже

сейчас, вспоминая ее, бабушка отчетливо чувствует ее вкус. Этот дом и стал ей уже новым родным домом, там было много таких же детишек, как и она, без семьи – без фамилии.

Через скорое время пришлось опять бежать дальше от западных границ Украины. Уже с новой семьей и другими детьми их посадили на поезд, каждому дав по куску хлеба и по три кубика сахарка. Они опять были предоставлены сами себе. С ними отправили девочку постарше, она знала, куда они едут, как могла, следила за детьми. Ехали долго, несколько дней, с пересадками, некоторые убежали на остановках. Санька выбежала на одной из таких, оказавшись в таком большом городе, где она никогда не была, это не то, что ее деревня с населением не больше тысячи. Это был город Первомайск, где Санька начала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, выполняя мелкие поручения старших, получая взамен еду. Там было много таких, как она, все – с разных концов Украины. Моя бабушка не помнит уже как, каким образом ей удалось спастись от голода и холода. Там она нашла новую семью, такую же большую, как и в деревне, до которой они шли два мрачных дня. Ее новая родительница пыталась найти ближайших родственников потерявшихся ребятишек. Саньке повезло, ее нашла крестная. Вместе с ней она снова отправилась в длительную поездку на поезде, где не было мест, чтоб присесть, садились где придется. Долго ехали, долго... Эта длительная дорога была высылкой для спасения.

В течение войны каждый делал все, чтобы хоть как-то помочь нашей армии. Дети помогали на предприятиях, в полях,

Вагапова Р.Р.

чтобы было чем кормиться и чем накормить военных. Санька не исключение: с 9 лет она уже работала свинаркой, вставала в бутра, помогала по хозяйству, да и в поле помогать надо. На долю детей довоенного времени пришлось судьба, которую врагу не пожелаешь...

В настоящее время Александра Денисовна Миленчук (Лазебник), 1934 года рождения, проживает в Республике Казах-

стан, в городе Актюбинске. Сейчас у нее большая семья, состоящая из трех детей и множества внуков. Живет спокойно, в любящей обстановке, наслаждаясь заслуженной старостью.

Мы потомки тех смелых людей. Мы потомки патриотов нашей Родины.

Мы гордимся и не забудем те жертвы... людей, отдавших жизнь за будущее... За наше будущее...

ВАГАПОВА Р.Р.

(г. Оренбург)

43-Й ЗЕНИТНО- ПРОЖЕКТОРНЫЙ ПОЛК СТАЛИНГРАДСКОГО КОРПУСНОГО РАЙОНА ПВО

Гигантское по масштабам сражение развернулось во второй половине 1942 г. на берегах Волги. На отдельных этапах в нем с обеих сторон участвовало более 2 млн. человек, около 30 тыс. орудий, более 2 тыс. самолетов и такое же количество танков.

В Сталинградской битве принимали участие прожектористы 43-го зенитно-прожекторного полка (ЗПП). Они сразу активно включились в боевую работу. С их помощью летчики и зенитчики Сталинградской ПВО в ночных боях уничтожили немало вражеских самолетов. Свои прожекторы воины применяли и в борьбе с наземным противником. Организуя освещение неприятельских танков, участво-

вавших в ночных атаках, прожектористы помогали уничтожать бронированные машины.

Круг письменных источников по данной теме недостаточен. Современные интернет-ресурсы не выдают полной информации по данной теме. Для написания работы были проанализированы архивные документы, музейные материалы, а также письма-воспоминания ветеранов 43 ЗПП (Василевской К.Ф., Милашевской Г.Е.), содержащие отрывки, выдержки о пережитых событиях 1942 г. под Сталинградом. Для написания работы были использованы материалы личного архива связистки 2-го батальона 43 ЗПП Самардиной Тамары Николаевны.

Основным источником исследовательской работы являются неопубликованные документы и материалы периода Великой Отечественной войны, хранящиеся в музее истории ОГУ, Центре документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНЮО), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО).

В созданных в послевоенное время фондах-коллекциях (Ф. 1174, 6002, 8021) сосредоточена переписка отрядов «Поиск» с ветеранами соединений, сформированных в Чкаловской области, а также документы и материалы, использованные при создании мемориала погибшим в годы Великой Отечественной войны «Оренбург – фронту», переписка сотрудников архива с авторами сборника-справочника «Урал – ковал победу» по вопросу его издания.

Значительный интерес представляют воспоминания живых участников 43 ЗПП. С этой целью мной были изучены и проанализированы воспоминания участников войны Т.Н. Самардиной, К.Ф. Васильевой и И.А. Пилипенко.

Сталинградская битва – одна из крупнейших в Великой Отечественной войне. В битве за Сталинград принимал участие и героический 43 ЗПП, один из батальонов был сформирован весной 1942 г. В городе Саратове были сформированы 2-й и 3-й батальоны. Данный полк входил в состав Сталинградского корпусного района ПВО, который был образован для прикрытия района Сталинграда от ударов немецкой авиации в 1942 г.

Личный состав 43 ЗПП на 63% был укомплектован мобилизованными девушками, в основном с Оренбургской области, которые не имели никакой подготовки и,

по замыслу командования, должны были учиться на месте. Остальной личный состав был набран из бывших солдат и офицеров, получивших ранения и признанных медицинскими комиссиями ограниченно годными к строевой службе.

43 зенитно-прожекторный полк был создан для обеспечения стрельбы зенитной артиллерии и ночью создавал круговую световую зону с упреждением от зоны огня зенитной артиллерии на важнейших направлениях (западное и северо-западное) до 30 секунд полетного времени авиации противника, а на других направлениях – менее 30 секунд или без упреждения.

Ход боевых действий 43 ЗПП складывался в соответствии с наземной и воздушной обстановкой.

Наибольшую активность авиация противника проявляла, как правило, на рассвете и во второй половине дня, за 3-4 часа до наступления темноты. На Сталинград налеты производились группами от 15 до 280 самолетов одновременно.

Противник, неся огромные потери в самолетах и танках от зенитных батарей, выслеживал их и стремился уничтожить в первую очередь. С этой целью фашисты одновременно бросали на огневые позиции пикирующие бомбардировщики и обрушивали на них минометный и артиллерийский огонь. А немецкие автоматчики, просачиваясь в тыл, стремились окружить и выводить из строя личный состав.

С выходом фашистских войск на непосредственные подступы к городу зенитная артиллерия Сталинградского корпусного района ПВО, находившаяся на правом берегу Волги, с помощью 43 ЗПП переключалась на противотанковую оборону. С

левого берега на усиление противотанковой обороны туда было переброшено еще 6 батарей среднего калибра. Прикрывая танкоопасные направления, зенитчики не прекращали борьбы и с воздушным противником.

Прожектористами 43 ЗПП была разработана система световых прожекторных полей, направленная на обслуживание истребительной авиации. Поля эти своеобразной решеткой покрывали территорию, как сетка, в узлах – прожектора, шаг примерно три километра, и все световые поля вот так устроены, участок одного прожектора кончается – он передал самолет следующему и так далее.

О Великой Отечественной войне много написано, много рассказано. Но точку в отображении всей правды о войне ставить нельзя, потому что правда о войне попросту бездонна. Мы, к счастью, о войне знаем только понаслышке: из фильмов, книг, воспоминаний ветеранов, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. Наши ветераны – это удивительное поколение. Они стояли насмерть и побеждали в жестоких боях даже тогда, когда горела земля, крошились камни, плавилось железо, и, несмотря ни на что, они сохранили в себе умение почувствовать чужой боли, сострадать, быть и оставаться человеком в любых, самых нечеловеческих условиях. Ветераны – необычные люди. Они являются для нас примером мужества и стойкости, выносливости и взаимопомощи, настойчивости и оптимизма. Они показали, какой должна быть настоящая дружба и товарищество. И нам даже трудно представить, что погибшие воины были такими же, как и мы:

любили и хотели быть любимыми, смеялись, радовались, верили в счастливое будущее. Много пришлось пережить людям, прошедшим Великую Отечественную войну, но их, фронтовиков, нельзя считать поколением со сломанной душой, нельзя считать «потерянным поколением». Мною проводился анализ воспоминаний о событиях в период Сталинградской битвы, который показал, что наши прадеды стояли насмерть, защищая каждый миллиметр нашей земли, для того чтобы мы жили и радовались солнечному свету, голубому небу, чтобы над нашими головами не гремели залпы пушек и не разрывались артиллерийские снаряды.

Яркое воспоминание дочери ветерана Галиевой Л.Г. о событиях 23 августа 1942 г. в Сталинграде:

«Летом 1942 года гитлеровское командование сконцентрировало свои основные войска на Юго-Западном направлении. Началось Сталинградское сражение. 23 августа 1942 года вылетел звездный налет вражеской авиации. Около 80 самолетов в течение 2-х часов бомбили все. Бои велись на улицах Сталинграда почти 200 дней и ночей. 19 ноября 1942 года наши войска перешли в наступление. 15 танковых и механизированных корпусов создали кольцо, в которое попали 22 отборные немецкие дивизии во главе с генералом Паулюсом, численностью около 330 тысяч. 91 тысяча солдат сдалась в плен. Погибло в этих боях 40 тысяч мирных жителей. Особенно жестокий бой был 14 сентября за вокзал, который в течение дня несколько раз переходил из рук в руки. Немцы ввели в бой авиацию. Наша 62 армия оказалась отрезанной от основных сил. Немцы

забросали нас листовками, агитировали сдать. Мы понесли большие потери, но вскоре к нам прорвались суда Волжской флотилии и 13 дивизия генерал-майора Родимцева. Они и выбили врага с высоты Мамаев Курган. Немцы на этой высоте потеряли 2 тысячи человек, 450 танков. Несмотря на потери, немцы нас штурмовали днем и ночью. Мы за ночь отбивали по 12 атак противника и прижались к самому берегу Волги. Дивизия полковника Батюка так и не отдала высоту Мамаев Курган. В самый критический момент на помощь пришли рабочие Сталинградского тракторного. Они на ходу ремонтировали танки, садились на них и вступали в бой. Оборона Сталинграда длилась с 17 июня по 18 ноября 1942 года. Контрнаступление началось 19 ноября и завершилось пленением 300 тысячной армии Паулюса. 2 февраля 43 года окруженная группировка фашистских войск была ликвидирована».

А это воспоминания В.А. Андреева: «Когда началась война, я окончил Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии. Меня направили в Москву за назначением на фронт. Получив звание лейтенанта, я стал командиром взвода прожектористов в 43-м зенитно-прожекторном полку.

Прибыл ночью в казармы. Мне указали на пустую койку. Я, не раздеваясь, рухнул на нее и провалился в сон. Проснулся от того, что меня кто-то дергает за рукав. Открываю глаза. Батюшки мои! Симпатичная девушка в военной форме смотрит на меня с улыбкой. А потом спрашивает, кто я такой и почему улегся на ее кровать, пока она была на дежурстве? Вот ведь как судьба нас свела! Я был назначен

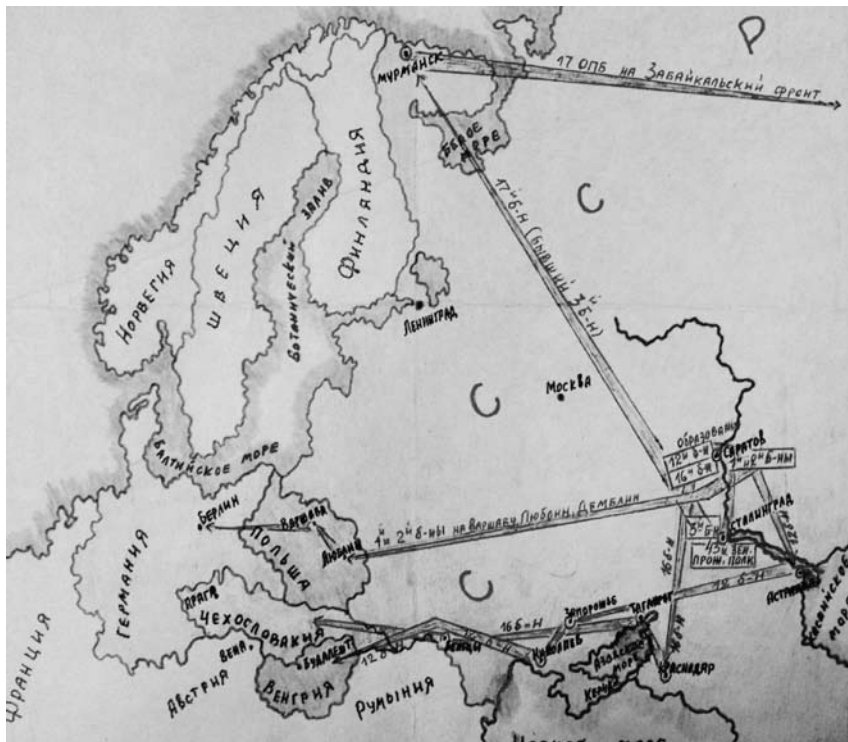
командиром взвода прожектористов, куда эта 18-летняя девушка из деревни под Оренбургом была определена связисткой.

Прожектористы на войне – особенное воинское подразделение. Днем наша главная задача – тщательная маскировка, чтобы в светлое время суток вражеские летчики нас не засекали. Воевали мы в ночное время. В моем взводе было два прожектора, шесть прожектористов и три связистки, которые дежурили день и ночь, сменяя друг друга. Связистки были нашими «ушами». Они получали от командования сообщения о том, где мы должны встретить и поймать в перекрестке двух-трех лучей прожектора немецкий самолет. Надо было его ослепить, «поднести на блюдечке» артиллеристам. Должен сказать, что это была нелегкая задача, потому что прожекторы технически были не на высоте. Да и мы, особенно в начале войны, не имея опыта, не всегда могли «поймать» в небе противника. Но, продвигаясь с армией, научились не только отменно маскироваться, но и активно помогать артиллерии».

Читая эти воспоминания, понимаешь, что в те годы было трудно, не было достаточно продуктов, не хватало теплой одежды, и каждый день смерть была рядом... но при этом наши прадеды любили и ценой своей жизни шли к победе...

Когда все помнят о войне – значит, не бывать войне!

Я не слышала разрывов бомб и снарядов, не соприкасалась с фронтовой жизнью, не слышала вой сирены, но от имени своего поколения горжусь поколением наших прадедов.

Боевой путь 43-го Ордена Александра Невского зенитно-прожекторного полка.

Читая воспоминания ветеранов войны, читая книги и просматривая фильмы о войне, я испытываю горделивое чувство исполненного долга перед Родиной, которое испытывали наши прадеды, хотя, казалось бы, я «не нюхала пороха, не лежала в окопах и не мерзла на снегу...». Но все это тоже мое. Я – частица того огромного, что называется Родиной. И мне продолжать жизнь, память и традиции, переданные нам нашими предками.

Путь к радостным дням Победы был долог, полон жертв. Скорбное, жестокое время. Враг не знал, какие духовные силы заложены в наших людях, из какой стали были их нервы, из какого мрамора высечены их тела, принимавшие пули в упор. Два чувства жили в сердце нашего народа: любовь к Родине и ненависть к врагу за сожженные города и деревни, расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев.

КОЖУШКОВ Е.В.

(г. Оренбург)

ПОГРУЖЕНИЕ В ПАМЯТЬ

*Они уходили с пехотными ротами
Всего восемнадцати лет, налегке,
И путь открывая войскам, перед дотами
Вставали с последней гранатой в руке.
Горячими, юными и непреклонными,
Ведут и сейчас они яростный бой,
Победа склоняется всеми знаменами
Над каждой солдатской судьбой.*

Б. Парфенов

Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма стала самым суровым и жестоким испытанием для нашей страны. Она во многом определила последующее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие общества и оставила на нем глубокие шрамы. Война наложила отпечаток на сознание народа, сказалась на формировании народного характера. И хотя официальная дата окончания Великой Отечественной войны – 9 мая 1945 года, но из истории мы знаем, что люди и после этой даты продолжали гибнуть и при разминировании объектов, и в стычках с недобитыми врагами, скрывающимися от возмездия, и при восстановлении разрушенных мостов, зданий, и при поднятии со дна моря потопленных вражеских кораблей. И об этих героических подвигах нельзя забывать.

Место подвигу было и после боевых действий, в мирное уже время. Вот и в судьбе моего земляка – односельчанина Тимофея Ивановича Старченко война оставила свой страшный след. Его подвиг,

совершенный в 1947 г., непосредственно связан с событиями Великой Отечественной войны.

Тимофей Иванович Старченко (1924-1988) – житель села Дедуровка Оренбургского района Оренбургской области, старшина II статьи, служил на флоте водолазом АСОВМС. Проявил героизм при спасении парохода «Берлин» в ночь на 1 января 1947 г.

Но чтобы рассказать о Тимофее Ивановиче, надо немного окунуться в историю. Еще до начала Второй мировой войны специалисты генерального штаба вермахта включили красавец-лайнер «Берлин» в свои планы. С 1925 по 1939 г. судно исправно возило пассажиров из Старого Света в Новый и обратно. Теперь ему предназначалась роль военного транспорта, а затем – госпитального судна. Когда в конце войны советские войска окружили и прижали к морю Курляндскую группировку противника, «Берлин» был использован немецким командованием для эвакуации в Германию раненых офицеров и солдат. Но выполнить свою задачу «Берлину» не

удалось: в апреле 1945 г. в восьми милях от курортного городка и порта Сви-немюнде судно было серьезно повреждено торпедами и затонуло на глубине тринадцати метров. Когда закончилась война, 77-му аварийно-спасательному отряду было поручено поднять судно и отбуксировать его в Свинемюнде. «Поднять» в данном случае означало: заделать пробоины жесткими пластирями, откачать воду из корпуса судна, и оно, повинувшись безотказному закону Архимеда, обязано было всплыть. Однако в реальной жизни любая схема обрастает ворохом непредвиденного. Так случилось и на этот раз.

...Генеральная откачка воды началась вечером 30-го декабря 1946 г. и продолжалась сутки. Нос «Берлина» всплыл, а корма оставалась на грунте, как будто ее что-то удерживало. Решено было послать в кормовую часть судна опытного водолаза, чтобы он определил, в чем дело. Так, вечером 31 декабря ушел под воду Тимофей Старченко. Как и положено, страхующий водолаз с телефоном стоял у помпы, обеспечивающий с сигнальным концом – у борта. Осмотревшись, Старченко сообщил: «Средняя часть судна выше грунта на два метра». Вслед за этим он переместился на четыре-пять метров под днище «Берлина» и начал разворачиваться к корме. До нового – 1947 года – осталось семь минут. Раздался взрыв...

Судно утонуло за 5-8 минут. Старченко остался под судном.

Вспышка света была неожиданной и страшной. Она разлилась ртутным блеском по толще воды, осветила огромную плоскость днища лайнера над головой, больно ударила по глазам. Старченко жглся и ощутил нервами, гулко забыв-

шимся сердцем, что сейчас взрывная волна сплющит его тело, разорвет в клочья воздушный шланг, и он навсегда останется здесь, захлебнувшись стылой водой декабрьской Балтики.

Сильный толчок едва не сбил его с ног. Погас водолазный светильник. Предчувствие беды перехватило горло. Хотелось крикнуть, спросить, что случилось там, наверху, но ничего ни сказать, ни спросить Тимофей Иванович не успел. Беззвучно опускающееся судно придавило его к грунту. Он лежал лицом вниз, раскинув руки, с больно прижатой к плотному грунту правой ногой. Нога была подвернута, боль постепенно усиливалась, становилась нестерпимой, видимо, судно все больше проседало.

Так старшина второй статьи Тимофей Иванович Старченко, по-деревенски спокойный и рассудительный, оказался заживо погребенным под многотысячтонным корпусом парохода «Берлин», который потом назвали «Адмиралом Нахимовым»... Почти два часа лежал Старченко под «Берлином». Холод пронизывал тело, боль становилась невыносимой, попытка спасти его явно не удавалась, отчаяние дошло до предела. Он кричал: «Братцы, отступитесь, перережьте шланг, братцы»... Но друзья не оставили в беде своего друга. Несколько часов длилось освобождение, наконец, наступают последние минуты немыслимого плена Старченко: его отмыкают от грунта, вытаскивают из тоннеля и поднимают на борт катера. Снаряжение с него снимают по-аварийному: обрезают брасы и разрезают водолазную рубаху, Тимофей возбужденно говорит: «Братцы, спасибо, спасли!». Затем, улыбнувшись, повернулся к штормтрапу на «Берлин» и в

несколько секунд взлетел по нему вверх. Перевалившись через планширь фальшборта, он теряет сознание...

Прошло много лет, как случилась трагедия на «Берлине», но никто из односельчан не знал о подвиге нашего земляка. Вернувшись из армии, он женился. У него родились две дочери, которые живут в селе Дедуровка. И только после смерти все узнали о нашем герое-подводнике.

Его друзья-сослуживцы начали работу над книгой «Гибель «Адмирала Нахимова» и обратились с просьбой отыскать их героя в областную газету «Южный Урал». Вот тогда-то и завязалась дружба между женой Тимофея Ивановича Марией Ивановной и автором книги Давидом Чапкинсом. Позже он прислал в Дедуровку два экземпляра книги «Гибель «Адмирала Нахимова». Один – Марии Ивановне, детям и внукам Тимофея Ивановича, другой – в школьный музей, где оформлен уголок, рассказывающий о нашем земляке.

Много интересного о той трагедии я узнал из книги.

Известно, что человек может прожить без еды несколько недель, без воды несколько дней, без воздуха ему не прожить и пяти минут. Водолазам на небольшую глубину воздух подают с помощью помп, снабжен-ных специальными приводами. Такие надежные, не знающие усталы приводы придуманы человеком: электрические, дизельные, гидравлические и многие другие. Но жизнь человека в немыслимой ситуации может спасти только человек! После взрыва и сам «Берлин», и его электрический «донор» – спасатель «Сигнал» – обесточились. Если бы привод помпы, кото-рой подавали Старченко воздух, был электрическим, то он бы сразу погиб. Но привод помпы был ручным!

Когда раздался взрыв, помпу опрокинуло. Страхующий водолаз крикнул ему: «Тимофей, потерпи! Сейчас бу-дем качать нормально!». Помпу быстро установили на место, и никаких заминок с подачей воздуха больше не было.

Никто, конечно, не предполагал, что подъем «Берлина» закончится столь драматически. Наоборот, все было рассчитано на благополучный исход операции. Рядом с «Берлином» стояли два буксира, которым надлежало отвести поднятое судно к причалу в Свиномюнде. Когда растерянность первого момента прошла, начали готовить водолаза на выручку Старченко. Им был Петр Коновалов, друг Тимофея (Тимура, как он его называл). Петр с высокой температурой лежал в каюте. Простуда свалила его на койку два дня назад, когда водолазы, сменяя друг друга, занимались набивкой пакли между бортом судна и пластырями. Работа это нудная, негероическая, но без нее судна не поднять.

Но Коновалов не мог оставить друга в беде, он быстро оделся и предложил первым опуститься под воду для спасения друга.

С одного из буксиров был подан шланг от пожарной магистрали с напором в четыре атмосферы. Началась размывка туннеля к Старченко. Работа продвигалась медленно: за час удалось пробиться всего на один метр. Стало ясно, что так Старченко не спасти: нужен гидромонитор – пушка, бьющая водяной струей под давлением в двадцать атмосфер.

...Почти два часа лежал Старченко под «Берлином».

Работа с помощью гидромонитора пошла успешно. Вскоре водолаз-спасатель сообщил старшему лейтенанту, что ушел

под корпус «Берлина» метра на три. Через минут пятнадцать повеселевший Старченко сказал, что чувствует мощные струи воды, бьющие около ног. Наступили последние минуты немислимого плена Старченко: его отмывают от грунта, вытаскивают из туннеля и поднимают на борт катера.

Психологам давно известно, что у каждого из нас есть предел сопротивляемости необычным («экстремальным», как принято сейчас говорить) обстоятельствам. Об этом еще двести лет тому назад писал Василий Михайлович Головнин, сам переживший много трудностей. Он указывал, что в ужасных обстоятельствах человек может «противостоять» лишь до определенного момента. Противостоял всем невзгодам назло и наш земляк. Также естественно, что сознание молодого водолаза ненадолго «вышло из игры», рывком снимая напряжение трех часов двадцати минут, которыми судьба испытывала Тимофея Старченко.

В спасении Тимофея Ивановича Старченко есть несколько счастливых моментов.

Первый – это то, что в момент взрыва Старченко оказался именно там, где между днищем судна и его бывшим ложем образовалось спасительное пространство.

Второй счастливый для Старченко момент – это отдаленность взрывного устройства от него.

Третий спасительный момент: Старченко успел «поднырнуть» под «Берлин» на четыре – пять метров. Если бы он оказался у середины днища, т.е. в десяти метрах от борта, то...

И наконец, последнее: дно Балтики у Свиномюнде – суглинок. По Ожегову – это

«почва, содержащая глину и песок, с преобладанием глины». «Преобладание» и держало туннель. Случись там один песок, все предыдущие счастливые моменты были бы ни к чему...

...Спасенный водолаз попал в руки врачей. Врач отряда, который находился на «Берлине», растер Старченко спиртом, еще какими-то снадобьями и налил мезурку... Вряд ли кому удавалось пить за наступивший Новый год, свое спасение и собственное здоровье одновременно!

Утром Старченко был осмотрен береговыми врачами, а потом помещен в госпиталь. Две недели продолжалось подробное исследование, результатом которого было медицинское заключение весьма уклончивого типа «Да, но...». Другими словами, здоров, но под водой использовать не рекомендуется.

После демобилизации Старченко уехал на родину.

Работая над книгой о жизни и гибели «Адмирала Нахимова», автор не мог пройти мимо случая со Старченко и решил его найти, велико было желание повидаться с человеком, чья жизнь столь причудливо сплелась с судьбой «Берлина» – «Нахимова».

Многих участников событий тех лет уже нет в живых. Не было и Тимофея Ивановича.

В тот день, когда в газете «Моряк Балтики» появилось начало главы «Берлин», в которой рассказывается о жизни судна с 1925 по 1950 г., автор получил письмо от Марии Ивановны Старченко. Вот что она писала:

«Привет из села Дедуровка Оренбургского района Оренбургской области от Старченко Марии Ивановны. Здравствуй-

те, т. Чапкис! Имя, отчество неизвестно. Извините! Пишет Вам жена Тимофея Ивановича!

Жаль, очень даже, что Вы его уже не застали. Он ушел из жизни первого ноября 1988 года (после своего спасения Тимофеем Ивановичем Старченко прожил сорок два года). Вот уже пять лет, как его нет, а кажется, только вчера его не стало. Что Вы описали в газете, это я все знаю, он мне рассказывал, но он мне рассказывал, что его вытащили из-под воды, ему долго оказывали медпомощь, а потом в санчасти врачи долго проверяли в ушах барабанные перепонки, думали, они должны полопаться от сильного взрыва, но это прошло без осложнений, а вот с легким не все в порядке получилось, «эмфизема легких, начальная стадия», а потом-то развилась от того случая сердечно-легочная недостаточность. Может быть, это не надо писать, но я опишу: за неделю до смерти ему было очень тяжело, и он сказал: «Лучше бы меня не спасали там, я бы умер, и у меня не было бы детей и жены, родители бы заплакали и забыли».

В последние дни жизни боль и смертная тоска всколыхнули все то, что пришлось пережить Тимофею Ивановичу тогда, в далеком январе сорок седьмого. Все остается с человеком до последней секунды – радости детства, заботы взрослой жизни, боль пережитого. Чувства эти не стареют и не тускнеют, когда неизбежная старость разрушает тело.

Извините за простоту. 20 последних лет он каждый год бывал в больнице периодически, а последние 3 года жил на кислороде и на уколах. Я медработник,

так что я его тянула, поддерживала здоровье его.

Если что нужно – спросите, я буду отвечать, и если не тяжело, то сообщите имя хотя бы одного товарища водолаза, я спишу с ним.

И еще большая, большая просьба: когда напишете статью про этот случай, вышлите, может быть, меня не будет в тот момент, то нашим детям все-таки интересно будет прочитать, это за мои расходы будет.

А если на последний случай, то эта статейка пойдет в наш музей, он должен открыться через год.

Да, очень жаль, что Вы поздно отозвались. Застали, когда он был жив, тогда бы он мог поехать и рассказать сам все подробней.

Заранее благодарна буду, если ответ дадите.

Дай Бог Вам здоровья! 7 сентября 1993 г.»

В следующих письмах Мария Ивановна рассказала, что у них с мужем родились две дочери, сейчас уже взрослые. У старшей дочери муж служил на атомной подводной лодке, у младшей – работает шофером. В каждой семье по двое сыновей.

Жизненно важным для самого Старченко, его жены, дочерей с мужьями, внуков, для всех нас является только то, что сделали тогда люди, в ту послевоенную новогоднюю ночь.

У всех было одно желание – спасти человека.

Читаешь, вдумываешься, и возникает такое чувство гордости на наших людей, наш российский флот, дружбу и взаимовыручку, что хочется быть похожими на них, наших земляков-героев.

Годы Великой Отечественной войны и послевоенное время были для нашей Родины годами тяжких испытаний и временем беспримерного героизма народа. В этом подвиге, равного которому еще не знала история, слились воедино и высокое мастерство военачальников, и величайшее мужество воинов, и самоотверженность тружеников тыла. Этот опыт войны чрезвычайно важен в наше время для приобретения народом веры в себя, в свою способность решить проблемы, кажущиеся непреодолимыми. Великая Победа советского народа над фашистской Германией обязывает и вдохновляет на решение таких проблем. Духовная сила подняла на жертвенное служение Отечеству миллионы воинов на бескрайних фронтах

великой войны и на бескрайних просторах близкого и далекого тыла. Она соединила всех и сделала творцами Великой Победы. Это величайший пример для потомства на все времена.

Народ не забыл и славит тех, кто храбро сражался и погиб смертью героя, приблизив час нашей победы, прославляет оставшихся в живых, сумевших победить врага, тех, кто восстанавливал разрушенное, кто возрождал страну. Герои не умирают, их слава бессмертна, их имена навечно занесены не только в списки личного состава Вооруженных Сил, но и в память народную. О героях народ слагает легенды, ставит им прекрасные памятники, их именами называет лучшие улицы своих городов и сел.

ЯЗЫКБАЕВА А.Р.

(г. Оренбург)

ЧЕРЕЗ КРОВЬ К СЧАСТЬЮ

С чего начинается история Родины? Не с истории страны и даже родного города, поселка, а с истории своей семьи. Каждый человек должен знать и помнить свои корни.

Издавна многие мусульманские народы по традиции были обязаны это знать. На сегодняшний день мало кто этим может похвастаться. Те, чьи предки проливали кровь, не могут назвать уже ни одного героя войны или хуже того, наносят на свои тела свастику и прославляют Гитлера. А ведь наши ветераны совсем молодыми уходили на фронт. Каждый день они видели смерть, смерть товарища, брата, с которым еще вчера, после боя, радовались тому, что наступит утро. Они сражались за жизнь родных и тех, кого даже не знали, а бывало, что дома их ждали только могилы близких.

Следуя традициям, с помощью рассказов моей бабушки, Рафиги Хамитовны Языкбаевой, и архивных данных города Медногорска, я составила генеалогическое древо и узнала о своих предках, которые защищали нашу Родину.

Мой прадед Хамит Савитович Мурзабулатов родился в 1893 г. в поселке Блявтамак, к началу войны был уже пожилым, и на войну его не взяли, он остался в тылу. Возил в Медногорский совхоз дрова из леса. Привезенными им дровами топили школу, контору и т.д. В феврале 1942 г. уехал на парных быках за дубовыми дровами в сырт. Начался буран, из-за чего видимость была плохая, и прадед заблудился,

на пути ему попала открытая холодная будка лесника Карпова. Прадед и его два быка остались там на ночь. На второй день прабабушка, его жена, пошла в контору сообщить, что ее муж не вернулся домой. Когда его поехали искать, прадед уже шел домой. Он, сильно простудившийся, 3 мая скончался. Моя бабушка часто говорит: «Мы остались без отца: я, сестра, два брата, мама, бабушка, которой в то время было уже 100 лет. Папу я не помню, ведь мне тогда было всего 3 года, а все о нем нам рассказывала мама».

Старшая сестра бабушки Хазия Хамитовна Мурзабулатова родилась в 1928 г. Она окончила 3 класса на башкирском языке. С 11 лет в колхозе начала работать, проработала там 10 лет. Во время войны с ранней весны до глубокой осени работали на полях, за это им записывали трудодни. Ночевали на полях, повара варили затируху, сечь, картошку, понемногу давали черный хлеб. Одеваться было не во что. Так жили многие молодые девчата. Учиться не было времени. Умерла она в 2009 г. в возрасте 81 года¹.

Мой дядя, бабушкин старший брат, Файзулла Мурзабулатов родился в 1921 г. Был в числе первых комсомольцев. Когда они со своим младшим братом услышали о войне, ушли на фронт добровольцами, не дождавшись повестки. Файзулла Хамитович был рядовым 718-го стрелкового полка². Солдаты его подразделения пилили деревья для прокладки гатей через болота, чтобы во время наступления по

Файзулла

ним могла пройти советская армия. Незадолго до смерти дядю видел здесь односельчанин Зуфар³. 26 марта 1943 г. при взрыве мины Файзулла Хамитович был ранен бревном в голову. Его доставили в 132-й подвижный полевой госпиталь 50-й армии с переломом левой ключицы, общей контузией и шоком III-й степени. Врачи попытались вывести раненого из

шока, давали морфий, камфору, кардиозол и сделали переливание крови. Однако он умер через 13 часов после поступления в больницу 27 марта 1943 г. Вскрытие не производилось из-за отсутствия патологоанатома. Документов при дяде не оказалось, только карта передового района. Его похоронили на госпитальном кладбище, в лесу у деревни Липки Милятинского

Рахматулла в молодости

района Смоленской области, в братской могиле №7⁴. За время войны Файзулла Хамитович был награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Жена его Насифа работала в трудармии, ремонтировала железные дороги, погибла в конце войны от немецкой пули.

Любимый брат моей бабушки Рахматулла Хамитович Мурзабулатов родился в 1925 г. 16-летним парнем ушел на войну. В начале полгода пробыл в учебной части в тундре. После попал в конный взвод. За отвагу и хорошую физическую силу был назначен командиром. Были случаи, что юного командира не слушали мужчины, которые годились ему в отцы. Их возмущали его методы в борьбе за гигиену, например, чтобы не было вшей, он заставлял своих солдат обтирать одежду и тело снегом. Дошел до Берлина. После окончания службы остался сверхсрочно и учился в вечерней школе, затем в юридическом техникуме и институте. Работал прокурором и председателем суда. Награжден орденом Ленина, медалью «За оборону Ленинграда».

После того как вернулся домой, он рассказывал такую историю: «В 1947 году стоял я на посту КПП. На горизонте появился солдат на лошади. Он приближался. Я попросил его остановиться, но моя просьба была проигнорирована, я повторил просьбу, она снова была проигнорирована. Я выстрелил предупредительный в воздух, а солдат продолжал двигаться в мою сторону. Я выстрелил и попал ему в голову. После чего меня заключили под Москвой. Через 2 месяца написал письмо Сталину с просьбой пересмотреть дело, так как я стрелял в немецкого солдата, и немцы наши враги. Пере-

Рахматулла Хамитович Мурзабулатов

дал его через сокамерника. Не знаю как, но ответ превзошел мои ожидания. В нем было написано: «Немедленно освободить Мурзабулатова Р. Х. и повысить до звания майора». Меня освободили, но дали только ефрейтора. Я поступил учиться, должен был изучать немецкий язык. А для меня это язык моего врага. Другой язык учить мне не разрешили, и я опять написал письмо Сталину с просьбой разрешить изучать другой любой язык, кроме немецкого. Вскоре мне пришло письмо о том, что Сталин вызывает меня. В части все попрощались со мной, ведь это значило, что меня должны были расстрелять. Я и мой сопровождающий отправились в Кремль. К самому Сталину меня пустили только одного, а сопровождающий остался ждать. Когда я вошел, то был удивлен: он был одет в простую солдатскую одежду, гимнастерка, кирзовые сапоги. Поздоровавшись, предложил мне продолжить беседу за

Григорьева Н.Н.

обедом. Я согласился. Стол был застелен клетчатой клеенкой, на столе был черный хлеб, борщ, соленые огурцы, чуть-чуть колбасы и водка. Он интересовался тем, кто я и откуда, смеясь, говорил: «Я хотел посмотреть на этого наглого башкиренка, который дважды писал мне». Сталин дал мне справку, в которой говорилось о том, что я могу изучать любой язык».

Дядя умер в старости в кругу семьи в городе Тольятти.

Память о войне хранится в сердце каждого ветерана, в каждом доме. Война вошла в каждый дом тихо, не постучав. Мы, потомки, просто обязаны не забывать о подвигах наших предков. Мы – последнее поколение, видевшие отголоски этого войны в глазах ее очевидцев. Жалко, что число ветеранов с каждым годом меньше и меньше.

Война уже давно закончилась, а ее глубокие раны еще не зажили, и не высохли слезы на глазах ее очевидцев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Из рассказов Языкбаевой Рафиги Хамитовны, записанных автором (п. Блявтамак – 14.09.12).

2. «Книга славы и памяти» Кувандыкского района, города Медногорска.

3. Из рассказов Языкбаевой Рафиги Хамитовны, записанных автором (п. Блявтамак – 14.09.12).

4. Мурзубулатов Разупла Хаметович // Обобщённый банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56357721> (дата обращения: 18.02.2013); ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-83627. Д. 471. Л. 114 об.

ГРИГОРЬЕВА Н.Н.

(г. Оренбург)

А ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ!

Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен.

С.В. Михалков

«С чего начинается родина?» – сквозь мысли доносится вопрос преподавателя, и сразу же память наигрывает мелодию знакомой песни: «...с картинки в твоём букваре, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе...» Родина, товарищи, соседи... Что они значат в нашей жизни? Готовы ли мы совершить что-то значимое, даже великое для своей

страны? Эти вопросы задаю себе часто, они возникают не случайно, дело в том, что я каждый день ходила по одной и той же улице в Чернореченскую школу. Эта улица такая же, как и другие в нашем селе, области, стране... Ничем не примечательна. Но имя у нее звучное! И каждый житель Черноречья знает, что она названа именем нашего земляка Александра Гонышева.

К сожалению, это имя известно только чернореченцам, а ведь Саша совершил настоящий подвиг. Так много в нашей стране неизвестных героев, которые в военное или в мирное время совершали подвиги, погибли ради жизни на земле, героев, которые должны быть примерами современным мальчишкам и девочкам.

Жил в селе Черноречье Оренбургского района обычный паренек с обычным русским именем Саша. Родился 12 августа 1965 г. Рос жизнерадостным и активным юношей. Саша очень любил голубей, разводил их на крыше своего дома и заботливо ухаживал. После окончания учебы Александру пришла повестка из армии. 18 ноября 1983 г. всем селом провожали. Родственники напутствовали: «Саша, служи честно, если придется, не трусь». Как чувствовали.

Сохранились письма у его любимой, Людмилы Николаевны Лачковой. Саша ей пишет: «Раньше думал, что в армии делают? А сейчас за день так наматывается, рад до койки, засыпаешь моментально. Нам сержант запретил курить, заставляет физзарядкой заниматься, гоняют каждый час. А погода – весной пахнет, солнышко пригревает, домой тянет... Скоро буду отправлять. Жду твоих писем каждый день. Я так скучаю по тебе, так хочу тебя увидеть. Я тебя люблю, Людмила. Я тебя люблю, Людочка. Смотрю на твою фотку, ты так похорошела... на целый месяц уезжаем на учения «Запад-84». Пока не пиши, жди новый адрес. Отправят или в Венгрию, или в Афганистан. Высылаю тебе фотку, вспоминай почаще, не забывай... Получил звание сержанта, теперь я командир взвода. Раньше я носил пилотку, а теперь берет ВДВ. 17-го уезжаем в Кировоград,

два месяца будут подготавливать, а потом в Афганистан отправят. Я напишу, куда попал. Как приеду, так напишу. Целую, Саша».

Последнее письмо Люда получила 30 января 1985 г.: «Люда, пиши, как провела Новый Год. Служу по-прежнему, сегодня опять уезжаю в Кабул, уже надоело мотаться, эти кишлаки... Здесь жара, так непривычно. Сегодня пошел дождь. Я вспоминаю, как мы с тобой стояли под дождем. Пиши. Жду ответа. Целую. Саша».

Мать героя Анна Ивановна хранит незамысловатые письма сына, вот одно из написанных за две недели до гибели – 17 января 1985 г.: «Здравствуй, мама! С огромным приветом к тебе сын Саша. Служба у меня идет нормально. Мама, как у тебя идут дела? Как работа? Не болей! Мне уже охота домой. Пошел второй год службы. Ты напиши, мама, как там бабушка поживает? Что нового в деревне?..».

В каждом солдатском письме, написанном на скорую руку, святая неправда, адресованная матери, – «у меня все нормально». А на самом деле – яростные, смертельные схватки с «духами», так метко ребята для себя определили басмаческие формирования афганской контрреволюции.

Оставались считанные дни до возвращения домой, уже все было готово к встрече. Но в село пришло обжигающее, как неожиданный удар молнии, известие о гибели Александра Гонышева. «...Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, гвардии сержант, комсомолец Александр Гонышев погиб 30 января 1985 года», – говорилось в документе. Александр Гонышев пал смертью героя, выполняя

Григорьева Н.Н.

интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. И звонок из военкомата: «Подготовьте мать Гонышеву Анну Ивановну. Ее сын героически погиб в Афганистане». А как подготовить? Всем боязно.

4 февраля 1985 г. к дому Гонышевых подъехала военная машина, привезли цинковый гроб. И в тот же день пришло запоздалое письмо от Александра с места службы: «Здравствуй, мама, я жив, здоров. Как у вас дела?». Дочь Анны Ивановны Надежда и Людмила Лачкова читали его в тайне, чтобы не рвать сердце матери.

Для села это было сильное потрясение. Мать сидела и смотрела на сына в окошечко. Запекшиеся полуоткрытые губы. Сгустки крови на зубах. В день похорон стоял сильный мороз, но народу было много. Гроб с телом Александра уже донесли до кладбища, а последние провожающие еще не отошли от дома.

Анне Ивановне Гонышевой вручили за сына орден Красной Звезды и письмо с описанием подвига: «...Небольшая группа советских солдат, в которой находился сержант А.И. Гонышев, попала в засаду, устроенную душманами в одном из ущелий. В завязавшемся неравном бою двое солдат были тяжело ранены. Сержант Гонышев оказал им первую медицинскую помощь, приказал остальным товарищам эвакуировать их в безопасное место и сообщить о случившемся командованию. А сам остался на месте и огнем из автомата прикрывал отход своих в тыл. Когда подошла помощь, и душманы были выбиты, на месте боя товарищи нашли сержанта Гонышева мертвым. Ценой собственной жизни гвардии сержант Александр Иванович Гонышев спас жизнь своих боевых

товарищей, проявив при этом несгибаемую стойкость и мужество».

Вот и улетели Сашкины голуби на другие крыши...

Смотрю я на таких же молодых, полных жизни ребят и думаю, что ждет их впереди? Смогут ли они, сможем ли мы отдать свою жизнь за родину, за семью?

Пока мы будем помнить и чтить наших героев, пока будем воспитываться на их подвигах, пока в нас будет живо чувство любви – сможем!

*Устало к вечному огню,
с потухшим взглядом, полным горя,
Склонила голову свою мать
погибшего героя.*

«Афганистан – Кабул.

*Ваш сын погиб в бою...»
Погиб солдат, стоял стеной,
30-го в том 85-м.*

Она устала ждать его,
ее глаза давно сухие,
И вместе с ней скорбит
о нем ее семья, ее родные,
Не стерлись в памяти еще войны
той страшной злые беды.

Цветет душистая сирень,
цветок весны, цветок Победы.
Как далеко ушла война,
но в ее памяти осталась
Та роковая тишина
и глаз холодная усталость.

ТОГОБИЦКИЙ И.
(г. Оренбург)

РОДОСЛОВИЕ СЕМЕЙ ШЕРСТНЕВЫХ, БЕЛОУСОВЫХ-ХАЛИНЫХ В ПЕРИОД 1800–2013 ГОДОВ

История – это прошлое человечества. Не только человечества в широком смысле этого слова, но и каждого человека в отдельности.

Мой рассказ – о ветеране Великой Отечественной войны, который пытался по крупицам собрать сведения о своих родственниках. Судьба свела еще моих предков с семьей Шерстневых. Бабушка дружила с Надеждой Георгиевной Черновой (в девичестве Шерстневой) и Анастасией Семеновной Халиной (женой Георгия Аверьяновича) почти 30 лет. Но вот самого Георгия Аверьяновича я узнал недавно. Ему в этом году исполняется 93 года, но язык не повернется назвать его стариком. Разве может старик участвовать в творческих конкурсах, ездить в Челябинск и Копейск, чтобы провести мастер-класс для юных переплетчиков? Мечта Георгия

Аверьяновича – восстановить свои корни и корни своей жены.

В этой связи появилась необходимость узнать историю отдельно взятой семьи и выяснить, как она отражается в истории России. Моей задачей было собрать все разрозненные сведения о представителях семей Шерстневых и Халиных, записать, распределив по годам, составить родовое древо Шерстневых; Белоусовых-Халиных.

Семен Александрович Шерстнев, прадед главного героя нашей работы, смог вырваться из крепостной зависимости в 1861 г. и решил уйти на поиски счастья из Вятской губернии Ерузанского уезда на Урал.

Ефросиния Даниловна, прабабка героя нашей работы, с четырьмя детьми добиралась к мужу пешком. Семен Александрович становится оседлым жителем Ечменки.

Жить бы да жить ему там с семьей, да «мирова» не брала с ечменцами. Жители этого села были старообрядцами, а Шерстнев запрещал своим детям даже показываться вблизи старообрядческих молелен.

Оседлые крестьяне заставляли пегрейти в их веру, требовали, чтобы дети новичка ходили в Божий дом, где бы с ними изучали молитвы и Библию. На сторону деревенских встали и полиция, и жандармерия.

Старшая дочь Парасковья украдкой от отца пошла в молебную учиться «духовенству». Семен устроил скандал и за косы отволоч ее домой.

Услышав шум, к избье Шерстневых стали собираться соседи. Они отняли у него дочь, вытащили Семена на середину улицы и стали избивать. Через неделю Семен Александрович умер. Шел 1864 год.

Овдовевшая Ефросиния Даниловна снова оказалась в горе и нужде. Она попала в зависимость от старообрядцев.

Георгий Аверьянович Шерстнев родился в 1920 г., в самый голод, в селе Иленбай. В 1929 в соседнем селе Щучанке построили школу, но учиться Георгий пошел в 10 лет, потому что у мальчика болели глаза, врачи не разрешали заниматься.

В 1930 г. объединили два колхоза: Ялань-первую и Щучанку. Летом Гоша работал нарочным. Он бегал по бригадам, собирал сводки, относил сначала в правление, затем в сельсовет.

В 1931 г. в колхоз пришла разнарядка: раскулачить еще одного кулака. Им оказался Аверьян Лазаревич Шерстнев. Его исключили из колхоза, а сына выгнали из школы. В 1932 г. Аверьян Шерстнев устроился в район Сафакулев плотником, а потом сторожем на молочную ферму.

В 1933 г. после посевной кампании район посетил первый секретарь обкома ВКП(б) Кузьма Васильевич Рындин. Он разрешил принять детей кулака на работу. Георгия с Дмитрием устроили на работу пастухами.

В 1936 г. семья переехала в шахтерский Копейск, и для юноши началась другая, рабочая жизнь. Аверьян Лазаревич устроился конюхом, а Георгия отвез в Челябинск, к брату Дмитрию, который уже учился в фабрично-заводском училище (ФЗУ). До Великой Отечественной войны Георгий успел окончить ФЗУ при Челябинском тракторном заводе, здесь же поработать формировщиком в литейном цехе, трудился на строительстве Копейского завода пластмасс. Затем поступил в типографию резчиком бумаги и одновременно учился переплетать книги. Здесь и работал до призыва в армию в июле 1940 г.

Служба в армии заняла долгие шесть лет. Виною тому была война. До начала войны служил Георгий в Иркутске, а в декабре 1941 г. был отправлен на Волховский фронт: служил снайпером в составе 10-го погранполка, который участвовал в освобождении Ленинградской, Новгородской, Псковской областей. В 1944 г. полк перебросили на Второй Украинский фронт. Здесь пришлось повоевать за освобождение Чехословакии, Румынии, Венгрии, Австрии. Был контужен, но оставался в строю. 137-й полк нес охрану тыла Волховского фронта, принимая участие и в боевых операциях. Достаточно сказать, что только в составе 4-й армии Волховского фронта им было уничтожено более 3800 вражеских солдат.

Победу встретил в Австрии. Еще более года служил в этой стране, участвуя в ликвидации оставшихся после войны банд, и

только в июле 1946 г. вернулся домой, в Копейск. Сейчас напоминают ветерану о военной юности бережно хранимые награды: медали «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», благодарственная грамота, подписанная маршалом Коневым.

По возвращении в Копейск занялся Шерстнев любимым переплетным делом, поступив на работу в Копейскую типографию переплетчиком. В 1950 г. сдал экзамен на самый высокий 7-й разряд по всем видам переплетных работ.

В типографии Георгию Аверьяновичу приходилось много переплетать технической документации для завода имени Кирова. Директор завода А.А. Рафалович пригласил его, несмотря на отсутствие в штатном расписании должности переплетчика. Так что в 1951 г. началось переплетное дело на заводе «нелегально». Только через два года было организовано бюро технической документации, в котором и работал Шерстнев.

В дальнейшей биографии Шерстнева была работа по организации переплетной мастерской в одном из учреждений Челябинска, затем в цехе М-11 в должности завхоза, откуда и ушел на пенсию. Но неугомонный характер Георгия Аверьяновича, неумение сидеть сложа руки, тяга к любимому делу не давали ему покоя. Он везде находил себе дело: переплетал на дому книги, газеты и журналы, в течение четырех лет вел кружок на станции юных техников, обучал ребят своему искусству, помогал подшефной 42-й школе в оформлении школьного музея. Заразил любимым делом и свою дочь, Надежду Георгиевну, которую много лет назад судьба забросила в Оренбург.

В 2001 г. переехали Шерстневы в Оренбург, к своей старшей внучке Ирине. Решили уйти заслуженные пенсионеры на покой. Но и здесь не смог дед Георгий сидеть без дела. Недавняя работа – изготовление малоформатных, миниатюрных книг.

ЕВСЕЕВА Е. В.

(г. Сибай)

«ПОСЛЕДНИЙ БОЙ». ИРИКОВ НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Уже прошло 68 лет, как закончилась Вторая мировая война. В живых осталось совсем немного героев тех времен, но

народная память помнит те страшные минуты, которые пришлось пережить нашей стране.

Башкортостан с начала Великой Отечественной войны стал надежным тылом и обеспечивал фронт всем необходимым во все нарастающих объемах. За годы войны было призвано 575 тысяч человек, в том числе 10750 девушек. С учетом ранее призванных число участников войны из республики достигло 719 тысяч человек. Для работы на предприятиях было мобилизовано 140 тысяч человек. За годы войны 200 тысяч человек были награждены орденами и медалями. Среди них 278 участников стали Героями Советского Союза, а 40 – полным кавалерами орденов Славы¹.

Наша республика гордится многими сынами-героями, которые бесстрашно сражались за свободу своей Родины. Но хотелось бы рассказать о подвиге одного Героя Советского Союза – Николае Романовиче Ирикове.

Ириков Н.Р. родился в деревне Верхняя Казарма Зилаирского района БАССР в 1921 г. По национальности чуваш. Николаю Романовичу профессия учителя нравилась с детских лет. Поэтому после окончания семилетки он поступил в Зилаирское педагогическое училище. А в девятнадцать лет, в 1940-м, сам стал учителем и директором Ново-Никольской средней школы. В январе 1940 г. Ирикова призывают в ряды Красной армии².

Ириков попадает в Горьковское танковое училище, которое окончил в июне 1942 г. в звании младшего лейтенанта, и назначен на должность заместителя политрука³.

Его боевой путь был полон мужества.

В марте 1943 г. гитлеровцы сумели сосредоточить юго-западнее Харькова крупную группировку войск и перешли в

контрнаступление. Нашим войскам пришлось вести тяжелые оборонительные бои.

Положение под Каменной Яругой сложилось крайне тяжелое. Колонна не была готова к бою: шла без разведки, с включенными фарами. В это время российские войска оставили Харьков, и немцы выдвинули на Чугуев истребительный противотанковый полк. Немецкая разведка первой заметила наступающую танковую колонну с пехотой, и гитлеровцы скрытно, под покровом темноты, развернулись в боевом порядке на скатах холмов. Целую ночь шло ожесточенное сражение. Много машин осталось на поле боя. Под утро и стрелки, и танкисты отступили. Прикрывая отступление, в бой вступили танк Н.Р. Ирикова и артиллеристы. Через некоторое время немцы в составе 8 тяжелых танков и более 150 автоматчиков пошли в атаку. Бой длился недолго, более 120 гитлеровцев лежали, сраженные огнем. Таков был итог боя. Но немцы скрытно зашли с левого фланга и ударили по танку Ирикова, 34-ка в следующий миг вспыхнула ярким факелом, попавшим снарядом был убит Николай Романович. В утренней сводке Совинформбюро было передано о сражении на этом участке фронта всего несколько строк: «В районе среднего течения Северного Донца наши части в упорных боях уничтожили 32 немецких танка...». Четыре из них уничтожил экипаж лейтенанта Ирикова, но в скупой сводке об этом ничего не было сказано⁴. На этом и закончился боевой путь солдата – моего земляка.

Младший лейтенант Н.Р. Ириков был похоронен у деревни Тотлеги Чугуевского района Харьковской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками младшему лейтенанту Ирикову Николаю Романовичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза⁵.

Его имя осталось вечным примером верного служения Родине и в родной школе. Средняя школа с. Зилаир Зилаирского района Республики Башкортостан носит имя Героя Советского Союза Н.Р. Ирикова.

В честь Ирикова в селе Бердяш Зилаирского района и на здании Зилаирской средней школы установлены мемориальные доски⁶.

Мы обязаны помнить тех, кто боролся

за свободу Родины, ведь благодаря им мы сейчас живем в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сайт «Герои Советского Союза, уроженцы Республики Башкортостан» Ф. Вахитов В сиянии золотых звезд – Режим доступа: <http://www.vatandash.ru>

2. Сайт «Книга памяти» – Режим доступа: <http://geroykursk.narod.ru>

3. Сайт «Зилаир. Ру» – Режим доступа: <http://zilair.ru>

4. Сайт «Зилаир. Ру» – Режим доступа: <http://zilair.ru>

5. Калинин В.В., Макаренко Д.Г. Герои подвигов на Харьковщине. – Харьков, 1970. С. 190.

6. Славные сыны Башкирии. Книга II. Уфа, 1966. С. 408.

ДЕРГУНОВА Д.В.

(г. Оренбург)

НЕ ДОЖИЛ ДО ПОБЕДЫ

Мой прадед Кузьма Сафронович Ивлев родился 12 июля 1902 г. Семья у них была из семи человек: пять детей (два мальчика и три девочки) и родители моего прадеда. К сожалению, ни имен, ни точного места их проживания на тот момент у нас нет.

Прадедушка рано осиротел. Его детство выпало на тяжелые годы Великой Октябрьской революции и Гражданской войны. Голод, разруха, безграмотность, но несмотря на это, он с детских лет много работал. В 10 лет мой прадедушка пошел в школу, но так ее и не окончил, так как началась Гражданская война и про-

должать учебу он дальше не смог, потому что нужно было кормить семью.

В 1930 г. прадедушка возглавляет тракторную бригаду. В 1938 г. его назначили председателем сельского совета.

Потом настала Великая Отечественная война. Дедушка Кузьма был призван в самые первые дни войны со всем населением села Большая Князевка (Лемешкинского района Сталинградской области). Оно находилось в 300 км от линии фронта. Сложно было его семье, жена Лукерья Ивановна, рожденная в 1901 г., осталась с пятью детьми: Василием, Виктором, Зинаидой, Николаем и младшим сыном

Дергунова Д.В.

Валентином – моим дедушкой. Сейчас, к сожалению, живы только бабушка Зина и дедушка Коля, по чьим воспоминаниям я и пишу. В тяжелой обстановке защитники Сталинграда проявляли огромное мужество и стойкость. Борьба за Сталинград велась днем и ночью. Сильные морозы, голод, нехватка медикаментов осложняли ведение боя.

Зимой 1943 г. мой прадедушка был

тяжело ранен и сильно обморожен. Как рассказывает бабушка Зина (дочь моего прадедушки), у него отняли стопу, он долго болел, за ним ухаживала любящая жена. В феврале 1945 г. дедушка Кузьма умер... не дожидаясь победы. Похоронен мой прадедушка в селе Гречихино.

Я очень благодарна ему, да и всем тем, благодаря кому мы сейчас живем, это очень важно. Спасибо им!

КУСМУХАМБЕТОВА А.Г.

(г. Оренбург)

ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для нашей страны. Она оставила глубокие шрамы в сердцах фронтовиков и тружеников тыла. Советские люди отдавали свои жизни за Родину, семью, друзей во имя счастливого будущего. В самые трудные периоды войны солдаты стояли насмерть, проявляя невероятную доблесть, защищая страну до последнего вздоха. Многие из них не вернулись с полей сражений: кто-то погиб, кто-то так и остался без вести пропавшим, кто-то испытал муки фашистских концлагерей...

В годы Великой Отечественной войны в борьбе против немецко-фашистских захватчиков участвовали более 200 жителей села Карасай Акбулакского района Оренбургской области. Отважно сражались карасаевцы М.А. Мельников, Г.Х. Долбня, В.С. Шинкоренко, И.Н. Токарев, В.Л. Ве-

личко и многие другие, кто в мирной жизни был шофером, трактористом, учителем. Большая часть селян с полей сражений не вернулась. Об обстоятельствах их гибели стало известно спустя годы после войны, и в частности о подвиге Героя Советского Союза А.С. Гайко. Его имя носит теперь Карасаевская средняя школа.

В тылу ковали победу над врагом старики, женщины и дети. Девушки и женщины-солдатки А.Т. Долбня, А.С. Гончарова, П.П. Прокопенко, овладев специальностью комбайнеров и трактористов, встали на фронтную вахту, ежедневно перевыполняя сменные нормы. Женщины собирали теплые вещи, после тяжелого трудового дня вязали варежки, носки, шили кисеты. Все, кто мог, сдавали денежные сбережения на танки и самолеты¹.

Война коснулась и моей семьи: в селе Карасай жил и работал мой родной

дедушка Кукушай Мергалиевич Шалтанов. Родился он в апреле 1910 г. в нынешнем селе Победа Акбулакского района, там же прошло его детство. Дедушка рано лишился родителей – отца Мергали и матери Акслу. Помимо него в семье подрастали братья Курманай и Мургазы. К сожалению, Мургазы пропал без вести во время войны, его долго и безуспешно искала жена. До сих пор неизвестно, где он похоронен. У дедушки не было начального образования, он не умел писать на русском языке, только на арабском. Когда он окончил курсы трактористов, то был отправлен работать в село Карасай. Оттуда 23 июня 1941 г. был призван Акбулакским РВК в действующую армию. В армии красноармеец К. Шалтанов стал стрелком.

Примерно через год после начала войны, 10 июня 1942 г., он попал на Харьковском направлении в немецкий плен. Впоследствии дедушка рассказывал о тяжелом времени, проведенном в плену, своим детям – тете Нуржамал и моей маме. Каждый день из-за непосильного труда умирали люди. Видимо, дедушке было тяжело вспоминать о том времени своей жизни, поэтому нам, его потомкам, известно очень мало. У нас сохранилась только его карточка военнопленного, прошедшего проверку органов НКВД, и медаль «За отвагу».

Через месяц, 10 июля 1942 г., дедушку вместе с другими пленными привезли в Германию и направили на земляные работы. Освободили их только в июле 1944 г. Как и многие другие военнопленные, дедушка прошел проверочно-фильтрационный пункт в г. Ливерпуле, а затем Одесский спецлагерь. После проверки он был направлен на восстановительные работы.

Уже после войны дедушка вернулся в

Карасай и работал до 1957 г. трактористом МТС им. Перовского, директором которой был Александр Яковлевич Романенко. Карасаевская МТС помогала техникой поднимать колхозы «Гигант-1», «Гигант-2». В 1946 г. дедушка женился. Они с женой воспитали семерых детей, в том числе и мою маму Гульнару. Чтобы прокормить семью, будучи уже тяжело больным человеком, инвалидом из-за ранений, полученных на войне, он в 1960-70 гг. работал скотником. Мама вспоминает, что дедушка Кукушай серьезно болел, у него были проблемы с легкими, болели ноги, руки. Умер он 7 августа 1978 г. в возрасте 68 лет. Моей маме было всего 10 лет, поэтому она плохо помнит отца. Бабушка Ахтынке осталась одна, но смогла достойно воспитать своих детей, хотя было тяжело. Сейчас, огляды-

ваясь в прошлое, я восхищаюсь дедушкой и бабушкой. Для меня они пример мужества и стойкости².

Много десятилетий отделяют нас от суровых дней войны. Уходит поколение, вынесшее тяжелый груз войны. Но народная память сохранит доблестные подвиги, неслыханные страдания, непреклонную веру людей.

Мы должны помнить о своих родных, ведь история каждой семьи – часть исто-

рии Родины, которую нужно знать, беречь и чтить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Книга славы и памяти» Акбулакского района Оренбургской области, изданная под общим руководством главы районной администрации Л.К. Базилова, 1997. – С. 168, 172

2. Воспоминания Г.К. Кусмухамбетовой, Н.К. Казаковой, записанные автором 5 января 2013 г.

1. Фамилия Шалтанов
2. Имя Кочушав 3. Отчество
4. Год и место рождения 1910 г. Караган, Акбулакский р-н
5. Национальность казах 6. Партийность Молодежная организация
7. Профессия и специальность
а) военная Сторож
б) гражданская Транспорт
8. Последнее место жительства до призыва в армию с. Караган, Акбулакский р-н, Ткацкий от.
9. Военское звание
10. С какого года в Красной Армии и какими военкоматом был призван 23 июля 1941г. Акбулакский РВК, Шалтан. от.
11. Когда и где был пленен 10.06.42г. Восточная Пруссия
12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность Немецкая пехота, Пехота - разведка

13. Находясь в плену (с какого года, в какой стране, в каком лагере и что делал) В Терезини. 10.3.42г. Француз. работал на фабрике как рабочий.
14. Когда и откуда прибыл в спецлагерь или на провизорно-фильтрационный пункт НКВД 28.05.42г. в Орловский спец. лагерь
15. Название спецлагеря или провизорно-фильтрационного пункта НКВД 28 км. С.П. 12 км. С.П. с. Ахихино.
16. Регистрационный номер 6719
17. Дата и место освобождения 19.07.45г. в 19.07.45г. в 19.07.45г. в 19.07.45г. в 19.07.45г.
Правильность записанных на меня сведений подтверждаю
Али. Са. Шалтанов / Туксанов /
(подпись) (фамилия, завовавшего героизму)
24. Марта 1941 г.
ШТ 1110 7032-41

БЕЛОВА А. В.

(г. Оренбург)

ВОЕННЫЕ ГОДЫ СЕМЬИ БЕЛОВЫХ

Великая Отечественная война затронула миллионы человеческих жизней. Многие ушли на фронт, остальные трудились в тылу. Не стала исключением наша семья Беловых – Тугаревых¹.

Моя бабушка, Лилия Алексеевна Тугарева, родилась в пос. Заря еще до войны (1940 г.). В семье их было трое – она, ее сестра Лидия и брат Геннадий. Прадедушка Алексей Григорьевич Шестаев в 1941 г. ушел добровольцем на фронт. «В 1942 г. нам пришло известие, что отец героически погиб под Воронежем». Трудные военные годы пережила семья.

В домашнем архиве нашей семьи хранится много фотографий, воспоминаний. Среди них – сведения о Максиме Дмитриевиче Тугареве. Он родился в 1921 г. в с. Тимошкино Матвеевского района. Окончил Тимошкинскую начальную школу. В 1941 г. был призван в ряды Красной армии. В начале Великой Отечественной войны ушел на фронт, принимал участие во многих кровопролитных боях. Ценными для нас, его родных, стали письма и фотографии, которые он отправлял с фронта.

Ушел на фронт и Григорий Иванович Шестаев, житель города Оренбурга. Он родился в с. Тимошкино Матвеевского района в 1914 г. Окончил Тимошкинскую начальную школу. Обучался в Бугурусланском летном училище. В 1941 г. Григорий Иванович добровольцем отправился защищать Родину. Награжден орденом Отечественной войны

II степени, орденом Красная Звезда, знаком Советской гвардии, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими. В послевоенное время работал токарем на заводе.

Бережно хранятся в нашем архиве сведения о Борисе Владимировиче Тугареве. Родился он в пос. Степном Матвеевского района в 1935 г. Окончил Тимошкинскую начальную школу. После окончания курсов трактористов работал по специальности в колхозе Знамя Коммуны Матвеевского района.

После окончания Великой Отечественной войны наша семья продолжала трудиться в Матвеевском районе. По воспоминаниям Таисии Васильевны Митяевой, которая родилась уже в послевоенное время в пос. Заря, ее семья была многодетной. Мать трудилась дояркой, содержала домашнее хозяйство. Отец после службы в рядах Красной армии участвовал в параде на Красной площади 24 июня 1945 г. в Москве. По возвращении домой работал в колхозе трактористом.

Таким образом, наша семья Беловых – Тугаревых выстояла в это сложное время, участвовала в боях на фронтах Великой Отечественной войны, трудилась в тылу на благо Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исползованы материалы, хранящиеся в семье Беловых.

НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

В жизни каждого человека семья играет самую важную роль. Ее прошлое, традиции, обычаи, несомненно, вызывают интерес. Не всегда есть возможность рассказать о своих прадедах, прапрадедах, многие из тех, кто помнил о них, уже и сами ушли. Поэтому для меня очень важно сохранить сведения о моих родных.

Историю своей семьи знаю по рассказам бабушки. Моя бабушка по маминей линии, Нинель Евгеньевна Колодницкая, родилась 26 июля 1939 г. в городе Чкалове Чкаловской области в семье военнослужащего. Была единственным ребенком в семье. Ее отца звали Евгений Михайлович Абрамов. Он окончил лесной техникум в Бузулуке, где познакомился с моей прабабушкой. Прадедушка поступил в техническое училище в г. Войске, которое с успехом окончил, уехал на Дальний Восток и всю Великую Отечественную войну прослужил там в ВВС. После окончания войны стал слушателем военно-воздушной академии в г. Ленинграде. Ушел в отставку в чине полковника.

Мать моей бабушки, Людмила Гурьевна Абрамова, окончила лесной техникум в городе Бузулуке. Вернулась в Чкалов. Сначала работала в управлении лесного хозяйства, затем в областном статуправлении.

Проживая в областном центре, Нинель Евгеньевна окончила в 1957 г. школу и поступила в Оренбургский педагогический институт на факультет иностранных языков. Вскоре вышла замуж за моего дедушку, Сер-

гея Григорьевича Колодницкого, уроженца Белоруссии.

Прабабушка по мужской линии, Евгения Борисовна Железняк, родилась в 1916 г. в еврейской семье. Прадедушка, Григорий Андреевич Колодницкий, 1907 г. рождения, был военным связистом.

Нашу семью, как и многие другие семьи, затронула Великая Отечественная война. По воспоминаниям моего дедушки, «во время войны нас с матерью и сестрами эвакуировали в село Полимовку Бузулукского района Оренбургской области. Жили в Бобре. Там же окончил школу. По окончании приехал в Оренбург, поступил в аграрный государственный институт. По окончании работал в Белозерском районе, затем в объединении областной молочной промышленности заместителем генерального директора, позднее – генеральным директором».

История семьи по линии моего отца мне плохо знакома. Его родители – Анатолий Яковлевич и Валентина Павловна Собачкины. Валентина Павловна родилась в самом начале войны – 20 августа 1941 г. – в с. Пятницком Башмаковского района Пензенской области. В семье было двое детей. Ее отец, Павел Иванович Колесников, – участник Великой Отечественной войны. Был в плену у немцев, сидел в концлагере. Несмотря на суровые военные обстоятельства, вернулся, получил множество наград. Воспитывал детей, обеспечивал семью. Прожил долгую жизнь. До 1990 г. жил в Пятницком, затем переехал в

Оренбург. Мать бабушки, Вера Ивановна Игнашкина, также из с. Пятницкого. Долгие годы отдала работе в колхозе.

В целом наша семья, несмотря на трудности, выстояла в трудное время, став еще

крепче и сильнее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Использованы материалы, хранящиеся в архиве семьи Собачкиных.

НАДРШИН Ф.М., АХМЕТОВ Р.М.

(г. Оренбург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ БАШКИРСКОГО НАРОДА ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

У башкирского народа было и есть бесценное богатство – его песни. Венгерский ученый Вильгельм Проле, собиравший в 1901 г. в Башкирии народные песни, пришел к заключению, что «башкиры известны как поэтически и музыкально высокоталантливый народ». Русские краеведы и этнографы, интересовавшиеся бытом и культурой башкир, также высоко оценивали их музыкально-поэтическое творчество. В башкирском фольклоре чрезвычайно богато представлена народная песня (йыр). Содержание башкирского устного народного творчества, особенно песен, как эпических, так и лирических, представляет собой, в сущности, опозитизированную историю и быт народа. В них в наиболее совершенной художественной форме выражен национальный характер народа, раскрыт высокий уровень его музыкально-поэтического творчества. По

своей тематике и содержанию старинные башкирские народные песни чрезвычайно богаты и разнообразны. Можно сказать, что все или почти все они, по всей вероятности, созданы в период, охватывающий XVII – XIX века.

В песнях так или иначе отразились особенности социально-политической и культурно-бытовой жизни определенной эпохи, в них выражены характерные для своего времени переживания и мечты человека, его взгляды и отношение к жизни. С этой точки зрения все песни, которые заслужили право сохраниться в памяти народа, переходить от одного поколения к другому, – исторические. Каждое значительное историческое событие и причастные к нему личности находили свое отражение в песнях.

В период деления Башкирии на кантоны (1798-1865 гг.) действовали регулярные башкирские войска со своей

национальной формой, своим оружием. Каждый башкир в возрасте от 17 до 40 лет, способный держать в руках оружие, должен был отслужить в армии. Учреждение в Башкирии кантонов и привлечение населения к военной службе не было чем-то непривычным для башкир. Они издавна принимали участие в различных военных походах. В начале XVII века (1606-1610 гг.) башкиры воевали против польских интервентов, находясь в народном ополчении Минина и Пожарского; при Петре I они принимали участие в различных военных сражениях. В 1760 г., воюя в составе русской армии против войск прусского короля Фридриха II, башкиры побывали в Берлине, затем с боями преследовали калмыков (1771 г.), позднее (1787-1789 гг.) участвовали в походе против шведов. Все эти дальние и длительные походы не могли не отразиться в народном творчестве, в песнях. Бодрые, жизнеутверждающие мотивы звучат в песнях о солдатской жизни, когда служба в армии, как бы тяжела она ни была, преследует интересы родины, связана с ее защитой от иноземных захватчиков. Это, главным образом, башкирские народные песни об Отечественной войне 1812 г., имеющие большое познавательное и музыкально-поэтическое значение.

Особое место в историко-песенной поэзии башкир имеют песни об Отечественной войне 1812 г., оказавшей сильное влияние на их мироощущение. Исполненные чувства патриотизма, любви к России, они выражают героический дух башкирских конников, готовых умереть за общую Родину. Во многих песнях говорится о проходах башкир на войну, «Бросив яйлау и захватив оружие», уходят они на

великое сражение. При этом проступает характерная деталь: батыры просят не лить слезы, ибо, по их исконному верованию, при провожании «если плачут, то удачи не бывает».

В войну 1812 г. было выставлено 28 башкирских полков, многие из которых в составе русской армии под командованием Кутузова сражались с врагами. Народ обеспечивал своих воинов конями и национальными военными доспехами. Французы за меткость стрельбы из луков прозвали башкир «северными амурами». А патриотические чувства этих «северных амуров» можно было бы передать следующими словами из песни о храброе джигите Аслаеве: «Из-за богатства жадный умирает, джигит во славу родины умрет...». В песне-предании «Вторая армия» («Икенсе эрме») устами старого и мудрого воина-патриота выражены напутствие и боевой наказ отцов своим сыновьям, отправляющимся на фронт, благословение их на победу над иноземными захватчиками: «Круглы да быстры у коней копыта, не угадать, не предсказать их путь. И знай: на свете пули не отлиты, чтобы пробить мужей бесстрашных грудь. Но оттого, что в руки взял ты стрелы, ты не безумствуй, не бросайся зря. Ты беркутом седым кружися смело, в борьбе с врагом бесстрашным будь всегда!». Любовь воина к Отчизне, презрение к врагу и вера в победу особенно ярко воплотились в этой песне-предании. В ней нет отдельного героя – священная цель объединила всех. Ее герои – старухи и молодые женщины, матери и отцы, старики и дети, мужчины-егеты, весь народ. Поэтому песня обладает и удивительной силой обобщения.

В народной песне «Эскадрон», записанной Кудряшевым, шедевре башкирского песенного творчества, мы встречаемся с образом легендарного голубого уральского камня, о который точил свой булатный меч башкирский конник, уходя на войну с наполеоновской армией. И башкирский воин с честью выдержал клятвенное слово, данное родине и своей любимой.

Отечественная война 1812 г., являющаяся суровым испытанием для всей России, укрепила дружбу башкирского и русского народов. Тема традиционной дружбы, патриотический подъем и героический дух солдат пронизывают башкирские народные песни о войне с наполеоновской армией. В песне «Кутузов» воспевается слава великому русскому полководцу, в составе армии которого сражались и башкирские воины. Небольшая по объему, эта песня-марш, используя традиционные средства образности, прославляет полководца. Мужественный воин Кутузов, преодолевая огни и воды, преследует войска Наполеона и разбивает их. В этой песне Кутузов и Россия выступают как неразделимые понятия. В ней обобщаются в лице Кутузова мощь и сила России, ее непобедимость. Радость одержанной победы над врагом выражена в кавалерийской песне «Любизар»: «Наполеона знали мы, да и Париж видали мы. Когда французов побеждали, землю потрясали мы. Любезники, любизар, молодчина, молодец!».

Образ воина-героя, наделенного яркими национальными чертами, показан в песне «Командир Кахым», посвященной молодому башкирскому полковнику – командиру одной из башкирских частей. Он

изображен энергичным, умным и волевым руководителем солдат. Напев узун кюй вольный, свободный, и начинается он с фразы диапазоном почти в две октавы, как бы намечающей широкий горизонт песни. И на этом фоне выражается печаль солдат по поводу безвременной утраты своего командира (Кахым-туря после войны, возвращаясь со своей частью на родину, по неизвестной причине умирает в городе Владимире). После его смерти «пятьсот человек стояли безмолвно, от скорби не в силах рыть могилу», а русский майор руководил игрой» (т.е. оркестром). В песне рассказ о подвигах Кахым-тури ведется от имени народа. Он смел и умен, прост в обращении, его приказы всегда обоснованы и справедливы. Поэтому его любят воины и весь народ. Кахым-туря, когда отдает приказы, как и Салават, в левой руке держит курай. Такой прием относится только к традиционному образу, характеризующему только народных батыров. В популярной песне «Баик» рассказывается о последнем этапе Отечественной войны – о том, как башкирский народ с радостью и ликованием встречал возвратившихся домой воинов славной кутузовской армии-победительницы.

О всенародном характере Отечественной войны 1812 г. свидетельствуют песни об участии в ней женщин-башкирок. Так, в песне «Иремель» говорится о женщине, вместе с мужем отправившейся на войну против французов. Она напоминает известный «Рассказ башкирца Джантюры», записанный от участника войны В. Зефириным и опубликованный еще в 1847 г. Главным героем исторических песен об Отечественной войне 1812 г., рожденных в условиях огромного душевного подъема,

является народ, во многих песнях повествование ведется устами народа, выражаются его мысли и чаяния: «Мы уезжаем, мы уезжаем, садясь на коней», «Обрушим на врага стрелы, оставшиеся от дедов», «Разгромив врага, мы вернемся с радостью на свою Родину».

В первой половине XIX века в знак благодарности башкирским войскам за их военные заслуги в Оренбурге началось строительство Караван-сарая. Печальная история с его постройкой легла в основу народной песни «Караван-сарай», замечательной по своей мелодии, глубине мысли и непревзойденному поэтическому мастерству. «Качает и крушит, плечи расправив, хай, плечи расправив. Ломает камни для дворца, хай, в горах. Майор сказал – зданье для нас, хай, зданье для нас, так как героями были в войне, хай, на полях сражений...». Так начинается песня, а звучащее дальше глубокое разочарование народа, обманутого царизмом, имеет свою историю. С Караван-сараяем, возводимшимся по проекту архитектора А.П. Брюллова, связывались надежды народа на учреждение в Оренбурге культурного центра (во дворце должны были разместиться гостиница для приезжих башкир, а также школа для башкирских детей). Расходы по строительству Караван-сарая целиком были возложены на плечи народа. Были собраны крупные пожертвования, в сооружении дворца приняли участие десятки тысяч башкир. Но мечта народа не сбылась: в 1841 г., после окончания строительства, Караван-сарай был занят под канцелярию командующего башкирскими войсками и частично под казармы...

Любопытно, что в одной исторической рукописи высоко оценивается доблесть

башкирских войск, участвовавших в Отечественной войне 1812 г., сообщается, что о ратной храбрости башкир с большим интересом писали некоторые немецкие и французские поэты, писатели, а также художники. В ней же утверждается, что башкирские кавалеристы посетили театр в городе Веймар, где их приветствовал великий немецкий поэт Гете. В ответ башкиры подарили ему лук со стрелами. Гете хранил их дар в своей квартире и, будучи уже в преклонном возрасте, во время прогулок в саду тешил себя стрельбой из этого лука. В рукописи сообщается также, что друг поэта Эккерман в свое время писал об интересе, проявляемом Гете к башкирам, а через них – к другим восточным народам.

Некоторые из владеющих грамотой башкирских воинов и сами пытались оставить память о великой войне против наполеоновской армии, чаще всего прибегая к форме стихотворных посланий. Войсковой мулла Якшигул, сын Зианчуры, отправил из Парижа послание на родину, некоему Мусе, сыну тархана Кучука. В стамбульской рукописи приводится четверостишие из этого письма, мунажата по своему содержанию: Скорбь какая! С родиной разлучила ты нас, судьба, Каждый день бога мы без усталы молим возвратить нас домой. Богу мы доверяясь, пустились в опасный путь,

Ангел пусть нас защитит, разверзнув свое седьмое небо.

Патриотические чувства и мысли, так образно выраженные вустно-поэтическом творчестве, естественно, вызваны беззаветной преданностью людей родине, постоянной заботой о ее защите. В то же время идею патриотизма трудового

парода, живущего под социальным и национально-колониальным гнетом, было бы неправильно рассматривать в отрыве от народно-освободительных идей. Формы поэтического выражения патриотизма в башкирских песнях различны, но главная суть одна: патриотизм тех времен представляет собой сочетание в едином целом двух противоположных друг другу идей – любовь к родине, гордость за нее и готовность защищать ее, с одной стороны, сочетаются с ненавистью к существующим на родной земле несправедливым общественным порядкам и с протестом против социального и национального неравенства, – с другой. Разумеется, эта большая целостная идея проводится в песнях на разном уровне, на разной глубине.

Особый тематический разряд исторических песен составляют песни о службе в армии и военных походах. Для башкирского народа, более четырех веков назад связавшего свою судьбу с русским народом, служба в царской армии

была делом обычным, и это послужило основой создания многих башкирских исторических песен. Следует отметить, что многие песни об армии сочинены не в плане повествования о военных событиях. В них прежде всего выражены отношение егетов к линейной службе, их раздумья, связанные с ней. Таковы, например, песни «Армия», «Уил», «Имангул», «Карпаты». Преобладание лирических мотивов в этих песнях затрудняет определение их конкретно-исторической основы. В песнях о линейной службе нет конкретного исторического лица. В то же время в них отразились события, связанные с историческими судьбами башкирского народа, его родной земли.

Окрашенные мотивами патриотизма и бессмертия народа, вставшего за честь и свободу общей Родины – России, эти песни, как память тех героических лет, и поныне живут в башкирском народе, глубоко его волнуют, выполняя большую воспитательную и познавательные функции.

МОРГУНОВ К.А.

(г. Оренбург)

ПОЛЯКИ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные и военные годы численность поляков на территории Чкаловской области¹ значительно увеличилась. Уже в конце 1939 г. на территорию обла-

сти стали прибывать польские беженцы. 31 декабря 1939 г. на заседании Чкаловского облисполкома было принято закрытое постановление, которым регламен-

тировалось размещение семей польских беженцев в совхозах области, снабжение их предметами домашнего быта, оказание врачебной помощи и организация учебы для польских детей².

После присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией была принята специальная инструкция «О порядке переселения польских осадников из Западных областей УССР и БССР». Все недвижимое имущество, сельскохозяйственный инвентарь и скот осадников³ поступал в распоряжение местных управлений НКВД. Всего, по данным на сентябрь 1941 г., в западных областях Украины и Белоруссии было арестовано и выслано в тыловые районы СССР 389382 поляка. Из них 120962 человека попали в тюрьмы, лагеря и места ссылки, еще 243106 поляков получили статус спецпереселенцев (осадники и др.) и 25314 человек находились в лагерях для военнопленных⁴. На территорию Чкаловской области на спецпоселение было направлено 614 человек⁵.

После того как Польским эмиграционным правительством и советским руководством было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений и дополнительный протокол к нему «О предоставлении амнистии всем польским гражданам, находившимся на территории СССР в качестве военнопленных или на других основаниях», положение польских граждан изменилось. 12 августа 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ об амнистии польских граждан, которым дано право свободно покинуть спецпоселения, места ссылки и высылки. Кроме того, им выдавались

бесплатные билеты на проезд по железной дороге или на водном транспорте до выбранного места жительства, а также по 15 рублей суточных на питание⁶. При этом следует отметить, что подобные льготы предоставлялись не всем бывшим польским гражданам, а только полякам, освобожденным из мест заключения⁷. Местные органы власти получили предписание оказывать содействие освобожденным полякам, в первую очередь женщинам с детьми, в трудоустройстве и жилищном обустройстве. Польские граждане могли получить вид на жительство, гражданство СССР или получить паспорт для лиц без гражданства. Всего, по данным на сентябрь 1941 г., из тюрем и лагерей были освобождены 50295 человек, из спецпоселков, мест ссылки и высылки – 265248 человек и еще были освобождены 26297 военнопленных⁸. В целом же после принятия Указа от 12 августа 1941 г. был амнистирован 389041 человек.

Основным районом формирования польских частей стала Чкаловская область (за исключением 5-й дивизии, которая дислоцировалась в Татищево Саратовской области). Неудивительно поэтому, что значительная часть бывших польских граждан устремилась в Чкаловскую область и непосредственно в г. Бузулук, где разместился штаб польской армии. Отдельные подразделения размещались также в Тоцком (запасной полк) и близ села Колтубанка (резервный полк). Сюда же прибывали и семьи польских солдат. Многие из поляков, прибывающих в Чкалов по железной дороге, попадали в эвакопункт, организованный на вокзале. В нем царили «...невообразимая скученность, завшивленность и эпидемии»⁹.

Здесь же, на вокзале, размещалась и комендатура по обслуживанию польских граждан. Заместитель начальника отдела железнодорожной милиции Кокуев был вынужден просить предоставить отдельное помещение для польских граждан, прибывающих в Чкаловскую область с целью вступления в польскую армию, а также перевести из здания вокзала управление польской комендатуры.

Таким образом, на территории области, даже после эвакуации армии Андерса в Иран, скопилось достаточно большое количество поляков и бывших польских граждан.

15 января 1943 г. СНК СССР было принято решение о проведении паспортизации бывших польских граждан, проживающих на территории Советского Союза. На территории Чкаловской области кампанию по паспортизации поляков планировалось начать с 10 марта 1943 г. Предполагая, что часть бывших польских граждан попытается уклониться от получения советских паспортов, секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) Г. Денисов дал указание всем секретарям горкомов и райкомов области оказать необходимое содействие органам НКВД и милиции в обеспечении явки поляков в районные отделы НКВД. Туда же предписывалось направлять всю информацию о лицах, уклоняющихся от паспортизации, а также принимать меры к их задержанию и принудительной доставке в райотделы НКВД.

Поляки, не подлежащие мобилизации, обеспечивались работой, средствами к существованию и местом жительства наравне с остальными советскими гражданами. Большинство из них были направлены для работы в совхозы и колхозы.

Некоторая дополнительная помощь им оказывалась за счет благотворительных грузов, получаемых по линии польского посольства. На местах для распределения поступающих грузов был сформирован институт доверенных лиц. Однако неконтролируемая благотворительная деятельность польского посольства не устраивала советское руководство. Так, в феврале 1943 г. поляки, проживающие в Соль-Илецком и Акбулакском районах, обратились в свое посольство с просьбой об оказании им материальной помощи. К заявлению прилагались списки поляков, удостоверенные председателем колхоза «Ащебутак» Гильденбрантом и начальником строительства Акбулакского мелового завода Бугаецом, и письменное подтверждение последними добросовестного отношения поляков к работе, а также их крайней нуждаемости в одежде и обуви. Это было расценено областным руководством как грубая политическая ошибка, как проведение антисоветской деятельности и клевета на советскую власть¹⁰.

После принятия 21 мая 1943 г. постановления СНК СССР «О мерах улучшения материальной помощи полякам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР» распределение всех благотворительных грузов было передано в систему Наркомторга, где было создано специальное Управление особой торговли (Упрособторг). В распоряжение Упрособторга были переданы все 11 торговых баз польского посольства, существовавших в СССР, в том числе и в г. Чкалове. Вся работа по руководству снабжением польского населения возлагалась на уполномоченных Наркомторга,

в ведении которого находился базовый склад благотворительных грузов, поступающих из-за границы. Летом 1943 г. в районы Чкаловской области было отправлено закрытое письмо за подписью секретаря обкома ВКП(б) и председателя облсовета, в котором говорилось о передаче всех благотворительных грузов, ранее находившихся в ведении польского посольства, в систему Наркомторга¹¹. На чкаловскую базу Упрособторга первоначально возлагалась задача обслуживания всех бывших польских граждан, проживающих в Чкаловской и Актюбинской областях, а также в Башкирской АССР¹². Позднее помимо этих регионов за чкаловской базой были закреплены Куйбышевская, Ульяновская, Кзыл-Ординская, Западно-Казахстанская (Уральская) и Гурьевская области¹³.

Наркомторгом был распространен приказ, в соответствии с которым предписывалось создание на местах из числа бывших польских граждан комиссий содействия. В задачи этих комиссий входило осуществление помощи уполномоченным Наркомторга в работе по распределению благотворительных грузов. Членов комиссий содействия предписывалось избирать на общих собраниях поляков прямым и открытым голосованием. Комиссии создавались по принципу межрайонного кустового обслуживания. От каждого района в комиссию должно было избираться по одному представителю. Всего в Чкаловской области к июню 1943 г. проживало 5928 поляков (по другим данным – 5999 человек)¹⁴. В Таблице 1 приведены сведения о кустовании районов Чкаловской области по организации обслуживания польского населения.

Вопросам формирования комиссий содействия придавалось большое политическое значение. Местные власти допускали возможность «...попыток отдельных вражеских элементов, из числа бывших польских граждан, в состав комиссий содействия протащить нежелательных лиц»¹⁵. Ввиду этого чкаловский исполком облсовета и обком ВКП(б) приняли решение возложить ответственность за непосредственное руководство проведением общих собраний бывших польских граждан и за осуществление выборов комиссий содействия непосредственно на райсоветы и районные комитеты ВКП(б). Последним рекомендовалось немедленно приступить к подбору лояльно настроенных к советской власти кандидатур членов комиссий, положительно проявивших себя на работе в совхозах и колхозах, на промышленных предприятиях. Поощрялось включение в списки польских граждан – участников Отечественной войны, демобилизованных по ранению из рядов советской армии, постоянно проживающих до 1939 г. на территории Западной Украины или Белоруссии. Кроме того, рекомендовалось ввести в состав комиссий выходцев из Польши, состоящих в рядах ВКП(б) или ВЛКСМ, а также членов семей поляков, мобилизованных в дивизию имени Тадеуша Костюшко. Параллельно контроль за ходом формирования комиссий содействия осуществлялся районными отделами НКГБ. Чтобы намеченные кандидаты не были провалены общим собранием, предписывалось обязать поляков – членов ВКП(б) и ВЛКСМ принять активное участие в проведении агитации участников собрания голосовать за намеченных кандидатов, а также выступить на собрании в их защиту.

Здесь следует отметить, что численность поляков в областной парторганизации значительно выросла в годы войны. Если на период начала войны в парторганизации числилось 50 поляков, то к началу 1943 г. их было уже 137 человек (108 членов партии и 29 кандидатов)¹⁶. Само собрание рекомендовалось созывать только после тщательной подготовки и по всему межрайонному кусту в один день. Это, по мнению областного руководства, не даст антисоветски настроенным полякам возможности сориентироваться и выработать общую тактику поведения для того, чтобы «...отрицательно повлиять на исход дела»¹⁷. Вместе с тем общие собрания по всем районам предписывалось провести не позднее 10 июля 1943 г.

В большинстве районов выборы в комиссии содействия состоялись именно 10 июля. В Таблице 2 обобщены данные о лицах, избранных в комиссии по некоторым районам Чкаловской области. Эти данные еще раз подтверждают, что среди бывших польских граждан достаточно велико было представительство евреев, которые принимали самое активное участие в общественной жизни.

В целом по стране, по данным на июнь 1944 г., через базы Упрособторга обслуживалось 329225 польских граждан, в том числе через чкаловскую базу – 34150 человек¹⁸. За весь период своего существования, с 1 июля 1943 г. по 1 июня 1946 г., чкаловской базой было распределено промышленных и производственных товаров на сумму 3 млн. 983 тыс. 233 рубля¹⁹. При распределении продуктов в первую очередь учитывались нужды польских детей. Только в польской школе, располагавшейся в г. Соль-Илецке, на начало 1943/44 учебного года обучалось

52 ребенка. Еще 123 ребенка в возрасте до 14 лет находились в г. Орске. 26 польских детей обучались в школе в с. Кваркено²⁰. В польской школе, располагавшейся по ул. Орджоникидзе, 81, г. Чкалова, училось 68 детей²¹. Однако эта помощь не всегда была достаточна. Местные власти, не смотря на многочисленные трудности, вынуждены были оказывать полякам, находящимся в бедственном положении, дополнительную помощь. Так, 1 июля 1944 г. для голодающих поляков была открыта в Оренбурге раздаточная кухня, способная обслуживать 150-200 человек.

Несмотря на то что местные органы власти старались создать для поляков хотя бы самые необходимые бытовые условия, заботились об их трудоустройстве, сам факт того, что эти люди проживали в буржуазной Польше, вызывал определенные опасения и стремление ограничить контакты бывших польских граждан с местными жителями. Так, руководство некоторых колхозов и совхозов просто запрещало молодежи общаться с поляками. 14 мая 1943 г., выступая на партийном собрании в совхозе им. В.М. Молотова, инструктор обкома ВКП(б) Шавдонина отметила: «Польские граждане у Вас больше влияют на рабочих, чем Ваша парторганизация»²².

В 1944 г. в Чкаловской области было организовано областное правление Союза Польских патриотов (СПП). К июню 1944 г. в районах области насчитывалось уже девять местных правлений: в Чкалове, Бугуруслане, Бузулуке, Орске, Соль-Илецке, Краснохолме, Новотроицке, Сорочинске и Покровке.

Был разработан Устав СПП, в соответствии с которым высшим (в документе

– «верховным») органом Союза являлся съезд, а постоянно действующим руководящим органом – Главное Правление и выделенный им Президиум, который должен был располагаться в Москве.

Основными целями деятельности СПП в соответствии с Уставом являлись:

- 1) помощь польскому народу в освобождении Польши от немецкого ига;
- 2) вооруженная борьба вместе с Красной армией против гитлеровских захватчиков;
- 3) борьба за восстановление суверенных прав и независимости Польского государства;
- 4) борьба за восстановление парламентарно-демократического строя;
- 5) удовлетворение материальных, культурных и других нужд поляков в СССР;
- 6) укрепление дружеских связей между польским народом и народами СССР.

Для достижения указанных целей СПП брал на себя функции по организации вооруженных польских частей, по оказанию всевозможной помощи борющейся с немецкими захватчиками Польше. Кроме того, СПП планировал проведение широкой пропагандистской деятельности с точки зрения национальных польских интересов «...для восстановления в результате победоносного окончания войны независимой и демократической Польши, свободной и сильной»²³. Более того, Союз возложил на себя полномочия выступать как представитель духовных и материальных интересов Польши в СССР. В сфере удовлетворения духовных запросов поляков, проживающих в СССР, Союз предполагал организовать сотрудничество с советскими властями в вопросах организации и обеспечения деятельности польских школ, культурно-просветительских организаций, а также

организации общественной помощи. СПП планировал издание польской литературы, культурно-просветительных брошюр, учебников, художественной литературы. Издание «Вольна Польша» объявлялось центральным органом печати СПП.

Согласно разработанному Уставу членом СПП мог стать каждый поляк, проживающий в Советском Союзе, солидаризующийся с целями деятельности Союза и платящий членские взносы. В обязанности каждого члена входило содействие своим участием в вооруженной борьбе или самоотверженной производственной или общественной работе к победе в освободительной войне с «гитлеровскими варварами».

Вполне объяснимо, что далеко не все пункты данного Устава могли удовлетворить советское и партийное руководство, поэтому широкого развития деятельность Союза Польских патриотов не получила. Однако местные отделения продолжали свою деятельность. Правление СПП в СССР располагалось в г. Чкалове по адресу ул. Цвиллинга, 51. Председателем областного правления был избран Крынский, ответственным секретарем стал Крупко.

Летом 1944 г. состоялась областная конференция представителей польского населения в Чкаловской области, на которой рассматривался вопрос «О работе Союза Польских патриотов в области». На конференции было принято решение организовать там, где сконцентрировано большое количество поляков, местные правления СПП. В местах, где польское население было немногочисленно, предлагалось организовать кружки СПП. В культурно-просветительной сфере было решено организовать общеобразова-

тельные курсы и курсы для ликвидации неграмотности, польские уголки и клубы, библиотеки, хоровые и драматические кружки, устраивать литературные вечера. Кроме того, на местах, там, где имеются соответствующие условия, предлагалось связаться с отделами народного образования с тем, чтобы организовать польские школы, детские сады и ясли. Национальные праздники предлагалось проводить массово, с приглашением советских граждан. Для популяризации идей СПП рекомендовалось использовать стенные газеты, фотомонтажи, плакаты с польскими лозунгами. Дружескую связь с советскими людьми предлагалось устанавливать путем самоотверженной работы на предприятиях, а также с помощью активного участия во всех общих советских мероприятиях. Члены областной конференции рекомендовали всем полякам «...неустанно разоблачать антипольскую враждебную деятельность клики Сосновских, Андерсов и т.н. Лондонского правительства»²⁴ и окружить всеобщей любовью вождей борющегося народа и вождей Советского Союза.

Другой вопрос, который рассматривался на этом совещании, касался организации деятельности областной комиссии общественной помощи, которая, по мнению участников конференции, должна была формироваться на общих собраниях поляков. Институт районных уполномоченных, таким образом, предлагалось ликвидировать. На предприятиях, где работало значительное количество поляков, предлагалось создавать еще и бытовые комиссии для обследования материального положения поляков. Комиссии общественной помощи должны были

следить за тем, чтобы все виды общей помощи, предусмотренные советскими органами власти для семей военных инвалидов и эвакуированных, охватывали и всех имеющих право пользоваться этой помощью поляков. Для организации медицинской помощи предлагалось активнее использовать поляков-врачей.

В октябре 1944 г. состоялись районные совещания СПП в городах Бузулуке, Орске и Чкалове, на которых был дан обзор международной обстановки, а также были заслушаны отчеты местных правлений СПП.

По данным на 1 января 1944 г. в Чкаловской области проживало 8200 поляков. Через год их численность сократилась до 7800 человек. После окончания войны советское руководство приступило к выстраиванию новой системы взаимоотношений с польским государством. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1945 г. устанавливалось, что лица польской и еврейской национальностей и члены их семей, переселяющиеся из СССР в Польшу, признавались вышедшими из советского гражданства с момента их выезда из Советского Союза. 10 ноября 1945 г. СНК СССР было принято специальное секретное постановление, направленное на упорядочение взаимоотношений СССР и Польши. В нем предусматривалась возможность возвращения бывших польских граждан к себе на родину. Была создана Советско-польская комиссия по эвакуации, в состав которой вошли по три представителя от каждого государства. Постановлениями этой комиссии от 14 декабря 1945 г. и 6 января 1946 г. были разработаны и утверждены инструкции о

порядке приема, рассмотрения заявлений и утверждения на выезд из СССР в Польшу польских граждан, а также указание по организации отправки в Польшу принудительно переселившихся²⁵. Советско-польское соглашение, заключенное 6 июля 1946 г., разрешало репатриацию бывших польских граждан. На местах были созданы специальные комиссии, которые занимались составлением списков польских граждан, желающих переселиться в Польшу, оформлением эвакуационных удостоверений, были разработаны графики отправки на родину.

Окончательным сроком регистрации польских граждан, желающих выехать в Польшу, СНК СССР было установлено 31 декабря 1945 г., а срок их выезда на родину – до 15 июня 1946 г. Наркомпросу СССР было дано поручение обеспечить в период с 1 ноября 1945 по 15 июня 1946 г. эвакуирующихся поляков в Польшу. По состоянию на 1 ноября 1945 г. только по Украинской, Белорусской и Литовской ССР было записано 1439759 польских граждан, желающих выехать в Польшу, из них 734729 человек уже выехали. Параллельно шел процесс переселения из Польши в СССР украинского, белорусского и литовского населения²⁶.

С 11 по 17 июня 1945 г. в Чкалове проходило заседание областного совещания работников Союза Польских патриотов, на которое были приглашены представители из 44 районов области. На совещании обсуждался вопрос о реэвакуации, которую рекомендовалось осуществить спокойно, без «горячки»²⁷.

К началу 1946 г. численность польского населения в Чкаловской области сократилась до 5114 человек. Списки польских

граждан, утвержденные комиссией к переселению в январе 1946 г., увеличились до марта этого же года почти в два раза. Из Чкаловской области в этот период было отправлено 4 эшелона, состоящих в общей сложности из 200 вагонов, в которых отбыло в Польшу 4250 человек²⁸. К июню 1946 г. неотправленными остались: из Чкаловской области – 300 поляков и из Челябинской области – 6000 поляков, которых планировалось отправить на родину до 1 июля 1946 г.²⁹

Всего же в СССР по состоянию на середину августа 1946 г. было учтено 247460 польских переселенцев. Некоторые из них впоследствии отказались от выезда в Польшу (1273 человека) или не получили эвакуационных удостоверений (2748 человек). 3471 человеку в выходе из советского гражданства и выезде из Советского Союза в Польшу было отказано, как не подпадающим под действие Советско-польского соглашения. На родину были отправлены в общей сложности 228814 бывших польских граждан. На всю процедуру переселения было израсходовано 8777 тыс. рублей³⁰. Также следует отметить, что по данным на июнь 1945 г. в лагерях и тюрьмах НКВД СССР находились 25047 польских граждан, в том числе: в лагерях интернированных – 12280 человек, в пунктах фильтрации – 9185 человек, в лагерях ГУЛАГа – 2285 человек, во фронтовых лагерях и тюрьмах – 1297 человек. Кроме того, в лагерях НКВД для военнопленных находились 3273 поляка, служивших в немецкой армии и попавших в плен в составе немецких частей, а также еще 7202 человека, мобилизованных в рабочие батальоны из немецкой Силезии и считающих себя поляками³¹.

Таблица 1.

**Кустование районов Чкаловской области
по организации обслуживания польского населения³²**

Куст. Район	Кол-во обслуживаемого населения	Куст. Район	Кол-во обслуживаемого населения
Куст № 1	311	Куст № 5	917
Бугурусланский район	110	г. Чкалов	72
Асекеевский район	35	Чкаловский район	433
Краснопартизанский район	7	Павловский район	162
Секретарский район	4	Сакмарский район	37
Сок-Кармалский район	6	Октябрьский район	17
Мордово-Боклинский район	5	Белозерский район	37
Абдулинский район	98	Александровский район	8
Пономаревский район	29	Троицкий район	11
Матвеевский район	17	Екатериновский район	14
Куст № 2	867	Буртинский район	126
Бузулукский район	529	Куст № 6	520
Державинский район	9	Соль-Илецкий район	330
Грачевский район	56	Буранный район	105
Курманаевский район	127	Тепловский район	85
Тоцкий район	98	Куст № 7	483
Андреевский район	48	Акбулакский район	483
Куст № 3	854	Куст № 8	578
Сорочинский район	477	Кувандыкский район	35
Свердловский район	88	Саракташский район	109
Ташлинский район	223	Зиянчуринский район	31
Люксембургский район	66	Медногорский район	338
Куст № 4	449	Гавриловский район	65
Покровский район	54	Куст № 9	949
Переволоцкий район	92	Орский район	181
Новосергиевский район	68	Халиловский район	122
Мустаевский район	125	Ново-Покровский район	133
Краснохолмский район	54	Новоорский район	38
Илекский район	56	Кваркенский район	255
		Домбаровский район	87
		Адамовский район	133
ИТОГО		5928	

**Бывшие польские граждане, избранные 7-10 июля 1943 г.
в комиссии содействия по Чкаловской области³³**

Район	Ф.И.О	Биографические данные
Абдулинский район	Карженевский Александр Емельянович	Бывший участник партизанского отряда
Адамовский район	Высоцкий Павел Флорионович	Рабочий Гильдинского мясовохоза
Акбулакский район	1. Арбайтман Яков Ушеревич; 2. Медведь Исак Моисеевич; 3. Шпигель Елиияш Израилевич	– Электрик мельзавода (1914 г.р., по нац. – еврей). – Шлакоуборщик на ж/д станции Акбулак (1917 г. р., по нац. – еврей) – Рабочий колхоза «Степная Правда». (1914 г. р., по нац. – еврей)
Александровский район	Сообщено, что бывших польских граждан нет	
Андреевский район	Вербинский Пантелеймон Иванович	(1913 г. р., по нац. – поляк)
г. Бугуруслан	Гутенбаум Иосиф Яковлевич	Учитель с/ш г. Бугуруслана (1908 г. р, по нац. – еврей)
Буранный район	Зрениячный Хаим Абрамович	Рабочий к/х им. Персиянова
Державинский район	Шмур Шмэжэр Янкелевич	(1920 г. р., по нац. – еврей)
Домбаровский район	Сидорчук Василий Абрамович	Забойщик на шахте № 1. 1918 г.р.)
Краснохолмский район	Бойко Семен Абелевич	Учитель черчения и рисования
Кувандыкский район	Эльстер Сарра Фраимовна	Раб. в детдоме Краснознаменского с/с
Люксембургский район	Замаринский Степан Николаевич	Прожив. в с. Яшкино (1919 г.р., по нац. – украинец)
Медногорский район	Крицун Святослав Иванович	Подземный рабочий Блявинского рудника. (1903 г.р.)
Ново-Покровский район	1. Сотковская Гея Александровна; 2. Ганишер Дануга Францевна; 3. Манжос Нина Михайловна.	– работница к/х «Новый Быт». (1923 г. р., по нац. – полячка); – работница к/х «Мотор». (1925 г. р.); – операционист на Саринском элеваторе. (1918 г. р.)
Павловский район	Нусгель Лейзер Ушеревич	Бригадир полеводческой бригады к/х им. К. Либкнехта
Пономаревский район	Минешко Владислава Мечиславовна	Учительница Пономаревской с/ш. (1908 г. р., по нац. – полячка)
Ташлинский район	Ходыш Исак Израилевич	Парикмахер Ташлинского м/совхоза (1909 г. р., по нац. – еврей)
Тепловский район	Вень Франц Иосифович	Рабочий на ферме с/х им. Володарского (1895 г.р., по нац. – поляк)
Халиловский район	Левен Евгения Ивановна	Работница к/х «Волна революции». (1907 г. р, по нац. – полячка)
Чкаловский район	Лец Отто Моисеевич	–

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Такое название в период с 1938 по 1957 г. носила Оренбургская область.
2. ГАОО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.
3. За особые заслуги в советско-польской войне 1920 г. бывшие военнослужащие польской армии получили землю в районах с преобладающим украинским и белорусским населением, где, кроме всего прочего, осуществляли и определенные полицейские функции по отношению к местному населению.
4. ГАРФ. Ф.Р.-9401. Оп.2. Д.64. Л.379-380.
5. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. – С. 78.
6. Федорова А.В. Армия Андерса на Урале // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сборник материалов (статей и тезисов). – Оренбург: «Димур», 1996. – С. 70-71.
7. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 116. Л. 434.
8. Федорова А.В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сборник научных трудов. – Оренбург, 1994. – С. 47.
9. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л. 128.
10. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 1.
11. Судоргина Т.В. Гриф «секретно» – снят // Великая Отечественная и Южный Урал (1941-1945 гг.). Сборник статей и материалов / Под ред. А.В.Федоровой. – Оренбург: «Димур», 1995. – С. 7.
12. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 155. Л. 9.
13. Дьяконова Н.Ю. Поляки в Чкаловской области (1939-1946 гг.) // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сборник материалов (статей и тезисов). – Оренбург: «Димур», 1996. – С. 60.
14. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 42-43.
15. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 4.
16. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 154. Л. 76; Оп. 6. Д.90. Л. 1; Оп. 7. Д. 81. Л. 41.
17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 4 об.
18. Решетова О.И. Выполнение правовых актов о поляках в годы Великой Отечественной войны // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Сборник материалов (статей и тезисов). – Оренбург: «Димур», 1996. – С. 66.
19. ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 82. Л. 1 об.
20. Федорова А.В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сборник научных трудов. – Оренбург, 1994. – С. 51.
21. ГАОО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 55. Л. 362.
22. Цит. по: Федорова А.В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность. Сборник научных трудов. – Оренбург, 1994. – С. 52.
23. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 4-5.
24. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 6.
25. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. – С. 163.
26. ГАРФ. Ф.Р.– 9401. Оп. 2. Д. 100. Л. 481-482.
27. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 535. Л. 11.
28. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 3. Д. 175. Л. 126.
29. ГАРФ. Ф.Р.5446. Оп. 49. Д. 3626. Л. 75.
30. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. – С. 165.
31. ГАРФ. Ф.Р.– 9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 343-344.
32. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 6.
33. Составлено по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 73. Л. 7-40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕНКО

Майя Александровна – студентка 3-го курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

АМАНЖОЛОВА

Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой общественных наук Института туризма и гостеприимства (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» (г. Москва)

АХМЕТОВ

Рамис Мидхатович – студент 2 курса факультета ветеринарной медицины и биотехнологий Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

АХМЕТОВА

Улжан Толегенкызы – доктор исторических наук, доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан)

БАЛЫКОВА

Аккайын Муратовна – кандидат исторических наук, доцент Западно-Казахстанского инженерно-гуманитарного университета (г. Уральск)

БЕЛОВА

Анастасия Вадимовна – студентка 1 курса экономического факультета Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

БРАТУХИН

Николай Кириллович – начальник штаба – первый заместитель командующего 31-й ракетной армией, генерал-майор (г. Оренбург)

БУГАЙ

Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва)

ВАГАПОВА

Регина Радиковна – ученица 8-го класса МОАУ «Гимназия № 1» г. Оренбурга

ГРИГОРЬЕВА

Надежда Николаевна –

студентка 1-го курса направления бакалавриата «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ГРИШАКОВА

Лариса Валерьевна –

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

ГОДОВОВА

Елена Викторовна –

кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Оренбург)

ДЕНИСОВ

Денис Николаевич –

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ДЕРГУНОВА

Дарья Владимировна –

студентка 1-го курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ДУБОВИЦКИЙ

Виктор Васильевич –

доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

ЕВСЕЕВА

Елена Вячеславовна –

студентка 3-го курса специальности «История» юридического факультета Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (г. Сибай)

ЕЛЬЧАНИНОВ

Сергей Иванович –

председатель Оренбургской областной молодежной общественной организации «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот», учитель физкультуры МОБУ СОШ №32 г. Оренбурга

ЕЛЬЧАНИНОВА

Наталья Анатольевна –

руководитель музея, учитель ОБЖ МОБУ СОШ №32 г. Оренбурга

ЗЛОБИН

Юрий Петрович –

кандидат исторических наук,
доцент, зав. кафедрой
истории России, старший
научный сотрудник НИИ
истории и этнографии
Южного Урала Оренбургского
государственного
университета
(г. Оренбург)

КАН

Валерия Сергеевна –

кандидат исторических наук,
эксперт Сети этнологического
мониторинга EAWARN ведущий
научный сотрудник сектора
социологии и политологии ТИГИ
(г. Кызыл)

КИМ

Галина Петровна –

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
старший научный
сотрудник НИИ истории
и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного
университета
(г. Оренбург)

КИРЯКМАСОВА

Александра Александровна –

студентка 2-го курса
направления бакалавриата
«История» факультета
гуманитарных и социальных наук
Оренбургского государственного
университета
(г. Оренбург)

КОБДАБАЕВА

Айгерим Батырбековна –

магистр истории
Западно-Казахстанского
инженерно-гуманитарного
университета
(г. Уральск, Казахстан)

КОВРЕДОВ

Александр Викторович –

студент 1-го курса направления
бакалавриата «Строительство»
архитектурно-строительного
факультета Оренбургского
государственного университета
(г. Оренбург)

КОЖУШКОВ

Евгений Викторович –

студент 1-го курса направления
бакалавриата «Конструкторско-
технологическое обеспечение
машиностроительных производств»
Аэрокосмического института
Оренбургского государственного
университета
(г. Оренбург)

КОЗЛОВ

Юрий Яковлевич –

краевед с. Агаповка Агаповского района
Челябинской области

КОКШАРОВ

Александр Дмитриевич –

кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры истории
России, младший научный сотрудник
НИИ истории и этнографии Южного
Урала Оренбургского государственного
университета (г. Оренбург)

КУСМУХАМБЕТОВА

Айнура Галимовна –

студентка 2-го курса направления бакалавриата «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

КУРАМШИНА

Дина Фаритовна –

студентка 3-го курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ЛАЗЕБНИК

Юлия Сергеевна –

студентка 1-го курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ЛЕОНОВА

Любовь Викторовна –

ученица 11-го класса МОАУ «Лицей №4» г. Оренбурга

ЛЕСИНА

Елена Анатольевна –

студентка 1-го курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ЛЕТУТА

Сергей Николаевич –

проректор по научной работе Оренбургского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор (г. Оренбург)

ЛЮКШИНА

Ирина Викторовна –

кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

МАКЕДОНСКИЙ

Александр Александрович –

студент 1-го курса специальности «Фундаментальная и прикладная химия» химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

МОРГУНОВ

Константин Алексеевич –

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

МОСОЛОВА

Екатерина Вячеславовна – студентка 3-го курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

МУРЗАКАЕВА

Джамия Илгизовна – студентка 3-го курса специальности «История» факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

МУХАНГАЛИЕВА

Жанар Кажмуханбетовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан)

НАДРШИН

Фарид Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

ПАЛКИН

Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института степи УрО РАН (г. Оренбург)

ПОПОВА

Ксения Юрьевна – научный сотрудник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

РАХИМОВ

Рамиль Насибуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (г. Москва)

РАЩУПКИНА

Анастасия Юрьевна – студентка 1-го курса лечебного факультета Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург)

РОДИНА

Дарья Евгеньевна – студентка 1-го курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

САВИНОВА

Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, библиограф Института степи УрО РАН (г. Оренбург)

Салманова

Вера Дмитриевна – студентка 1-го курса направления бакалавриата «Строительство» архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Свирид

Юлия Владимировна – ассистент кафедры истории России Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

Семенов

Владимир Геннадьевич - кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Семенов

Олег Владимирович – студент 1-го курса направления бакалавриата «Экономика» финансово-экономического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

СЕМЕНОВА

Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, заместитель директора государственного бюджетного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург)

СОБАЧКИНА

Яна Евгеньевна – студентка 1 курса экономического факультета Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург)

СПИРИНА

Оксана Сергеевна – студентка 1-го курса направления бакалавриата «Химия» химико-биологического факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург)

ТОГОБИЦКИЙ Иван –

ученик 9-го класса МОБУ СОШ №72 г. Оренбурга.

ТУКЕШЕВА

Назгуль Мукатаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан)

УСТИНОВА**Ольга Юрьевна –**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
Отечества Оренбургского
государственного аграрного
университета
(г. Оренбург)

ФЕДОРОВА**Алла Владимировна –**

доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой
истории Отечества Оренбургского
государственного аграрного
университета
(г. Оренбург)

ФУТОРЯНСКИЙ**Леонид Иосифович –**

доктор исторических наук,
профессор, научный
консультант НИИ истории
и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного
университета
(г. Оренбург)

ХИСАМУТДИНОВА**Равиля Рахимьяновна –**

доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой
истории и методики преподавания
истории и обществознания
Оренбургского государственного
педагогического университета
(г. Оренбург)

ШМАКОВА**Наталья Николаевна –**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей
истории и методики
преподавания истории
и обществознания
Оренбургского
государственного
педагогического
университета
(г. Оренбург)

ШУРБАЕВ**Кайрат Кимерканович –**

аспирант НИИ истории
и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного
университета (г. Оренбург)

ЯЗЫКБАЕВА**Айгуль Рамильевна –**

студентка 2-го курса
направления
бакалавриата «История»
факультета гуманитарных
и социальных наук
Оренбургского
государственного
университета
(г. Оренбург)

СОДЕРЖАНИЕ

**ДОКЛАДЫ
УЧАСТНИКОВ
ПЛЕНАРНОГО
ЗАСЕДАНИЯ**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Летуга С.Н.	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Братухин Н.К.	5
СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ЕЕ ВСЕМИРНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ Хисамутдинова Р.Р.	7
ЧКАЛОВЦЫ ЗАЩИЩАЮТ СТАЛИНГРАД Федорова А.В.	20
«НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...»: ИСТОРИЯ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ Ельчанинов С.И., Ельчанинова Н.А.	25
МОЙ ПРАДЕД – УЧАСТНИК СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ Алексенко М.А.	31
ОРЕНБУРГСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ЛИНИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА Злобин Ю.П.	35
ЛЮТЕРАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПАСТОРЫ ОРЕНБУРГСКОГО ОКРУГА В 1767–1896 ГГ. Денисов Д. Н.	46
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ПУГАЧЕВА Е.И. (1773–1775 ГГ.) В КОНЦЕПЦИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К 240-ЛЕТИЮ С НАЧАЛА ВОЙНЫ) Палкин А.Г.	61

СЕКЦИЯ 1

Народы Южного Урала
в военной истории
Российского
государства

БАШКИРСКО-МЕЩЕРЯКСКОЕ ВОЙСКО В ОСВОДИТЕЛЬНОМ ПОХОДЕ 1813 ГОДА <u>Рахимов Р.Н.</u>	68
ИСТОРИЯ ЯИЦКОГО КАЗАЧЕСТВА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. <u>Ахметова У.Т., Мухангалиева Ж.К.</u>	76
ФОН ВИННИНГИ. ОТЕЦ И СЫН <u>Семенов В.Г., Козлов Ю.Я.</u>	83
ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ПРОБЛЕМА УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. <u>Годовова Е.В.</u>	91
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА И.Ф. МАНШЕР (1840–1895) <u>Денисов Д.Н.</u>	98
ПЕСНИ КАЗАЧЕСТВА ОРЕНБУРЖЬЯ <u>Свирид Ю.В.</u>	101
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ БАШКИР <u>Надршин Ф.М.</u>	107
РОЛЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА (СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ И УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЙ) <u>Дубовицкий В.В.</u>	115

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА	
<u>Ахметова У.Т., Тукешева Н.М.</u>	124
НАУЧНАЯ И ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ ПИОТРОВСКИХ	
<u>Семенов В.Г., Семенов О.В.</u>	132
ОРЕНБУРГСКИЙ ОТДЕЛ КАЗАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ	
<u>Савинова Т.Н.</u>	146
ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА В ВОЙНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	
<u>Шурбаев К.К.</u>	150
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ТЫЛОВЫХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
<u>Аманжолова Д.А.</u>	158
ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ К РАБОТАМ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
<u>Шмакова Н.Н.</u>	166
ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
<u>Бугай Н.Ф.</u>	173
13-Я ГВАРДЕЙСКАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД	
<u>Футорянский Л.И.</u>	179

О НАСТРОЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГБУ «ЦДН ИОО») Попова К.Ю.	183
СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Моргунов К.А.	188
ОРЕНБУРЖЦЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ ДОКУМЕНТОВ ГБУ «ЦДН ИОО» «СТАЛИНГРАД – СИМВОЛ СЛАВЫ И ПАМЯТИ») Люкшина И.В.	195
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИО И ПРЕССЫ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.) Кан В.С.	203
ЖИЗНЬ В ТЫЛУ: ПИСЬМА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Ким Г.П.	209
ЛИЧНЫЙ ФОНД Н.В. КОПЫТОВА, УЧАСТНИКА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ, В ГБУ «ЦДН ИОО». ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ Семенова Т.С.	213
К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ЦЕННОСТИ БОЕВЫХ НАГРАД В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ Кокшаров А.Д.	216

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ
НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (1941–1945 ГГ.)**
Балыкова А.М. 220

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЯХ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ
ОБЛАСТИ В 1941–1945 ГГ.**
Кобдабаева А.Б. 224

**ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
В МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ
(1946–1953 гг.)**
Устинова О.Ю. 229

**НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ
ОРЕНБУРГСКОГО КОМСОМОЛА
ПО ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЕЖИ
К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В 50–60-Е ГГ. XX В.**
Гришакова Л.В. 235

**ОБРАЗ МОЛОДОГО БОЙЦА
КОНЦА 1930 – НАЧАЛА 1940-Х гг.
ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА**
Тугай Т.И. 242

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ.

Великая Отечественная Война
глазами молодежи.

События, факты, судьбы

СУДЬБА ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ
Курамшина Д.Ф. 250

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**
Рашупкина А.Ю. 252

ДОРОГОЙ ЖИЗНИ
Македонский А.А. 259

**ВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
НАШИХ БАБУШЕК**
Кирьякмасова А.А. 261

НА РЖЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ Спирина О.С.	268
ВОЕННОЕ ДЕТСТВО МОЕГО ДЕДА Мосолова Е.В.	270
ЕСТЬ ЛЮДИ ВЕЧНЫЕ ГОРЕНЬЕМ... Салманова В.Д.	273
ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ, МОЖЕТ БЫТЬ, НАПИШУТ НАШИ ПОТОМКИ Мурзакаева Д.И.	279
«МЕНЯ ХРАНИЛА СУДЬБА» Ковредов А.В.	287
РАССКАЗ МОЕЙ БАБУШКИ Леонова Л.В.	289
КАВАЛЕРИЙСКИМ МАРШЕМ ПО ЕВРОПЕ Родина Д.Е.	295
СТАЛИН, РУЗВЕЛЬТ, ЧЕРЧИЛЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ СОЮЗНИКОВ В РЕШЕНИЯХ ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Алексенко М.А.	300
СЕМЬЯ ЛЕСИНЫХ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Лесина Е.А.	304
ДЕТСТВО ВО ВРЕМЯ ОГНЯ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ, КАК И МНОГИХ ТЫСЯЧ Лазебник Ю.С.	307
43-Й ЗЕНИТНО-ПРОЖЕКТОРНЫЙ ПОЛК СТАЛИНГРАДСКОГО КОРПУСНОГО РАЙОНА ПВО Вагапова Р.Р.	311

ПОГРУЖЕНИЕ В ПАМЯТЬ Кожушков Е.В.	316
ЧЕРЕЗ КРОВЬ К СЧАСТЬЮ Языкбаева А.Р.	322
А ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ! Григорьева Н.Н.	325
РОДОСЛОВИЕ СЕМЕЙ ШЕРСТНЕВЫХ, БЕЛОУСОВЫХ–ХАЛИНЫХ В ПЕРИОД 1800–2013 ГОДОВ Тогобицкий И.	328
«ПОСЛЕДНИЙ БОЙ». ИРИКОВ НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Евсеева Е.В.	330
НЕ ДОЖИЛ ДО ПОБЕДЫ Дергунова Д.В.	332
ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ В НАШИХ СЕРДЦАХ Кусмухамбетова А.Г.	335
ВОЕННЫЕ ГОДЫ СЕМЬИ БЕЛАЛОВЫХ Белова А.В.	336
НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ Собачкина Я.Е.	337
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ БАШКИРСКОГО НАРОДА ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА Надршин Ф.М., Ахметов Р.М.	338
ПОЛЯКИ В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Моргунов К.А.	342
Сведения об авторах	355

Подп. в печать 11.03.2013. Формат 60x84 1/16 .

Бум. офсетная. Гарнитура «PragmaticaC». Печать цифровая.

Объем 10,5 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 571.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «ОГИМ»

460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, д. 16

Тел./факс: (3532) 30-50-00, доб. 127.

